

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

КАРНАУХОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

KARNAUKHOVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЖАНОВ С.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

BAZHANOV S.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., кандидат юридических наук, профессор, Университет правоохранительной службы Монголии	БОКНЧУЛУУНЫ В.-Е., Candidate of Legal Sciences, professor, University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)
ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Криминологический исследовательский центр Управления криминальной полиции Нижней Саксонии Федеративной Республики Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Criminological research center of the criminal police agency of Lower Saxony (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

СМАГУЛОВ А.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Институт законодательства
Министерства юстиции
Республики Казахстан

SMAGULOV A.A.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Institute of Legislation
of the Ministry of Justice
of the Republic of Kazakhstan
(Kazakhstan)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed
scientific journals (2015)**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association
Russian Association for Criminology

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 18.03.2016. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 24,4. Уч.-изд. л. 22,0.

Тираж 1000 экз. Заказ N 26. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Section 1. Methodology of law enforcement activities

- АНИСИН А.Л. «Исламское государство»: духовно-идеологические направления противодействия **8** ANISIN A.L. Islamic state: spiritual and ideological directions of counteraction
- АЛЕШИНА О.В. Фиктивный брак: проблема противодействия правонарушению **18** ALESHINA O.V. Sham marriage: problems of counteraction to offence
- СТЕПАНОВА Н.А. Классификация ошибок, допускаемых при производстве по уголовным делам **23** STEPANOVA N.A. Classification of errors made in criminal proceedings

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

Section 2. Human rights protection

- ДЕМИЧЕВ А.А. Природоохранная деятельность полиции **31** DEMICHEV A.A. Environmental protection activities of police
- МИКАИЛОВ С.М. Основные направления деятельности вневедомственной охраны полиции и новая Стратегия национальной безопасности России **37** MIKAILOV S.M. The main directions of the activities of private security service and the new Strategy of national security of Russia
- МАЙОРОВ В.И., КОРКИН А.В. Административная ответственность в области дорожного хозяйства **45** MAYOROV V.I., KORKIN A.V. Administrative responsibility in the road sector

Раздел 3. Уголовный закон

Section 3. Criminal Law

- САЛИМГАРЕЕВА А.Р. Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение **53** SALIMGAREEVA A.R. Criminal liability for negligent joint causing harm
- АНИСИМОВ В.Ф., ЧЕСНОКОВ М.В. Мошенничество в сфере кредитования: общий или специальный субъект преступления? **59** ANISIMOV V.F., CHESNOKOV M.V. Lending fraud: general or special subject of crime?
- МИНИН Р.В. Уголовная ответственность за несообщение о террористической деятельности **63** MININ R.V. Criminal liability for failure to report terrorist activities

РОГОВА Е.В., ПАРФИНЕНКО И.П. Наказания в современном уголовном праве России: новые перспективы и проблемы применения **67**

ROGOVA E.V., PARFINENKO I.P. Punishment in modern criminal law of Russia: new prospects and problems of application

Раздел 4. Криминологическая наука

Section 4. Criminology

ЖУБРИН Р.В. Профилактика легализации преступных доходов **74**

ZHUBRIN R.V. Prevention of money laundering

ТИХОНОВА С.С., КИСЕЛЕВА И.А., КОКУНОВ А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы **80**

TIKHONOVA S.S., KISELEVA I.A., KOKUNOV A.I. Technical and legal construction of single and alternative sanctions in codified criminal law: problem statement

ЕВДОКИМОВ К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации **86**

EVDOKIMOV K.N. The structure and the state of computer crime in the Russian Federation

Раздел 5. Пенитенциарная система

Section 5. Penitentiary system

ЗИНИНА Н.А. Административный надзор в предупреждении постпенитенциарной преступности: роль и эффективность **95**

ZININA N.A. Administrative supervision in the prevention of post-penitentiary crime: the role and efficiency

Раздел 6. Правоохранительная политика

Section 6. Law enforcement policy

СЕВРЮГИН В.Е. О концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и разрушении целостности института административной ответственности **100**

SEVRYUGIN V.E. On the concept of the new Code of administrative offences of the Russian Federation and destruction of the integrity of the institute of administrative responsibility

МОРГУНОВ С.В., ШАТИЛОВИЧ С.Н. Алгоритм разграничения составов противоправных деяний против порядка осуществления миграционного учета (статья 19.27 КоАП РФ и статья 322.3 УК РФ) **106**

MORGUNOV S.V., SHATILOVICH S.N. The algorithm for delineation of elements of unlawful acts against the procedure of migration registration (article 19.27 of the RF Code of administrative offences and article 322.3 of the RF Criminal Code)

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

Section 7. Criminal procedural review

БАЖАНОВ С.В. Признание незаконным привлечения лица в качестве обвиняемого и его заключения под стражу: должно ли прекращаться уголовное преследование? **117**

BAZHANOV S.V. Declaring illegal the acknowledgement of the person as an accused and taking him into custody: should the prosecution be terminated?

БАРАНОВА М.А., ГРИГОРЯН В.Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев

122 BARANOVA M.A., GRIGORYAN V.L. Admitting evidence inadmissible in judicial decisions on criminal cases: search of criteria

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

Section 8. Improving law enforcement practice

БАБУРИН В.В., БОЙКО О.А., ПАНОВ С.Л. Оборот контрафактных строительных материалов: детерминанты и меры противодействия

128 BABURIN V.V., BOYKO O.A., PANOV S.L. The turnover of counterfeit building materials: determinants and countermeasures

ФЕДОТОВА Ю.Г. Проблемы правового регулирования участия граждан в защите государственной границы Российской Федерации

133 FEDOTOVA Yu.G. Problems of legal regulation of citizens' participation in protection of the state border of the Russian Federation

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

СОЛОВЬЕВ К.А. Значение заключения судебно-баллистической экспертизы в установлении обстоятельств расследуемого события

142 SOLOVYOV K.A. The importance of the forensic ballistic examination's conclusions for establishing the circumstances of the investigated event

ПРОКОФЬЕВА Е.В., БАРИНОВА О.А., ПРОКОФЬЕВА О.Ю. Применение метода 3D моделирования при осмотре места совершения кражи

149 PROKOFIEVA E.V., BARINOVA O.A., PROKOFIEVA O.Yu. Use of 3D modeling during crime scene examination in cases of theft

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

Section 10. Comparative studies and foreign experience

АЛЕКСАНДРОВА Л.А., ЮЛДОШЕВ Р.Р. Институт преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан

156 ALEXANDROVA L.A., YULDOSHEV R.R. The institute of prejudice in the criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

ХАШИЕВА Т.М. Структура уголовно-процессуального права Республики Казахстан

164 KHASHIEVA T.M. The structure of criminal procedure law of the Republic of Kazakhstan

КОМАРОВ А.А. Компьютерное мошенничество в России и США: анализ количественных показателей за 2002-2012 гг.

172 KOMAROV A.A. Computer fraud in Russia and the USA: analysis of quantitative indicators for 2002-2012

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ТОРОПКИН С.А. Лишение сотрудников полиции права на пенсию: история и современность **178**

Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

TOROPKIN S.A. Forfeiture of the right for pension for police officers: history and the present

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

РУБИНИНА Э.Р. Понятие судебной системы современной России: новые подходы **184**

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

RUBININA E.R. The concept of the judicial system in modern Russia: new approaches

УРАКОВ Д.И. Мошенничество при получении выплат: требования к доказыванию **193**

URAKOV D.I. Fraud upon receipt of payments: requirements for proving

ФЕДОТОВА Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками **199**

FEDOTOVA Yu.E. Insulting religious feelings of believers and the criminal law: correction of mistakes

МАРИНА А.А. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: уголовно-правовой и криминологический анализ субъекта преступления **205**

MARINA A.A. Malicious evasion from payment of means for the maintenance of children or disabled parents: criminal-legal and criminological analysis of the subject of crime

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

<p>АНИСИН А.Л., доктор философских наук, доцент, anisin@bk.ru Кафедра философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75</p>	<p>ANISIN A.L., Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, anisin@bk.ru Chair of philosophy, foreign languages and humanitarian training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>
---	--

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»:

ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Реферат. Рассматривается проблема духовных оснований террористических искажений ислама, выражающихся в лозунге «Исламского государства». Последовательно рассмотрены четыре темы: взаимоотношения духовной и государственной власти в рамках ислама; понимание исламом сути, содержания и смысла религиозной жизни; отношение ислама к другим религиозным традициям; взаимоотношения различных версий ислама в связи с темой «истинного ислама». Государство понимается исламом как неотъемлемое продолжение религии. Нормы религиозной жизни, сформулированные в Коране и Сунне, предполагают, что большую часть общества составляют мусульмане, и нормами ислама внешне регулируются все сферы жизни не только мусульман, но и немусульманской части общества. Духовная жизнь понимается исламом как соблюдение Закона, данного свыше, а искренность веры измеряется тщательностью исполнения всего, что предписано. Ислам проводит резкую черту между язычеством и неисламскими формами единобожия (христианство и иудаизм), которые могут иметь законный статус в рамках «Исламского государства». Важнейшую роль в практике ислама играет истолкование текстов и норм. Наряду с традиционными правовыми школами в исламе давно возникают и развиваются экстремистские толкования веры, приводящие к созданию террористических организаций, претендующих уже на государственный статус. Осудить такие толкования с религиозных позиций невозможно, поскольку в исламе отсутствует понятие «ереси». Предложены формулировки богословско-правовых определений, осуждающих терроризм с религиозных позиций и устанавливающих по отношению к террористам и идеологам терроризма религиозные санкции, принятие которых в исламе могло бы стать действенным средством противодействия террористической угрозе.

Ключевые слова: «Исламское государство»; терроризм; экстремизм; исламизм; исламское богословие.

ISLAMIC STATE: SPIRITUAL AND IDEOLOGICAL DIRECTIONS OF COUNTERACTION

Abstract. The problem of spiritual bases of terrorist distortion of Islam, expressed in Islamic State slogan is analyzed. Four topics are considered: relationship of the spiritual and state power in Islam; understanding the nature, content and meaning of religious life by Islam; attitude of Islam to other religious traditions; relations between different versions of Islam concerning the issue of "true Islam". The state is understood by Islam as an integral continuation of the religion. The norms of religious life stated in Quran and Sunnah suggest that Muslims make up a large part of society and all spheres of life of both Muslims and non-Muslim part of society are regulated by Islam rules. Spiritual life is understood by Islam as observance of the law given above, the sincerity of faith is measured by the thoroughness of execution of what is prescribed. Islam draws a clear line between paganism and non-Islamic forms of monotheism (Christianity and Judaism), which may have legal status in Islamic State. The interpretation of texts and rules plays the important part in Islam. Along with the traditional legal schools the extremist interpretations of faith emerge and develop for a long time. They lead to the creation of terrorist organizations claiming to have state status. It's impossible to condemn such interpretations from the religious position, as there's no concept of "heresy" in Islam. Theological and legal definitions condemning terrorism and establishing religious sanctions against terrorists and their ideologists are proposed. Their adoption in Islam could be an effective means of countering the terrorist threat.

Keywords: Islamic State; terrorism; extremism; Islamism; Islamic theology.

Террористическая угроза не просто занимает одно из ведущих мест в мировой повестке дня, она уже вошла в число глобальных проблем современности. Террористические акты в современном мире — это уже не отдельные эксцессы, это страшная повседневность. Террористы сегодня — это не просто чужие для нас сумасшедшие фанатики, это зачастую те люди, которые еще вчера жили с нами рядом. Нынешние террористические организации — это не просто кучки отщепенцев, они имеют мощную финансовую подпитку, инфраструктуру, средства массовой информации, координационные центры и уже претендуют на государственный статус. Все это ставит перед человечеством серьезные проблемы не только практического, но и теоретического плана. Прежде всего, необходимо понять истоки той мощи, которую терроризм приобрел в современном мире, притом истоки не только геополитические и социально-экономические, но и духовные, и идеологические его истоки.

Общеизвестно, что экстремизм и терроризм, распространяющийся в мире, очень часто связан с апелляцией к исламу. Эту связь в большинстве случаев старательно затушевывают как на уровне официальных текстов, так и на уровне текстов научных, повторяя, как заклинания, в целом правильные слова о том, что преступники есть в любой культуре, что терроризм не имеет национальности, что ни одна религия не учит терроризму. Слова это правильные в целом, и тем не менее факт остается фактом: террористов, которые обосновывают свой терроризм ссылками на своеобразно понимаемый ислам, достаточно много, а вот террористов, которые оправдывали бы террористические действия ссылками на христианство, буддизм или иудаизм, практически не существует. Даже тот лозунг, который иногда признавался экстремистским — «Православие или смерть» — таковым, конечно, не является (просто слово «смерть» людей пугает), означая готовность оставаться верным православию даже под угрозой смерти (исходящей от тех же исламских фундаменталистов). Никто не убивает массово людей ни «во имя православия», ни «во имя Будды», ни «во имя Торы», по крайней мере, в современном мире. Речь в этих религиозных традициях может идти

о защите святынь, но никак не об убийстве как заслуге во имя веры. Тема убийства во имя веры возникает и развивается в случае религиозного изуверства (эта тема рассмотрена нами в другой статье [1]), почвой для которого может выступать практически любая религиозная традиция. И вот, как выясняется, явления подобного рода активно возникают именно на почве ислама.

Нередко при рассмотрении проблемы исламского терроризма делается попытка свести его происхождение и суть целиком к внешним по отношению к исламу факторам. Действительно, нельзя не признать, что исламский экстремизм и терроризм является во многом производением и инструментом западной геополитики. Человек, имя которого стало нарицательным, обозначив собой террористическое извращение ислама, — Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб — стоял у истоков политического движения, которое привело к выходу территории будущей Саудовской Аравии из-под влияния Османской империи и постепенному переходу ее под контроль Великобритании. Имеются сведения, что свою проповедь он начал именно после встречи с английским шпионом и при поддержке английской разведки [2, с. 25; 3]. Вряд ли он состоял прямо на содержании английской короны, скорее всего, он и его идеи использовались «втемную», но интересы Британской империи были соблюдены наилучшим образом. А окончательно государственный суверенитет современная Саудовская Аравия с ваххабистской версией ислама в качестве государственной религии получила в начале XX века при прямой материальной поддержке Великобритании. Особое, уже не только стратегическое, но и экономическое значение этот регион приобрел после того, как в марте 1938 года в Саудовской Аравии были открыты колоссальные нефтяные месторождения. После Второй мировой войны на место Соединенного Королевства пришли Соединенные Штаты, и в настоящее время общеизвестным и доказанным фактом является то, что исламский экстремизм и терроризм спонсируется и используется в своих геополитических интересах Соединенными Штатами Америки.

Точнее будет сказать, что Соединенные Штаты пытались использовать раз-

личные исламские террористические организации в своих целях, но теперь становится все более очевидно, что террористы гораздо успешнее использовали США для своих целей. В том, что эти организации обрели ту мощь, которую имеют, помощь американцев сыграла свою большую роль. Но и то, что исламские террористы во все не являются простыми марионетками в руках заокеанских хозяев, после атаки 11 сентября 2001 года и ряда подобных событий совершенно ясно.

Псевдоисламский экстремизм и терроризм имеет, помимо внешних причин, также и собственную внутреннюю логику. Для эффективной борьбы с ним важно понять как настоящие духовные принципы ислама, так и механизм их извращения в сектантском исламизме.

В связи с этим важно отметить следующую серьезную трудность. Если, например, констатируется, что возникновение фашистских идеологий в Европе XX века есть следствие определенных болезненных тенденций в европейской культуре, то сами европейцы вполне способны достаточно спокойно и глубоко исследовать эту связь. Речь идет здесь хотя и о собственной их культуре, но все-таки о культуре светской. Когда же возникает тема связи исламского экстремизма с исламом как таковым, мусульманам трудно говорить об этом спокойно, ведь речь здесь идет не только об идеологиях и социокультурных установках, но и о вере как наиболее глубокой основе мировоззрения, и о святынях, отношении к которым в принципе не может быть объективно-отстраненным. В этом смысле исламский экстремизм и террористическое «Исламское государство» представляют собой проблему прежде всего для самого ислама. Для людей внешних по отношению к исламу эти явления — не проблема, а угроза. Однако для противодействия этой угрозе необходимо ясно представлять духовную логику идеологии исламского терроризма.

В связи с этим можно выделить несколько определяющих тем. Во-первых, это понимание взаимоотношений духовной и светской власти, а также религиозной и светской культуры в рамках ислама. Это понимание существенно отличается от того, которое лежит в основании европейской культуры. Во-вторых, — понимание

сути, содержания и смысла религиозной жизни, которое в рамках ислама также существенно отличается от христианской традиции. В-третьих, весьма проблемной темой является отношение ислама к другим религиозным традициям как в теории, так и на практике. В-четвертых, существует и проблема взаимоотношений различных версий ислама, соотношения идеи «истинного ислама» с идеей единства исламской уммы. Мы позволим себе ограничиться этими четырьмя темами, поскольку именно они определяют характер существования идеала исламского государства в рамках традиционного ислама, а также проясняют логику искажений этого идеала в исламском экстремизме. Первые две темы носят более академический характер, а еще две касаются уже той сферы, которая зачастую сильно окрашена человеческими страстями и взаимными претензиями этнических и религиозных групп. Начнем по порядку, и тогда нам, возможно, удастся вскрыть более глубокую основу этих страстей и претензий.

1. Начать следует с того, что то понимание государственной власти, которое существует в исламе, значительно отличается от привычного для европейской культуры. Более того, то политическое положение, в котором реально живет большинство последователей ислама в сегодняшнем мире, не вполне соответствует изначальному исламскому стандарту политического устройства. Этот стандарт предполагает прежде всего то, что мусульманин живет под властью мусульманского правителя. Рядом с мусульманами в этом исламском государстве могут также жить и «люди Писания», то есть христиане и иудеи, но ни в коем случае не язычники или безбожники. А вот такое положение вещей, когда мусульманин живет под властью христианского или иудейского правителя, изначальным исламом времен пророка и первых халифов даже не рассматривалось. Собственно говоря, исламское понимание темы государства определяющим образом сформировано именно примером деятельности пророка Мухаммеда, который для первой мусульманской общины был не только проповедником веры, но и судьей по всем делам, и политическим лидером, и высшим военачальником.

Все нормы религиозной жизни, сформулированные в Коране и Сунне, «по

умолчанию» предполагают, что эта жизнь протекает в обществе, которое все целиком живет по этим нормам. Так, например, пять молитвенных ритуалов в день, совершаемых в строго определенные часы, — это фард, непререкаемый религиозный закон. При этом как минимум два намаза из пяти, полуденный и послеполуденный, приходится на то время, когда происходит активное социальное взаимодействие. А совершение намаза предполагает ритуальное омовение, расстилание молитвенного коврика, полное отрешение от окружающей обстановки, строго определенное количество и порядок слов, движений, поясных и земных поклонов. Точно так же фардом является пост в девятый месяц лунного мусульманского календаря. А коранические нормы поста таковы, что в светлое время суток запрещено есть и пить, это можно делать только ночью: «Ешьте и пейте, пока не станет различаться перед вами белая нитка и черная нитка на заре, потом выполняйте пост до ночи» (Коран, 2 сура, 187 аят) [4, с. 22]. Таким образом, для мусульман в месяц поста на тридцать дней распорядок жизни должен хотя бы отчасти «перевернуться»: бодрствование ночью и по возможности отдых днем. Поев затемно, нужно терпеть голод и жажду целый день и только с наступлением полной темноты снова можно есть и пить. Иными словами, как исполнение намаза, так и исполнение норм исламского поста крайне затруднительно (если не сказать — вообще невозможно) в условиях немусульманского общества, распорядок жизни которого не учитывает этих особенностей религиозного ритуала.

Таким образом, нормы религиозной жизни в исламе предполагают, во-первых, что большую часть общества составляют мусульмане, а во-вторых, что нормами ислама внешне регулируются все сферы жизни — от политики до быта — не только мусульман, но и немусульманской части общества. В своем замысле ислам как религия предполагает в качестве своего необходимого условия ислам и как политическую власть, и как разветвленную правовую систему, и как единственную философскую доктрину, и как бытовую культуру. Процитируем одного из крупнейших современных российских ученых-исламоведов Г.М. Керимова: «Одной из важных

функций исламского государства всегда была и остается регламентация религиозной практики... Учение Ислама, признавая право человека верить в Бога, вменяет ему в обязанность выполнение исламских обрядов и традиций. У него нет возможности отрицать существование Бога или уклоняться от соблюдения Шариата» [5, с. 341].

Для сравнения отметим, что ни христианство, ни буддизм (если ограничиваться мировыми религиями) не имеют подобных установок. Христианский идеал жизни не предполагает в качестве предварительного условия или конечного своего результата торжество «христианской государственности». Так же и буддийский идеал никак не связан с государственной регламентацией жизни. И даже для иудаизма тема «еврейского государства», Израиля как государства, не является бесспорной: сионизм как при своем зарождении, так и доныне подвергается резкой критике со стороны многих ортодоксальных иудейских богословов.

Исламское понимание государства исходит из того, что единственным источником власти и законов является Бог. С этой посылкой согласится, пожалуй, верующий человек любой религиозной традиции. Вопрос заключается в том, какие выводы из этой посылки делаются. Либо предлагается во всякой власти видеть Божий промысл, и тогда даже враждебная данной вере или вовсе безбожная власть может восприниматься как «попущение» свыше, посылаемое для испытания или вразумления, и именно так, например, христианство призывает понимать политическую историю и современность. Либо единственной законной властью объявляется власть «истинной веры». Причем та власть, которая не просто признает истинность нашей веры, но именно подчинена истинной, то есть нашей вере. Вторая логика свойственна исламу, согласно которому человек вообще не вправе формулировать и устанавливать законы. Человек может и должен только правильно понимать и соблюдать те законы, которые установлены свыше и продиктованы людям через откровение: «Свободная от религии юриспруденция неприемлема для мусульманства» [5, с. 330]. Таким образом, идея и идеал исламского государства является неотъемлемой частью ислама как религии.

2. Мы переходим теперь к анализу различий, которые существуют между исламским пониманием духовной жизни человека и теми христианскими духовными основами европейской цивилизации, которые, существуя уже в ослабленном и искаженном виде, все-таки продолжают определять облик Европы. Христианская духовная парадигма предполагает, что никакого религиозного закона изначально Бог человеку не давал. Изначально человеку дана свобода либо быть с Богом и в Боге, либо быть вне общения с Богом. Христианство утверждает, что именно человек может и должен устанавливать государственные законы, обулаивать мир и созидать культуру.

Ислам в своем понимании жизни человека исходит из того, что человеку дан Закон свыше. Нормы этого Закона обеспечивают порядок и благоденствие на Земле, но не в этом их главный смысл. Главный смысл Закона, а вместе с тем и смысл жизни человека заключается в том, что человек испытывается на послушание воле Божьей. Один из крупнейших в мире специалистов в области истории религий Карен Армстронг, испытывая симпатию к исламу и защищая «законнический» подход к выстраиванию духовной жизни от христианского «либерализма», пишет: «У христиан нет ничего равносильного Торе или шари'а, и они склонны полагать, что скрупулезное соблюдение правил обременительно и не нужно. Такой тип духовной жизни подвергается упорной критике в Новом Завете... Но ни мусульмане, ни иудеи не относятся к выполнению Закона, как к бременю. Мусульмане видят в сунне своего рода причастие: оно помогает им выработать предписываемое Кораном Богоосознание в гуще их повседневной жизни» [6, с. 426-427]. Уточним, что с христианской точки зрения соблюдение правил, может быть, и нужно, и полезно, но само по себе оно не спасает, и именно потому, что Закон не может спасти, с этой точки зрения необходим Христос-Спаситель. Показательно, что воспитанная в христианской традиции К. Армстронг сравнивает систему правил поведения мусульманина с причастием, то есть уподобляет реальному, сущностному соединению с Богом, о котором ислам, конечно, не говорит. Впрочем, употребление такого художественного образа глубоко

характеризует восприятие мусульманином норм шариата, которые означают нечто большее, чем просто внешние правовые предписания.

Как разъясняется в уже цитированном фундаментальном труде, «в Шариате освещаются с точки зрения Ислама как светские, так и религиозные проблемы. В нем сведены в единую систему законы, регулирующие хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, мусульманские обряды, праздники и многое другое, определяющее поведение верующих и порядок жизни всей мусульманской общины. В Шариате подробно излагаются запреты, перечисляются дозволяемые, одобряемые и порицаемые поступки. По замыслу мусульманских правоведов, Шариат и его законы должны охватывать жизнь и деятельность мусульманина от колыбели до могилы» [5, с. 3]. При этом исламские богословы постоянно подчеркивают необходимость не только внешнего ритуального послушания закону, но и внутреннего очищения. Однако на практике слишком часто это означает именно то, что внешний ритуал следует исполнять не сухо-формально, а «с душой». От мусульманина требуется и сердечная вера, и искренность, но измеряются они именно тщательностью исполнения всего, что предписано. При этом старательность исполнения внешних форм обряда способна искупить и неискренность, поскольку само их исполнение имеет некий мистический смысл. Процитируем Коран: «Взыщет Аллах с вас не за нарушение клятв, опрометчиво произнесенных, а за невыполнение клятв [данных вполне осознанно]. Искупление за нарушение клятвы [такой] — накормить десятерых бедняков так, как обычно кормите вы семьи свои, или же обеспечить их одеждой, или освободить раба. А если не в состоянии кто [выполнить одно из трех условий этих], то следует ему поститься три дня. Все это — искупление за клятвопреступление ваше» (Коран, сура 5, аят 89) [7, с. 115]. Смысл совершенно ясен, и все толкователи Корана понимают этот текст прямо и недвусмысленно: необдуманная клятва вообще не наказывается, а условия искупления сознательного клятвопреступления изложены по пунктам. Дополнительно авторитетными исламскими богословами разъясняется, что «нарушать клятву разрешается только в том случае,

если этот поступок принесет пользу» [8]. Таким образом, фундаментальными и архетипичными принципами духовной жизни в исламе являются закон и ритуал.

3. Переходя к вопросу об отношении ислама к другим религиозным традициям, нужно прежде всего отметить, что ислам проводит резкую черту между язычеством и неисламскими формами единобожия (христианство и иудаизм). В массовом сознании мусульман нередко происходит смешение понятий «неверный», «кяфир» и «иноверец», благодаря чему экстремистские идеологи получают возможность перенести многие жесткие формулировки Корана на всех вообще людей, верующих как-то иначе. Между тем «по учению Ислама, христиане и иудеи не являются “неверными”, и Коран отличает их от язычников, считая последователями единобожия и имеющими свои священные книги. Попавшим под власть мусульман христианам и иудеям давалось право свободно отправлять свой культ. Имущество и безопасность людей Священного Писания (христиане, иудеи) охраняются законом Ислама. С точки зрения Ислама кяфир (неверный) — тот, кто отрицает единого Бога или же не признает пророчества Мухаммеда, или же отвергает обряды и ритуалы Ислама» [5, с. 415]. И вот относительно неверных в этом смысле, то есть исповедующих многобожие, ислам никаких гарантий безопасности не дает: «Убивайте [многобожников], где бы ни встретили вы их, изгоняйте их из тех мест, откуда они вас изгнали, ибо многобожие хуже, чем смерть» (Коран, сура 2, аят 191) [7, с. 33]. Для более ясного понимания смысла последних слов приведем более раннюю редакцию перевода М.-Н.О. Османова: «ибо для них неверие хуже, чем смерть от вашей руки» [9].

Вопрос о том, могут ли христиане и иудеи попасть в рай, на основании Корана однозначно решен быть не может, но жить на Земле, и притом жить под покровительством исламского государства они, вне всякого сомнения, имеют право. Более того, исторически вполне очевидно, что, приступая к своей проповеди, пророк Мухаммед вовсе не считал, что проповедует новую религию, чем-то отличающуюся от христианства и иудаизма, различия между которыми ему виделись несущественными. Речь для него шла только о том, что в

его лице Бог дал Своего посланника для арабов со Священным Писанием на их родном арабском языке. Ислам в ранних проповедях пророка выступал не как замена, а как напоминание об истине и как внешнее дополнение к предшествующим откровениям: были проповедники монотеизма у евреев, были у христиан, были у зороастрийцев, теперь появился и у арабов. «В течение приблизительно ста лет после смерти своего пророка мусульмане продолжали считать ислам религией только для арабов», — пишет уже цитированный нами историк религий [6, с. 342]. Именно с этой точки зрения следует понимать известное изречение Мухаммеда: «В земле арабов не будет двух религий» [цит. по: 5, с. 153]. Другим народам единобожие дано в иных формах, и их нужно уважать, как старших братьев по вере, но для арабов монотеизм был проповедан Мухаммедом, арабам дан Коран на их языке, и арабы должны быть мусульманами.

Впрочем, в вопросе отношения к «старшим братьям по вере» для желающих радикализировать ислам есть лазейка. Если в условиях исламского государства человека спрашивают прямо о том, признает ли он святость Корана и истинность миссии пророка Мухаммеда, то у него, логически рассуждая, есть только две возможности, и при утвердительном ответе он должен принять ислам, а при отрицательном — он оказывается богохульником. Собственно говоря, данный им при свидетелях утвердительный ответ на вопрос: «Признаешь ли ты, что нет Бога кроме Аллаха и что Мухаммед — пророк его?», — уже и будет принятием ислама, и с этой минуты он обязан будет исполнять все требования религиозного закона. Последующее отступничество от веры карается весьма строго, вплоть до смертной казни. А отрицательный ответ на приведенный вопрос подводит его под данное выше определение кяфира, то есть того, «кто отрицает единого Бога или же не признает пророчества Мухаммеда, или же отвергает обряды и ритуалы Ислама». Такому человеку, как уже сказано, ислам ничего не гарантирует. На практике подобные провокации применялись довольно редко, — ислам имеет глубокую традицию мирного сосуществования с другими верами, однако со стороны вероучительной логики опровергнуть такой подход крайне трудно.

Таким образом, отношение к людям иной веры целиком зависит в исламе от той или иной интерпретации Священного текста. Эти интерпретации могут быть весьма агрессивны, и опорой в противодействии таким интерпретациям ислама может быть только определенная богословская и социокультурная традиция понимания веры. Вообще любой текст всегда понимается людьми по-разному: в одних и тех же письменных знаках, в одних и тех же звуках речи разные люди находят разный смысл. Иногда их понимание отличается незначительно, а порой эта разница доходит до противоречия, — особенно когда дело касается понимания священных текстов, всегда многоплановых и символических, призванных выразить то, что до конца не укладывается в человеческие слова и понятия. И вот в связи с этим чрезвычайную важность приобретает последний выделенный нами вопрос — вопрос о существовании различных версий ислама, о соотношении идеи «истинного ислама» с идеей единства исламской уммы.

4. Как известно, мусульмане достаточно скоро после смерти пророка разделились на суннитов и шиитов. Разделение произошло по вопросам политическим, речь шла о принципе передачи власти в халифате, однако, как уже сказано, «в исламе отсутствует разделение светского и религиозного, государства, политики, права, образа жизни и религии» [5, с. 401]. В силу этого между суннитами и шиитами изначально возникли и вероучительные различия, обосновывающие их политическую позицию. Шииты представляют собой меньшинство и имеют не очень широкое географическое распространение, а потому дальнейших разделений внутри шиитского сообщества не возникло. А вот сунниты, составляя основную массу мусульманского населения Земли и взаимодействуя с различными культурами и общественными укладами, сформировали четыре богословско-правовые школы, четыре мазхаба. Шиитский ислам часто рассматривается как еще один (пятый) мазхаб. Различия этих мазхабов касаются в основном практических вопросов применения норм исламского религиозного закона, причем «мусульманин-суннит, независимо от того, к какому мазхабу он принадлежит, имеет право обратиться к судье

любого из четырех мазхабов. Джафариты <то есть шииты>, как правило, обращаются к джафаритскому судье» [5, с. 16].

Таким образом, ислам, придавая столь большое значение скрупулезному исполнению всех тонкостей закона, в толковании этого закона оставляет человеку полную свободу: руководствоваться ли ему, например, традицией ханафитского мазхаба (самого раннего и самого «мягкого», ориентированного не на букву закона, а на его смысл и на учет местных условий жизни), или же отдать предпочтение ханбалитскому толкованию закона (самый поздний мазхаб, характеризующийся особой жесткостью в наказаниях, непризнанием каких-либо новшеств, буквалистским толкованием хадисов и Корана). Сами мусульмане часто подчеркивают как важное достоинство своей религии тот факт, что в исламе отсутствует понятие «ереси», — по той простой причине, что отсутствует догматическое учение как таковое. Принадлежность к исламу реально определяется верой в посланническую миссию Мухаммеда и в святость Корана, — если человек признает это, то он мусульманин. Как бы он при этом ни интерпретировал коранические тексты, и какой бы ни была его религиозная практика, никто и никак не может его лишить звания мусульмана. Даже если он трактует Коран предельно странным образом, даже если он не соблюдает предписаний шариата, даже если он совершает поступки крайне предосудительные с точки зрения веры, — он все-таки мусульманин. Может быть, он очень плохой мусульманин, но именно мусульманин. Перечисляя «четкие, ясные, недвусмысленные, логически обоснованные, доступные всем людям законы Шариата», Г.М. Керимов указывает десятым пунктом: «В Исламе отсутствует отлучение от религии» [5, с. 401, 402].

Вот поэтому до самых последних пор все заверения, что «террорист не может быть мусульманином, а мусульманин не может быть террористом» [10, с. 105], оставались благочестивой риторикой, некими общими фразами без реальных последствий. Ни один террорист и ни одна организация никогда не были осуждены с религиозных позиций мусульманскими богословами и правоведами. Мусульмане могут враждовать по религиозным мотивам (которые, впрочем, постоянно до неразличи-

мости сливаются с политическими), и такая внутренняя рознь, к сожалению, сопровождает ислам с самых его первых времен, но объявить какую-либо трактовку ислама «еретической» — это для мусульман неприемлемо. Возможно, под давлением происходящих событий позиция исламских деятелей по этому вопросу начнет меняться...

В рамках уже упомянутого нами ханбалитского мазхаба сформировалось то движение, которое именуется сейчас «ваххабизмом» и которое имеет сегодня военно-политическое выражение в виде террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта». Мы и дальше будем употреблять слово «организация», хотя такое словоупотребление выглядит не вполне адекватно по отношению к властным структурам, контролирующим около 130 тысяч квадратных километров территории (70 % территории Сирии на конец 2015 года, по сообщению министра обороны России С Шойгу [11]) с населением от 8 до 10 миллионов человек. Причем «у этого террористического государства есть выстроенная структура управления с министерствами, ведомствами, законодательной и исполнительной властью» [12].

Идеология и практика этой организации вызывают возмущение всего мирового сообщества, и в том числе подавляющего большинства мусульман всего мира. И в этом случае трудно ограничиться обычными словами о том, что «терроризм не имеет веры и национальности», что преступная деятельность не имеет оправдания ни в какой религии. Те люди, которые воюют на стороне «организации» (около 80 тысяч человек [13], а по некоторым оценкам, и до 200 тысяч [12; 14]), устраивая геноцид, террористические акты, принуждая к проституции, тысячами (!) убивая людей «на камеру» (до пяти тысяч казненных запечатлено на видео [12]), — эти люди свою деятельность обосновывают тем, что они так понимают ислам! Причем острие террора обращено «Исламским государством» прежде всего против мусульман-шиитов. Христиане и евреи в ряде случаев имеют возможность откупиться и жить под властью этой организации, а мусульманам-шиитам такой возможности не предоставляется, их просто уничтожают. И вот для того, чтобы утверждать, что ислам такому не учит, необходимо четко сказать,

что люди, которые учат такому, проповедуют неправильный ислам.

Продуктивная линия противодействия идеологии «исламского экстремизма и терроризма» заключалась бы, на наш взгляд, во-первых, в признании того, что это именно ислам, а во-вторых, в утверждении и доказательстве того, что этот ислам неправильный. Пока, к сожалению, четкого выражения такой позиции мы не видим. Напротив, риторика исламских богословов ориентирована на то, чтобы из дискуссии о террористической угрозе исключить всякое упоминание ислама. Так, например, касаясь темы ИГИЛ, «председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин обратился к руководству России с просьбой, чтобы “в информационном пространстве эта бандитская террористическая организация не называлась исламской”», поскольку «ислам в переводе с арабского означает смирение, мир, спокойствие» [15]. Предлагается расшифровывать аббревиатуру «ИГ» как «иблиское (то есть дьявольское) государство», поскольку «действия ИГ не имеют ничего общего с Исламом» [16]. А «правильнее всего называть эту организацию согласно арабской аббревиатуре «ДАИШ». В переводе с арабского на русский язык получится то же самое (ИГИЛ), но когда журналисты говорят “ДАИШ” — это не понятно», — разъясняет первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации Дамир-хазрат Мухетдинов [17].

По нашему мнению, вместо забот о том, «чтобы было не понятно», исламским богословам следовало бы сделать предельно понятными для мусульман границы возможной свободы истолкования Корана и других источников вероучения. Причем именно для сознания мусульманина, сильно ориентированного на правовые механизмы выстраивания жизни, очень важны четко сформулированные нормы с конкретными правовыми санкциями. Вовсе не претендуя на непосредственное участие в формировании вероучительной теории и практики ислама, позволим себе сформулировать в качестве примера несколько возможных предложений.

Полезно было бы, на наш взгляд, принять фетвы по следующим пунктам.

1. Если мусульманин нападает на безоружных людей, не проявивших своими

поступками вражды к исламу, причиняет им вред и обосновывает это требованиями ислама, то он тем самым отрекся от веры и не может называться мусульманином. Если же в этом нападении он погибнет, то его и хоронить на мусульманском кладбище нельзя, и погребальную молитву над ним совершать запрещено.

2. Если мусульманин называет нападение на безоружных людей, не проявивших своими поступками вражды к исламу, и причинение им вреда джихадом, а погибшего при таком нападении — шахидом, то он находится в заблуждении и не должен допускаться для общей молитвы в мечеть. Если же он будет упорствовать в этом своем заблуждении, несмотря на увещевания имамов, то тем самым он встает на путь отречения от веры.

3. Если мусульманин приравнивает людей Писания к неверным (кяфирам), то он находится в заблуждении и не должен допускаться для общей молитвы в мечеть. Если же он будет упорствовать в этом своем заблуждении, несмотря на увещевания имамов, то тем самым он встает на путь отречения от веры.

4. Если мусульманин утверждает, что военный джихад против неверных (кяфиров) является неизменной личной обязанностью каждого мусульманина, то он находится в заблуждении и не должен допускаться для общей молитвы в мечеть. Если же он будет упорствовать в этом своем заблуждении, несмотря на увещевания имамов, то тем самым он встает на путь отречения от веры.

Для первого раза, хотя бы такие богословско-правовые определения должны, на наш взгляд, согласованно принять муфтии и факихи по всему миру для противодействия экстремистским извращениям ислама. Одновременно по всему миру, конечно, не получится, но что мешает сделать это, например, нашим российским мусульманам, подав благой пример зарубежным братьям по вере? Российский ислам имеет и образованных богословов, и богатую историческую традицию, и реальный опыт противодействия псевдоисламским террористам.

Дадим некоторые пояснения к формулировке первых двух пунктов. Если люди вооружены, то даже при отсутствии у них вражды к исламу нападение на них воз-

можно, в том числе и как религиозный долг, — защита Родины, например. А если безоружные люди своими поступками проявляют вражду к исламу, то нападение на них во имя веры, может быть, и противоречит уголовному закону, но все-таки имеет характер защиты веры, — уголовного наказания нападающие, возможно, заслуживают, но против веры они не грешат. Так, например, нападение на редакцию «Шарли Эбдо», безусловно, является тяжким уголовным преступлением, но вряд ли найдется в мире мусульманин, который откажет этим преступникам в праве называться мусульманами. Да, они поступили неправильно, защищая таким образом веру, но они именно веру пытались защитить.

Нужно, кстати, отметить, что карикатуры на пророка Мухаммеда в Дании 2005 года и недавние — во французском «Шарли Эбдо» по уровню кощунства меркнут перед карикатурами на христианскую веру в том же «Шарли Эбдо». То, что христиане Европы безропотно терпят глумление над христианскими святынями и начинают возмущаться только по поводу шуток над гибелью людей в авиакатастрофе, говорит, конечно, о том, что эти святыни для них святынями уже давно не являются.

Точно так же, как защитная реакция против угрозы здоровью является нормальным свойством здорового организма, так и угроза духовным основам культуры должна бы вызывать в здоровом обществе обостренную реакцию. Способность гневаться — это очень нужная человеку способность, вопрос только в том, уместен ли твой гнев и на что он ориентирован. Человек, вовсе не способный гневаться, то есть толерантный к любой мерзости человек, серьезно болен, — если не в психиатрическом, то уж точно в духовном смысле.

И вот, как для ислама очень болезненным и предельно значимым вызовом является возникновение и развитие исламского терроризма, так для христианства не менее болезненным и страшным вызовом является его обмирщение. Притом между этими процессами существует хоть и внешняя, но очень существенная связь. Если бы не происходило обмирщения христианской культуры и дехристианизации Европы, то не развился бы до таких масштабов и исламский терроризм. Очень мощный идеологический ресурс

исламизма заключается в том, что так называемый «цивилизованный мир» демонстрирует все признаки не просто упадка, а именно вырождения. Великая европейская культура, созданная христианским духом, не только не имеет творческого продолжения в современности, но и остается невостребованной нынешними европейцами. Европейцы владеют этими сокровищами духовной культуры, они по-прежнему претендуют на роль авангарда цивилизационного развития, но уже утратили право на это обладание и на эту роль. А прав на то материальное благополучие, которым они пользуются, они никогда и не имели, оно основано на многовековом ограблении всего мира, начиная с крестовых походов и разграбления Византии.

Исламисты вполне последовательно в логике своего мировоззрения воспринимают нынешний западный мир как мир джахилии, то есть язычества, безбожия, беззакония, нравственных извращений. И, таким образом, по всем нормам шариата для них этот западный мир автоматически есть «область войны».

Дальнейшая судьба Запада нам, конечно, не может быть известна, потому что будущего просто нет. Будущее зависит от людей, однако существующие тенденции свидетельствуют, что завоевание Европы исламом происходит неуклонно и надежда на новую реконкисту выглядит очень призрачной. Что же в этой ситуации делать нам, россиянам? Прежде всего, ду-

ховное противодействие исламу невозможно без укрепления традиционных религий России. Во-первых, это поддержка традиций российского ислама, который никогда не имел религиозного конфликта с Российским государством. Притом эта поддержка традиций российского ислама является первостепенной задачей самого российского ислама, от которого требуется активная и творческая богословская и пастырская позиция, обозначенная нами выше. Во-вторых, необходима и поддержка русского православия, которое исторически явилось определяющим фактором формирования российской государственности и культуры и которое остается духовной основой существования уникальной российской цивилизации. Как без русского народа невозможна безопасность и мирная жизнь всех народов России, так и ослабление духовных позиций православия неизбежно приведет Россию туда, куда пришла Европа: нравственное вырождение, полная культурная импотенция и завоевание исламизмом.

В отличие от Запада Россия имеет все не призрачную, а вполне реальную возможность противостоять агрессивному исламу. Выработанные веками духовно-нравственные основы жизни еще вполне актуальны для российского общества, а вся история России дает нам пример согласной жизни всех ее народов и религиозных традиций на основе взаимного уважения и верности собственным духовным основам.

Список литературы

1. Анисин А.Л. Криминологическая значимость религиозного фактора // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 2 (28). С. 63-70.
2. Сыддык, Г. Признания английского шпиона. Стамбул: Вакифа Ихласа, 1997.
3. Мухаммад ибн Адб аль-Ваххаб и его убеждения // ISLAMDAG.RU. URL: <http://islamdag.ru/ljeideologii/4012> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
4. Коран / пер. И.Ю. Крачковского. М.: Изд-во восточной лит., 1963. 448 с.
5. Керимов Г.М. Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: ДИЛЯ, 2008. 512 с.
6. Армстронг К. Мухаммад: история Пророка: пер. с англ. М.: София, 2008. 448 с.
7. Коран / пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., ДИЛЯ, 2010. 576 с.
8. Толкование Священного Корана шейха Абд ар-Рахмана ас-Са'ди. Сура «Аль-Маида» («Трапеза») // Куръани Керим. URL: http://qurani-kerim.narod.ru/sady/005_1.htm (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
9. Священный Коран / пер. Магомед-Нури Османова. Сура 2 «Корова». Аят 191 // Фалак.ру: Коран. Тафсир и переводы Корана. URL: <http://www.falaq.ru/quran/osma/2:191> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
10. Аляутдинов Ш. Ислам в вопросах и ответах / канонический ред. имам Ильдар Аляутдинов. М.: Умма, 2004. 398 с.
11. ТАСС: Политика – Шойгу: зона влияния «Исламского государства» растет, захвачено 70 % территории Сирии. URL: <http://tass.ru/politika/2519591> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).

12. Анатомия террора. ИГ в цифрах и фактах // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/politics/world/anatomiya_terrora_ig_v_cifrah_i_faktah (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
13. ТАСС. Инфографика «Исламское государство» в Ираке и Сирии. URL: <http://tass.ru/infographics/8271> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
14. СМИ: ЦРУ недоценило число боевиков «Исламского государства» // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20141116/1033587696.html> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
15. Имамы России: ИГИЛ – не исламское, а иблисское государство // ANS PRESS. URL: <http://anspress.com/index.php?a=2&lng=ru&cid=7&nid=351735> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
16. Кадыров рассказал о предложении переименовать «Исламское государство» в «Иблисское» // Газета.ru. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/03/06/n_6988965.shtml (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).
17. Дамир Мухетдинов: Вместо «ИГИЛ» стоит употреблять аббревиатуру «ДАИШ» // Диалог. Таджикистан и мир. URL: <http://www.dialog.tj/news/damir-mukhetdinov-vmesto-igil-stoit-upotreblyat-abbreviaturu-daish> (дата обращения: 7 янв. 2016 г.).

АЛЕШИНА О.В., ALESHINA O.V.,
aleshina099@yandex.ru aleshina099@yandex.ru
Кафедра гражданского права; Chair of civil law;
Уральский государственный Ural State Law University,
юридический университет, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg,
620137, г. Екатеринбург, 620137, Russian Federation
ул. Комсомольская, 21

ФИКТИВНЫЙ БРАК: ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЮ

Реферат. Наиболее распространенные причины заключения фиктивных браков обусловлены достижением неблагоприятных целей, не связанных с созданием семьи, а сам такой брак является объектом товарно-денежных отношений, что противоречит его назначению. Для работников органов ЗАГС фиктивность брака зачастую очевидна: сомнения в искренности чувств, слишком большая разница в возрасте новобрачных, асоциальный образ жизни жениха (невесты), проживание брачующихся в разных регионах, странах. Тем не менее даже в таких случаях они не вправе отказать в государственной регистрации брака. В связи с тем, что чаще всего в заключении фиктивного брака лицо (лица) нуждается незамедлительно, оправданно право органов ЗАГС увеличивать обязательный срок, по истечении которого осуществляется государственная регистрация заключения брака. В качестве эффективного средства противодействия фиктивным бракам, заключаемым с целью получения гражданства в упрощенном порядке, предлагается обращение к зарубежному опыту, предполагающему установление обязательного срока, лишь по истечении которого возникает такая возможность (например, в Германии такая возможность появляется у супруга по истечении трех лет). Обосновывается, что законодательное закрепление обязательного опубликования сведений о предстоящей регистрации брака (с согласия лиц, вступающих брак) способно предотвратить заключение брака при наличии у будущего супруга другого зарегистрированного брака или родственных связей между женихом и невестой. Отказ от публикации станет соответствующим сигналом для органов ЗАГС и лиц, вступающих в брак. Особо отмечается роль иных социальных норм (мораль, нравственность) в противодействии фиктивным бракам.

Ключевые слова: фиктивный брак; меры противодействия заключению фиктивных браков; юридическая ответственность.

SHAM MARRIAGE: PROBLEMS OF COUNTERACTION TO OFFENCE

Abstract. The most common reasons for concluding sham marriages are caused by achieving improper purposes not related to the creation of the family. Such marriage is an object of commodity-money relations, which is contrary to marriage purpose. Fictitious nature of marriage is often obvious for registry office employees: doubts about the sincerity of feelings, too big age difference, asocial lifestyle of the groom (bride), their living in different countries, regions. Nevertheless, even in such cases they don't have the right to refuse to register the marriage. Due to the fact that most often the person(s) needs to conclude sham marriage immediately, the right of registry offices to increase the mandatory period after which the state registration of marriage is carried out, is justified. As an effective means of countering sham marriages concluded for the purpose of obtaining citizenship through a simplified procedure, it is proposed to address to foreign experience involving the establishment of mandatory period, only after which such opportunity arises. For example, in Germany the spouse has such possibility after three years. It is proved that legislative fixing of obligatory publication of information about the upcoming registration of marriage (with the consent of the persons concluding the marriage) can prevent marriage if a future spouse is officially married or the bride and groom have family ties. Refusal to publish would be appropriate signal for the registry offices and the persons concluding the marriage. The role of other social norms (morality, ethics) in countering sham marriages is emphasized.

Keywords: sham marriage, measures against concluding sham marriages, legal liability.

В последние годы в научной литературе и в СМИ обсуждаемой темой является рост числа фиктивных браков. Действительно, в настоящее время отмечается рост числа незаконных браков [1]. Так, по мнению работников загсов Москвы, каждый третий заключаемый брак является фиктивным [2].

В то же время, например, в Свердловской области признание брака недействительным не является распространенной категорией дел в судах, что подтверждается отсутствием самостоятельной статистической отчетности. В России в целом складывается аналогичная ситуация. Следует отметить, что в советский период споры о признании фиктивных браков недействительными также были редкостью. Отмечается, что за одиннадцать лет (с 1970 по 1981 гг.) Судебная коллегия по гражданским делам и Пленум Верховного Суда СССР вынесли всего 15 определений и постановлений по семейным делам, и среди них не было ни одного по делу о признании брака фиктивным. Президиум и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР за тот же период вынесли 64 постановления и определения, и из них всего 2 о признании недействительными фиктивных браков [3, с. 84]. Однако, как отмечается, такое небольшое количество дел как раньше, так и сейчас свидетельствует не столько о редкости подобных случаев, сколько о сложности процесса доказывания и оценки доказательств судом по иску о фиктивном браке [3, с. 84].

Фиктивный брак как брак без намерения создания семьи является одним из правонарушений, влекущих признание брака недействительным (его прекраще-

ние с момента заключения) согласно ст. 27 Семейного кодекса Российской Федерации.

В отечественной судебной практике термин «фиктивный брак» появился в 1949 г. В законодательстве явление фиктивного брака получило закрепление позднее. В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г., а затем в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. закреплены понятие фиктивного брака и последствия его заключения.

Впервые фиктивные семейно-правовые состояния были исследованы Н.Н. Тарусиной в 80-х гг. прошлого века. Автор справедливо считала споры о признании недействительными фиктивных семейно-правовых состояний разновидностью споров о злоупотреблении семейным правом. По мнению Н.Н. Тарусиной, «фиктивное правовое состояние есть отношение (действие, положение), по форме полностью соответствующее требованиям закона, но по содержанию противоречащее ему. Чаще всего оно не отвечает целевому назначению того правового отношения или действия, форма которого используется. Следовательно, фиктивное семейно-правовое состояние – результат незаконного приема, использованного недобросовестной стороной (сторонами). Этот прием заключается в осуществлении предоставленных законом правомочий в целях, явно не соответствующих их содержанию и социальному назначению (создание семьи, воспитание детей, уравнивание материального положения детей, прекращение супружеских отношений ввиду их необратимого распада)» [3, с. 84].

Фиктивные браки заключались издревле. Прежде всего, они заключались по экономическим или политическим соображениям. В 50-60-х гг. XIX в. к фиктивному браку часто прибегали разночинцы, борясь за освобождение женщин от «родительского ига», мешавшего всестороннему развитию личности и получению образования. Позднее фиктивный брак являлся способом «вырваться» из колхоза, решить проблему жилья, выехать за границу [2].

В настоящее время в сети Интернет размещено множество объявлений о возможности заключения таких браков за определенное денежное вознаграждение. Объявления об услугах по подбору «супруга» оставляют в сети и специальные фирмы. Цена заключения фиктивного брака — 1-2 тысячи долларов, при этом вознаграждение «супругов», решившихся на заключение фиктивного брака, составляет не более 500-600 долларов, остальное забирают посредники [4].

В настоящее время к фиктивному браку нередко прибегают мигранты, которые таким образом «покупают» облегченный вариант получения гражданства и с ним права, возможность устроиться на работу, получить медицинскую страховку. Существует миграция ВИЧ-инфицированных, лечение которых за рубежом очень дорогостоящее, таким людям дешевле в России заключить фиктивный брак и впоследствии в качестве граждан получать лечение, которое в нашей стране финансируется из бюджета. Отмечается, что к фиктивному браку прибегают гомосексуалисты для возможности сделать карьеру, женщины — для повышения своего социального статуса. Предполагается, что фиктивные браки заключаются для получения должности, перед выборами в органы законодательной власти разного уровня. К ним прибегают в преступном мире (например, после гибели авторитета его вдова становится женой человека, пришедшего ему на смену). К фиктивному браку прибегают осужденные к лишению свободы, поскольку для состоящих в браке лиц законом предоставлено право на длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения. Фиктивные браки встречаются в шоу-бизнесе, они создаются и расторгаются ради громкого скандала.

Таким образом, заключение фиктивного брака, как правило, продиктовано не благовидными целями, не связанными с созданием семьи, что определяет его временный характер. Зачастую такой брак, по сути, становится объектом товарно-денежных отношений, что, учитывая его истинное назначение, является безнравственным.

Во многих зарубежных странах фиктивные браки с иностранцами квалифицируются как мошенничество. За создание «ненастоящей» семьи молодоженам могут грозить депортация и 10 лет тюрьмы. Во многих западных странах молодожены проходят множество тестов и проверок, зачастую почти унижительных. В Японии в течение первых двух лет брака иммиграционная служба регулярно звонит интернациональной семье, задавая проверочные вопросы, например, о том, в котором часу возвращается с работы муж и как зовут его родителей. Если обнаруживается обман, иностранца депортируют и заносят в черный список. В Америке за попытку легализоваться с помощью фиктивного союза могут обвинить в брачном мошенничестве, предусматривающем в виде наказания 10 лет тюремного заключения [4].

В России также весьма широко и обоснованно обсуждается необходимость уголовного и административного преследования заключения фиктивных браков. Предпринимались попытки ввести ограничения на заключение фиктивных браков и уголовную ответственность за брачное мошенничество. В частности, в 2011 году авторы законопроекта предлагали выдавать разрешение на работу супругу-иностранцу не ранее чем через год после заключения брака. Если же он получал вид на жительство после заключения брака, то этот документ автоматически аннулировался в случае расторжения брака в течение года после его выдачи [5].

В 2012 году была предпринята попытка дополнить Уголовный кодекс РФ статьей 159.1 «Брачное мошенничество», предусматривающей в качестве максимального наказания лишение свободы до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет (законопроект N 419191-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за получение иностранным гражданином разрешения на временное проживание в Российской Федерации путем заключения фиктивного брака)*.

Данную инициативу депутатов о привлечении к ответственности супругов за отсутствие намерения создавать семью ни Правительство Российской Федерации, ни Верховный Суд РФ не поддержали.

В настоящее время институт брака переживает непростые времена. По данным еженедельника ООН-2012, Россия – первая среди стран с самым большим числом разводов [6]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в последнее время количество разводов растет [7].

В 2011 г. в России было расторгнуто 669 000 браков, в 2012 г. – 642 000, в 2013 г. – 667 971 [8].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2014 г. их число составило 693 730 [9].

В настоящее время в России много семей находятся в предразводном состоянии. Среди негативных последствий разводов обоснованно отмечают рост числа неполных семей, одиноких детей, проблемы социализации детей и др. Так, в России по причине разводов ежегодно остаются без одного родителя от 500 тыс. до 1 млн детей; более 10 млн уже живут в неполных семьях [10]. В Свердловской области в 2013 г. в неполных семьях осталось 15 277 детей. Следует также отметить, что средний возраст разводящихся в Свердловской области – 25-39 лет, т.е. чаще всего разводятся зрелые люди трудоспособного возраста**.

Одна из причин такого положения института семьи – упадок значения брака. В данной ситуации существование брака как предмета товарно-денежных отношений крайне неблагоприятно.

Следует отметить, что для работников органов ЗАГС фиктивность брака очень часто очевидна: сомнения в искренности

чувств, слишком большая разница в возрасте новобрачных, асоциальный образ жизни российского жениха (невесты), проживание брачующихся в разных регионах, странах. Но даже в таких случаях они не вправе отказать в государственной регистрации, которая в соответствии с семейным законодательством Российской Федерации осуществляется при соблюдении условий заключения брака (ст. 27 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»***). В основном в заключении фиктивного брака лицо (лица) нуждается незамедлительно, ввиду существующей необходимости срочного решения какого-либо вопроса (например, регистрации по месту жительства или пребывания). В этой ситуации в части сокращения числа фиктивных браков эффективным средством может стать право загсов увеличивать срок, по истечении которого осуществляется государственная регистрация заключения брака, если при подаче заявления о государственной регистрации заключения брака очевидно намерение лиц заключить брак без цели создания семьи (фиктивный брак).

Весьма эффективным в вопросе предотвращения случаев заключения фиктивных браков с целью получения гражданства в упрощенном порядке представляется опыт многих иностранных государств (например, Германии), в которых такая возможность появляется у супруга по истечении трех лет.

По нашему мнению, одним из препятствий к заключению незаконных браков могло бы стать возобновление практики публикации о предстоящей государственной регистрации брака. Публикация имеет место за рубежом, в частности, во Франции заключению брака предшествует публикация о нем (ст. 63 Гражданского кодекса).

Вообще назначение публикации – выявление существующих препятствий к заключению брака. На Руси эти задачи решались посредством оглашения, которое предшествовало венчанию в православной церкви. В приходской церкви объявляли о предполагаемом браке жениха и невесты с тем, чтобы всякий знающий о каком-либо препятствии к браку мог сообщить об этом священнику.

* Пашкова В. Фиктивный брак как организация незаконной миграции // Новая законодательная инициатива. URL: <http://zakon.ru>

** Информация предоставлена Управлением ЗАГС по Свердловской области.

*** Рос. газ. 1997. 20 нояб.

В современном обществе, как правило, информация о предстоящем заключении брака распространяется среди родственников и знакомых. В то же время в среде публичных людей такое оповещение о предстоящей женитьбе давно является принятым.

Закрепление на законодательном уровне нормы о том, что заключению брака предшествует публикация о нем, способно предотвратить заключение браков при наличии у будущего супруга другого зарегистрированного брака или родственных связей между женихом и невестой. При этом сведения о будущей регистрации должны публиковаться с согласия лиц, вступающих брак, в силу конституционного положения о невмешательстве в частную жизнь (ст. 23 Конституции РФ). Это отнюдь не снизит эффективность данной меры, поскольку отказ от публикации станет сигналом для органа загса и потен-

циального добросовестного супруга о том, что желательно еще раз проверить соблюдение условий заключения брака.

В литературе справедливо отмечается, что стимулом для правомерного поведения являются не столько юридические, сколько иные социальные запреты [11, с. 43, 44]. В связи с этим немаловажная роль в предотвращении заключения браков с нарушением установленных законом условий принадлежит иным социальным нормам, в частности, нормам морали и нравственности. Следует отметить, что в последнее время в нашей стране в данном направлении делается немало: все активнее культивируются семейные ценности, проводятся различные мероприятия, направленные не только на укрепление морали и нравственности, но и на повышение уровня правовой культуры носителей гражданских прав и обязанностей [12, с. 434].

Список литературы

1. Биткина С. Гражданство в брачной корзине // Рос. газ. 2008. N 4634.
2. Филимонова И.В. Фиктивный брак как разновидность фиктивного семейно-правового состояния: проблемы законодательного регулирования. URL: <http://web.snauka.ru> (дата обращения: 28 дек. 2015 г.).
3. Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. N 2.
4. Корчмарек Н. В России развивается рынок фиктивных браков // Демоскоп. 2008. 15-28 сент. N 345-346. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 8 окт. 2015 г.).
5. Шекель Т. Испытание чувств. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 8 окт. 2015 г.).
6. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11 сент. 2015 г.).
7. В разводах виноваты измена и бедность // Рос. газ. – Неделя. 2014. N 11.
8. Щербакова Е. Число зарегистрированных браков и разводов в 2012 г. снизилось // Демоскоп. 2013. 4-17 февр. N 541-542. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 1 июня 2015 г.).
9. Браки и разводы в России: неутешительная статистика. URL: <http://arriva.ru> (дата обращения: 15 дек. 2015 г.).
10. Ильдарханова Ф.А., Нуриддинова А.Н. Развод: крушение семьи или исцеление? (опыт социологического исследования в Республике Татарстан) // Семейное право на рубеже XX-XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Междунар. науч-практ. конф. / отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. 62 с.
12. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.

СТЕПАНОВА Н.А.,
nadin8509@rambler.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

STEPANOVA N.A.,
nadin8509@rambler.ru
Chair of administrative law
and administrative activity
of internal affairs bodies;
East-Siberian Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074,
Russian Federation

КЛАССИФИКАЦИЯ ОШИБОК, ДОПУСКАЕМЫХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Реферат. Процессуальной ошибкой признается неправильное процессуальное действие (бездействие) следователя, прокурора, судьи, которое находит свое проявление в неполноте изучения обстоятельств дела, значительном нарушении требований уголовно-процессуального закона, его неправильном применении и принятии неправильного процессуального решения. К процессуальным ошибкам следует относить любое нарушение закона, недостатки, допущенные на любых стадиях уголовного процесса, а также ошибки в самой процессуальной деятельности независимо от момента выявления ошибки. Классификация процессуальных ошибок позволяет более основательно осознать и определить их особенности, что увеличивает эффективность применения процессуальных норм с целью их устранения. Представлена классификация процессуальных ошибок в зависимости от возможности их выявления в суде первой инстанции, в соответствии с которой ошибки могут быть подразделены на выявляемые и такие, которые не могут быть установлены при разбирательстве в суде. Первая группа ошибок, в свою очередь, включает нормативно-правовые, логико-методологические, когнитивные, предметно-схематические ошибки. К ошибкам, которые не могут быть выявлены судом первой инстанции, относится ряд технико-технологических и тактических ошибок, допущенных на стадии предварительного расследования. Также рассмотрена классификация других процессуальных ошибок, которые могут иметь место в следственно-судебной практике при производстве по уголовным делам, в том числе при несоблюдении следователями (дознавателями) на досудебных стадиях уголовного процесса конституционных прав и свобод человека и гражданина; ошибки, выявленные в ходе процессуального (ведомственного) контроля. Рассмотрено соотношение таких понятий, как пробы, упущения, недостатки, нарушения, заблуждения, отступления.

Ключевые слова: процессуальные ошибки; тактические ошибки; технические ошибки; ошибки в квалификации; классификация процессуальных ошибок.

CLASSIFICATION OF ERRORS MADE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. Procedural error is recognized as incorrect procedural action (omission) of the investigator, prosecutor, judge, which is manifested in incomplete study of the case, significant violation of the requirements of criminal procedure law, its wrong application and making wrong procedural decision. The procedural errors include any violation of law, shortcomings at any stage of the criminal procedure, as well as errors in the procedural activity itself, regardless of time of error detection. Classification of procedural errors allows us to understand and identify their features more thoroughly, thus increasing the efficiency of application of procedural rules aimed at their elimination. The classification of procedural errors based on the ability to identify them in the court of first instance is presented. According to this classification, the errors can be divided into detectable and those that can not be identified during proceedings before the court. The first group of errors includes legal, logical and methodological, cognitive, object-schematic errors. The errors that can not be identified by the court of first instance include a number of technical and technological and tactical errors made at the stage of preliminary investigation. Classification of other procedural errors is also considered. They may take place in the investigative and judicial practice during criminal proceedings, including failure to observe the constitutional rights and freedoms of man and citizen by investigators at the pre-trial stages of criminal process; errors detected during procedural (departmental) control. The correlation of such concepts as gaps, omissions, deficiencies, violations, delusions, deviations is analyzed.

Keywords: procedural errors; tactical errors; technical errors; qualifying errors; classification of procedural errors.

Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка, говоря о состоянии законности и правопорядка, отметил, что качество следствия и дознания остается невысоким, поэтому значительное количество уголовных дел прокурорами возвращается для проведения дополнительного расследования. Так, за 10 месяцев 2014 года прокурорами выявлено 4,4 миллиона нарушений закона на стадии досудебного производства. Из них значительная часть – 2,9 миллиона допущены в рамках приема и рассмотрения сообщений о преступлениях [1].

В Иркутской области в 2014 г. из 25 688 уголовных дел, направленных в суд, было возвращено прокурору 122 уголовных дела, в 2013 г. из 21 493 уголовных дел, направленных в суд, возвращено 151 уголовное дело. Для дополнительного расследования (следствия и дознания) 249 уголовных дел (2014 г.) и 381 уголовное дело (2013 г.) было возвращено прокурорами по различным причинам*.

В научной и практической деятельности для обозначения процессуальных ошибок применяются различные понятия: пробелы, упущения, недостатки, нарушения, заблуждения, отступления.

По нашему мнению, процессуальная ошибка – это неправильное процессуальное действие (бездействие) следователя, прокурора, судьи, которое находит свое проявление в неполноте изучения обстоятельств дела, значительном нарушении требований уголовно-процессуального закона, его неправильном применении и принятии неправильного процессуального решения.

Под процессуальной ошибкой следует понимать любое нарушение закона, недостатки, допущенные на любых стадиях уголовного процесса, а также ошибки в процессуальной деятельности. Для самой сущности ошибки и факта ее существования момент выявления ошибки значения не имеет.

В литературе высказываются различные мнения относительно видов процессуальных ошибок в уголовном судопроизводстве.

Исследователями в области уголовного права и криминологии разработано множество оснований для классификации

процессуальных ошибок на виды. В частности, классификация осуществляется по следующим основаниям: характеру и содержанию ошибок; юридической природе; субъектам; характеру выявления и установления ошибок; характеру процессуальных последствий и т.п.

Классификация процессуальных ошибок позволяет более основательно осознать и определить их особенности, что увеличивает эффективность применения процессуальных норм с целью их устранения.

Анализ девяноста трех обвинительных приговоров, вынесенных судами, показал, что типичными процессуальными ошибками являются: неполное освещение доказательств, которые характеризуют личность обвиняемого или потерпевшего (7 %), приведение показаний допрошенного, которые не имеют прямого отношения к конкретному эпизоду (8 %), невыяснение точного времени совершения преступления (11 %), места совершения преступления (место указано неточно или не указано) (9 %) и т.п.**

Проанализировав обвинительные приговоры, можно сделать вывод, что в них установлены такие основания возвращения уголовного дела прокурору, как: несоответствие формы и содержания обвинительного заключения, обвинительного акта требованиям уголовно-процессуального закона или неутверждение его прокурором; явное несоответствие обвинения, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, тому обвинению, которое изложено в обвинительном заключении (акте); несоответствие постановления о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера установленным процессуальным требованиям.

Анализ процессуальной ошибки, связанной с отсутствием или неправильным указанием в обвинительном заключении (акте) данных о личности обвиняемого, потерпевшего и других участников процесса, показывает, что не все обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, могут быть основаниями возвращения уголовного дела прокурору в случае их

** Обзор судебных решений Верховного Суда РФ по уголовным делам // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 15 июня 2015 г.).

* Данные предоставлены Информационным центром ГУ МВД России по Иркутской области.

отсутствия в обвинительном заключении (акте) или в материалах уголовного дела. В то же время основаниями возвращения уголовного дела прокурору следует также считать такие ошибки, как неуказание или неправильное указание данных о личности потерпевшего, гражданского истца и ответчика, законного представителя несовершеннолетнего.

При этом дело подлежит возвращению прокурору лишь в том случае, если в других материалах дела данные, которые характеризуют лицо, изложены полно и правильно, и для установления сведений об этих лицах не нужно проводить следственные и процессуальные действия.

К процессуальным ошибкам относится несоответствие обвинения, изложенного в постановлении о привлечении лица как обвиняемого, тому обвинению, которое изложено в обвинительном заключении (акте). Явное несоответствие обвинения может заключаться в следующих конкретных ошибках: противоречивое изложение фактических обстоятельств обвинения; обвинение в обвинительном заключении (акте) не изложено относительно одного из обвиняемых по делу; изложение сути обвинения неполно или не соответствует содержанию постановления о привлечении в качестве обвиняемого; в обвинительном заключении (акте) не указана формулировка обвинения; формулировка обвинения изложена не полностью или не соответствует диспозиции статьи уголовного закона.

Анализ материалов прокурорской практики показывает, что в обвинительном заключении (акте) могут отсутствовать данные, которые конкретизируют размер и (или) характер причиненного преступлением вреда. Возвращение уголовного дела прокурору по этому основанию возможно лишь в следующих случаях: эти данные отражены в материалах дела, однако в обвинительном заключении (акте) они отсутствуют или изложены противоречиво, что не дает возможности установить действительный размер причиненного преступлением имущественного вреда; размер причиненного преступлением имущественного вреда, который указан в постановлении о привлечении лица как обвиняемого, существенно отличается от размера, который указан в обвинительном заключении (акте) [2].

К процессуальным ошибкам относятся и ошибки, допущенные при изложении в обвинительном заключении (акте) фактических обстоятельств преступления (время, место, способ, обстановка), юридической квалификации совершенного обвиняемым общественно опасного деяния, а также несоответствие формы обвинительного заключения (акта) установленным законом процессуальным требованиям. Основаниями возвращения уголовного дела прокурору будут следующие обстоятельства: в обвинительном заключении (акте) не указано, какая мера пресечения применена к обвиняемому; имеются противоречия при изложении формулировки обвинения относительно разных лиц, которые совершили преступление в соучастии; при изложении доказательств нет ссылок на соответствующие тома и листы дела; неполный список лиц, которые подлежат вызову в судебное заседание; факты недопустимой натурализации изложения в обвинительном заключении (акте) обстоятельств совершенного преступления против половой неприкосновенности лица, что исключает их публичное объявление; отсутствует перевод обвинительного заключения (акта) на родной язык обвиняемого или на язык, которым он свободно владеет.

К процессуальным ошибкам относятся также ошибки, допущенные при решении вопроса о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера. Возвращение таких дел прокурору будет способствовать более быстрому рассмотрению этих уголовных дел, создаст дополнительные гарантии охраны и защиты прав несовершеннолетних и ограниченно вменяемых лиц. При этом основаниями возвращения уголовного дела прокурору могут быть следующие: несоответствие постановления о направлении дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер воспитательного или медицинского характера установленным процессуальным законом требованиям при условии, что эти ошибки могут быть устранены путем составления нового постановления; постановление не утверждено прокурором или не подписано его следователем; отсутствие списка лиц, которые подлежат вызову в суд.

Среди всех типов ошибок следует выделить такие процессуальные ошибки, кото-

рые могут быть обнаружены во время судебного разбирательства в суде первой инстанции, и те, которые не могут быть обнаружены. Анализ материалов судебной практики показал, что во время судебного разбирательства может быть выявлено: ошибочное признание лица обвиняемым и составление обвинительного заключения для направления дела в суд (аналогично решению относительно применения принудительных мер медицинского характера к лицу) (4 %), неправильное выделение материалов уголовного дела в отдельное производство (3 %). Такое процессуальное решение суд обычно принимает в случае ошибочного определения им соучастия в преступлении*.

К ошибкам, которые могут быть выявлены на стадии судебного разбирательства, относятся нормативно-правовые ошибки, связанные с неисполнением или несоблюдением процессуальных и других правовых норм. Нормативно-правовая ошибка — это результат только неумышленно неправильных действий (бездействия), к которым можно отнести:

- несоблюдение требований составления процессуальных документов;
- использование доказательств, которые не соответствуют требованиям допустимости;
- неистребование дополнительных доказательств, которое приводит к неправильному выводу (в том числе к необоснованному выводу о невозможности решить вопрос по существу).

Значительную группу нормативно-правовых ошибок составляют ошибки в квалификации, под которыми понимается неправильное определение отсутствия или наличия состава преступления, а также его соответствия определенным нормам законодательства. К ошибкам в квалификации приводят недостатки законодательства и ошибки правоприменения.

При этом ошибки в квалификации обобщенно можно дифференцировать на три группы:

- неправильная квалификация состава преступления;
- непризнание состава преступления в деяниях или в совокупности деяний, в которых он содержится;

— неправильный выбор нормы УК РФ при квалификации преступлений.

Первая из названных ошибок является наиболее распространенной.

Второй тип квалификационной ошибки — это установление наличия в совершенном преступлении состава преступления, несмотря на то, что в действительности его нет. Исправление этой ошибки судами — показатель по большей части профессиональности судебной власти. Однако такое исправление на практике часто обусловлено определенными трудностями, поскольку в соответствии с законодательством и судебные органы, и прокуратура являются отдельными составляющими единой системы государственных правоприменительных органов. По-видимому, именно поэтому в подавляющем большинстве обвинительных приговоров судов мотивировочная часть на 80-100 % воспроизводит содержание государственного обвинения по делу.

Судебное решение должно быть пересмотрено в том случае, если обнаруженные значительные нарушения в ходе досудебного следствия свидетельствуют о наличии ошибки. В данном случае речь идет о процессуальных ошибках, имеющих принципиальный характер, когда не исправление такой ошибки способно исказить саму суть правосудия, суть приговора как акта правосудия.

К числу квалификационных ошибок, связанных с неправильной юридической оценкой совершенного, относятся «избыточные» квалификации. Они нередко допускаются правоприменительными органами сознательно, не только в связи с традиционным обвинительным направлением, а в первую очередь в связи с противоречиями уголовного законодательства. Судьи определяют при квалификации дополнительные статьи УК РФ неоправданно, обеспечивая искусственную реализацию принципа полноты уголовно-правовой квалификации. Так называемые «лишние» статьи суды могут исключать.

В результате по отношению к обвиняемому и подсудимому происходит обратный эффект. Квалификация преступлений сознательно выходит ошибочно завершенной со всеми соответствующими последствиями. При этом не исключается, что судебными инстанциями может быть

* Обзор судебных решений Верховного Суда РФ по уголовным делам // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrif.ru>

оставлена без изменений ошибочная квалификация по приговорам и обвинительным заключениям (актам).

Ошибочная юридическая оценка совершенного в связи с неправильным изложением нормы УК РФ может иметь место в случаях квалификации:

- оценочных признаков преступления;
- общественно опасных последствий;
- единых совокупных и сложных преступлений;
- малозначительных преступлений и деяний, которые граничат с проступками [3, с. 387].

Учитывая вышеизложенное, можно выделить две основные причины ошибок в квалификации: правоприменительную и законодательную.

Первая проблема заключается в неточности формулировок отдельных норм в УПК РФ. Например, в ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ указывается, что при возникновении угрозы безопасности обвиняемого или подозреваемого, его родственников в случае, если с лицом заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, следователь выносит постановление о хранении документов, которые указаны в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ, в опечатанном конверте. В то же время при необходимости принятия мер по обеспечению безопасности потерпевшего, его родственников и представителя следователь должен получить согласие руководителя следственного органа при вынесении постановления о сохранении данных. Следовательно, согласие руководителя следственного органа в первом случае не нужно, а во втором – требуется.

Неточность законодательных норм означает нарушение правил законодательной техники при осуществлении законотворческой деятельности. Это прежде всего системные и языковые правила. Многозначность слов, которая порождает квалификационные ошибки, имеет место при употреблении в УК РФ терминов, которые имеют несколько лексических значений. В таких случаях целесообразно использовать общепринятое значение данных слов.

Ко второй группе процессуальных ошибок, которые могут быть выявлены в ходе судебного заседания, относятся логико-методологические ошибки. Они коренятся в сложности познания материалов

дела и могут быть допущены всеми участниками судебного процесса. Гносеологический аспект логико-методологических ошибок означает, что в сознании участника судебного процесса неадекватно отражаются объективные свойства объектов. Большинство ошибок являются именно логико-методологическими ошибками (в широком понимании). Их можно, в свою очередь, разделить на психологические, логические и фактические (предметные). Логико-методологические ошибки возникают, когда обоснование промежуточных, а также окончательных решений по делу основывается на недостаточной совокупности признаков, что обусловлено нарушением правил логики, а также некорректным применением логических приемов и операций [4]. Объективные предпосылки логико-методологических ошибок заключаются в недостатках организационно-управленческого характера судебной деятельности. В этой группе можно выделить ошибки, которые заключаются в неправильной последовательности применения методов, методик и процедур [5, с. 1-18].

Третью группу процессуальных ошибок, которые могут быть выявлены в ходе судебного разбирательства, составляют когнитивные ошибки. Они могут возникать из-за ошибочного разделения целостного объекта, явления, события, действия на независимые и не связанные между собой части; ошибочного объединения разных, не связанных между собой самостоятельных объектов, явлений, фактов в общее целое, которым эти факты в действительности не были.

В результате несовершенного представления об отношениях между предметами объективного мира могут возникать предметно-схематические ошибки, которые, в свою очередь, предопределены объективными и субъективными факторами [6, с. 48].

К объективным факторам предметно-схематических ошибок следует отнести недостатки современного уровня знаний, на которые опирается отраслевая судебная наука. Субъективные же факторы отражают недостатки в уровне овладения и применения методов и методик в судебной деятельности судьей, специалистом, экспертом определенной специализации. Ошибки третьей группы предопределены неправильными

ми действиями судьи или его бездействием и возникают из-за неисполнения определенных процессуальных действий.

Предпосылки операционных ошибок заключаются в недостатках организационно-управленческого характера судебной деятельности. В этой группе можно выделить ошибки, которые заключаются в неправильной последовательности применения методов, методик и процедур [5, с. 1-18].

При этом разграничение процессуальных ошибок имеет относительный характер, иногда одни ошибки предопределяют возникновение других, а нередко являются также следствием влияния нескольких факторов.

К процессуальным ошибкам относится неправильный отказ в удовлетворении заявленных ходатайств по делу. Чаще всего такие ходатайства заявляются по поводу переквалификации преступления или привлечения к уголовной ответственности лиц, которые принимали участие в совершении преступления.

Во время судебного разбирательства может быть также обнаружено неправильное признание потерпевшим лица или гражданского истца. Такие дела на исследование не возвращают, а ошибки исправляют непосредственно в судебном заседании процессуальным решением судьи.

К процессуальным ошибкам на стадии досудебного расследования преступлений, которые также могут быть выявлены в суде, относятся технико-технологические ошибки – это ошибки, которые заключаются в неправильном использовании положений и рекомендаций при расследовании преступлений. Распространенными ошибками являются следующие: 1) проведение следственных действий без участия специалиста-криминалиста или специалиста в соответствующей области; 2) несоблюдение технологии работы с определенным технико-криминалистическим средством в процессе поиска следов, осмотра вещественных доказательств при отсутствии соответствующего специалиста [7, с. 15-16].

Технико-технологические ошибки следователь может допустить при составлении отдельных процессуальных документов или в целом при оформлении материалов уголовного дела, что, в свою очередь, приводит к судебным ошибкам.

Такие технико-технологические ошибки следователя обычно относят к тактическим ошибкам [8, с. 2-6]. Но с этим мнением нельзя согласиться, поскольку обычные описки, грамматические или стилистические погрешности, допущенные следователем в документах, подготовленных с использованием компьютера или другой компьютерной техники, отражают именно технический характер работы следователя. Результаты обобщения судебно-следственной практики позволяют констатировать, что следователи допускают такие технико-технологические ошибки, как: 1) неправильно указывают анкетные данные лиц, относительно которых возбуждено уголовное дело, или свидетеля, потерпевшего; 2) неполно или неверно описывают внешний вид вещественного доказательства; 3) неправильно описывают в фабулах постановлений процессуальных действий способ совершения преступления; 4) в обвинительном заключении непоследовательно представляют доказательственную базу; 5) протоколируют следственные действия неразборчивым почерком [9].

Тактические ошибки являются наиболее сложными для выявления судьей в процессе судебного разбирательства. Тактическая ошибка заключается в неприменении или ошибочном применении тактических приемов, операций, рекомендаций, направленных на сбор, исследование и использование доказательственной информации.

К недопустимым доказательствам, согласно ст. 75 УПК РФ, относятся показания потерпевшего, свидетеля, которые основываются на догадках, слухах, предположениях. Действительно, содержание доказательства должно быть доступно для оценки и проверки степени его достоверности. Если по делу все же устанавливаются «неполноценные» показания, то у сторон, которые заинтересованы в их проверке, отсутствует возможность проверить данную информацию путем проведения допроса лиц, которые являются «первоисточником» сведений получения доказательств. И это не может не нарушить принципы состязательности и равенства сторон в процессе.

В большинстве рассмотренных уголовных дел судья только диагностирует не-

достатки организации и планирования конкретного следственного действия или всего процесса расследования уголовного дела. Это следует объяснить тем, что тактические ошибки имеют по большей части деятельностный или операционный характер. Они связаны с активными действиями следователя в определенных фактических условиях следственной ситуации, которые в материалах уголовного дела будут отражены лишь в письменных планах расследования уголовного дела или (достаточно редко) непосредственно в протоколе проведения отдельного следственного действия. В связи с этим тактические ошибки имеют по большей части латентный характер.

Анализ особенностей материалов судебно-следственной практики позволяет разграничивать процессуальные ошибки по причине, которая вызывает их возникновение, на три вида: а) неверная правовая оценка общественно опасных деяний; б) недочеты законодательства; в) недостаточно высокий уровень правоприменителей.

Каждый из приведенных видов также имеет свою классификацию, predetermined степень распространенности конкретной ошибки и особенностями ее выявления судьей непосредственно во время ознакомления с делом в суде первой инстанции. Предложенное деление процессуальных ошибок будет иметь практическое значение в разработке путей их устранения.

Несмотря на правильное в целом применение правовых норм, следовательно, прокуроры, судьи, эксперты допускают процессуальные ошибки. Ошибки ведут к нарушению истинности индивидуальных актов применения права, к нарушению законности.

Ошибка в процессуальной деятельности имеет чаще всего скрытый характер. С одной стороны, она обусловлена добросовестным обманом субъекта правоприменительной деятельности, который не предусматривает и не желает допустить ее, с другой — умышленным, неправильным применением права. Правовая аргументация такой деятельности с целью скрыть ошибку должна расцениваться как правонарушение, которое отличается от ошибки направленностью сознания, мотивов и форм вины.

Скрытые или неустановленные ошибки до определенного времени имеют латентный характер и не регистрируются статистикой. С целью систематизации процессуальных ошибок может быть предложена их классификация по ряду признаков:

- в зависимости от особенностей механизма формирования процессуальных ошибок — на неосторожные и ошибки, допускаемые в результате халатности;

- в зависимости от степени распространенности процессуальных ошибок — на типичные и нетипичные ошибки. К типичным относятся однородные ошибки, которые повторяются достаточно часто в процессе правоприменительной деятельности. Выявление типичных ошибок позволит установить наиболее уязвимые места в судебной практике и принять соответствующие меры по исправлению ситуации;

- по субъекту признания ошибки — на ошибки в зависимости от того, на какой инстанции и кем была признана ошибка (например, следователь или руководитель следственного органа, либо суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции);

- по субъекту исправления ошибки: в связи с различной природой процессуальных ошибок их исправление относится к компетенции органов расследования, судов вышестоящих инстанций в кассационном и апелляционном порядке, устранение других ошибок возможно судом, который их допустил. Но в некоторых случаях ошибки могут исправляться и самим судом, который вынес решение.

В следственно-судебной практике могут встречаться и другие виды процессуальных ошибок:

- 1) ошибки следователя (дознавателя) при несоблюдении ими на досудебных стадиях уголовного процесса конституционных прав и свобод человека и гражданина. Данный вид ошибок может возникать при несоблюдении или нарушении таких конституционных прав и свобод, как:

- равенство всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ);

- неприкосновенность личности, жилища, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст.ст. 22, 23, 25 Конституции РФ);

- государственное обеспечение достоинства личности гражданина (ст. 21 Конституции РФ);

– право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ);

– право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ);

– право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ);

– право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ).

2) ошибки, выявленные в ходе процессуального контроля. Полномочия ру-

ководителя следственного органа или начальника подразделения дознания – это средства процессуального контроля, с помощью которых обеспечивается законность при производстве по уголовному делу.

Таким образом, классификация процессуальных ошибок позволяет их систематизировать в зависимости от способов выявления, в частности, в зависимости от причин, которые вызывают их возникновение, или от природы их происхождения, а также в зависимости от правовых последствий их допущения.

Список литературы

1. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки // Рос. газ. 2015. 12 янв.
2. Возвращение уголовного дела судом прокурору. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
3. Дугин А.Т. Проблемы борьбы с уголовно-процессуальными правонарушениями при расследовании преступлений средствами прокурорского надзора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 387 с.
4. Сорокина Ю.В. Логические юридико-технические ошибки в статье 244 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за надругательство над телами умерших и местами их захоронений // Материалы заочной конференции Сибирской заочной ассоциации консультантов. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01.../3568> (дата обращения: 15 июня 2015 г.).
5. Меретуков Г.М. Противодействие судебному следствию и меры его преодоления в различных судебных ситуациях // Научный журнал КубГАУ. 2011. N 66 (02). С. 1-18.
6. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М.: Изд-во МГУ, 2003.
7. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Российская юстиция. 2010. N 4. С. 15-16.
8. Казгериева Э.В. Классификация судебных ошибок // Мировой судья. 2006. N 8. С. 2-6.
9. Феномен судебной ошибки в уголовно-процессуальной деятельности суда. М.: Консультант Плюс, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-Rom).

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ДЕМИЧЕВ А.А., доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, aadem@bk.ru Кафедра гражданского права и процесса; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	DEMICHEV A.A., Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, professor, honoured worker of higher professional education of the Russian Federation, aadem@bk.ru Chair of civil law and procedure; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation
--	--

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

Реферат. Природоохранная функция является одной из важных функций Российского государства. Задача по ее реализации возлагается на правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел. Обязанности полиции в природоохранной сфере закреплены в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции». На основе Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью выделяются формы взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами в сфере реализации природоохранной функции государства. Рассматриваются профилактические меры в сфере противодействия экологическим правонарушениям и преступлениям: информирование населения об экологической ситуации в регионе, о мерах по обеспечению личной безопасности, о статистике экологических правонарушений и преступлений, об ответственности за их совершение; проведение профилактических рейдов с целью предотвращения правонарушений и преступлений в экологической сфере; проведение встреч, бесед и лекций с различными категориями населения. Цель таких мероприятий — разъяснение требований экологического законодательства и ответственности, наступающей в случаях его несоблюдения. При этом основная нагрузка ложится на инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных. Резюмируется, что Федеральный закон «О полиции» определяет, хотя и не в достаточно четкой форме, природоохранные функции органов внутренних дел. Направления деятельности полиции в природоохранной сфере достаточно широки, но при этом на практике существуют отработанные механизмы их реализации. Скептически оценивается законодательная конкретизация природоохранной деятельности органов внутренних дел и создание специального подразделения — экологической полиции.

Ключевые слова: полиция; природоохранная деятельность правоохранительных органов; экологическая милиция; экологическая полиция.

ENVIRONMENTAL PROTECTION ACTIVITIES OF POLICE

Abstract. Environmental protection function is an important function of the Russian state. The task of its implementation is the responsibility of law enforcement agencies, including the internal affairs bodies. The duties of the police in this field are fixed in part 1 of article 12 of the Federal law "On police". On the basis of the Regulation on coordination of activity of law enforcement bodies to combat crime the forms of police interaction with other law enforcement agencies in the field of implementation of environmental protection function of the state are distinguished. The preventive measures in the field of countering environmental offences and crimes are considered: informing the population about the environmental situation in the region, measures for ensuring personal safety, statistics of environmental offences and crimes and liability for committing them; raids to prevent environmental offences and crimes; meetings, interviews and lectures with various categories of the population. The purpose of such activities is clarification of the requirements of the environmental legislation and the liability for its violation. In this case the main burden falls on the juvenile and divisional inspectors. It's summarized that the Federal law "On police" determines, though not in a sufficiently clear manner, environmental protection functions of internal affairs bodies. The directions of police activities in the field of environmental protection are wide enough, but in practice there are well developed mechanisms for

their implementation. The legislative specification of environmental protection activities of internal affairs bodies and the creation of a special unit (environmental police) are skeptically evaluated.

Keywords: police, environmental protection activities of law enforcement agencies, environmental police.

Органы внутренних дел играют важную роль в реализации природоохранной функции правоохранительных органов. Это происходит в тесном взаимодействии со Следственным комитетом РФ, Федеральной службой безопасности РФ, с органами прокуратуры, уголовно-исполнительной системы, органами по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; таможенными и иными правоохранительными органами.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. (ред. от 13.07.2015 г.) «О полиции»* (далее – ФЗ «О полиции») на полицию возложен ряд обязанностей в области охраны окружающей среды. К сожалению, в ФЗ «О полиции» четко не выделены направления реализации природоохранной функции органов внутренних дел. Однако в ч. 1 ст. 12 указанного нормативного правового акта среди обязанностей полиции называются и те, которые имеют значение в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

В научной литературе в зависимости от организационных форм выделяется три вида природоохранной деятельности полиции: «1) осуществляемая на основе сочетания с охраной общественного порядка и борьбы с преступностью; раскрытие экологических преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия не обязательно; 2) на основе договоров с министерствами и ведомствами (оказание помощи должностным лицам природоохранных органов, органов Госсанэпиднадзора и других специализированных органов в осуществлении ими своих обязанностей по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности); 3) в рамках содействия природоохранительным организациям» [1]. Такая классификация представляется нам неудачной, не отражающей всего многообразия обязанностей полиции в экологической сфере.

На основе анализа ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» можно выделить следующие обязанности полиции в экологической сфере:

1. Выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний (п. 4 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»). Данное положение в полной мере касается экологических преступлений и правонарушений. Особенно важная миссия в данном случае возлагается на участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних. Вообще, профилактика экологических преступлений и правонарушений должна проводиться еще на уровне дошкольного образования. У ребенка следует формировать позитивное представление о рациональном использовании ресурсов и необходимости охраны окружающей среды.

2. Принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействовать в этих условиях бесперебойной работе спасательных служб; обеспечивать общественный порядок при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и эпизоотий (п. 7 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»); участвовать в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения в случае их введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях (п. 29 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»). В данном случае речь идет о чрезвычайных ситуациях экологического (лесные пожары, наводнения, землетрясение и др.) или техногенного (аварии на предприятиях, приведшие к попаданию радиоактивных или других опасных загрязняющих веществ в окружающую среду) характера.

В чрезвычайных ситуациях совместно с органами Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – МЧС) (в некоторых случаях и совместно с предста-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; 2015. N 29 (ч. 1). Ст. 4374.

вителями Вооруженных сил РФ) сотрудники органов внутренних дел участвуют в спасении граждан, их эвакуации, оказании первой помощи пострадавшим; противодействуют стихийным бедствиям (тушат пожары, возводят заграждения из мешков с песком во время наводнения и т.п.); участвуют в оцеплении опасных участков. Кроме того, в таких случаях на полицейских возлагается сложная и опасная обязанность по охране от мародеров (часто активизирующихся в подобного рода ситуациях) оставшегося имущества граждан.

Во время эпидемий и эпизоотий сотрудники полиции могут привлекаться к проведению карантинных мероприятий (участие в оцеплениях, контроле автотранспорта, выезжающего с территории, находящейся на карантине, и др.). Помимо этого, на участковых уполномоченных полиции, участки которых находятся в карантинной зоне и на прилегающих территориях, возлагается важная задача, заключающаяся в разъяснении местному населению сущности и значения проводимых мероприятий, нецелесообразности противодействия им. В этом случае проводится работа по профилактике соответствующих правонарушений и преступлений. В первую очередь, речь идет о профилактике преступлений, наказание за которые предусмотрено ст. 249 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений», и ряда правонарушений, наказание за которые предусмотрено Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (ст. 10.1 «Нарушение правил борьбы с карантинными, особо опасными и опасными вредителями растений, возбудителями болезней растений, растениями-сорняками»; ст. 10.2 «Нарушение порядка ввоза и вывоза подкарантинной продукции (подкарантинного материала, подкарантинного груза)»; ст. 10.3 «Нарушение правил производства, заготовки, перевозки, хранения, переработки, использования и реализации подкарантинной продукции (подкарантинного материала, подкарантинного груза)»; ст. 10.6 «Нарушение правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил»; ст. 10.7 «Соккрытие сведений о внезапном падеже или об одновременных массовых заболеваниях животных»; ст. 10.8 «Нару-

шение ветеринарно-санитарных правил перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства»).

3. В соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, возбуждать уголовные дела, производить дознание по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым необязательно; выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно (п. 8 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»).

Согласно ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) органы полиции проводят дознание по уголовным делам (в экологической сфере), которые были возбуждены по фактам совершения преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ:

- ч. 1 ст. 250 «Загрязнение вод»;
- ч. 1 ст. 251 «Загрязнение атмосферы»;
- ч. 1 ст. 252 «Загрязнение морской среды»;
- ст. 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации»;
- ч. 1 ст. 254 «Порча земли»;
- ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»;
- ст. 257 «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов»;
- ст. 258 «Незаконная охота»;
- ч. 1 ст. 258.1 «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации»;
- ч. 1 ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений»;
- чч. 1 и 2 ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений»;
- ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов».

Помимо этого, органы внутренних дел проводят дознание по преступлениям, предусмотренным ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными». Данная

статья, хотя и не включена в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления», а входит в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», очевидно, носит экологический характер. Кроме того, жестокое обращение может иметь место не только по отношению к домашним, но и диким животным.

Следователями органов внутренних дел Российской Федерации производится предварительное следствие по экологическим преступлениям, предусмотренным следующими статьями УК РФ:

– ст. 259 «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации»;

– чч. 2 и 3 ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений»;

– чч. 3 и 4 ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений».

4. Осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений (п. 10 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»), осуществлять розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении; лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда (п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»). Данные положения в полной мере касаются и экологических преступлений.

5. Пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством об административных правонарушениях к подведомственности полиции (п. 11 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»). Органы внутренних дел обязаны пресекать любые административные правонарушения, в том числе и экологические. Однако в соответствии со ст. 23.3 КоАП РФ в компетенцию полиции входит рассмотрение административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, предусмотренных только двумя статьями КоАП РФ: ст. 8.22 «Выпуск в эксплуатацию механических транспортных средств с превышением нормативов содержания загрязняющих веществ в выбросах либо нормативов уровня шума» и ст. 8.23 «Эксплуатация механических транспортных средств с превышением нормативов содержания загрязняющих веществ в выбросах либо нормативов уровня шума».

6. Осуществлять государственный контроль (надзор) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения; регулировать дорожное движение; выдавать свидетельства о допуске автотранспортных средств к перевозке опасных грузов (п. 19 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»). Названные обязанности возлагаются на сотрудников ГИБДД.

7. Выдавать гражданам и организациям при наличии оснований, предусмотренных федеральным законом, лицензии на приобретение гражданского и служебного оружия; разрешения на хранение или хранение и ношение гражданского и служебного оружия, на хранение и ношение наградного оружия (п. 20 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»), контролировать оборот гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, а также соблюдение гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия (п. 21 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»). В контексте природоохранной функции органов внутренних дел речь идет о контроле оборота охотничьего оружия. Вопросы обращения охотничьего оружия находятся в компетенции лицензионно-разрешительной службы МВД России. В обязанности участкового уполномоченного полиции входит регулярный контроль за правильностью хранения охотничьего оружия и боеприпасов к нему физическими лицами, проживающими на вверенном ему участке.

Как мы уже отмечали ранее, органы полиции взаимодействуют с другими правоохранительными органами в сфере реализации природоохранной функции государства. Круг данного взаимодействия достаточно широкий. В него входят вопросы правовой пропаганды, профилактики экологических преступлений и правонарушений, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, расследование и раскрытие преступлений и др.

В соответствии с п. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденного указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. N 567 (ред. от 25.07.2014) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе

с преступностью»* (далее – Положение) координация правоохранительных органов «осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению». Это в полной мере касается и экологических преступлений.

Основная обязанность по координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, в том числе и природоохранной, возлагается на органы прокуратуры.

В пункте 5 Положения перечисляются основные направления координационной деятельности (в том числе и в области охраны окружающей среды):

- совместный анализ состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций развития, изучение практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений;

- выполнение федеральных и региональных программ борьбы с преступностью;

- разработка совместно с другими государственными органами, а также научными учреждениями предложений о предупреждении преступлений;

- подготовка и направление в необходимых случаях информационных материалов по вопросам борьбы с преступностью Президенту Российской Федерации, Федеральному Собранию Российской Федерации и Правительству Российской Федерации, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органам местного самоуправления;

- обобщение практики применения законов о борьбе с преступностью и подготовка предложений об улучшении правоохранительной деятельности;

- разработка предложений о совершенствовании правового регулирования деятельности по борьбе с преступностью;

- обобщение практики выполнения международных договоров Российской Федерации и соглашений с зарубежными странами и международными организациями по вопросам сотрудничества в борьбе

с преступностью и выработка соответствующих предложений;

- изучение координационной деятельности правоохранительных органов, распространение положительного опыта.

В пункте 6 Положения называются формы координации деятельности правоохранительных органов. Можно выделить следующие формы взаимодействия органов полиции с другими правоохранительными органами в сфере реализации природоохранной функции государства:

- разработка планов совместных мероприятий в природоохранной области с другими ведомствами (в качестве примера можно привести План совместных мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федерального агентства по рыболовству по обеспечению государственного контроля за соблюдением законодательства в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов во внутренних водах Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна, утвержденный приказом МВД России N 16 и Росрыболовства N 11 от 15 января 2010 г.** Данный план рассчитан до 2020 г.);

- реализация планов совместных мероприятий;

- участие в координационных совещаниях по охране окружающей среды и отдельных видов природных ресурсов;

- проведение совместных рейдов с другими уполномоченными органами и их должностными лицами (инспекторы Рыбнадзора, егери, лесничие и др.) в целях охраны природных ресурсов;

- совместная охрана атомных объектов внутренними войсками или подразделениями вневедомственной охраны полиции с Федеральной службой безопасности РФ и вооруженными силами;

- обеспечение в случае необходимости безопасности сотрудников МЧС, санитарно-эпидемиологической службы и др. при осуществлении ими полномочий в сфере охраны окружающей среды;

- совместное проведение профилактических мероприятий (например, с органами прокуратуры);

- взаимодействие в расследовании экологических преступлений со Следственным комитетом РФ и Федеральной службой безопасности РФ;

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 17. Ст. 1958; 2014. N 30 (ч. II). Ст. 4286.

** Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– другие формы взаимодействия.

Важную роль в противодействии экологическим правонарушениям и преступлениям играют соответствующие профилактические меры. Они достаточно разнообразны. В их перечень входит, во-первых, информирование населения через средства массовой информации, информационные щиты и другими способами об экологической ситуации в регионе, о мерах по обеспечению личной безопасности (особенно это актуально в зонах стихийных бедствий и техногенных катастроф, при проведении карантинных мероприятий), о статистических данных о совершенных экологических правонарушениях и преступлениях, об ответственности за их совершение. Во-вторых, к профилактическим мерам относится проведение профилактических рейдов с целью предотвращения правонарушений и преступлений в экологической сфере (например, в случае установления запрета на посещение лесов по причине пожароопасной обстановки; в период нереста рыбы и др.). Наконец, еще одним направлением профилактической работы полиции в природоохранной сфере является проведение встреч, различного рода бесед и лекций с населением. Целью таких мероприятий является разъяснение требований экологического законодательства и ответственности, наступающей в случаях его несоблюдения. В данном случае основная нагрузка ложится на инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции.

В 90-х гг. XX века в качестве эксперимента в отдельных городах Российской Федерации (Ижевск, Казань, Москва, Набережные Челны, Новосибирск и др.) была создана экологическая милиция. В 2010 г. в Российской Федерации подразделения экологической милиции действовали в 30-ти субъектах [2, с. 107]. Данные подразделения входили в структуру милиции общественной безопасности и занимались вопросами, связанными с профилактикой, выявлением, расследованием экологических преступлений, профилактикой, выяв-

лением административных правонарушений в сфере экологии, производством по делам об указанных административных правонарушениях. Штаты экологической милиции были невелики – примерно от двух до полутора десятков человек. Мнения по поводу ее деятельности были неоднозначными. В итоге эксперимент был прекращен как неудачный, а экологическая милиция упразднена. Обратим внимание, что это не было связано с реформированием органов внутренних дел Российской Федерации и произошло немного раньше. При этом субъекты Российской Федерации не были лишены права, если считали нужным, создавать у себя отделения экологической милиции. В ряде регионов (например, в Нижегородской области) существовали проекты по созданию экологической милиции, но они не были реализованы.

В настоящее время региональной экологической полиции нет и в принципе быть не может. Теоретически возможно лишь ее создание путем внесения изменений в федеральное законодательство. Однако при этом актуальным остается вопрос: насколько это целесообразно?

С одной стороны, специализация (в том числе и в экологической сфере) всегда является положительным моментом в деятельности любого правоохранительного органа. С другой стороны, в ситуации ярко выраженной тенденции сокращения штатов полиции целесообразность создания нового структурного подразделения представляется весьма спорной.

В завершение обратим внимание на то, что ФЗ «О полиции» нечетко определяет природоохранные функции органов внутренних дел. Направления деятельности полиции в природоохранной сфере достаточно широки, на практике существуют отработанные механизмы их реализации. Что касается законодательной конкретизации природоохранной деятельности органов внутренних дел и создания специального подразделения – экологической полиции, то это, по нашему мнению, пока преждевременно.

Список литературы

1. Юнкина О.П. Особенности административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел в экологической сфере // Административное право и процесс. 2013. N 4. С. 46-50.
2. Экологическая милиция: проблемы и перспективы / А.В. Мелехин, М.А. Лапина, Е.А. Еримичев, В.И. Решетников // Вестник МВД России. 2011. N 2-3. С. 106-108.

МИКАИЛОВ С.М., кандидат юридических наук, smm45@mail.ru	MIKAILOV S.M., Candidate of Legal Sciences, smm45@mail.ru
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	Chair of administrative activity of internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ПОЛИЦИИ И НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Реферат. Исследуются основные направления деятельности вневедомственной охраны полиции в свете реализации требований новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683, которая является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также базовым документом стратегического планирования. Обосновывается необходимость корректировки и конкретизации направлений деятельности вневедомственной охраны полиции в сфере обеспечения национальной безопасности, выделения в конкретно складывающейся оперативной обстановке основных направлений ее функционирования. Определив место вневедомственной охраны полиции в системе обеспечения национальной безопасности, автор делает вывод о том, что возложение на нее функции обеспечения имущественной безопасности и антитеррористической защищенности объектов с применением присущих ей методов и средств есть адекватное проявление воли государства по обеспечению в целом национальной безопасности. В свете реализации Стратегии целевая ориентация и основные акценты деятельности вневедомственной охраны полиции сместятся в сферу обеспечения антитеррористической защищенности объектов, требующих повышенного внимания со стороны государства в рамках обеспечения национальной безопасности (объектов, подлежащих обязательной государственной охране, обязательной охране подразделениями полиции, периметров международных аэропортов). Важнейшим направлением деятельности полиции также является обеспечение антитеррористической защищенности критически важных объектов, объектов особой важности и объектов топливно-энергетического комплекса путем участия в проведении экспертной оценки состояния их антитеррористической защищенности и безопасности, подготовки рекомендаций по их инженерно-технической укреплению и оснащению техническими средствами охраны.

Ключевые слова: национальная безопасность; деятельность; антитеррористическая безопасность; полиция; вневедомственная охрана; приоритет.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE ACTIVITIES OF PRIVATE SECURITY SERVICE AND THE NEW STRATEGY OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract. The main directions of the activities of private security service of police in the light of the implementation of the new Strategy of the RF national security, approved by the decree of the President of the RF from December 31, 2015 No. 683, are analyzed. This strategy is the basis for the formation and implementation of state policy in the sphere of ensuring the national security of the RF and the basic document of strategic planning. The need of correction and concretization of the activities of private security service in the sphere of ensuring national security and identifying the main areas of its functioning in specific operational environment is substantiated. Having determined the role of private security service in the system of ensuring national security, the author comes to the conclusion that imposing the function of providing property security and antiterrorist protection of objects using inherent methods and tools to this service is the adequate manifestation of the will of the state to ensure overall national security. In light of Strategy implementation the task orientation and the main emphasis of the activities of private security service will move into the sphere of ensuring the antiterrorist protection of objects requiring greater attention from the state (objects which are subjects to obligatory state and police protection, international airports perimeters). Another important area of policing is ensuring antiterrorist protection of the most significant facilities and fuel-energy complex

facilities by participating in the expert assessment of the status of their antiterrorist protection and security, as well as preparing recommendations on their equipment.

Keywords: national security; activity; antiterrorist security; police; private security service; priority.

В последний день минувшего года Президент Российской Федерации В.В. Путин утвердил новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации* (далее – Стратегия), определившую новые стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности. При этом под обеспечением национальной безопасности, как указано в Стратегии, понимается «реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов».

В связи с этим, на наш взгляд, актуализируются вопросы деятельности всех государственных и негосударственных структур, участвующих в обеспечении национальной безопасности страны, в части выделения и реализации в первоочередном порядке тех приоритетных направлений деятельности, которые напрямую связаны с выполнением задач в данной сфере. Следовательно, конкретизация функций элементов государственного механизма управления системой обеспечения национальной безопасности становится важным фактором совершенствования всей политической системы страны.

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»**, определившем государство основным субъектом обеспечения безопасности в стране, сформулированы основные принципы деятельности по обеспечению безопасности государства, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов

Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, статус Совета Безопасности Российской Федерации, а также содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Таким образом, в данном законе предусмотрено, что свою деятельность по обеспечению безопасности государство будет осуществлять через уполномоченные институты (органы законодательной, исполнительной и судебной власти). Определив компетенцию каждого из органов власти, государство тем самым конкретизирует свойственные только им задачи и функции.

Стратегия также предполагает, что «реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения».

Представляется, что указанные закон и Стратегия, определяя контуры существующей современной системы обеспечения национальной безопасности страны, подразумевают широкий спектр институтов государства и общества, участвующих в обеспечении национальной безопасности, исходя из сфер деятельности общества и государства. При этом важно заметить, что в обеспечении безопасности принимают участие не только государственные органы, но и негосударственные организации и частные лица. Однако в этом механизме существуют специально созданные государством институты, непосредственно призванные обеспечивать национальную безопасность.

К органам обеспечения национальной безопасности принято относить вооруженные силы страны, воинские формирования федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена воинская служба, федеральную службу безопасности (включая пограничные войска), органы внешней разведки, федеральную службу охраны, органы внутренних дел и внутренние войска, налоговые органы, органы ликвидации последствий чрезвычай-

* О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2.

ных ситуаций и формирования гражданской обороны, органы, обеспечивающие безопасное проведение работ в различных сферах, природоохранные органы, органы обеспечения безопасности систем связи и коммуникаций, органы охраны здоровья и другие [1, с. 55; 2]. Деятельность каждого из вышеперечисленных субъектов регламентирует специальный законодательный или другой нормативный правовой акт, который определяет их административно-правовой, организационно-правовой статусы, компетенцию, полномочия и ответственность в соответствующей сфере деятельности, в том числе в сфере деятельности по обеспечению национальной безопасности*. Направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности в основном определены в ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»** и в Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. N 248***, а также в ряде других нормативных правовых актов федерального уровня.

Анализ данных нормативно-правовых источников, а также научной литературы [3; 4; 5] позволяет констатировать,

* Например, Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» определяет направление деятельности органов ФСБ России в сфере обеспечения безопасности, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» определяет направления деятельности полиции в данной сфере. Аналогично определяют направления деятельности в сфере обеспечения безопасности соответствующих органов такие акты, как Федеральный закон от 31 мая 1996 г. N 61-ФЗ «Об обороне», Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. N 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. N 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. N 868 «Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» и т.д.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 10. Ст. 1334.

что, действуя в целях обеспечения национальной безопасности, органы внутренних дел непосредственно реализуют деятельность по обеспечению личной безопасности граждан, общественной безопасности, охране собственности и общественного порядка, защите прав и законных интересов граждан и организаций от преступных и иных противоправных посягательств, осуществляют предупреждение и пресечение преступлений, их расследование и раскрытие, а также розыск и установление виновных лиц. Данная деятельность актуализируется в связи с тем, что в Стратегии целями общественной безопасности среди прочих определены защита основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации реализация указанных направлений деятельности возложена на все без исключения службы и подразделения. Однако ряд обозначенных направлений деятельности в ведомственных нормативных правовых актах выделен особо и возложен на некоторые из служб и подразделений.

Представляется также, что с учетом требований новой Стратегии указанная деятельность должна быть более конкретизирована, а механизм реализации усовершенствован.

Одним из подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации в структуре полиции является вневедомственная охрана полиции****.

Призванная обеспечивать имущественную безопасность граждан и организаций, вневедомственная охрана полиции как элемент единой системы органов внутренних дел участвует в процессе обеспечения национальной безопасности в целом и многих ее видов (общественной, экономической, информационной, транспортной, авиационной, энергетической и других) в частности [6].

Направления деятельности вневедомственной охраны полиции обозначены в Положении о Главном управлении

**** Вопросы организации полиции: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. N 250 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 10. Ст. 1336.

вневедомственной охраны МВД России* и в правоустанавливающих документах подразделений вневедомственной охраны территориального органа МВД России на региональном уровне, утверждаемых МВД России** (далее – Устав).

Анализ данных нормативных правовых источников позволил установить, что для достижения обозначенных целей, указанных в Уставах, вневедомственная охрана полиции осуществляет 39 видов (направлений) деятельности, которые условно можно подразделить на «общеполицейские» (связанные с пресечением преступлений и административных правонарушений в зоне действия постов и маршрутов патрулирования полиции вневедомственной охраны и другие направления, определенные Федеральным законом от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции»); непосредственные, или основные (связанные непосредственно с обеспечением имущественной безопасности граждан и организаций), и обеспечительные (связанные с обеспечением деятельности самих подразделений вневедомственной охраны полиции) [6].

Практические аспекты деятельности вневедомственной охраны полиции и личный опыт службы автора данной статьи в указанном подразделении в должности руководителя позволяют констатировать, что реализовывать их, концентрируя силы и средства одновременно на всех без исключения обозначенных выше направлениях, крайне сложно, скорее, нереально.

Представляется, что ни одно направление не должно оставаться без внимания, но ряд из них, в зависимости от складывающейся оперативной обстановки, наличия ресурсов, периодически выходят на первый план в процессе деятельности и требуют повышенного внимания, перегруппировки сил и средств и принятия дополнительных мер по их оперативной реализации. Это особенно актуально в условиях, когда посты физической охраны вневедомственной

охраны полиции в конце 2015 года по решению руководства страны с ряда важных объектов были сняты, а личный состав полиции, охранявший их, был сокращен, но обязанность по обеспечению их безопасности осталась направлением деятельности данной службы***.

Иными словами, возникает необходимость корректирования целей, конкретизации направлений деятельности и выделения из общей массы различных направлений деятельности основных в конкретно складывающейся оперативной обстановке в конкретное время.

Утверждение Президентом Российской Федерации новой Стратегии национальной безопасности России предопределено прежде всего появлением «новых угроз национальной безопасности, связанных с ростом глобальной и региональной нестабильности, появлением новых форм противоправной деятельности (связанных с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий), оказанием на Россию, проводящую независимую внешнюю и внутреннюю политику, политического, экономического, военного и информационного давления»****. Нарастающий экономический кризис в стране с высокой долей вероятности ведет к ухудшению материального положения большинства населения и обнищанию немалой его доли, вследствие чего прогнозируем рост так называемых имущественных преступлений (краж, грабежей, разбоев, мошенничества и т.п.). Следует также учитывать непростые реалии современности, когда террористические атаки стали едва ли не обыденностью и в борьбу с терроризмом вовлечен практически весь цивилизованный мир. При этом, как указано в Стратегии, «критическое состояние физической сохранности опасных объектов и материалов повышает вероятность их попадания в руки террористов»*****.

Обозначенные факторы требуют новых подходов к содержанию и реализации

* Приказ МВД России от 16 июня 2011 г. N 677 «Об утверждении Положения о Главном управлении вневедомственной охраны МВД России».

** См., например: Приказ МВД России от 5 мая 2012 г. N 471 «Об утверждении Устава Федерального государственного казенного учреждения "Управление вневедомственной охраны ГУ МВД по Самарской области"».

*** Перечень объектов, подлежащих обязательной охране полицией: утв. распоряжением Правительства РФ от 2 нояб. 2009 г. N 1629-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 45. Ст. 5397.

**** Стратегия, пп. 12, 13.

***** Стратегия, п. 20.

направлений деятельности всей системы обеспечения национальной безопасности в целом и ее элементов в частности. При этом выделение из них первостепенных и основных в складывающейся политической, экономической и прогнозируемой криминальной ситуации становится условием эффективности их функционирования.

Соответственно, роль органов внутренних дел в противодействии и нейтрализации обозначенных в Стратегии угроз национальной безопасности существенно возрастает и требует также концентрации сил и ресурсов для решения первостепенных задач в рассматриваемой сфере.

Представляется, что в складывающейся политической и экономической ситуации в стране, а также в прогнозируемой на будущее оперативной обстановке первостепенными задачами вневедомственной охраны полиции в сфере обеспечения национальной безопасности станут направления деятельности, связанные с обеспечением антитеррористической и имущественной безопасности граждан и организаций. Данный вывод аргументируется тем, что одним из основных «показателей оценки состояния национальной безопасности является удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств»*.

Следует заметить, что переориентированность узконаправленной охранной структуры на службу, приоритетом которой стала деятельность по обеспечению антитеррористической безопасности, наблюдается на протяжении нескольких последних лет. Задача, заключающаяся в том, что «дальнейшим вектором развития вневедомственной охраны полиции и одним из главных приоритетов ее деятельности определяется необходимость ухода от охраны имущества коммерческих предприятий и ориентированность на обеспечение безопасности особо значимых объектов Российской Федерации и усиление их охраны» [7], была поставлена руководством МВД России еще в 2012 году.

С учетом реалий современности и в свете реализации требований новой Стратегии национальной безопасности России решение данной задачи, на наш взгляд, актуализируется.

* Стратегия, п. 115.

Это связано, во-первых, с тем, что стало приоритетным такое направление деятельности, обозначенное в Федеральном законе «О полиции», Распоряжении Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2009 года N 1629-р, утвердившем Перечень объектов, подлежащих обязательной охране полицией, и Уставах, как охрана объектов особой и критической важности, а также обеспечение антитеррористической защищенности объектов путем участия в проведении экспертной оценки состояния их антитеррористической защищенности и безопасности и выдачи рекомендаций по их инженерно-технической укреплению и оснащению техническими средствами охраны. Данное направление деятельности становится приоритетным в связи с тем, что Стратегия одной из главных целей общественной безопасности определяет «совершенствование правового регулирования предупреждения терроризма и экстремизма»** с учетом противодействия таким обозначенным в Стратегии угрозам общественной безопасности, как «деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на уничтожение или нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения населения» и «преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности»***.

Во-вторых, приоритетным становится такое обозначенное в Федеральном законе от 21 июля 2011 года N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»**** и Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» направление деятельности вневедомственной охраны полиции, как обеспечение безопасности объектов топливно-энергетического комплекса. Данное направление деятельности актуализируется исходя из того, что в Стратегии одним из условий обеспечения экономического роста страны, ее экономической и энергетической безопасности обозначено «повышение эффективности

** Стратегия, п. 44.

*** Стратегия, п. 43.

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4604.

государственного управления топливно-энергетическим комплексом»*, что, безусловно, подразумевает обеспечение защиты объектов топливно-энергетического комплекса от преступных посягательств.

В-третьих, как одно из основных направлений деятельности вневедомственной охраны полиции в сфере обеспечения национальной безопасности можно выделить охрану периметров международных аэропортов. Данное направление определено Правительством Российской Федерации**. Указанное направление деятельности приобретает особую важность с учетом необходимости противодействия такой угрозе национальной безопасности (в том числе транспортной и авиационной безопасности), как «деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на уничтожение или нарушение функционирования объектов транспортной инфраструктуры»*** и «преступные посягательства, направленные против личности, собственности и общественной безопасности»****.

Важная роль вневедомственной охраны полиции в рассматриваемой сфере деятельности заключается, на наш взгляд, в том, что по вопросам обеспечения национальной безопасности она взаимодействует с другими субъектами системы ее обеспечения и использует их возможности.

При этом в условиях новых реалий и в свете реализации требований новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации такая деятельность должна сочетаться не только с контрольными функциями (инспектирование подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и участие в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов), но и с оказанием им правовой и методической помощи (участие в реализации государственных программ, разработка и осуществление

региональных мер по упорядочению и совершенствованию охраны особо важных и критически важных объектов, а также выдача рекомендаций по инженерно-технической укрепленности и оснащенности их техническими средствами охраны и безопасности). В этом плане возрастает значимость взаимодействия вневедомственной охраны полиции с территориальными антитеррористическими комиссиями, особенно в части обязательного привлечения сотрудников данной службы к проведению комплексных инспектирований на предмет антитеррористической защищенности различных категорий объектов, выработке требований по вопросам технической укрепленности и антитеррористической защищенности объектов и оснащению их техническими средствами охраны, а также их участия при согласовании паспортов безопасности критически важных объектов и объектов особой важности.

Учитывая то, что «состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности»****, возрастает необходимость результативности взаимодействия вневедомственной охраны полиции с органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере обеспечения национальной безопасности и ее компонентов. Наиболее плодотворно данное взаимодействие должно проявляться в разработке и осуществлении региональных мер по упорядочению и совершенствованию охраны имущества граждан и организаций, объектов, подлежащих обязательной охране полицией в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации*****, а также критически важных объектов и объектов особой важности.

При этом представляется, что вневедомственная охрана полиции должна использовать любые правовые и организационные механизмы, ориентированные на обеспечение удовлетворяющего потребности общества уровня имущественной безопасности и антитеррористической за-

**** Стратегия, п. 32.

***** Перечень объектов, подлежащих обязательной охране полицией: утв. Распоряжением Правительства РФ от 2 нояб. 2009 г. N 1629-р.

* Стратегия, п. 61.

** Обутверждении Правил охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры: постановление Правительства РФ от 1 февр. 2011 г. N 42 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 6. Ст. 890.

*** Стратегия, п. 43.

**** Стратегия, п. 43.

щищенности объектов различных категорий, национальных интересов Российской Федерации в целом как «объективно значимых потребностей личности, общества и государства»*.

В этом контексте большое значение имеют особенности организации и управления в подразделениях вневедомственной охраны полиции, которые могут позволить им на основе анализа имущественных преступлений и общего состояния оперативной обстановки своевременно выявлять угрозы антитеррористической и имущественной безопасности, определять их масштаб, возможные негативные последствия, вырабатывать меры по их нейтрализации и организовывать адекватное реагирование. Данные особенности уже, как правило, закладываются в практике планирования деятельности, определения задач и приоритетов, основанной на мониторинге и анализе информации о состоянии оперативной обстановки.

Соответственно, деятельность вневедомственной охраны полиции в рассматриваемой области станет важным фактором стабилизации правоотношений в сфере обеспечения как национальной безопасности и ее видов, так и правовой системы в целом, поскольку эта деятельность органично связана с основными элементами правовой системы, а именно с правотворчеством, правоприменением, праворазъяснением, профилактикой правонарушений и правовым контролем, обеспечением законности и правопорядка. При этом будет усиливаться важнейшее правозащитное свойство вневедомственной охраны полиции — способность реагировать на нарушения, посягающие на общезначимые интересы в сфере обеспечения имущественной безопасности и антитеррористической защищенности объектов различных категорий и разных форм собственности.

Многофункциональная деятельность вневедомственной охраны полиции по обеспечению имущественной безопасности в современных условиях придает ей большой превентивный и регулирующий потенциал в целях обеспечения национальной безопасности в пределах тех рамок, которые определило ей государство. В таком случае выделение основных на-

правлений деятельности вневедомственной охраны полиции в данной сфере как приоритетных (с учетом реализации требований новой Стратегии) и воздействие вневедомственной охраны полиции на процесс обеспечения национальной безопасности создаст дополнительные предпосылки для осуществления ею правового мониторинга угроз национальной безопасности как одной из основных функций вневедомственной охраны полиции, что будет способствовать принятию своевременных мер по нейтрализации и устранению возникающих угроз их состоянию, а также смягчению их последствий. При этом вневедомственная охрана полиции будет способна адекватно мобилизовать на нейтрализацию и устранение угроз национальной безопасности, учитывая их масштаб и локализацию, не только собственные ресурсы, но и ресурсы других субъектов системы обеспечения имущественной безопасности, а также самые широкие слои общественности и институты гражданского общества. Соответственно, объективная необходимость в использовании возможностей вневедомственной охраны полиции в сфере обеспечения национальной безопасности (в первую очередь, в части обеспечения имущественной безопасности и антитеррористической защищенности объектов) станет более очевидной и результативной. При этом значительные используемые и потенциальные возможности вневедомственной охраны полиции по нейтрализации либо устранению угроз национальной безопасности страны путем обеспечения имущественной безопасности и антитеррористической защищенности объектов указывают и на то, что ее роль в данном направлении деятельности не только сохранится, но и возрастет.

Таким образом, проведенный анализ новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, нормативно-правовых источников, научной литературы и практических аспектов современного состояния службы вневедомственной охраны полиции позволяет сделать вывод о том, что основные направления деятельности вневедомственной охраны полиции в сфере обеспечения имущественной безопасности должны претерпеть значительные изменения. Акценты ее деятельности и целевая ориентация сместятся в сферу

* Стратегия, п. 6.

обеспечения антитеррористической защищенности объектов путем охраны имущества, и в первую очередь объектов, подлежащих обязательной государственной охране, обязательной охране подразделениями полиции периметров международных аэропортов, так как именно такие объекты требуют повышенного внимания со стороны государства в рамках обеспечения национальной безопасности. Важнейшим направлением деятельности также станет обеспечение антитеррористической защищенности объектов (критически важных объектов, объектов особой важности и объектов топливно-энергетического комплекса) путем участия в проведении экспертной оценки состояния их антитеррористической защищенности и безопасности и выдачи рекомендаций по их инженерно-технической укреплённости и оснащённости техническими средствами охраны.

Реализация одного из основных требований Стратегии о необходимости эффективного функционирования всей системы обеспечения национальной безопасности* и «консолидации усилий федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»** выдвигает также на первые позиции такое направление деятельности вневедомственной охраны полиции, как ее взаимодействие с органами исполнительной власти страны и субъектов Российской Федерации, с территориальными антитеррористическими

комиссиями и местными органами самоуправления в сфере обеспечения национальной безопасности. Такое взаимодействие будет заключаться в оказании им правовой и методической помощи путем участия в реализации государственных программ, разработке и осуществлении региональных мер по упорядочению и совершенствованию охраны и антитеррористической защищенности особо важных и критически важных объектов, а также выдаче рекомендаций по инженерно-технической укреплённости и оснащённости объектов различных категорий техническими средствами охраны и безопасности с целью противодействия угрозам различных видов национальной безопасности и минимизации их последствий.

Следует также отметить, что возложение на вневедомственную охрану полиции функции обеспечения имущественной безопасности и антитеррористической защищенности объектов с применением присущих ей методов и средств, на наш взгляд, есть адекватное проявление воли государства по обеспечению национальной безопасности в целом.

Представляется, что обозначенные нами приоритетные направления деятельности должны найти отражение в качестве дополнений в существующей или в новой редакции Концепции развития вневедомственной охраны полиции территориальных органов внутренних дел Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2014-2016 годы)***, а также Уставах и других документах, регламентирующих деятельность вневедомственной охраны полиции.

*** Об утверждении Концепции развития подразделений вневедомственной охраны полиции территориальных органов внутренних дел Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2014-2016 годы): приказ МВД России от 18 марта 2014 г. N 159.

* Стратегия, пп. 32, 45.

** Стратегия, п. 3.

Список литературы

1. Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: МОДУЛЬ, 2000.
2. Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности. М.: ПАГС, 2002.
3. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Ю.Н. Авдеев [и др.]. М.: Юнити-Дана, 2010.
4. Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 494 с.
5. Фомин С.А. Обеспечение национальной безопасности: курс лекций. М.: Флинта, 2014. 270 с.

6. Микаилов С.М. Национальная и имущественная безопасность: соотношение понятий и аспекты обеспечения вневедомственной охраной полиции: монография. М.: Перо, 2013. 266 с.

7. Горовой А.В. Доклад на всероссийском семинаре-совещании начальников подразделений службы вневедомственной охраны полиции субъектов Российской Федерации. Москва, 24-25 апреля 2012 г. // Официальный сайт МВД России. URL: http://www.mvd.ru/news/show_104976/ (дата обращения: 11 янв. 2016 г.).

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук,
профессор,
1955715@rambler.ru
Кафедра административного
и финансового права;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
1955715@rambler.ru
Chair of administrative and financial law;
Tyumen State University,
Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

КОРКИН А.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
andreikorkin@mail.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

KORKIN A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
andreikorkin@mail.ru
Chair of administrative law and administrative
activities of internal affairs bodies;
Ural Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057,
Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА

Реферат. Рассматриваются вопросы современного состояния и перспектив развития административного законодательства о контрольно-надзорной деятельности в области дорожного хозяйства, в том числе вопросы административной ответственности. От проектирования, строительства, реконструкции, ремонта и содержания автомобильных дорог, соблюдения правовых и технических норм, регулирующих функционирование дорожного хозяйства, зависит состояние и развитие этой области. Однако фактически сложилась ситуация, в которой данные субъекты обладают лишь полномочиями. Действующий КоАП РФ традиционно устанавливает ответственность за административные правонарушения на транспорте и в области дорожного движения. Не выделяется дорожное хозяйство в качестве родового объекта административных правонарушений и в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административной ответственности, включенном в проект примерной программы законопроектной работы Государственной Думы РФ на период весенней сессии 2016 г. Аргументируется необходимость введения и детального регламентирования административной ответственности не только в области дорожного движения или транспорта, но и за неквалифицированные действия либо за бездействие органов управления дорожным хозяйством и их должностных лиц, приводящие к снижению эффективности функционирования дорожного хозяйства и, как следствие, к ухудшению экономики нашей страны. Отсутствие в законодательстве об административных правонарушениях санкций в

отношении органов управления дорожным хозяйством и их должностных лиц, отвечающих за развитие и поддержание существующей сети дорог в нормальном состоянии, названо одной из причин низких темпов строительства и неудовлетворительного состояния дорог. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: автомобильная дорога; административная ответственность; государственный надзор; дорожное хозяйство; дорожная деятельность; транспорт; безопасность дорожного движения.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE ROAD SECTOR

Abstract. The current state and prospects for development of administrative legislation concerning control and supervision activities in the road sector, including the issues of administrative responsibility are analyzed. The state and development of this sphere depend on the design, construction, reconstruction, repair and maintenance of highways, as well as compliance with legal and technical rules governing the operation of road sector. But actually these entities have only the powers. The current RF Code of Administrative Offences traditionally establishes liability for administrative offences on transport and in the field of road traffic. The road sector as the object of administrative offences is not allocated in the draft of the new RF Code of Administrative Responsibility included in the project of the model program of legislative activities of the RF State Duma during spring session 2016. The authors prove the need for the introduction and detailed regulation of administrative responsibility not only in the field of road traffic or transport, but also for unskilled actions or omissions of the road sector authorities and their officials, leading to reduced efficiency of road sector operation and, as a consequence, to deteriorating economy. One of the reasons for the slow pace of road construction and poor road conditions is the lack of sanctions against road sector authorities and their officials responsible for the development and maintenance of the existing road network in good condition in the administrative law. Proposals for improving the legislation and practice of its application are made.

Keywords: highway; administrative responsibility; state supervision; road sector; road activities; transport; traffic safety.

Научное сообщество традиционно уделяет пристальное внимание проблемам административно-правового регулирования. По этим вопросам ежегодно проводятся специализированные конференции и издаются десятки статей и монографий. Особую актуальность это приобретает в связи с внесением 18 декабря 2015 г. в Государственную Думу нашего государства проекта федерального закона N 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Проект КоАП), который включен в проект примерной программы законопроектной работы Государственной Думы на период весенней сессии 2016 года*. Но и действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) продолжает нуждаться в научном осмыслении как для оптимизации правопримени-

тельной практики, так и для выработки рекомендаций по совершенствованию нового, планируемого к рассмотрению Проекта КоАП. Известно, что за нарушения нормативных правовых актов в области дорожного хозяйства, как и в других сферах административно-правового регулирования, законодательством Российской Федерации предусмотрено пять основных видов юридической ответственности: дисциплинарная, материальная, гражданско-правовая, административная и уголовная.

Одной из нерешенных проблем контрольно-надзорной деятельности остается место и роль административной ответственности в ее осуществлении. Не углубляясь в вопросы теории, отметим, что аналогичная неопределенность имеется и при реализации административной ответственности в области дорожного хозяйства. Несмотря на значимость этой области, ни действующий КоАП РФ ни Проект КоАП не уделяют ей достаточного внимания, традиционно устанавливая ответственность за административные правонарушения на транспорте и в области дорожного движения** и не выделяя дорожное хозяйство в

* Выписка из протокола заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 декабря 2015 г. N 276 «О проекте федерального закона N 957581-6 "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"» (см.: URL: <http://asozd.duma.gov.ru/>). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте по состоянию на 23 дек. 2015 г.

** См.: Главы 11, 12 КоАП РФ и главы 20, 21 Проекта КоАП.

качестве родового объекта административных правонарушений.

Правовое регулирование области дорожного хозяйства нашей страны осуществляется на основе как минимум двух специальных федеральных законов* и десятков подзаконных нормативных правовых актов, в том числе ведомственного характера. Дорожное хозяйство — это комплекс, включающий в себя автомобильные дороги общего пользования Российской Федерации, а также юридические и физические лица, осуществляющие обследование, изыскания, проектирование, строительство, реконструкцию, ремонт и содержание автомобильных дорог общего пользования, проведение научных исследований, подготовку кадров, изготовление и ремонт дорожной техники, добычу и переработку материалов и иную деятельность, связанную с проектированием, строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог**.

Таким образом, в дорожном хозяйстве выделяют два основных элемента: 1) автомобильные дороги общего пользования (объект дорожного хозяйства); 2) юридические и физические лица, осуществляющие деятельность, связанную с проектированием, строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог общего пользования, проведение научных исследований, подготовку кадров, изготовление и ремонт дорожной техники, добычу и переработку материалов и иную деятельность, связанную с проектированием, строительством,

* См.: Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 нояб. 2007 г. N 257-ФЗ // Рос. газ. 2007. 14 нояб.; О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 17 июля 2009 г. N 145-ФЗ // Рос. газ. 2009. 20 июля.

** Пункт 3.1 Рекомендаций по разработке и применению документов технического регулирования в сфере дорожного хозяйства, утвержденных распоряжением Росавтодора от 9 июня 2010 г. N 384-р «Об издании и применении ОДМ 218.1.001-2010 «Рекомендации по разработке и применению документов технического регулирования в сфере дорожного хозяйства»».

реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог (субъекты дорожного хозяйства).

В научной литературе по административному праву имеется и другое определение исследуемого понятия. Так, В.В. Кретов считает, что «дорожное хозяйство, являясь сложной системой, включает в себя следующие основные элементы: автомобильные дороги, предназначенные для удовлетворения спроса пользователей; органы управления, наделенные собственником полномочиями в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности; предприятия, обеспечивающие эксплуатацию, совершенствование и развитие дорожной сети, а также нормативно-правовую и нормативно-техническую базы, посредством которых собственник и уполномоченные им органы осуществляют нормативно-правовое и нормативно-техническое регулирование функционирующей системы с целью удовлетворения спроса пользователей автомобильных дорог» [1, с. 10-11, 23, 89]. Основными элементами дорожного хозяйства при таком подходе будут: 1) автомобильные дороги, 2) органы управления, 3) предприятия, обеспечивающие эксплуатацию и развитие, 4) нормативно-правовая и нормативно-техническая базы [1, с. 35].

Несмотря на некоторые различия в приведенных определениях и количестве включаемых в них элементов дорожного хозяйства, принципиального значения для целей нашего исследования это не имеет.

Нетрудно заметить, что основным элементом дорожного хозяйства при любом его понимании являются дороги, точнее, автомобильные дороги. Подходы к содержанию понятий «автомобильная дорога» и «дорога» имеют отличия в законодательстве о дорожном хозяйстве и об обеспечении безопасности дорожного движения. Так, в соответствии со специальным федеральным законом, являющимся основным для сферы обеспечения безопасности дорожного движения, дорога — это обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения***.

*** Статья 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (см.: Рос. газ. 1995. 26 дек.).

В законодательстве о дорожном хозяйстве используется понятие «автомобильная дорога», под которой понимается «объект транспортной инфраструктуры, предназначенный для движения транспортных средств и включающий в себя земельные участки в границах полосы отвода автомобильной дороги и расположенные на них или под ними конструктивные элементы (дорожное полотно, дорожное покрытие и подобные элементы) и дорожные сооружения, являющиеся ее технологической частью, – защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог»*.

Таким образом, в законодательстве об обеспечении безопасности дорожного движения и в законодательстве о дорожном хозяйстве понимание целевого предназначения дороги едино – движение по ней транспортных средств. Однако для административных правонарушений в области дорожного движения родовым объектом является «область дорожного движения»** , хотя, как отмечается в юридической литературе, более верно здесь использовать понятие «сфера дорожного движения» [2, с. 17-18], поскольку общественные отношения по поводу удовлетворения транспортной потребности общества значительно шире, чем это изложено в законодательстве об обеспечении безопасности дорожного движения [3, с. 38-48; 4, с. 114-123]. При таком расширительном подходе к пониманию сферы обеспечения безопасности дорожного движения нет необходимости в законодательстве об административной ответственности разделять административные правонарушения на транспорте и в области дорожного движения, как это происходит в действующем КоАП РФ, а также отдельно выделять административные правонарушения в области дорожного хозяйства.

Но, как показывает практика, законодатель пока не учитывает эти теоретиче-

ские наработки, а в Проекте КоАП составы административных правонарушений на транспорте и в области дорожного движения вновь закреплены в разных, хотя и соседних главах Особенной части***. В то же время согласно законодательству о транспорте участки автомобильных дорог, наряду с тоннелями, эстакадами, мостами, а также иными обеспечивающими функционирование транспортного комплекса зданиями, сооружениями, устройствами и оборудованием, являются объектами транспортной инфраструктуры**** т.е. частью транспортного комплекса*****.

Следовательно, остальные элементы дорожного хозяйства (юридические и физические лица, осуществляющие деятельность, связанную с проектированием, строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог), формально к объектам транспортной инфраструктуры не относятся. Таким образом, нормы, закрепляющие административные правонарушения в области дорожного хозяйства, не следует включать в законодательство об административной ответственности в те же главы Особенной части, что и административные правонарушения на транспорте или в области дорожного движения.

Такой подход к рассматриваемой проблеме позволяет сделать вывод о том, что как действующее законодательство об административных правонарушениях, так и проект нового закона не учитывают все аспекты дорожного хозяйства и не способствуют в полной мере решению одной из важнейших государственных задач – развитию и улучшению состояния дорог общего пользования. При этом следует обратить внимание на то, что важность решения существующих проблем требует введения и детального регламентирования административной ответственности не только в области дорожного движения или транспорта, но и за некавалифицированные действия либо за бездействие органов управления дорожным хозяйством и их должностных лиц, приводящие к снижению эффективности функционирования дорожного хозяйства и, как

* Пункт 1 ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. N 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о дорожной деятельности).

** См.: Глава 12 КоАП РФ и глава 21 Проекта КоАП.

*** См.: Главы 20 и 21 Проекта КоАП.

**** Пункт 5 ст. 1 Федерального закона от 9 февр. 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (См.: Рос. газ. 2007. 14 февр.).

***** Там же. Пункт 12.

следствие, к ухудшению экономики нашей страны. Необходимо отметить, что одной из причин низких темпов строительства и неудовлетворительного состояния дорог является отсутствие в законодательстве об административных правонарушениях санкций в отношении органов управления дорожным хозяйством и их должностных лиц, отвечающих за развитие и поддержание существующей сети дорог в нормальном состоянии.

Административная ответственность и порядок применения наказания за нарушение норм, правил и стандартов в области дорожного хозяйства должны устанавливаться по отношению не только к непосредственным участникам дорожного движения, но и к юридическим и должностным лицам, допускающим противоправные деяния при проектировании, строительстве, реконструкции, ремонте и содержании автомобильных дорог.

Полагаем, что это является одной из главных проблем административной ответственности в области дорожного хозяйства. В силу особой важности для современного общества этой области представляется возможным решение обозначенной проблемы путем разработки и включения в Особенную часть Проекта КоАП самостоятельной главы «Административные правонарушения в области дорожного хозяйства», содержащей составы административных правонарушений, совершаемых при осуществлении дорожной деятельности. Поскольку в содержание дорожного хозяйства входит ряд названных выше элементов, то конструирование составов конкретных административных правонарушений, относящихся к предлагаемой главе, может осуществляться в зависимости от распространенности и уровня общественной опасности нарушений норм и правил, действующих в данной области и имеющих единый родовый объект посягательства. Различие же между отдельными составами должно осуществляться по непосредственному объекту противоправного деяния, а также по возможному наличию дополнительного и факультативного объектов. Однако для определения таких деяний необходимо создание единой системы учета допускаемых здесь нарушений и проведение на этой основе дополнительных научных исследований, что потребует значительных временных и финансовых затрат.

Если же Проект КоАП не будет принят или, что наиболее вероятно, в нем не будет содержаться предлагаемой главы, то необходимо совершенствование правоприменительной практики на основе имеющегося законодательства. Сейчас это является более оптимальным и менее ресурсозатратным.

В настоящее время и в Проекте КоАП, и в действующем законодательстве об административной ответственности имеются схожие составы административных правонарушений, факультативным объектом которых является область дорожного хозяйства. В действующем КоАП РФ административные правонарушения в исследуемой области содержатся в двух главах: 11 «Административные правонарушения на транспорте» и 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения». Конкретные составы закреплены в пяти статьях этих глав КоАП РФ: 11.21, 11.22, 12.21.1, 12.33 и 12.34.

И хотя практика реализации административной ответственности в исследуемой сфере по названным статьям КоАП РФ по-прежнему в большей степени ориентирована на привлечение к ответственности пользователей автомобильных дорог (участников дорожного движения), а не должностных лиц организаций, призванных обеспечить нормальное функционирование дорожного хозяйства, безопасность дорожного движения, работу транспорта, и не на сами эти организации, что вызывает обоснованные претензии со стороны научного сообщества [2], имеющееся законодательство позволяет вполне эффективно обеспечить выполнение указанными должностными лицами и организациями своих обязанностей и в рамках действующего КоАП РФ (может быть, с его небольшими изменениями). Для этого потребуется лишь предусмотреть возможность и обеспечить готовность должностных лиц надзорных органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, такие протоколы всякий раз составлять, а также готовность судей рассматривать дела об административных правонарушениях в случае невыполнения должностными лицами обязанностей по обеспечению нормального функционирования дорожного хозяйства, обеспечению безопасности дорожного движения и рабо-

ты транспорта. Речь идет о статьях КоАП РФ: 19.1 «Самоуправство»; 19.4 «Неповиновение законному распоряжению должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль»; 19.4.1 «Воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля»; 19.5 «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль».

Для повышения эффективности правоприменения в первых трех статьях в санкциях каждой части необходимо предусмотреть дисквалификацию и шире ее применять, а статья 19.5 КоАП РФ, несомненно, нуждается в унификации для экономии правовой материи в целях исключения имеющейся излишней казуальности. Применительно к рассматриваемой теме практика привлечения к административной ответственности должностных лиц по указанным статьям КоАП РФ необоснованно мала, для ее увеличения необходимы соответствующие организационные усилия в виде выработки согласованной позиции судов, органов прокуратуры и контрольно-надзорных органов по реагированию указанным образом на факты нарушений должностными лицами нормативных правовых актов в области дорожного хозяйства. Так, по данным судебной статистики, в 2014 г. судами общей юрисдикции по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19.5 КоАП РФ, подвергнуто административному наказанию 196 698 лиц, из них дисквалификация назначена в 134 случаях, что составляет 0,068 %. За 6 месяцев 2015 г. соответствующие показатели таковы: 77 920 лиц, 73 случая и 0,093 %*.

В настоящее время органы, осуществляющие федеральный государственный надзор за состоянием автомобильных дорог, на основании ст. 13.1 Закона о дорожной деятельности и п. 6 Решения Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. N 827 «О принятии технического регламента Таможенного союза "Безопасность

автомобильных дорог"» определяются Правительством Российской Федерации.

К указанным органам относятся:

1) Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Минстрой России) — в рамках осуществления государственной экспертизы проектной документации объектов капитального строительства и (или) результатов инженерных изысканий, выполненных для подготовки такой проектной документации на строительство, реконструкцию и капитальный ремонт автомобильных дорог общего пользования федерального значения;

2) Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) — в рамках осуществления государственного контроля и надзора за соблюдением нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения в части требований:

— к строительству и реконструкции автомобильных дорог общего пользования (за исключением требований, соблюдение которых проверяется при осуществлении государственного строительного надзора при строительстве и реконструкции автомобильных дорог), дорожных сооружений, железнодорожных переездов и линий городского электрического транспорта;

— к эксплуатационному состоянию и ремонту автомобильных дорог общего пользования (за исключением требований, соблюдение которых проверяется при осуществлении государственного строительного надзора при капитальном ремонте и государственного надзора за обеспечением сохранности дорог федерального значения), дорожных сооружений, железнодорожных переездов, а также к установке и эксплуатации технических средств организации дорожного движения;

3) Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) — в рамках осуществления федерального государственного строительного надзора при строительстве и реконструкции автомобильных дорог общего пользования федерального значения;

4) Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (далее — Ространснадзор) — в рамках осуществления федерального государственного транспортного надзора при ремонте и содержании автомобиль-

* Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29 янв. 2016 г.).

ных дорог общего пользования федерального значения*. Кроме того, Ространснадзор осуществляет и государственный надзор за обеспечением сохранности автомобильных дорог федерального значения**.

Должностных лиц центрального аппарата и должностных лиц территориальных органов вышеуказанных четырех федеральных органов исполнительной власти необходимо наделить полномочиями по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 19.1, 19.4, 19.4.1, 19.5 КоАП РФ, в случае, если такие полномочия отсутствуют.

В настоящее время должностные лица Минстроя России полномочиями по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях не наделены. Должностные лица Ростехнадзора наделены полномочиями по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях, указанных выше, кроме предусмотренных статьей 19.1***. Должностные лица

* Пункт 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. N 1443 «О компетентных органах Российской Федерации по обеспечению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технического регламента Таможенного союза «Безопасность автомобильных дорог»» (см.: Рос. газ. 2014. 25 дек.).

** Подпункт «ж» п. 2 Положения о федеральном государственном транспортном надзоре, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 марта 2013 г. N 236 «О федеральном государственном транспортном надзоре» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 12. Ст. 1335); подп. «д» п. 3 Положения о полномочиях должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, осуществляющих контрольные (надзорные) функции, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2010 г. N 409 «Об осуществлении должностными лицами Федеральной службы по надзору в сфере транспорта контрольных (надзорных) функций» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 25. Ст. 3170).

*** Об утверждении Перечня должностных лиц Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору и ее территориальных органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях: приказ Ростехнадзора от 30 июня 2009 г. N 588 // Бюллетень нормативных актов органов исполнительной власти. 2009. N 36.

Ространснадзора наделены полномочиями по составлению протоколов лишь по ч. 1 ст. 19.4 и ч. 10 ст. 19.5****. И только должностные лица МВД России вправе составлять протоколы обо всех вышеуказанных административных правонарушениях*****.

Безотносительно к высказанным рекомендациям следует согласиться с утверждением, что «современное состояние сети автомобильных дорог и ее корреляция с состоянием безопасности дорожного движения в России в последнее десятилетие имеет стойкую тенденцию к ухудшению» [5, с. 380]. Это возможно и потому, что законодательство определяет деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог (т.е. дорожную деятельность) как полномочие органов управления дорожным хозяйством*****, а не обязанность, при этом осуществление дорожной деятельности является основой дорожного хозяйства.

В стране необходимо построить еще около миллиона километров дорог и обеспечить содержание их и существующих дорог в состоянии, отвечающем требованиям действующих нормативных документов, прежде всего технического регламента Таможенного союза «Безопасность автомобильных дорог» ТР ТС 014/2011.

Недостаточно эффективное достижение этой цели не позволяет в полной мере обеспечить реализацию ряда норм Конституции России, гарантирующих единство экономического пространства, свободное перемещение товаров и услуг, определяющих, что каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства

**** Об утверждении Перечня должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях: приказ Ространснадзора от 30 окт. 2007 г. N ГК-938фс // Там же. 2007. N 50.

***** О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию: приказ МВД России от 5 мая 2012 г. N 403 // Там же. 2012. N 36.

***** Пункт 10 ст. 11 Закона о дорожной деятельности.

(п. 1 ст. 27 Конституции РФ). Отсутствие же в стране необходимой (развитой) сети автомобильных дорог не позволяет в полной мере реализовать эти конституционные права граждан.

Создание в России развитой, современной сети дорог общего пользования необходимо не только для эффективного экономического развития страны, прежде всего это необходимо для сохранения целостности государства. В связи с этим к решению перечисленных первоочередных задач дорожного хозяйства следует относиться как к решению государственно важных задач, что должно быть закреплено действующим законодательством, и юридическая ответственность за их качественное и своевременное решение должна быть соответствующей.

От деятельности юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность, связанную с проектированием, строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог общего пользования, проведение научных исследований, подготовку кадров, изготовление и ремонт дорожной техники, добычу и переработку материалов и иную деятельность, связанную с проектированием, строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог (субъектов дорожного хозяйства), в равной мере обязанных соблюдать правовые и технические нормы, регулирующие функционирование дорожного хозяйства, в конечном итоге и зависит состояние и развитие этой области. Однако фактически сложилась ситуация, в которой органы управления дорожным хозяйством обладают лишь полномочиями, а юридическая ответственность возложена на дорожные организации и пользователей

автомобильных дорог, т.е. тех, для кого дорожная деятельность и осуществляется.

Безусловно, органы управления дорожным хозяйством должны иметь не только полномочия (фактически права), но и обязанности, и юридическую ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение возложенных обязанностей, однако ни обязанности, ни юридическая ответственность действующим законодательством в области дорожного хозяйства не предусмотрена.

Итак, одно из основных направлений контрольно-надзорной деятельности в области дорожного хозяйства – привлечение к административной ответственности виновных лиц, что в настоящее время в большей степени ориентировано на пользователей автомобильных дорог, а не на организации и должностных лиц, обязанных обеспечить нормальное функционирование дорожного хозяйства. Разработка и включение в КоАП РФ отдельной главы, предусматривающей составы административных правонарушений в области дорожного хозяйства, является обоснованным, но маловероятным. Действующее законодательство об административной ответственности позволяет вполне эффективно обеспечить выполнение организациями и должностными лицами обязанностей в области надлежащего функционирования дорожного хозяйства, но для этого необходимы соответствующие организационные усилия в виде выработки согласованной позиции судов, органов прокуратуры и контрольно-надзорных органов по реагированию должным образом на факты нарушений нормативных правовых актов в области дорожного хозяйства.

Список литературы

1. Кретов В.В. Административно-правовое регулирование дорожного хозяйства Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2015.
2. Россинский Б.В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. N 5. С. 8-17.
3. Майоров В.И. К вопросу о безопасности в сфере дорожного движения // Транспортное право. 2009. N 4. С. 38-48.
4. Майоров В.И. Актуальные проблемы административной ответственности в сфере дорожного движения // Актуальные проблемы административной ответственности: материалы VIII всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2015. С. 114-123.
5. Кретов В.В., Севрюгин В.Е. О необходимости установления административной ответственности за правонарушения в области дорожного хозяйства Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2015. N 4.

Раздел 3. Уголовный закон

САЛИМГАРЕЕВА А.Р.,
кандидат юридических наук,
alabina81@mail.ru
Кафедра общепрофессиональных
и специальных дисциплин
по юриспруденции;
Филиал Южно-Уральского
государственного университета
в г. Нижневартовске,
628600, г. Нижневартовск, ул. Мира, 9

SALIMGAREEVA A.R.,
Candidate of Legal Sciences,
alabina81@mail.ru
Chair of general
and special legal disciplines;
South Ural State University,
Branch in Nizhnevartovsk,
Mira St. 9, Nizhnevartovsk, 628600,
Russian Federation

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕОСТОРОЖНОЕ СОПРИЧИНЕНИЕ

Реферат. Рассматривается институт неосторожного сопричинения, сущность которого составляют совместные действия (бездействие) двух или более лиц, по неосторожности предопределившие наступление единых общественно опасных последствий либо создавшие реальную угрозу их наступления. Общественная опасность неосторожного сопричинения обуславливается тем, что такого рода посягательства осложнены объективными показателями их выполнения, что нередко вызывает гибель людей, причинение вреда их здоровью, уничтожение материальных ценностей (рост таких преступлений связан с увеличением технической оснащенности всех сфер человеческой деятельности и степенью воздействия на окружающую среду). Более того, область распространенности неосторожного сопричинения в пределах действующего уголовного закона достаточно велика, чтобы говорить о специальной законодательной регламентации пределов ответственности в Общей части УК РФ за такой тип общественно опасных деяний. Утверждается, что отсутствие специальных норм (неосторожного сопричинения) приводит к неверной квалификации, в результате к ответственности привлекаются не все сопричинители либо необоснованно осуждаются лица, не имеющие прямого отношения к совершенному деянию. Предлагается законодательное закрепление института неосторожного сопричинения: «преступление признается совершенным путем неосторожного сопричинения, если в результате совместных действий (бездействия) двух или более лиц, являющихся субъектами преступления, по неосторожности наступили единые общественно опасные последствия либо была создана реальная угроза их наступления». Получив законодательное закрепление, институт неосторожного сопричинения будет служить одним из оснований привлечения к ответственности за преступное поведение лиц, обязанных по роду своей деятельности соблюдать установленные правила и требования.

Ключевые слова: квалификация преступлений; неосторожное сопричинение; ответственность; регламентация; общественно опасные последствия.

CRIMINAL LIABILITY FOR NEGLIGENT JOINT CAUSING HARM

Abstract. The author analyzes the institute of negligent joint causing harm, which involves joint actions (omission) of two or more persons that resulted in single socially dangerous consequences or created a real threat of their occurrence by negligence. The public danger of this institute is caused by the fact that such encroachments are complicated by objective indicators of their execution, that often causes deaths, infliction of harm to people's health, property destruction (the growth of such crimes is due to the increase of technical equipment of all spheres of human activity and degree of impact on the environment). Moreover, the dissemination of negligent joint causing harm within the existing criminal law is large enough to talk about a special legislative regulation of the limits of liability for this type of socially dangerous acts in the General part of the RF Criminal Code. It's argued that the absence of special rules leads to incorrect qualification. As a result, not all accomplices are brought to liability or the persons having no direct relation to the committed act are wrongly convicted. Legislative consolidation of the analyzed institute is proposed: "the crime is considered committed by negligent joint causing harm if joint actions (omission) of two or more persons being the subjects of crime resulted in single socially dangerous consequences or there was a real threat of their occurrence by negligence". Being legislatively fixed, this institute will serve as one of the grounds for bringing persons obliged to observe established rules and requirements by nature of their activities to liability for criminal behaviour.

Keywords: qualification of crimes, negligent joint causing harm, liability, regulation, socially dangerous consequences.

В настоящее время все большее распространение получают сложные технические системы, являющиеся и коллективными рабочими местами; их обслуживание в едином и непрерывном цикле требует от групп работников повышенной концентрации внимания и взаимодействия. Любая ошибка, неточность, просчет или обычная невнимательность с их стороны увеличивают опасность наступления тяжелых последствий, связанных не только с потерями дорогостоящей техники, но и с массовой гибелью людей. Данная разновидность опасного поведения имеет место и при совершении преступлений.

В связи с этим в последнее время в уголовно-правовой теории все чаще выделяют институт так называемого неосторожного сопричинения, сущность которого состоит в совместных действиях (бездействии) двух или более лиц, вызвавших по неосторожности наступление единых общественно опасных последствий либо создавших реальную угрозу их наступления. Действующий Уголовный кодекс РФ не относит подобные явления к институту соучастия в преступлении. В связи с этим в тех случаях, когда несколько лиц совместно совершают неосторожное преступление, содеянное ими оценивается как ряд самостоятельно совершенных общественно опасных деяний. Ответственность такие лица несут индивидуальную — каждый за совершенное лично им неосторожное преступление.

Однако неосторожное сопричинение вреда не может рассматриваться как индивидуально совершенное преступление в силу того, что в его основе лежат взаимосвязанные действия (бездействие) двух или более лиц, предопределившие наступление общественно опасных последствий либо создавшие реальную угрозу их наступления. Неосторожное сопричинение отграничивается от неосторожного преступления, совершенного лицом индивидуально, по признаку совместности. Но если сравнить признак совместности в указанном явлении и в соучастии в преступлении, то становится очевидной неравнозначность данных деяний. «Неосторожная форма вины не может создавать той внутренней согласованности между действиями (бездействием) отдельных лиц, которая является необходимым признаком института соучастия» [1, с. 29].

Косвенно проблема неосторожного сопричинения была затронута еще в уголовно-правовой науке конца XIX в. Так называемая объективная теория соучастия, представителями которой являлись Г.Е. Колоколов и Н.Д. Сергеевский, при рассмотрении соучастия в преступлении ограничивалась причинной связью и общими условиями субъективной виновности, не различая при этом предвидения последствий от возможности их предвидения. Ответственность устанавливалась в зависимости от совершенных действий непосредственно каждым соучастником [2, с. 89]. Иначе говоря, согласно этой теории соучастие как таковое возможно не только в умышленных деяниях, но и в неосторожных.

Вопрос о неосторожной форме вины в соучастии активно обсуждался в уголовно-правовой науке советского периода такими авторами, как А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Кудрявцев, Р.Р. Галиакбаров, М.С. Гринберг, П.С. Дегель, И.Р. Харитоновна. Однако все разногласия в науке по поводу правомерности самой постановки вопроса о соучастии при неосторожном сопричинении вреда в какой-то мере были вызваны не совсем точной законодательной формулировкой ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, связывающей лишь объективный фактор — совместность действий — с умыслом.

Действующий Уголовный кодекс РФ в ст. 32 определяет соучастие как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Термин «умышленное» используется в норме два раза. Иначе говоря, современный законодатель исключил распространение умысла на случаи неосторожного поведения в рамках института соучастия. В этом отношении неосторожное сопричинение вреда как одно из проявлений преступной деятельности двух или более лиц выходит за рамки правового регулирования нормы ст. 32 УК РФ из-за отсутствия у него обязательного субъективного признака соучастия — вины в форме умысла.

Р.Р. Галиакбаров — один из первых, кто обратил внимание на то, что неосторожное сопричинение есть самостоятельное уголовно-правовое явление, которое необходимо изучать, отграничивая от института соучастия в преступлении [3, с. 70].

В настоящее время ученые в косвенной форме выделяют отдельные признаки института неосторожного сопричинения вреда. Однако, по мнению некоторых из них, отсутствие совместности в поведении участников при неосторожном сопричинении отрицает необходимость его самостоятельного урегулирования в законодательстве: неосторожно действующее лицо по самой сути неосторожности как формы вины не может нести ответственность за совместность его действий с другими, так как связь между участниками в неосторожных преступлениях имеет исключительно объективный характер, а виновность каждого сохраняет свою индивидуальность [4, с. 55; 5, с. 38].

Тем не менее общественно опасный результат зачастую является следствием совместной деятельности всех участников неосторожного сопричинения вреда и не может быть связан с поведением лишь одного из них. Это обусловлено тем, что соответствующие лица могли быть осведомлены о совместном характере выполняемых ими функций, вызвавших наступление общественно опасного результата. Напротив, четкое следование должностной инструкции и правилам техники безопасности, добросовестное исполнение своих обязанностей хотя бы одним из участников единого процесса позволяет избежать наступления предусмотренных уголовным законом последствий [6, с. 16].

Например, осознание совместного характера той или иной деятельности по управлению сложными технологическими процессами зачастую определяется нормативно, т.е. в инструкциях, положениях и т.д. В большинстве случаев неосторожного сопричинения один из его участников ответственен как раз за то, что не проконтролировал либо не подстраховал действия другого участника, допустив наступление преступных последствий, которые в данном случае и будут совместным результатом деятельности.

В теории уголовного права не раз отмечалось, что в некоторых формах такого рода неосторожного деяния все участники предвидят возможность наступления преступных последствий именно совместного поведения, несут ответственность за то, что не сумели общими усилиями предотвратить их наступление. Общественно опасный

результат наступает в силу того, что участники не согласовали свои действия и не предприняли необходимые меры совместного характера для его предотвращения [7, с. 79; 8, с. 12]. Следовательно, в одном преступном последствии в поведении каждого из сопричинителей можно установить признаки неосторожной формы вины, в том числе осознание взаимосвязанного и взаимообусловленного характера деяния, которое привело к единому преступному результату. Наступление преступного результата, как, впрочем, и в случае умышленного посягательства, также важно для оценки общественной опасности содеянного.

Общественная опасность неосторожного сопричинения предопределяется тем, что такого рода посягательства осложнены объективными показателями их выполнения, что нередко вызывает гибель людей, причинение вреда их здоровью, уничтожение материальных ценностей. Данное обстоятельство, как уже отмечалось, приобретает сегодня важное значение с учетом устойчивой тенденции к росту числа неосторожных преступлений, обусловленной возрастанием технической вооруженности всех сфер человеческой деятельности и воздействием человека на окружающую его среду. Более того, область распространения неосторожного сопричинения в пределах действующего уголовного закона достаточно велика, чтобы говорить о специальной законодательной регламентации пределов ответственности в Общей части УК РФ за такой тип общественно опасных поступков. Данная форма совместной деятельности имеет место прежде всего в неосторожных преступлениях бытового характера (ст.ст. 109, 118, 168 УК РФ); в преступлениях, совершаемых в сфере действия технических средств либо других источников повышенной опасности (ст.ст. 215, 219, 263, 264, 266, 267 УК РФ); в преступлениях, связанных с использованием управленческих функций (ст. 293 УК РФ). Так, доля неосторожного сопричинения в сфере нарушения правил безопасности и использования техники составляет большую часть такого рода посягательств.

Необходимость в урегулировании в российском УК вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших общественно опасные деяния групповым способом за рамками института соучастия,

подтверждают многочисленные примеры из судебной практики.

Так, 17 августа 2009 г. авария на Саяно-Шушенской ГЭС, принадлежащей ОАО «Русгидро», унесла жизни 75 человек, 162 признаны пострадавшими. Тогда в машинный зал с огромной силой хлынула вода, уничтожив три гидроагрегата и повредив остальные. Работа ГЭС была прекращена. В марте 2011 г. следствие было завершено, обвинение предъявлено семи сотрудникам ГЭС, среди которых не было ни одного представителя руководства «Русгидро». По результатам расследования виновным в этом деле оказалось бывшее руководство Саяно-Шушенской ГЭС. Обвинение предъявлено по ч. 2 ст. 143 УК РФ [9]. При этом Следственный комитет РФ не обратил внимания ни на одного из собственников ГЭС, управлявших станцией из Москвы [10].

На сегодняшний день известно, что многие плотины работают без ремонта уже многие годы, вызывая тем самым опасения специалистов. Более того, состояние большинства ГЭС, расположенных вблизи крупных городов, представляет огромную опасность для их жителей. При этом многие не осознают серьезности ситуации и пытаются восстановить работоспособность некоторых гидроагрегатов, гарантированная прочность которых давно утеряна.

Можно привести еще ряд примеров, в которых налицо неосторожное сопричинение вреда. Вместе с тем отсутствие в действующем уголовном законе норм, его предусматривающих, вызывает ряд соответствующих последствий. Так, не учитывается, что преступный результат совместного сопричинения по неосторожности, как и в умышленных посягательствах, отражается на оценке и фактической общественной опасности преступления в целом и поведения каждого из виновных, что степень и характер участия сопричинителей в одном неосторожном преступлении могут существенно различаться. В силу того, что неосторожное сопричинение находится за рамками института соучастия, к нему неприменимы и нормы ст.ст. 34, 67 УК РФ, регламентирующие ответственность и назначение наказания соучастникам преступления.

Неосторожное сопричинение не следует смешивать и с другими совершенными по неосторожности преступными деяниями, в которых участвуют несколько

лиц. Например, И.Р. Харитоновна помимо неосторожного сопричинения выделяет: неосторожное посредственное причинение; стечение нескольких разобщенных и единолично выполненных неосторожных преступлений, в силу ситуации повлекших один результат; совершение каждым из совместно действующих субъектов самостоятельного неосторожного преступления [8, с. 7-10]. В отличие от других фактов совершения по неосторожности преступных посягательств, в которых каким-то образом отмечена деятельность нескольких лиц, при неосторожном сопричинении на виновных лежала обязанность действовать во избежание нежелательных последствий согласованно в одном направлении. Однако в результате недобросовестности или неосмотрительности они взаимосвязанными, совместными поступками допустили наступление этих нежелательных последствий, оцениваемых как одно преступление, совершенное по неосторожности несколькими лицами. Необходимо полагать, что неосторожное сопричинение является единым многосубъектным неосторожным посягательством, следовательно, на наш взгляд, к неосторожному сопричинению относятся случаи, когда два или более субъекта совершают преступление по неосторожности.

Р.Р. Галиакбаров выделяет ряд характерных признаков неосторожного сопричинения: 1) совершение единого преступления; 2) участие в таком преступлении двух и более субъектов ответственности; 3) наличие взаимосвязанного либо взаимообусловленного характера «допреступного» поведения участников посягательства; 4) создание угрозы наступления либо фактическое наступление единых для всех субъектов преступных последствий, предусмотренных конкретным составом; 5) наличие причинной связи между «допреступным» поведением всех субъектов и наступившим преступным результатом; 6) наличие неосторожной формы вины [11, с. 41].

Говоря о том, что в данном преступлении участвует несколько субъектов ответственности, следует подчеркнуть, что неосторожное сопричинение зачастую проявляется при совершении преступления с диспозицией бланкетного характера, т.е. в каждом конкретном случае необходимо устанавливать содержание нарушенных

правил, а следовательно, конкретных лиц, на которых возложена обязанность соблюдать эти правила во избежание наступления общественно опасных последствий. В связи с этим случаи, когда субъект выполняет общественно опасное деяние по неосторожности совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, либо с лицами, которые действуют (бездействуют) невиновно, будут относиться к иным видам неосторожных преступных посягательств, в которых также отражается опасное поведение нескольких лиц.

Характерные признаки неосторожного сопричинения позволяют прийти и к выводу о том, что нормы законодательства об учете при назначении наказания вины каждого из соучастников в преступлении для случаев неосторожного сопричинения неприменимы, так как здесь отсутствует главный субъективный признак соучастия – умысел на совершение единого преступления. В силу сказанного вопрос о легализации института неосторожного сопричинения остается до сих пор открытым. Отсутствие же его в УК РФ приводит к многочисленным ошибкам на практике, так как либо к ответственности привлекаются не все сопричинители либо необоснованно осуждаются лица, не имеющие прямого отношения к совершенному деянию.

Необходимость законодательного закрепления неосторожного сопричинения подтверждает и опыт зарубежных стран.

Например, согласно ст. 121-7 Уголовного кодекса Франции соучастие является сознательным участием в совершении главного преступления или проступка, причем здесь имеется в виду и подстрекательство, которое также может быть только сознательным актом. Однако при этом обращает на себя внимание установленная законом возможность соучастия в неумышленных преступлениях. Например, Кассационный суд Франции в одном из своих решений указал, что «пассажир, подстрекающий водителя к быстрой езде, в результате чего водитель совершил наезд на пешехода, является причиной происшествия и считается соучастником неосторожного преступления». Французские правоведы полагают, что в подобном случае предварительный сговор лиц о совершении преступления, которое осуществляет только один из соучастников, дает осно-

вание возлагать ответственность на обоих в силу того, что оба осознавали, что идут на риск. В уголовно-правовой доктрине также указывается, что в данном случае не следует обращаться к институту соучастия в преступлении, так как эти лица должны признаваться соисполнителями, а не соучастниками. Вина пассажира соединяется с основными составляющими преступления признаками, т.е. он такой же соисполнитель, как и водитель [12, с. 251].

Судебная практика Франции подтверждает неосторожное сопричинение и в новых решениях. Так, был признан соисполнителем, а не соучастником неумышленного причинения смерти собственник находящегося в плохом техническом состоянии грузовика, управляя которым, его работник причинил смерть третьему лицу. В другом случае соисполнителем неосторожного сопричинения был признан автомобилист, который передал управление своей машиной другу, не имеющему водительских прав, что привело к гибели людей [12, с. 252].

Противоположный опыт нам дает российская судебная практика. Например, водитель передает управление транспортным средством лицу, заведомо не имеющему права управления транспортным средством, в результате чего по вине последнего происходит дорожно-транспортное происшествие с тяжкими последствиями. Возникает вопрос: «Как квалифицировать действия водителя, который передал право управления другому лицу?». Сегодня законодательная конструкция ст. 264 УК РФ не позволяет правоприменителям вменить состав ст. 264 УК РФ владельцу транспортного средства, т.к. субъектом преступления, предусмотренного указанной статьей, признается лицо, управляющее транспортным средством. Несмотря на имеющееся мнение о том, что по ст. 264 УК РФ не исключается ответственность лиц, которые при управлении транспортными средствами уступили водительское место в нарушение требований правил дорожного движения (п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации), привлечь можно к административной ответственности, а не к уголовной. Мы, в свою очередь, считаем, что к ответственности должен привлекаться как водитель, который передал другому управление авто-

транспортным средством, так и то лицо, по вине которого произошло дорожно-транспортное происшествие с тяжкими последствиями.

В поведении обоих субъектов имеется нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причинно связанное с наступлением указанных в законе тяжких последствий (на момент передачи управления оба лица в равной степени предвидели возможность наступления тяжких последствий), что, в свою очередь, соответствует понятию неосторожного сопричинения.

Анализируя данный пример, как и российскую судебную практику в целом, вновь следует обратить внимание на то, что из-за отсутствия института неосторожного сопричинения в УК РФ к должной уголовной ответственности привлекаются не все сопричинители, чем необоснованно нарушается ст. 6 УК РФ.

Общепризнанным является мнение, согласно которому преступление, совершенное с неосторожной формой вины, менее опасно, чем умышленное деяние, так как лица в данном случае вообще не предполагают совершать преступление. Однако необходимо помнить, что неосторожность — это несоблюдение элементарных правил безопасности, а также одна из опасных разновидностей невнимательности, неосмотрительности, и, полагаем, есть разница в ситуациях, когда эти правила не соблюдает одно лицо и когда их не соблюдают несколько лиц (например, целый коллектив), когда из-за невнимательности с их стороны увеличивается опасность наступления тяжких последствий, связанных не только с потерями дорогостоящей техники, но и с массовой гибелью людей. Масштабность технологических процессов вызывает все более серьезные по качеству и объему вредные последствия при неправильном либо недобросовестном обращении людей с техникой.

Считаем, что решить существующую проблему поможет законодательное закрепление института неосторожного сопри-

чинения в Общей части УК РФ, поскольку именно отсутствие специальных норм (неосторожного сопричинения) приводит к ненадлежащей (неправильной) квалификации, не учитывающей общественную опасность совершаемых деяний и значительный (иногда катастрофичный) ущерб от неосторожного сопричинения. Предлагаем ввести институт неосторожного сопричинения в статью УК РФ, регламентирующую иные, качественно отличные от соучастия виды и формы преступной деятельности двух или более лиц, закрепив в ней следующее положение: «Преступление признается совершенным путем неосторожного сопричинения, если в результате совместных действий (бездействия) двух или более лиц, являющихся субъектами преступления, по неосторожности наступили единые общественно опасные последствия либо была создана реальная угроза их наступления».

По поводу квалификации можем лишь предложить вариант изменения, например, ч. 2 ст. 109 УК РФ (аналогичное решение будет и для других составов с неосторожной формой вины), в которой будет указано: «...причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей двумя или более лицами». Каждому из сопричинителей должен полностью вменяться состав совершенного преступления, а различная степень сопричинения будет обуславливать дифференциацию и индивидуализацию ответственности и наказания [13, с. 137-138].

Получив законодательное закрепление в УК РФ, институт неосторожного сопричинения мог бы служить одним из объективных и субъективных оснований привлечения к ответственности за преступное поведение лиц, обязанных по роду своей деятельности соблюдать установленные правила и требования, однако из-за своего легкомыслия, недисциплинированности и невнимательности нарушивших их, причинив тем самым невосполнимый ущерб жизни, здоровью людей и окружающей среде.

Список литературы

1. Савельев Д.В. Преступная группа: вопросы уголовно-правовой интерпретации и ответственности: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2002. 92 с.
2. Колоколов Г. О соучастии в преступлении. М.: Унив. тип. М. Каткова, 1881. 220 с.
3. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки: учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. 140 с.

4. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. 208 с.
5. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 164 с.
6. Безбородов Д.А. К вопросу о понятии неосторожного сопричинения в уголовном праве // Криминалистика. 2014. N 1 (14).
7. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск: Изд-во Хабаровской ВШ МВД СССР, 1987.
8. Харитонов И.П. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985.
9. URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 24 дек. 2014 г.).
10. URL: <http://newsland.ru/> (дата обращения: 30 янв. 2012 г.).
11. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2000. 200 с.
12. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Проспект, 2009. 336 с.
13. Салимгареева А.Р. Преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия: вопросы теории и практики. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного ун-та, 2013. 160 с.

АНИСИМОВ В.Ф., доктор юридических наук, доцент, anisimov.vf@gmail.com Кафедра правоохранительной и адвокатской деятельности; Югорский государственный университет, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16	ANISIMOV V.F., Doctor of Legal Sciences, associate professor, anisimov.vf@gmail.com Chair of law enforcement and advocacy activities; Ugra State University, Chekhova St. 16, Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation
ЧЕШОКОВ М.В., maxim86363@yandex.ru Кафедра уголовного права и уголовного процесса; Югорский государственный университет, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16	CHESNOKOV M.V., maxim86363@yandex.ru Chair of criminal law and criminal procedure; Ugra State University, Chekhova St. 16, Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ: ОБЩИЙ ИЛИ СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Реферат. Особенности специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, требуют обращения к гражданскому законодательству, раскрывающему содержание его признаков. Таким признаком субъекта является наличие статуса заемщика. Адаптация гражданско-правовых норм к практике применения уголовного законодательства порождает ряд проблем. Анализ документов банковской и судебной практики, касающейся мошенничества в сфере кредитования, показывает существование противоречивых мнений относительно природы субъекта (общий или специальный) этого преступления, поскольку статус заемщика лицо приобретает только после подписания кредитного договора. Представление же банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведе-

ний осуществляется лицом еще до подписания кредитного договора, т.е. до того момента, когда оно стало заемщиком. Анализируются признаки субъекта мошенничества в сфере кредитования, поскольку неточности при его определении являются причиной отказа в уголовном преследовании преступников. Применение ст. 159.1 УК РФ при приготовлении и покушении на мошенничество в сфере кредитования без заключенного кредитного договора может решить вопрос, но проблема специального субъекта (заемщика) сохраняется в диспозиции нормы. Предлагается исключить специального субъекта из ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, изложив норму в следующей редакции: «мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений». Это позволит привлечь к ответственности лиц, умысел которых направлен на хищение денежных средств путем заключения кредитного договора.

Ключевые слова: специальный субъект; мошенничество; кредитование; заемщик; покушение на преступление.

LENDING FRAUD: GENERAL OR SPECIAL SUBJECT OF CRIME?

Abstract. The peculiarities of a special subject of crime under article 159.1 of the RF Criminal Code require referring to civil legislation revealing the content of its features. Such feature is the status of the borrower. Adaptation of civil law rules to the practice of criminal legislation application creates a number of problems. Analysis of banking documents and judicial practice concerning lending fraud proves the existence of contradictory opinions on the nature of the subject (general or special) of this crime, because the person acquires the status of the borrower only after signing the loan agreement. But the submission of the obviously false and (or) unreliable information to the bank or another creditor is performed by the person before signing the loan agreement, i.e. until the moment of becoming the borrower. The features of the subject of lending fraud are analyzed, as inaccuracies of its determining are the reason for refusal to prosecute the criminals. Application of Article 159.1 of the RF Criminal Code while preparing fraud or during attempted fraud in the credit sphere without the concluded loan agreement can solve the problem, but the problem of special subject (the borrower) is maintained in the norm disposition. It's proposed to exclude special subject from part 1 of Article 159.1 of RF Criminal Code by setting out the norm as follows: "lending fraud, i.e. cash theft by submission of the obviously false and (or) unreliable information to the bank or another creditor". This will allow to bring to justice the persons aimed at cash theft by concluding loan agreement.

Keywords: special subject; fraud; loaning; borrower; attempted crime.

Общие признаки субъекта преступления закреплены в статьях 19, 20, 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Специальный же субъект, наряду с общими признаками, наделяется дополнительными свойствами, присущими определенному типу физических лиц. Согласно ч. 1 ст. 159.1 УК РФ мошенничеством в сфере кредитования признается хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Диспозиция указанной нормы права наделяет субъекта преступления специальной модальностью, а именно статусом заемщика.

В гражданском законодательстве Российской Федерации под заемщиком понимается заключившее кредитный договор лицо, имеющее на основании данного договора право на получение в собственность денег от кредитора и обязанное вернуть полученное с уплатой процентов за пользование денежными средствами. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Феде-

рации (далее – ГК РФ) заемщиком может являться физическое лицо, физическое лицо со статусом индивидуального предпринимателя, юридическое лицо и публичное образование. По нашему мнению, нельзя согласиться с В.В. Семенчуком и А.В. Швецом, утверждающими, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, может быть любое лицо [1]. В силу ст. 19 УК РФ юридические лица и публичные образования не могут быть субъектами указанного противоправного деяния. В данной ситуации возникает определенный интерес к мнению А.И. Бастрыкина о необходимости введения уголовной ответственности в отношении юридических лиц [2].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что субъектом преступления согласно ч. 1 ст. 159.1 УК РФ являются только физические лица и индивидуальные предприниматели без образования юридического лица, обладающие статусом заемщика.

Важным признаком, характеризующим субъекта по данному составу престу-

пленя, является возраст. Согласно ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за преступление, состав которого закреплен в ст. 159.1 УК РФ, может наступить с 16 лет. В соответствии с гражданским законодательством правом полной дееспособности, а следовательно, возможностью самостоятельно заключать сделки, граждане наделяются в восемнадцатилетнем возрасте. Но вместе с тем несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут совершать сделки, за исключением сделок, названных в п. 2 ст. 26 ГК РФ, с письменного согласия своих законных представителей — родителей, усыновителей или попечителя. Таким образом, статусом заемщика может быть наделен несовершеннолетний в возрасте 14 лет, заключивший с банком или иным кредитором кредитный договор и получивший на данное действие согласие законных представителей. Трудно представить, что банк или иной кредитор изъявит желание заключать гражданско-правовой договор в сфере кредитования с лицом, не достигшим полной дееспособности. Однако действующее законодательство позволяет несовершеннолетнему получить статус заемщика. Судебная практика подтверждает указанную возможность. Например, согласно апелляционному определению Московского областного суда от 26 мая 2014 г. по делу N 33-11436/2014*, кредитный договор, заключенный между банком и несовершеннолетним, был признан действительным, так как имелось согласие законных представителей на совершение сделки.

Анализ ст. 20 УК РФ и ст. 159.1 УК РФ вместе со ст. 26 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что специальным субъектом такого преступления, как мошенничество в сфере кредитования, может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Проблема с провозглашением специального статуса субъекта анализируемой нормы возникает при квалификации действия физического лица в виде покушения на преступление до момента заключения кредитного договора. Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»**

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Рос. газ. 2008. N 4.

определяет момент окончания мошенничества, то есть поступление имущества в незаконное владение виновного или других лиц и получение реальной возможности пользоваться или распорядиться имуществом по своему усмотрению. Все действия лица до момента окончания преступления в виде мошенничества квалифицируются как приготовление или покушение на преступление.

В соответствии с ГК РФ кредитный договор является консенсуальным и, следовательно, лицо становится заемщиком после подписания соответствующего договора. До заключения кредитного договора о специальном статусе заемщика не может быть и речи. В силу указанного действия лица, не подписавшего кредитный договор, не могут рассматриваться как покушение на мошенничество в сфере кредитования, в связи с отсутствием специального субъекта.

Учитывая изложенное, следует согласиться с точкой зрения С.В. Смолина о том, что в действующей редакции ст. 159.1 УК РФ квалификация действий лица до момента заключения кредитного договора как покушение на мошенничество в сфере кредитования выглядит безупречно в теоретическом плане [3]. Более того, считаем ее безупречной и в практическом плане.

В банковской практике имеются случаи, когда на стадии проверки кредитной заявки сотрудники кредитного учреждения обнаруживают незаконные действия потенциальных заемщиков, направленные на получение кредитных средств путем представления подложных документов. Например, лицо представляет не соответствующую действительности справку 2-НДФЛ, являющуюся самым распространенным документом, используемым мошенниками. Таким образом, потенциальный заемщик сообщает заведомо ложные или недостоверные сведения, способные воздействовать на решение банка о предоставлении кредита. Представители банка с целью привлечения лица к уголовной ответственности за покушение на мошенничество в сфере кредитования обращаются в правоохранительные органы и получают отказ в возбуждении уголовного дела на основании того, что обратившееся в банк лицо не обладает специальным статусом заемщика, так как с ним банк не заключал кредитный договор.

Имеется точка зрения, согласно которой в данной ситуации возможно обратиться к ч. 1 ст. 159 УК РФ в связи с тем, что лицо не надделено статусом заемщика. Однако сразу возникает вопрос о нарушении провозглашенного принципа справедливости, который гласит, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В части 1 ст. 159.1 УК РФ не предусмотрена такая санкция, как лишение свободы, в отличие от ч. 1 ст. 159 УК РФ. Таким образом, если лицо не заключило кредитный договор, то его действия предлагается квалифицировать по ч. 1 ст. 159 УК РФ как приготовление к мошенничеству или покушение на мошенничество и имеется вероятность его осуждения к лишению свободы с учетом ст. 66 УК РФ. В свою очередь, лицо, которое довело преступный замысел до конца, то есть похитило денежные средства, не подлежит лишению свободы в силу санкций ч. 1 ст. 159.1 УК РФ. Положение о возможности применения при приготовлении и покушении в рассматриваемой ситуации ч. 1 ст. 159 УК РФ, по нашему мнению, противоречит принципу справедливости, провозглашенному в уголовном законодательстве.

Часть 3 ст. 17 УК РФ закрепляет правило, которое гласит, что в случае конкуренции общей и специальной норм уголовная ответственность наступает по специальной норме. Таким образом, в приведенном примере можно принять положение о том, что действия физического лица подлежат квалификации как покушение на мошенничество в сфере кредитования (ч. 3 ст. 30 УК РФ, ч. 1 ст. 159.1 УК РФ). Могут возникнуть возражения относительно применения ч. 3 ст. 17 УК РФ, так как специальная норма заменяет общую только в тех случаях, когда в содеянном имеются

все признаки специальной нормы. Но на практике уже имеются случаи применения судами ст. 159.1 УК РФ как при приготовлении, так и при покушении лиц на мошенничество в сфере кредитования до заключения кредитного договора. В качестве примера можно привести апелляционные определения Московского городского суда от 12 ноября 2015 г. N 10-16002/15, от 24 августа 2015 г. N 10-9928/15, от 19 ноября 2015 г. N 10-3556/15*. Таким образом, на практике складывается позиция признания заемщиками лиц, не вступивших в гражданско-правовые отношения с кредитором на основании кредитного договора.

Применение ст. 159.1 УК РФ при приготовлении и покушении на мошенничество в сфере кредитования без заключенного кредитного договора может решить проблему в правоприменительной практике, оставляя проблему специального субъекта (заемщик), а именно указание на него в диспозиции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ.

По нашему мнению, с целью устранения указанной проблемы необходимо исключить специального субъекта из ч. 1 ст. 159.1 УК РФ и изложить диспозицию данной статьи в следующей редакции: «мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений».

Изложенная проблематика, касающаяся субъекта мошенничества в сфере кредитования, на данном этапе развития уголовного законодательства России имеет актуальный характер. Существующая редакция статьи ст. 159.1 УК РФ дает возможность лицам, умысел которых направлен на хищение денежных средств путем заключения кредитного договора, избегать уголовного наказания, в связи с чем нарушается один из принципов уголовного законодательства, а именно принцип неотвратимости наказания.

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. N 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бастрыкин А.И. Удар в юрлицо // Рос. газ. 2011. 23 марта.
3. Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. N 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

МИНИН Р.В.,
кандидат юридических наук,
rvminin@gmail.com
Кафедра уголовного права и процесса;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

MININ R.V.,
Candidate of Legal Sciences,
rvminin@gmail.com
Chair of criminal law and procedure;
Tyumen State University,
Lenin St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕСООБЩЕНИЕ О ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реферат. Решение проблемы эффективного противодействия терроризму является одной из жизненно важных задач государства. Обосновывается внедрение в систему отечественного законодательства института уголовной ответственности за несообщение о готовящемся или совершенном террористическом акте, о содействии террористической деятельности, об обучении в целях осуществления террористической деятельности, об организации террористического сообщества и (или) участии в нем. Недонесение как форма прикосновенности к преступлению существовала в уголовном праве РСФСР и была исключена из уголовного законодательства России при проведении демократических реформ 90-х годов XX века. Постоянный рост количества преступлений террористической направленности, участие смертников в реализации террористических актов позволяют утверждать о необходимости привлечения к ответственности лиц, которые были осведомлены о готовящихся или совершенных преступлениях и не сообщили об этом. В работе приводятся точки зрения различных ученых, обосновывающих введение института недонесения в уголовное право России. Автор полагает, что в настоящее время имеется необходимость усиления уголовно-правовой защищенности общества от преступлений террористического характера. Одним из способов усиления такой защиты представляется введение в Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» нормы, устанавливающей обязанность сообщения о готовящемся или совершенном террористическом акте, содействии террористической деятельности, об обучении в целях осуществления террористической деятельности, организации террористического сообщества и (или) участии в нем. Данной обязанности должна корреспондировать уголовная ответственность за такое несообщение. Указанная мера, по мнению автора, позволит сократить число террористических атак.

Ключевые слова: уголовная ответственность за терроризм; террористический акт; террорист-смертник; ответственность за несообщение.

CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO REPORT TERRORIST ACTIVITIES

Abstract. Solving the problem of effective counteraction to terrorism is one of the vital tasks of the state. The author substantiates the introduction of the institute of criminal liability for failure to report terrorist act (committed or being prepared), promoting terrorist activities, training to carry out terrorist activities, organizing terrorist group and (or) participation in it to the domestic legislation. Failure to report as a form of complicity in crime existed in the RSFSR criminal law and was excluded from the criminal legislation of Russia during the democratic reform at the end of the 20th century. The constant increase in the number of terrorism-related crimes, participation of suicide bombers in terrorist acts allow to assert about the necessity of bringing to responsibility the persons who were aware of the crimes committed or being planned and didn't report them. Various scholars' opinions, justifying the introduction of the institute of failure to report to the Russian criminal law, are presented. The author believes that nowadays there's a need to strengthen the use of criminal law for protection of society against terrorism-related crimes. One of the ways to strengthen such protection is introduction of the norm, establishing the duty to report terrorist act (committed or being prepared), promoting terrorist activities, training to carry out terrorist activities, organizing terrorist group and (or) participation in it, to the Federal law from March 6, 2006 N 35-FL "On combating terrorism". Criminal liability for failure to report should correspond to this duty. In author's opinion, this measure will reduce the number of terrorist attacks.

Keywords: criminal liability for terrorism; terrorist attack; suicide bomber; responsibility for failure to report.

Проблема уголовной ответственности за недонесение активно обсуждается в доктрине уголовного права. Несмотря на то, что данный институт был исключен из уголовного законодательства России

в связи с проведением демократических реформ, научное сообщество склоняется к возрождению этой правовой категории с учетом особенностей действующих норм.

Цель настоящей работы — обоснование возможности усиления уголовно-правовой защиты общества от преступлений террористического характера за счет установления уголовной ответственности в случае несообщения о террористической деятельности.

Терроризм как социально-политическое явление за последние 20-30 лет превратился в один из эффективных инструментов подрыва государственных и общественных институтов, влияния на решения властных органов и средство политической борьбы, в том числе и на международном уровне. В средствах массовой информации все чаще появляются утверждения о централизованном управлении террористическими процессами и финансировании террористических организаций со стороны развитых стран, заинтересованных в подрыве существующего в отдельных государствах конституционного строя, с целью принуждения субъектов международных отношений к принятию важных дипломатических решений. Некоторыми исследователями отмечается наличие множества фактов, подтверждающих поддержку терроризма на государственном уровне. Приводятся данные, свидетельствующие о поддержке отдельными странами радикальных движений, организаций или групп, деятельность которых обусловлена националистическими или сепаратистскими, светскими идеологическими, религиозными или иными мотивами [1, с. 174-191].

Экономический рост России, наблюдавшийся в течение последних 15 лет, способствовал повышению качества жизни граждан, формированию стабильной политической системы и, как следствие, проведению независимой внешней политики. Несомненные успехи России на международной арене, процессы воссоединения с Республикой Крым и городом федерального значения Севастополем привели к активизации со стороны заинтересованных лиц инструментов террористического характера.

Попытки дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, принимаемые с самого начала процессов демократических реформ 90-х годов, не прекращаются до настоящего времени. По информации, размещенной на официальном сайте Главного информационно-аналитического центра МВД России, за период январь — июль

2015 года зарегистрировано 891 преступление террористической направленности. По сравнению с аналогичным периодом 2014 года прирост составил 40,8 %*.

В действующем отечественном законодательстве норма, в которой дано определение понятия «терроризм», содержится в статье 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее — Федеральный закон «О противодействии терроризму»)**. Так, под терроризмом понимаются идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Уголовный закон также оперирует понятием терроризма. В частности, этот термин содержится в статьях 205.2 и 207 УК РФ.

В целом механизм уголовно-правового противодействия террористической деятельности представлен рядом норм, устанавливающих ответственность за различные формы проявления терроризма. Если обратиться к примечанию 1 к статье 205.1 УК РФ, то можно насчитать 15 составов, которые относятся законодателем к террористической деятельности. Разумеется, не все из них напрямую касаются терроризма. Например, преступления, связанные с незаконным оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ (статьи 220, 221 УК РФ), сами по себе не соответствуют выше-названному понятию терроризма. Однако оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения данного преступления, в полной мере соответствует понятию террористической деятельности согласно пункту 2 статьи 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», и такое деяние надлежит квалифицировать по части 4 статьи 205.1 УК РФ.

Выше были приведены статистические данные, свидетельствующие о росте числа преступлений террористической на-

* URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6350811/> (дата обращения: 17 сент. 2015 г.).

** О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта.

правленности. Это говорит о том, что меры, направленные на противодействие данному общественно опасному явлению, являются малоэффективными. Возникает также вопрос об эффективности мер уголовно-правового характера, которые сводятся к нулю при совершении взрывов террористами-смертниками. Нет необходимости обращаться к специальной литературе, чтобы понять, что противодействие подобным атакам является чрезмерно затруднительным. Смертник всегда может пройти туда, куда сможет попасть любой человек. Особенно уязвимы объекты транспортной инфраструктуры – аэропорты, автовокзалы, железнодорожные вокзалы, метро и др. Террористические акты здесь наносят наибольший урон.

Безусловно, уголовное право распространяет свое действие и на таких преступников. В частности, в случае приготовления к преступлению или покушения на преступление данные лица подлежат ответственности на общих основаниях. Однако такое уголовно-правовое воздействие носит скорее репрессивный характер, нежели обладает превентивными свойствами. Как раз наоборот, нежелание быть подвергнутым уголовному наказанию и лишиться свободы на длительный срок способствует стремлению довести преступление до конца, полностью реализовав преступный умысел.

Одной из мер, направленных в первую очередь на предотвращение совершения преступлений террористической направленности, может стать установление уголовной ответственности за несообщение о готовящемся террористическом акте и прочей террористической деятельности.

Институт недонесения хорошо известен уголовно-правовой доктрине России. Так, согласно первоначальной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1960 года* лицо подлежало уголовной ответственности в случае недонесения о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении. В соответствии со статьей 190 этого уголовного закона насчитывалось 19 преступлений, недонесение о которых предусматривало уголовную ответственность. В качестве примера можно привести измену Родине, шпионаж, террористический акт и другие. Позднее,

* Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт.1960 г. Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

Указом Президиума ВС РСФСР от 30 марта 1988 г.** этот перечень был расширен до 25 преступлений.

Указанные нормы не раз подвергались справедливой критике ученых-юристов. Так, по мнению Ю.В. Солопанова, «еще сложнее ситуация, когда преступление совершается членом семьи, родственником либо иным, близким и дорогим для субъекта недонесения лицом. И здесь при выборе между гражданским долгом и личными чувствами к лицу, совершившему преступление, часто возникает конфликт противоречивых мотивов, который порой превращается в подлинную трагедию личности. Едва ли порождение таких человеческих трагедий способствует укреплению авторитета социалистического правосудия. Что же касается обеспечения успешной деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, то при современной подготовленности кадров и научнотехнической вооруженности они обладают достаточным арсеналом средств и могут обойтись без принуждения граждан к доносительству о совершенных преступлениях» [2, с. 65].

На волне демократических реформ ответственность за недонесение была исключена из уголовного права России.

Между тем в уголовно-правовой литературе все чаще встречаются мнения о «реинкарнации» института недонесения. А.С. Беницкий пишет: «Сообщение о тяжком или особо тяжком преступлении должно стать общественным долгом каждого гражданина. Правовая обязанность сообщать о соответствующих преступлениях должна вытекать из уголовно-правовой нормы, которая будет устанавливать ответственность за несообщение о преступлении» [3, с. 199]. По мнению А.В. Зарубина, в связи с увеличением общего количества совершенных преступлений декриминализация несообщения о преступлении представляется преждевременной [4, с. 146]. В.Г. Трифонов указывает: «Несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении, а равно несооб-

** О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

шение об общественно опасном деянии, объективно влекущем те же последствия, должно быть признано криминальным бездействием, за исключением случаев, когда лицо не сообщило о преступлении, совершенном его близким родственником, супругом, лицом, состоящим с несообщившим в незарегистрированном браке и имеющим с ним общих детей, а также бывшим супругом при указанном условии» [5, с. 10]. Более осторожно к вопросу криминализации недонесения о преступлении предлагает подходить К.С. Сережкина. Она полагает, что уголовная ответственность за недонесение возможна, но только в отношении специального субъекта, называя таким субъектом «уполномоченного на принятие мер по противодействию правонарушениям» [7, с. 194]. С точки зрения Н.С. Косяковой, «установление ответственности за несообщение в правоохранительные органы о преступлениях следует рассматривать как один из правовых способов обеспечения неотвратимости уголовной ответственности. <...> принятое законодательное решение об исключении ответственности за несообщение о преступлениях следует расценить как вступающее в противоречие с реальной действительностью, точками зрения ученых и практиков» [7, с. 164].

Никто из указанных выше исследователей не приводит нормы действующего законодательства, которым статья о несообщении могла бы противоречить. Видимо, потому, что такой нормы просто нет ни в Конституции, ни в Уголовном кодексе, ни в иных нормативных правовых актах. Основным мотивом, побудившим законодателя отказаться от уголовной ответственности за недонесение, явилось предположение об аморальности такого закона. И это несмотря на то, что изучение общественного мнения некоторыми советскими правоведами подтвердило соответствие положений закона об ответственности за недонесение нормам морали [8, с. 58].

Возможно, что либерально мыслящие правоведаы могут усмотреть аморальность

в установлении уголовной ответственности за недонесение. Возможно, что нет необходимости возвращать статью 190 Уголовного кодекса РСФСР. Допускаем нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности лиц, не сообщивших о преступлениях небольшой или средней тяжести. Разделяем более осторожный подход к этому вопросу. Но о какой аморальности может идти речь, когда само существование общества ставится под угрозу?

Террористический акт по своей природе направлен на устрашение населения, массовые убийства, большие разрушения, дестабилизацию конституционного строя, экономической и политической системы. Угроза, которую несет в себе терроризм, создает опасность для множества человеческих жизней. По нашему мнению, цинизм, с которым совершались террористические акты в Москве и Беслане, позволяет отнести эти деяния не к преступлениям против общественной безопасности, но к преступлениям против безопасности человечества. Гражданин своей страны обязан сообщить известные ему сведения о подготовке подобных преступлений. Эта обязанность должна быть юридически закреплена.

Итак, подведем итоги.

1. В связи с изложенным полагаем обоснованным закрепление в Федеральном законе «О противодействии терроризму» для граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства обязанности сообщать о готовящемся или совершенном террористическом акте, содействии террористической деятельности, об обучении в целях осуществления террористической деятельности, об организации террористического сообщества и (или) участии в нем.

2. В Уголовный кодекс РФ предлагаем ввести норму об ответственности за несообщение о готовящемся или совершенном террористическом акте, содействии террористической деятельности, обучении в целях осуществления террористической деятельности, организации террористического сообщества и (или) участии в нем.

Список литературы

1. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография / А.В. Возжеников [и др.]. М.: Изд-во РАГС, 2005. 526 с.
2. Солопанов Ю.В. Об ответственности за недонесение о готовящемся или совершенном преступлении // Правоведение. 1989. N 1.

3. Беницкий А.С. Субъект несообщения о преступлении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. N 2 (21).
4. Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004.
5. Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
6. Сержкина К.С. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
7. Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: Становление, состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
8. Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971.

РОГОВА Е.В., доктор юридических наук, доцент, rev-80@yandex.ru Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел; Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110	ROGOVA E.V., Doctor of Legal Sciences, associate professor, rev-80@yandex.ru Scientific and editorial and publishing department; East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074, Russian Federation
ПАРФИНЕНКО И.П., кандидат юридических наук, доцент, rev-80@yandex.ru Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110	PARFINENKO I.P., Candidate of Legal Sciences, associate professor, rev-80@yandex.ru East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074, Russian Federation

НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Реферат. Состояние преступности с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. и до настоящего времени отличает ее стабильно высокий уровень (ежегодно регистрируется свыше двух миллионов преступлений). В этих условиях изучение уголовных наказаний, перспектив и проблем их применения приобретает повышенную актуальность. В настоящее время в условиях реформирования уголовного законодательства, дополненного новыми видами наказаний, ранее не известными отечественному уголовному праву, научный и практический интерес приобретают вопросы исследования проблем применения уголовных наказаний, их эффективности. Предлагаемая статья посвящена вопросам современного состояния уголовного законодательства, закрепляющего виды наказаний, а также исследованию практики назначения судами наказаний, как связанных, так и не связанных с лишением свободы. Особое внимание уделяется существующим проблемам исполнения различных видов

уголовных наказаний, препятствующих их более широкому назначению судами. Подчеркивается, что изменения и дополнения уголовного закона новыми видами наказаний должны быть научно обоснованными. Учитывая то, что наказание является одной из фундаментальных категорий уголовного права, подчеркивается, что его сущность и содержание зависят от существующей социально-экономической и политической формации, а также моральных устоев, господствующих в обществе. В связи с этим система и виды наказаний должны формироваться с учетом социальных и политических изменений, происходящих в современном обществе. При этом необходимо учитывать и экономическую составляющую, делающую возможным или невозможным применение отдельных видов наказаний.

Ключевые слова: уголовная политика; наказание; преступление; уголовный проступок.

PUNISHMENT IN MODERN CRIMINAL LAW OF RUSSIA: NEW PROSPECTS AND PROBLEMS OF APPLICATION

Abstract. High crime rate remains in Russia since the adoption of the RF Criminal Code in 1996 until the present time. Each year over two million crimes are reported. Under these circumstances, the study of criminal penalties, prospects and problems of their application acquires increased relevance. Nowadays, in the conditions of reforming the criminal legislation and supplementing it by new types of penalties previously unknown to the domestic criminal law, the issues connected with the research of the problems of application of criminal penalties and their effectiveness have great scientific and practical importance. The article is devoted to the issues of the current state of criminal legislation fixing the types of punishment as well as the study of court practice concerning giving sentences, both involving deprivation of liberty and non. Special attention is paid to the existing problems of execution of various types of criminal penalties that prevent their wider application by courts. It's emphasized that the changes and amendments to the criminal law concerning new types of penalties should be scientifically justified. It's underlined that punishment is one of the fundamental categories of criminal law, its nature and content depend on the existing socio-economic and political formation and moral values dominating in the society. In this regard, the system and types of penalties should be formed according to the social and political changes taking place in contemporary society. It's also necessary to take into account the economic component that makes the application of certain types of penalties possible or impossible.

Keywords: criminal policy; punishment; crime; offence.

Многие годы лишение свободы являлось одним из основных и значительных видов уголовных наказаний в плане ограничения и лишения прав и свобод в отношении человека, преступившего закон. И в настоящее время, несмотря на наметившуюся тенденцию к некоторому снижению числа лиц, находящихся в местах лишения свободы, это число остается достаточно высоким. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2009 г. в местах лишения свободы содержалось 864,2 тыс. человек, в 2013 г. — 677,3*. По состоянию на 1 февраля 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 646 319 человек**.

Однозначно ответить на вопрос о том, является ли лишение свободы эффек-

тивным видом наказания и достигаются ли при этом его социальные цели, сложно. Общеизвестно, что уровень рецидивной преступности в настоящее время достаточно высок. Уровень рецидива среди осужденных составляет порядка 40 %. Однако этот показатель гораздо выше среди лиц, осужденных к лишению свободы, — он составляет 52 %***.

В современной России учреждения исполнения наказаний со своей своеобразной, по сути, криминальной субкультурой являют собой механизм воспроизводства преступности. Под негативное влияние лиц, готовых делиться «профессиональным преступным опытом», могут попадать осужденные к наказанию в виде лишения свободы, виновные в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности. По данным опроса, проведенного среди самих заключенных, половина респондентов (49,2 %) считает,

* Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 7 февр. 2015 г.).

** Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/KratkayaharkaUIS/> (дата обращения: 14 февр. 2016 г.).

*** Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14 февр. 2016 г.).

что тюрьма не воспитывает и не исправляет, а только калечит судьбы людей [1, с. 270-271].

После истечения срока наказания в виде лишения свободы, пусть даже недлительного, «бывшего» осужденного ждет качественное изменение жизни, ресоциализация. При освобождении из мест заключения возникает множество вопросов, связанных с адаптацией к условиям жизни на свободе, касающихся трудоустройства, регистрации по месту прежнего жительства, возможности защитить свое право на жилплощадь, если она была, и т.п.

Изоляция от общества, как правило, вызывает изменения в психике человека, приводит к деформации личности, к утрате части социальных навыков, связей, функций. При отсутствии должной и целенаправленной воспитательной и психологической работы возникает риск повторного совершения преступлений. Вывод о том, что цель исправления лиц, совершивших преступления, в современных пенитенциарных учреждениях в большинстве случаев не достигается, признается практически работниками уголовно-исполнительной системы и специалистами в области девиантологии, социологии, криминологии, психологии и других смежных областях.

Современные исследования свидетельствуют о том, что действующий УК РФ переполнен уголовно-правовыми запретами, а места лишения свободы — осужденными (в 1999 году достигнут почти миллионный рубеж [2, с. 8]). В России количество лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, на 100 тыс. населения составляет 630 человек, в то время как в Скандинавских странах это число равно 88, в Италии — 78, во Франции — 100, в Испании — 126 и т.д. [3].

Подход государства к решению данной проблемы должен заключаться в том, чтобы исключить случаи попадания в места лишения свободы лиц, осужденных за преступления, не представляющие большой общественной опасности, чье исправление возможно достичь, применив наказания, не связанные с лишением свободы.

В настоящее время в уголовной политике России наблюдаются две противоположные тенденции: усиление репрессивности уголовного закона, криминализация деяний, с одной стороны, и его гуманизация

— с другой. Осуществляемая органами государственной власти гуманизация уголовного законодательства обусловлена, в частности, и необходимостью снижения числа лиц, осуждаемых к лишению свободы, признанных виновными в совершении преступлений небольшой и средней тяжести.

Кроме того, указанное направление уголовной политики, состоящее в ее гуманизации, находит свое отражение в положениях Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. В ней закреплено, что необходимо «увеличение к 2020 г. общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний, увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, и расширения практики назначения данных наказаний судами»*. В указанной Концепции отмечено, что эффективное применение наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Говоря о снижении численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следует отметить и экономию государственных средств, затрачиваемых на содержание осужденных к лишению свободы. В России огромные бюджетные средства и значительное количество трудовых ресурсов «вращается» в сфере репрессивной уголовной политики. В 2015 году бюджетом Российской Федерации для Федеральной службы исполнения наказаний было предусмотрено 266 млрд рублей, что составило 2,2 % всех бюджетных расходов**.

* Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. М., 2010. С. 21-22.

** О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов: федер. закон от 1 дек. 2014 г. N 384-ФЗ: ред. от 28 нояб. 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 49 (ч. I, II, III, IV, V). Ст. 6893; 2015. N 48 (ч. I). Ст. 6695.

Учитывая все затраты, связанные с содержанием осужденного, расходы, по данным ФСИН России, составляют около 400 тыс. рублей на одного осужденного в год*. При этом заметим, что непосредственно на нужды самого осужденного государство тратит около 55 тыс. руб. в год, из которых половину составляют расходы на питание — около 30 тыс. руб. в год. В эту сумму также входят расходы на медицинское, вещевое, коммунально-бытовое обеспечение, расходы на выплаты при освобождении, на обеспечение средствами реабилитации. Кроме того, указанная сумма расходов включает и оплату труда сотрудников ФСИН России, деятельность которых связана с исполнением наказания в виде лишения свободы, а также текущие затраты на содержание учреждений уголовно-исполнительной системы.

По данным ФСИН России, в настоящее время в местах лишения свободы отбывают наказание за совершение преступлений небольшой тяжести 3 % от общей численности осужденных лиц, из которых 2,6 % (17 329 человек) — за умышленные преступления небольшой тяжести.

Таким образом, несложные расчеты позволяют говорить о том, что в среднем государство могло бы сэкономить порядка 7 млрд рублей, заменив лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, наказание в виде лишения свободы, наказаниями, не связанными с изоляцией от общества.

Законодательное закрепление такой категории правонарушений, как уголовный проступок, за совершение которого предлагается установить наказания, не связанные с лишением свободы, в некоторой степени может стать одним из шагов на пути реализации идеи гуманизации уголовной политики, направленной на смягчение наказаний, на более широкое применение альтернативных лишению свободы наказаний [4, с. 253].

Используя данные, отражающие мнение осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Иркутской области, ранее полученные учеными в результате проведенного опроса, отметим, что наказания,

не связанные с лишением свободы, менее болезненны для осужденных за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности [1, с. 124-126]. Эти наказания являются более гуманными. Лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, которым судом назначаются наказания, не связанные с лишением свободы, имеют возможность избежать негативного влияния пенитенциарной девиантности, а по истечении срока изоляции к ним не нужно применять сложные и не всегда эффективные меры по ресоциализации осужденных к лишению свободы.

Причина привлекательности данных видов наказаний со стороны опрошенных осужденных кроется, очевидно, в гуманности. При назначении, например, штрафа человек находится на свободе и, как и при исправительных и обязательных работах, не перестает видеться с семьей, он не изолирован от общества. Гипотетические оценки респондентами альтернативных лишению свободы видов наказаний представляют научный и практический интерес и дают основания для проведения дальнейших исследований по вопросам расширения практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы [5, с. 76].

Однако применение некоторых видов уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы, вызывает определенные сложности как с точки зрения их назначения, так и с точки зрения их исполнения. Например, применение судом такого наказания, как штраф, может поставить граждан, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, в неравное положение. Уплатить штраф могут только лица, имеющие определенный материальный достаток.

Система наказаний, закрепленная в УК РФ, включает в себя достаточное количество видов наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества. Необходимо создавать реальные условия для исполнения наказаний, которые определены в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Действительно, подавляющее большинство наказаний, установленных УК РФ, трудно исполнимы. Например, невозможно исполнить исправительные или обязательные работы в труднодоступных и отдаленных районах Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера. Некому осуществлять

* По официальным данным ФСИН России, по расходам, предусмотренным в федеральном бюджете на содержание осужденных, подследственных, обвиняемых, полученным на основании запроса, сделанного авторами работы.

контроль за такими осужденными, так как уголовно-исполнительные инспекции находятся в районных центрах, с которыми связь осуществляется только авиасообщением. Согласно результатам опроса судей, работающих в отдаленных районах Сибири, они стараются не назначать указанные виды наказаний, чтобы не дискредитировать уголовное законодательство [6, с. 18].

Отметим также, что требование экономической обусловленности уголовного закона предполагает учет материальных затрат и на создание условий для исполнения наказаний. Часть наказаний, закрепленных в УК РФ, не применяется ввиду отсутствия данных условий, т.к. требуются значительные материальные затраты со стороны государства. В первую очередь, это касается таких наказаний, как принудительные работы и арест. Введение ареста неоднократно откладывалось по причине отсутствия арестных домов и средств на их строительство, а в настоящее время данный вид наказаний «выпал» из уголовно-правового поля.

В.И. Селиверстов относит к «мертвым» наказаниям и принудительные работы, которые не могут исполняться в связи с отсутствием исправительных центров и средств на их строительство [7]. Введение в действие принудительных работ откладывалось трижды: сначала до 1 января 2013 г., затем до 1 января 2014 г. и до 1 января 2017 г. С учетом современных социально-экономических и политических условий развития нашей страны и тех приоритетных задач, которые ставит государство, реальные возможности для создания условий исполнения принудительных работ на данный момент отсутствуют.

В связи с этим отметим также, что в уголовном законе закреплены три вида наказаний, связанных с принудительным привлечением к труду (исправительные, обязательные и принудительные работы). В период сокращения количества государственных предприятий, безработицы при исполнении данных наказаний возникают серьезные трудности с устройством осужденных на работу. Следовательно, реальной необходимости во введении такого вида наказания, альтернативного лишению свободы, как принудительные работы, не было. На наш взгляд, в настоящее время достаточно и двух видов работ: исправительных и обязательных.

Отсутствие условий для исполнения отдельных видов наказаний делает ряд санкций уголовно-правовых норм безальтернативными, что существенно сужает возможности дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Так, в санкции ч. 1 ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) определены следующие виды наказаний: ограничение свободы, арест, принудительные работы и лишение свободы. Такое наказание, как ограничение свободы, стало назначаться судами лишь с 2010 г. К данному виду наказаний было осуждено незначительное число лиц, виновных в совершении преступления. В 2010 г. таких лиц был лишь 1 % от общего количества осужденных, в 2011 г. – 1,4 %, в 2012 г. – 3,4 %, в 2013 г. – 4,4 %, в 2014 г. – 3,75 %*. Арест и принудительные работы не применяются. При этом принудительные работы используются как альтернатива лишению свободы.

Таким образом, в случае совершения данного преступления у судов есть возможность назначить лицу наказание в виде лишения свободы либо лишения свободы условно. Во второй части рассматриваемой статьи санкция предусматривает такое наказание, как принудительные работы, в качестве альтернативы лишению свободы. Выбор судьи в обоих случаях сводится к решению вопроса о назначении наказания в виде лишения свободы либо условного лишения свободы. Различны лишь сроки наказания в виде лишения свободы.

Аналогичных уголовно-правовых норм в действующем УК РФ достаточно. Такие санкции можно встретить и в квалифицированных составах преступлений, как правило, в санкциях статей, закрепляющих преступления небольшой или средней тяжести. Так, в санкции ст. 128.1 УК РФ как за совершение преступления, содержащего признаки основного состава деяния, так и при наличии квалифицирующих признаков, предусмотрено два вида наказаний – штраф и обязательные работы. В санкциях ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, предусмотрен только один вид наказания – штраф. Однако, как представ-

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30 апр. 2015 г.).

ляется, за совершение деяний небольшой и средней тяжести необходимо большее количество альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Сложности применения наказаний, не связанных с лишением свободы, отражаются и на практике назначения судами Российской Федерации уголовных наказаний. В связи с этим был проведен анализ

имеющихся данных о видах наказания и мерах уголовно-правового характера, назначенных осужденным судами Российской Федерации за период с начала вступления в законную силу УК РФ по настоящее время*, а также использованы результаты исследований, ранее проведенных другими учеными [8, с. 261-265]. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица

Число осужденных к основным видам наказаний и мерам уголовно-правового характера в Российской Федерации

Виды наказаний и мер уголовно-правового характера	Число осужденных в % от общего числа осужденных
Смертная казнь (изучен период назначения с 1997 по 1999 гг.)	0,007
Пожизненное лишение свободы	0,01
Лишение свободы	32,7
Условное осуждение к лишению свободы	45,0
Условное осуждение к иным мерам	2,5
Исправительные работы	5,0
Штраф	9,6
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	0,04
Обязательные работы	5,9
Ограничение свободы	2,8

Приведенные данные свидетельствуют о том, что реально применимыми остаются в основном лишение свободы (срочное) (32,7 %) и штраф (9,6 %), а также условное осуждение к лишению свободы (45 %). В целом наказания, не связанные с лишением свободы, применяются в среднем к 23,3 % осужденных.

Подводя итог, заметим, что наиболее широкое применение среди наказаний, не связанных с лишением свободы, за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, находят традиционные для отечественного уголовного права виды наказаний, такие как штраф, исправительные работы. Чаще стало применяться и наказание в виде обязательных работ, введенное в уголовный закон в 2003 г. С 2010 г. применяется наказание в виде ограничения свободы, но пока его назначение осужденным минимально.

Изменения и дополнения уголовного законодательства, касающиеся закрепления новых видов наказаний, должны быть научно обоснованы и приниматься

с учетом социальных, политических изменений, происходящих в обществе. Кроме того, при реформировании уголовного законодательства следует учитывать и его экономическую обусловленность, а также положения международных стандартов борьбы с преступностью и обращения с правонарушителями. Исходя из этого, более широкую практику применения должны получать наказания, не связанные с лишением свободы.

Таким образом, одно из предложений, направленных на совершенствование уголовного законодательства, заключается в исключении из действующего УК РФ наказаний, условия для исполнения которых до сих пор не созданы. Это такие наказания, как арест и принудительные работы. Еще одним из предложений должно стать законодательное закрепление уголовного проступка, за совершение которого должны быть предусмотрены только наказания, не связанные с лишением свободы.

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
(дата обращения: 14 февр. 2016 г.).

Кроме того, реформированию подлежит и система санкций уголовно-правовых норм с учетом реально применяемых видов наказаний. Вариативность ряда санкций, предусмотренных за совершение

преступлений небольшой или средней тяжести, содержащих не более двух видов наказаний, должна быть расширена за счет наказаний, не связанных с лишением свободы.

Список литературы

1. Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. 380 с.
2. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О нарушениях прав граждан сотрудниками МВД России и УИС Минюста России». М., 2000.
3. Радченко В.И. Как исправить тюрьму // Рос. газ. 2009. N 4998.
4. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 344 с.
5. Гайдай М.К., Рогова Е.В. Тенденции применения наказаний, не связанных с лишением свободы // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., 2-4 апреля 2015 г.: в 2 т. Т. 1 / сост. Ю.С. Ломакина. Пермь: Пермский ин-т ФСИН России, 2015. С. 73-77.
6. Ишигеев В.С. Современная система наказаний в России и пути повышения их эффективности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. N 4. С. 16-20.
7. Селиверстов В.И. Власти России озаботились состоянием Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ. URL: <http://tass.com/opinions/2064> (дата обращения: 22 апр. 2015 г.).
8. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.

Раздел 4. Криминологическая наука

ЖУБРИН Р.В., доктор юридических наук, rzhubrin@yandex.ru Научно-исследовательский институт; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 123022, г. Москва, 2-я Звенигородская ул., 15	ZHUBRIN R.V., Doctor of Legal Sciences, rzhubrin@yandex.ru Scientific Research Institute; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2nd Zvenigorodskaya St. 15, Moscow, 123022, Russian Federation
---	---

ПРОФИЛАКТИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Реферат. Легализация преступных доходов угрожает национальной безопасности России и связана с совершением экономических, коррупционных и иных преступлений, незаконным оборотом оружия и наркотиков, выводом за рубеж значительных сумм денежных средств. Использование уголовно-правовых мер не позволяет сократить их количество. Актуальным направлением является профилактика легализации преступных доходов, предполагающая выявление и устранение факторов, способствующих совершению анализируемых преступлений. Рассматриваются субъекты профилактики легализации преступных доходов, объекты профилактического воздействия. На основе проведенного анализа формулируется определение понятия профилактики легализации преступных доходов. Выделяются актуальные направления профилактики рассматриваемых преступлений, обосновывается тезис о необходимости расширения полномочий Росфинмониторинга, выполняющего функции финансовой разведки. Значимым направлением профилактической деятельности является выполнение банками требований Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Банковский надзор все в большей степени приобретает характер пруденциального, что положительно сказывается на обеспечении законности в кредитной сфере, способствует снижению незаконных финансовых операций. Его дальнейшее развитие предполагает интеграцию с другими видами государственного контроля, что требует внесения соответствующих изменений и дополнений в законодательство о противодействии легализации преступных доходов, которые позволят повысить результативность государственного контроля в рассматриваемой сфере. Анализируются вопросы установления юридической ответственности организаций за участие в совершении операций, связанных с рассматриваемыми преступлениями, меры противодействия незаконному получению наличных денежных средств. Рассмотрены вопросы противодействия незаконному перемещению наличных денежных сумм через государственную границу Российской Федерации.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; профилактика преступлений; законодательство о противодействии легализации преступных доходов.

PREVENTION OF MONEY LAUNDERING

Abstract. Money laundering threatens national security of Russia and involves corruption, commission of economic and other crimes, illegal trafficking of arms and drugs, withdrawing large sums of money abroad. Using criminal and legal measures doesn't allow to reduce their number. The current focus is prevention of money laundering involving the identification and elimination of factors contributing to the commission of the analyzed crimes. Subjects of prevention of money laundering and objects of preventive impact are considered. Basing on the conducted analysis, the author formulates the definition of the concept of prevention of money laundering. The actual directions of prevention of the considered crimes are distinguished. The author substantiates the thesis about the necessity of expanding the powers of the Federal financial monitoring service, performing the functions of a financial intelligence unit. An important direction of preventive activities is fulfilling the requirements of the Federal law "On counteraction to money laundering and terrorism financing" by banks. Bank supervision is increasingly acquiring prudential character that positively affects law enforcement in the credit sphere, contributes to the reduction of illegal financial transactions. Its further development assumes integration with other types of state control that requires making appropriate amendments and changes to the legislation on countering money laundering, which will improve the efficiency of state control in this sphere. The issues of legal liability of organizations for participation in commission of operations connected with the considered crimes and measures of counteraction to illegal cash withdrawal are analyzed. The problems of counteraction to illegal cash movement across the RF state border are examined.

Keywords: money laundering; prevention of crimes; legislation on counteraction to money laundering.

Одной из реальных угроз безопасности нашей страны в современных условиях является легализация преступных доходов. Более того, приобретая транснациональный масштаб, эти преступления представляют в настоящее время угрозу не только для отдельных государств, но и для всего международного сообщества. Объем легализации преступных доходов в мире оценивается в 1,5 трлн долларов США, а в России, по данным Росфинмониторинга, – в 2 трлн рублей ежегодно.

Осознавая высокую степень опасности криминальных капиталов, их негативное влияние на экономику, политику, общество, ООН, Совет Европы, ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) в своих документах указывают на необходимость усилить противодействие легализации преступных доходов, применяя законодательные, правоохранительные, научные и другие меры превенции таких преступлений. Еще более конкретно эта задача изложена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*, в п. 58 которой говорится о том, что необходимы активные меры по борьбе с коррупцией, теневой и криминальной экономикой.

Противодействие легализации преступных доходов включает в себя не только выявление и расследование «отмывания» с последующим преданием преступников суду, но и широкий спектр действий, связанных с предупреждением, в том числе профилактикой преступлений данного вида. Изучив закономерности криминального поведения, способы совершения преступлений, обстоятельства, им способствующие, особенности личности преступника, мы можем выделить общественные сферы, требующие внешнего воздействия в целях ограничения возможностей для возникновения и реализации противоправного умысла. Профилактика преступлений ориентирована на выявление и устранение (блокирование, нейтрализацию) причин, условий, иных детерми-

* О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

нант криминальных деяний и связанных с ней правонарушений [1, с. 25].

Профилактика преступлений, в том числе легализации преступных доходов, предполагает наличие активных субъектов, реализующих профилактические меры, и объекта воздействия этих мер. В научной литературе существует несколько точек зрения относительно круга субъектов профилактики преступлений. Некоторые ученые включают в число субъектов профилактики не только органы государственной власти и общественные формирования, но и всех граждан [2, с. 368]. Для другой точки зрения характерно ограничение субъектов предупреждения, в том числе профилактики, совокупностью государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, наделенных общей либо специальной компетенцией в сфере противодействия легализации преступных доходов [3, с. 9].

По мнению Б.В. Коробейникова, при определении субъекта предупреждения преступлений следует исходить из общего понятия какой-либо деятельности. Субъект – это носитель функциональных прав и обязанностей, реализующий определенный круг задач по достижению конечной цели и обладающий определенной компетенцией по участию в такой деятельности [4, с. 83-84]. Отнесение лица или организации к числу таких субъектов означает по общему правилу постоянное или длящееся участие в ней.

Действительно, граждане обладают правами и свободами, но не могут принуждать других лиц к совершению каких-либо действий, если это не предусмотрено законом. Например, адвокаты, нотариусы, индивидуальные предприниматели, предоставляющие юридические и бухгалтерские услуги, в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»** вправе требовать представления клиентом документов, удостоверяющих личность, для его идентификации. Указанные лица могут рассматриваться в качестве субъектов профи-

** Рос. газ. 2001. 9 авг.

лактики легализации преступных доходов, но только в рамках исполнения требований закона. Следовательно, одним из основных признаков субъекта предупредительной деятельности выступает наличие соответствующих полномочий и ответственности за совершаемые действия.

В число субъектов профилактики «отмывания» в соответствии с законом могут быть включены и организации, осуществляющие операции с денежными средствами и иным имуществом, т.к. они обладают определенными правами и обязанностями по реализации профилактических норм закона в отношении с клиентами. Представляется, что ограничение субъектов профилактики только органами государственной власти искусственно сужает круг лиц, уполномоченных реализовывать меры профилактики, исключая также и государственные учреждения, не являющиеся органами государственной власти, но обладающие контрольными полномочиями (например, Банк России), а также органы местного самоуправления.

Таким образом, субъектами криминологической профилактики легализации преступных доходов являются органы государственной власти и местного самоуправления, органы государственного контроля, организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, адвокаты, нотариусы, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, которые в соответствии с законом реализуют меры, направленные на противодействие указанному деянию.

Иные лица также могут участвовать в реализации общих мер профилактики легализации преступных доходов в силу прямого указания закона или в добровольном порядке, не нарушая права и законные интересы других субъектов. Например, ассоциации предпринимателей разрабатывают рекомендации по совершенствованию организации внутреннего контроля, средства массовой информации постоянно освещают вопросы борьбы с «отмыванием», формируя негативное отношение общества к данному преступлению, разработчиками и производителями совершенствуются технические средства идентификации клиентов, программное обеспечение выявления подозрительных операций и сделок. Однако для

этих лиц противодействие легализации преступных доходов не является обязательным, они не несут ответственность за неисполнение требований закона о мерах против отмывания денег, что исключает их из числа непосредственных субъектов профилактики.

В качестве объектов профилактики легализации преступных доходов рассматриваются явления и процессы, на которые направлена предупредительная деятельность, оказывает влияние, воздействует, в результате чего они подвергаются коррекции и изменениям, приобретают новые свойства и качественные состояния. Так, среди объектов профилактики выделяются причины и условия, иные детерминанты преступности, сама преступность и общественные отношения, блага и ценности, охраняемые уголовным либо иным законом [1, с. 49].

Обращает на себя внимание специфика современных социально-правовых детерминант легализации преступных доходов в нашей стране. Существование легализации преступных доходов обусловлено целым рядом негативных социальных и экономических факторов, среди которых решающую роль играют дефекты реформ и основанные на них деформации формирующихся рыночных отношений, рыночной экономики. Помимо общих факторов, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, действуют обстоятельства, непосредственно влияющие на конкретные формы преступных проявлений, к которым относится использование организаций, нарушающих антилегализационное законодательство, и офшорных компаний. Результативность борьбы с «отмыванием» снижают несовершенство законодательства, недостатки в деятельности и взаимодействии правоохранительных и государственных контролирующих органов, нарушения закона организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, что ведет к повышению уровня латентности данных преступлений.

Таким образом, профилактика легализации преступных доходов как совокупность системных и взаимосвязанных мероприятий включает в себя интегрированную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, органов государственного надзора и контроля, организаций, выполняющих операции с денежными средствами или иным имуще-

ством, адвокатов, нотариусов, а также лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, в рамках их компетенции в целях выявления и устранения факторов, способствующих совершению преступлений данного вида и связанных с ними правонарушений.

Неудовлетворительное состояние законности в сфере экономики, способствующее «отмыванию» криминальных средств, обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования правовых и организационных основ профилактики легализации преступных доходов, что позволит с наименьшими затратами воздействовать на снижение уровня и распространенности этих преступлений.

Учитывая, что легализация преступных доходов характеризуется значительным объемом, разнообразием сфер и субъектов, участвующих в незаконных операциях, ее профилактика должна включать меры, направленные на снижение уровня предикатных преступлений, являющихся источниками криминальных активов.

Актуальным направлением совершенствования борьбы с высокодоходными видами преступлений является интеграция системы противодействия легализации преступных доходов в систему противодействия коррупции, налоговым и таможенным, иным экономическим преступлениям. В настоящее время возможности Росфинмониторинга по сбору и анализу информации о совершенных операциях и сделках и ее передаче в правоохранительные органы ограничены установлением признаков легализации преступных доходов. В связи с этим представляется необходимым изложить абзац второй ст. 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в следующей редакции: «При наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что операция, сделка связаны с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или с финансированием терроризма, коррупционными, экономическими преступлениями, уполномоченный орган направляет соответствующую информацию и материалы в правоохранительные или налоговые органы в соответствии с их компетенцией».

Другим направлением профилактики «отмывания» является активное использование мер, направленных на недопущение преступных капиталов на финансовый рынок, посредством устранения с него организаций, осуществляющих подозрительные операции с денежными средствами или иным имуществом, а также прекращения обслуживания клиентов, допускающих нарушение антилегализационного законодательства.

Руководствуясь принципом «знай своего клиента», банк правомочен отказаться от заключения договора банковского счета (вклада) с физическим или юридическим лицом в соответствии с правилами внутреннего контроля кредитной организации в случае наличия подозрений о том, что такой договор заключается для совершения операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем; расторгнуть договор банковского счета (вклада) с клиентом в случае принятия в течение календарного года двух и более решений об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операции. На начало 2015 г. Росфинмониторингом зафиксировано более 100 тыс. сообщений банков об отказах клиентам в открытии счетов, о закрытии счетов, а также об отказах от проведения операций на общую сумму 170 млрд рублей [5].

В целях противодействия «отмыванию» Банк России готовит списки клиентов, на которых банкам рекомендовано обратить пристальное внимание, на основе анализа отчетности уполномоченных банков-агентов валютного контроля формирует и доводит до сведения кредитных организаций информацию о тех участниках внешнеэкономической деятельности, перед которыми имеется задолженность нерезидентов по внешнеторговым контрактам. Сведения о сомнительных операциях, совершаемых такими клиентами, сотрудники Банка России получают по запросам в кредитных организациях, а также в результате информационно-аналитической деятельности. Значительную помощь в получении сведений о таких клиентах Банку России может оказать Росфинмониторинг, что предполагает организацию действенного взаимодействия между указанными государственными органами по обмену информацией, в том числе его правовое регулирование.

Таким образом, банковский надзор в нашей стране все в большей степени приобретает характер пруденциального, осуществляемого на постоянной основе с учетом риск-ориентированного подхода. Подобный подход особенно полезен в условиях постоянного изменения схем легализации преступных доходов. Банк России использует инструменты, которые, с одной стороны, позволяют оперативно выявлять кредитные организации с признаками высокой вовлеченности в проведение сомнительных операций клиентов, а с другой — направлены на прекращение таких операций. В рамках надзора оценивается риск вовлеченности кредитных организаций в совершение сомнительных операций, суммы которых превышают 3 млрд руб. за квартал либо 4 процента от объема списания по счетам. С банками, у которых объем сомнительных операций клиентов превышает предельные значения, проводится углубленная надзорная работа: инициируются проверки, запрашиваются поясняющие материалы, изучается бизнес клиентов, потоки их платежей.

У банков, неоднократно нарушавших требования законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, и вовлеченных в проведение сомнительных операций в крупных масштабах, отзываются лицензии. Так, в 2014 г. из 86 банков с отозванной лицензией 68 нарушали требования законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов и были вовлечены в проведение сомнительных операций. В результате существенно сократился объем сомнительных операций, связанных с выводом капитала за рубеж: с 26,5 млрд долларов в 2013 г. до 9 млрд долларов в 2014 г. [6].

Однако нередко усиление государственного контроля в одной отрасли финансового рынка влечет перемещение незаконных операций в другие сферы, в частности, из банковской сферы на рынок ценных бумаг и микрофинансирования. В связи с этим необходима выработка единых стандартов противодействия легализации преступных доходов на всех финансовых рынках, что в настоящий момент не наблюдается. Так, организации, осуществляющие операции с денежными

средствами или иным имуществом (кроме банков), лишены полномочий по расторжению договора с клиентом, вовлеченным в совершение сомнительных операций. Не определен и единый порядок государственного контроля в сфере противодействия легализации преступных доходов. Уровень государственного контроля и соответственно соблюдения законности в какой-либо финансовой сфере также может существенно различаться. Например, требования закона об идентификации клиентов практически не выполняются в сфере торговли ювелирными изделиями.

Необходимо совершенствование организации государственного контроля в рассматриваемой сфере посредством установления в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» единого порядка планирования и проведения мероприятий государственного контроля, регламентации обмена информацией и материалами между всеми органами государственного контроля, в том числе получения ими необходимых сведений от Росфинмониторинга в целях подготовки и проведения контрольных мероприятий.

Удалению с финансового рынка организаций, причастных к легализации преступных доходов, может способствовать установление ответственности юридических лиц за совершение операций и сделок в целях «отмывания». В настоящее время в российском законодательстве не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, вопрос о введении которой является достаточно дискуссионным. Однако в отношении юридических лиц могут быть предусмотрены и иные виды ответственности: гражданская, административная. В связи с этим целесообразно установление административной ответственности юридического лица за отмывание денег, совершенное для его выгоды любым физическим лицом, которое действовало на праве представительства данного юридического лица или обладало полномочиями принимать решения от его имени или контролировать его. Это позволит более эффективно ликвидировать организации, причастные к легализации преступных доходов, в том числе фирмы-однодневки, а также взыскивать доход, полученный юридическим ли-

цом в результате совершения преступления его руководителями, предупреждая тем самым дальнейшие правонарушения.

Актуальной проблемой остается противодействие «обналичиванию», использованию платежных систем для проведения незаконных операций. Получая от граждан наличные денежные средства, платежные агенты не зачисляют их на специальные счета в банках или зачисляют не в полном объеме. Неучтенные наличные они продают, получая за них через подставные фирмы безналичные средства на свои расчетные счета. С них же они и рассчитываются с поставщиками услуг, которые тоже в нарушение закона спецсчета для таких расчетов не открывают. Предупреждение таких незаконных операций требует усиления контроля за деятельностью банков по отслеживанию поступления средств на специальные и расчетные счета платежных агентов и применению полномочий по закрытию счетов в случае нарушения законодательства о противодействии легализации преступных доходов.

Следует отметить, что если в банковской сфере источники и основания перечисления денежных средств, особенно при международных расчетах, достаточно подробно регламентированы в целях противодействия незаконным денежным операциям, то перемещение через границу нашей страны значительных сумм наличных денежных средств практически не ограничивается. Так, в 2015 г. имело место семь случаев вывоза и 51 случай ввоза валюты на сумму свыше миллиона долларов США. Дважды ввозили и вывозили более 5 миллионов долларов [7]. Представляется, что в дополнение к положениям о декларировании необходимо ввести требование об обосновании источника крупных денежных сумм, перемещаемых через границу.

Одним из основных направлений ограничения глобального рынка легализации преступных доходов является международное сотрудничество. Как показывает практика, установление и арест преступных доходов за рубежом осложняется длительными сроками рассмотрения ходатайств о правовой помощи, зачастую связанными с необходимостью множества судебных процедур. Положения ряда международных договоров позволяют при оказании правовой помощи «заморозить» (блокировать) активы до принятия соот-

ветствующего судебного решения об их аресте. Однако с момента возбуждения уголовного дела до ареста активов, полученных преступным путем, проходит длительный период времени. Это дает преступникам возможность легализовать имущество, полученное преступным путем, что затрудняет последующий возврат таких активов законному владельцу. В связи с этим следственным органам для выявления и блокирования похищенных активов необходимо использовать возможности финансовых разведок. Например, Росфинмониторинг взаимодействует с финансовыми разведками 130 государств и юрисдикций в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на основе принципа взаимности*.

Нередко итогом информационного обмена становятся совместные финансовые расследования, в проведении которых участвуют не только финансовые разведки, но и иные компетентные органы заинтересованных государств и территорий. В настоящее время Генеральной прокуратурой Российской Федерации проводится значительная работа по организации возвращения таких доходов, которая дает свои результаты. Имеются положительные примеры возврата незаконно выведенных за пределы России активов и имущества из Великобритании, Испании, Норвегии, США, Швейцарии, принятия решений об аресте и конфискации денежных средств и имущества на основании российских запросов о правовой помощи в Латвии, Лихтенштейне, Монако, Сербии, во Франции.

Другая проблема связана с нежеланием некоторых государств, в основном офшоров, включаться в противодействие «отмыванию». В них затруднено или вообще невозможно получение достоверной информации о зарегистрированных там компаниях или счетах, даже на основании запроса о правовой помощи по уголовным делам. Борьба с отмыванием преступных доходов в таких странах требует реализации мер, связанных с ограничением участия офшорных компаний в национальных экономиках, например, в закупках для государственных нужд, обязательным контролем их операций финансовыми раз-

* Данные с официального сайта Росфинмониторинга (см.: URL: <http://www.fedsfm.ru/activity/bilateral-cooperation>).

ведками, расширением договорной базы международного сотрудничества.

Возврату огромных доходов, полученных преступным путем и выведенных за границу, будет способствовать заключение двусторонних и многосторонних международных договоров о возврате имущества, полученного преступным путем и конфискованного в результате международного сотрудничества. Без таких договоров любому государству просто невыгодно направлять за границу запросы о конфискации имуще-

ства, полученного преступным путем, так как конфискованные активы могут остаться в распоряжении запрашиваемого государства. Актуальным вопросом является подготовка и заключение конвенции ООН о противодействии легализации преступных доходов.

Реализация перечисленных мер позволит усовершенствовать систему профилактики легализации преступных доходов, решив тем самым задачу снижения противоправного сектора нашей экономики, увеличения благосостояния страны.

Список литературы

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Норма, 2001.
2. Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984.
3. Быстрова Ю.В. Система предупреждения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Понятия советской криминологии / А.И. Долгова, Б.В. Коробейников, В.Н. Кудрявцев, В.В. Панкратов. М.: ВНИИП и ПП, 1985.
5. Шестопап О. ЦБ ждет объяснений от 57 банков. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2692638> (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).
6. Маркелов Р. Центробанк хочет повернуть финансовые реки, вытекающие из России, вспять // Рос. газ. 2015. 24 марта.
7. Зыкова Т. Ничего наличного // Рос. газ. 2015. 20 окт.

ТИХОНОВА С.С.,
кандидат юридических наук, доцент,
sstikhonova@yandex.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского,
603022, г. Нижний Новгород,
просп. Гагарина, 23

TIKHONOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
sstikhonova@yandex.ru
Chair of criminal law and criminal procedure;
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky,
Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, 603022,
Russian Federation

КИСЕЛЕВА И.А.,
кандидат юридических наук,
kiselevai3@rambler.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского,
603022, г. Нижний Новгород,
просп. Гагарина, 23

KISELEVA I.A.,
Candidate of Legal Sciences,
kiselevai3@rambler.ru
Chair of criminal law and criminal procedure;
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky,
Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, 603022,
Russian Federation

КОКУНОВ А.И.,
kokynoval@yandex.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского,
603022, г. Нижний Новгород,
просп. Гагарина, 23

KOKUNOV A.I.,
kokynoval@yandex.ru
Chair of criminal law and criminal procedure;
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky,
Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, 603022,
Russian Federation

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕДИНИЧНЫХ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ В КОДИФИЦИРОВАННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Реферат. Обосновывается необходимость использования криминологической характеристики личности преступника для определения наиболее эффективных видов наказаний для лиц, совершающих преступления того или иного вида. Предлагается алгоритм построения уголовно-правовой санкции. Исходя из криминологической характеристики личности преступника определяется наличие или отсутствие в санкции лишения свободы, а также минимальный и максимальный срок данного вида наказания. Тем самым предопределяется категория преступления в соответствии со статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации. В зависимости от категории преступления ставится вид санкции. Преступлениям небольшой тяжести соответствует альтернативная санкция без лишения свободы или санкция, предусматривающая лишение свободы, с понижающей альтернативой. Преступлениям средней тяжести соответствует санкция, предусматривающая лишение свободы, с понижающей альтернативой. Тяжким преступлениям соответствует единичная санкция, предусматривающая лишение свободы. Особо тяжким преступлениям соответствует санкция, предусматривающая лишение свободы, с повышающей альтернативой. Обращается внимание на научные подходы к определению оптимальной длины (количества основных видов наказаний) альтернативной санкции. Анализируется вариативность основных видов наказаний для санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Оптимальная длина альтернативной санкции составляет 2-3 вида наказаний. Законотворческий выбор конкретных видов наказаний должен базироваться на криминологической характеристике личности преступника, а также может быть скорректирован на основе анализа судебной практики применения определенных видов наказаний. Предлагаемые меры по оптимизации конструирования санкций призваны устранить в перспективе имеющиеся в настоящее время диспропорции в системе санкционного обеспечения, упорядочив деятельность законодателя.

Ключевые слова: санкция, личность преступника, наказание, длина альтернативной санкции, категория преступления.

TECHNICAL AND LEGAL CONSTRUCTION OF SINGLE AND ALTERNATIVE SANCTIONS IN CODIFIED CRIMINAL LAW: PROBLEM STATEMENT

Abstract. The necessity of using criminological characteristics of criminal's personality to determine the most effective types of punishment for particular type of crime is substantiated. An algorithm for the construction of criminal law sanction is proposed. The presence or absence of imprisonment in the sanction, as well as its minimum and maximum term is determined. Thus the crime category in accordance with article 15 of the RF Criminal Code is predetermined. The type of sanction depends on the category of crime. Minor offences correspond to alternative sanction without imprisonment or sanction involving the deprivation of liberty with reducing the length of imprisonment. Medium-gravity crimes correspond to a sanction involving the deprivation of liberty with reducing the length of imprisonment. Serious crimes correspond to a sanction involving the deprivation of liberty. Particularly serious crimes correspond to a sanction involving the deprivation of liberty with increasing the length of imprisonment. Scientific approaches to determining the optimal length (number of basic types of punishment) of alternative sanction are discussed. The variability of the main types of penalties for sanctions of the articles of the special part of the RF Criminal Code is analyzed. The optimal length of alternative sanction is 2 or 3 types of punishment. The legislative choice of a particular form of punishment should be based on the criminological characteristics of offender's personality. It can be adjusted basing on the analysis of the judicial practice of applying certain types of punishment. The proposed measures to optimize the construction of sanctions are aimed at improving the legislation in this sphere.

Keywords: sanction, criminal's personality, punishment, length of alternative sanction, category of crime.

Вопросы определения каких-либо ориентиров для законодателя при конструировании санкций статей Особенной части УК РФ, как правило, не затрагиваются в учебной уголовно-правовой литературе. Обращаясь к научным публикациям, приходим к выводу о том, что, моделируя составы новых преступлений и обосновывая выбор тех или иных признаков, включаемых в них в качестве конструктивных либо квалифицирующих, многие ученые также не обосновывают предлагаемые количественно-качественные параметры соответствующих данным составам обычных и усиленных (особо усиленных) санкций. Среди поднимаемых в криминологических исследованиях проблем совершенствования уголовно-правового обеспечения мер противодействия какому-либо виду преступности, как правило, также нет вопроса о совершенствовании подходов к наказуемости соответствующих преступных деяний. В основном речь идет об изменении законодательных форм диспозиций статей Особенной части УК РФ.

Так, несмотря на подробную криминологическую характеристику лиц, совершающих преступления в сфере здравоохранения, в монографии А.Н. Варыгина и Е.В. Червонных не поднимается вопрос о совершенствовании подходов к наказуемости соответствующих лиц, однако вносятся предложения относительно создания новых составов преступлений [1, с. 170-175]. В монографии С.В. Изосимова и А.Г. Карпова, несмотря на развернутую криминологическую характеристику лиц, совершающих соответствующие преступления, также не затрагивается вопрос об оптимизации санкций в Особенной части УК РФ [2, с. 127-163].

Подобные примеры можно продолжать. Такова же общая тенденция в диссертационных криминологических исследованиях. Достаточно часто при проведении как диссертационных, так и иных криминологических исследований ученые, обобщив массив уголовных дел, ограничиваются констатацией «популярности» тех или иных видов наказаний, применяющихся судами за исследуемое в работе преступление в течение определенного периода на территории Российской Федерации в целом либо на территории ее отдельных субъектов. Действительно, по-

скольку при выборе судом вида основного наказания в процессе назначения наказания конкретному лицу необходимо руководствоваться характеристикой его личности, то практика применения наказаний способна обнаружить типичные свойства личности виновных и оптимальный круг наказаний для них за соответствующий вид преступлений. Но четкие выводы относительно вскрываемой тенденции наказуемости преступных деяний, которые могли бы быть использованы в качестве ориентиров для осуществления научной деятельности по моделированию санкций статей Особенной части УК РФ, в данных работах есть далеко не всегда.

Однако именно в данных выводах нуждается уголовно-правовая наука. Так, еще П.П. Осипов предлагал соотносить санкции с типологией личности виновных, чтобы каждому типу личности соответствовал определенный набор наказаний [3, с. 67-123]. Данные о личности типичного преступника («корыстный», «насильственный», «престижный», «сексуальный» и т.д.) [4, с. 229-230] должны позволить более эффективно решить проблему конструирования санкций в процессе как первичного, так и вторичного законотворчества [5, с. 88]. При этом, конструируя санкции в процессе первичного законотворчества, необходимо учитывать практику применения наказаний за смежные преступления, в процессе вторичного — за соответствующее преступление.

Именно криминологическая характеристика личности преступника может подсказать, существует ли потребность в наличии в санкции статьи Особенной части УК РФ, устанавливающей ответственность за тот или иной вид преступления, лишения свободы. При положительном ответе на данный вопрос нужно определиться с максимально допустимым сроком лишения свободы, который позволит отнести преступление к той или иной категории. Категория же должна предопределить следующий этап в конструировании санкции — выбор модели санкции: единичная (предполагает наличие одного основного вида наказания) или альтернативная (предполагает наличие двух или более основных видов наказаний).

Представляется, что санкции статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за преступле-

ния небольшой и средней тяжести, должны быть только альтернативными. Из 296 санкций статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за преступления небольшой тяжести, в настоящее время имеют вид альтернативных 98,3 %, из 228 санкций за преступления средней тяжести – 81,6 %.

Санкции статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за тяжкие преступления, должны быть только единичными. Согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания» более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Опираясь на данное уголовно-правовое предписание, вполне логично согласиться с тем, что типовым, то есть наиболее соответствующим характеру общественной опасности преступления, следует считать вид наказания, поставленный в санкции (альтернативной) на первое место [6, с. 36-37, 42-44, 48]. Весьма странно видеть в санкциях за тяжкие преступления в качестве типового наказания штраф или иные виды, существенно более мягкие по сравнению с лишением свободы и точно так же встречающиеся в санкциях за преступления небольшой и средней тяжести. Скорее следовало бы признавать тяжким лишь такое преступление, для совершения которого требуются особые свойства личности, не способной к исправлению под воздействием менее строгих видов наказаний, чем лишение свободы. Необходимо признать, что в настоящее время данная позиция вступает в противоречие с положениями Общей части УК РФ, регламентирующими сферу применения такого наказания, как принудительные работы (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ), позволяющими применять его за тяжкие преступления. Из 183 санкций за тяжкие преступления, предусмотренных Особенной частью УК РФ, только 56,8 % имеют вид единичных с лишением свободы.

Санкции статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за особо тяжкие преступления, могут быть как единичными, так и альтернативными, что следует из содержания ст. 15 УК РФ «Классификация преступле-

ний». По мнению А.П. Козлова, они «...могут охватывать весь спектр видов наказаний – от самых мягких до самых тяжких» [7, с. 336]. Но в данной позиции наблюдается логическое противоречие – признается повышенная общественная опасность преступления и одновременно фактически «облегчается» набор уголовно-правовых средств борьбы с данным преступлением за счет введения в санкцию более мягких видов наказания по сравнению с базовым наказанием – лишением свободы. Представляется, что логичнее было бы ограничение в построении альтернативной санкции такой ее разновидностью, как с лишением свободы и повышающей альтернативой [8, с. 193]. В настоящее время из 94 имеющихся в Особенной части УК РФ санкций за особо тяжкие преступления 73,4 % составляют единичные санкции с лишением свободы и 20,2 % – альтернативные санкции с лишением свободы и повышающей альтернативой.

По мнению Г.Л. Кригер, набор видов наказаний в санкции должен определяться самой категорией преступления [9, с. 137-138]. Действительно, изначально определив перечень видов наказаний для каждой категории преступления, законодатель получил бы довольно простую методику конструирования санкций статей Особенной части УК РФ, поскольку выбор категории преступления автоматически влек бы за собой выбор видов основных наказаний. Однако в настоящее время с категорией преступления законодатель официально связывает применение только 4 из 12 основных видов наказаний: ограничения свободы (ч. 2 ст. 53 УК РФ), принудительных работ (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ), пожизненного лишения свободы (ч. 1 ст. 57 УК РФ) и смертной казни (ч. 1 ст. 59 УК РФ). Таким образом, остается определенная свобода во введении других видов наказаний в санкции статей Особенной части УК РФ вне зависимости от категории преступления [10, с. 384]. Но, как уже отмечалось выше, представляется целесообразным не пользоваться данной свободой при конструировании санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Для определения возможной длины альтернативной санкции с лишением свободы и понижающей альтернативой, которая может моделироваться за престу-

пленения небольшой или средней тяжести, следует обратиться к ст. 44 УК РФ. Вариативность основных наказаний для санкций в гл.гл. 16-32, 34 УК РФ получается следующей: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) обязательные работы; 4) исправительные работы; 5) ограничение свободы; 6) принудительные работы; 7) арест; 8) лишение свободы. Для санкций в гл. 33 УК РФ «Преступления против военной службы» вариативность основных наказаний несколько иная: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) обязательные работы; 4) ограничение по военной службе; 5) арест; 6) содержание в дисциплинарной воинской части; 7) лишение свободы.

Определяя возможную длину альтернативной санкции без лишения свободы, которая может моделироваться только за преступления небольшой тяжести, необходимо исключить лишение свободы (а следовательно, и принудительные работы) из вышеперечисленных списков. Таким образом, для санкций в гл.гл. 16-32, 34 УК РФ можно получить следующую вариативность: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) обязательные работы; 4) исправительные работы; 5) ограничение свободы; 6) арест. Для санкций в гл. 33 УК РФ «Преступления против военной службы» вариативность основных наказаний несколько иная: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) обязательные работы; 4) ограничение по военной службе; 5) арест; 6) содержание в дисциплинарной воинской части.

Позиции относительно оптимальной длины альтернативных санкций, известные в отечественной уголовно-правовой науке, можно классифицировать на условные и определенные. К условным может быть отнесена позиция, согласно которой вариативность основных наказаний должна зависеть от степени определенности диспозиции. При этом чем менее конкретны признаки состава преступления, предусмотренные диспозицией, тем больше вариантов основных наказаний должно быть в санк-

ции, и наоборот [11, с. 240]. К определенным позициям могут быть отнесены следующие: вариативность основных наказаний не должна превышать двух вариантов [12, с. 679, 681]; вариативность основных наказаний не должна превышать половины предусмотренных действующей системой наказаний вариантов [13, с. 166-167].

В целях создания простого юридико-технического правила, удобного для использования в законотворческой практике, количество допустимых вариантов основных наказаний целесообразнее определять точно и сделать единым для всех видов альтернативных санкций во всех главах Особенной части УК РФ. При этом можно ограничить их вариативность тремя видами основных наказаний в любой альтернативной санкции. Признание в качестве императивного требования к законодателю ограничения выборки основных видов наказаний тремя видами в перспективе не может не повлиять на эффективность применения норм уголовного закона, существенно повысив ее за счет облегчения деятельности суда, с одной стороны, и понижения коррупциогенного потенциала уголовного законодательства, с другой стороны. В настоящее время 2-3 вида наказаний предусматривается в Особенной части УК РФ в 39,2 % случаев по альтернативным санкциям за преступления небольшой тяжести, общее количество которых – 296, и 59,2 % случаев по альтернативным санкциям за преступления средней тяжести, общее количество которых – 228.

Следует отметить, что альтернативность санкций в некоторых работах вообще подвергается критике, рассматривается как «форма выражения неопределенности в праве» [14, с. 36]. Сторонники исключения их из УК РФ полагают, что «каждый, кто знакомится с содержанием уголовно-правового запрета, должен ясно представить, насколько опасно его нарушение для правоохраняемых благ и интересов. Если же мера ответственности устанавливается альтернативно, то есть за одно и то же преступление предусматривается два, три, четыре и более видов наказаний, то такое представление составить трудно» [15, с. 224-225]. Однако считаем, что способом ограничения судебного усмотрения должна стать не трансформация всех имею-

щихся санкций в единичные, а, во-первых, оптимизация длины санкции, определяемой количеством предусмотренных в ней видов основных наказаний, и, во-вторых, формализация обстоятельств, влияющих на выбор судом конкретного вида основного наказания, с четким обозначением мотивов, которыми руководствовался суд, в обвинительном приговоре.

В закреплении санкций за посягательства на те или иные виды общественных

отношений заключается охранительная мера реализации превентивной функции уголовного права. В связи с этим целесообразно уделять внимание проблематике определения оптимальных вариантов уголовно-правового воздействия на выявленный в ходе проведения криминологических исследований тип личности преступника. В противном случае любая научная концепция санкционного обеспечения окажется слабой и оторванной от реальности.

Список литературы

1. Варыгин А.Н., Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
2. Изосимов С.В., Карпов А.Г. Нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (уголовно-правовое и криминологическое исследование): монография. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. 176 с.
3. Комплексное изучение системы воздействия на преступность: методологические и теоретические основы / под ред. П.П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.
4. Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 240 с.
5. Тихонова С.С. К вопросу о зависимости вида санкции от категории преступления // Приволжский научный вестник. 2013. N 10 (26). С. 87-90.
6. Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции (проблемы построения, классификации и измерения). Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989. 171 с.
7. Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: монография. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1998. 401 с.
8. Тихонова С.С., Фроловичев Я.В. Конструирование единичных и альтернативных санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: теория и законотворческая практика (гл.гл. 25-34 УК РФ) // Современное законодательство и проблемы регулирования общественных отношений: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 30 сентября 2013 г.) / под ред. Л.А. Чеговадзе. Н. Новгород: Цезиус, 2013. С. 191-194.
9. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М.: Наука, 1980. 296 с.
10. Меркурьев В.В., Тихонова С.С. К вопросу о презумпции справедливости санкций уголовного закона в системе уголовно-правовых презумпций // Юридическая техника. 2010. N 4. С. 377-384.
11. Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 287 с.
12. Зубкова В.И. Проблемные вопросы построения санкций в уголовном законе РФ // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Конгресса уголовного права (г. Москва, 27-28 мая 2010 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Проспект, 2010. С. 676-681.
13. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
14. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. N 2. С. 32-44.
15. Губаева Т.В. Альтернативность санкций в уголовном праве как проблема законодательной техники // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской акад. МВД России, 2001. 315 с.

ЕВДОКИМОВ К.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
kons-evdokimov@yandex.ru
Кафедра государственно-правовых
дисциплин;
Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

EVDOKIMOV K.N.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
kons-evdokimov@yandex.ru
Chair of state and law disciplines;
Irkutsk Law Institute (branch)
of the Academy of the Prosecutor General's
Office of the Russian Federation,
Shevtsova St. 1, Irkutsk,
664035, Russian Federation

СТРУКТУРА И СОСТОЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат. Проанализированы современные нормативные, научные и экспертные подходы к структуре и состоянию компьютерной преступности в России. Компьютерная преступность в узком смысле – это совокупность преступлений, в которых компьютерная информация, компьютерные устройства, информационно-телекоммуникационные сети; средства создания, хранения, обработки, передачи, защиты компьютерной информации являются не только предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления. В свою очередь, компьютерная преступность в широком смысле представляет собой совокупность преступлений, совершенных вменяемыми физическими лицами, посягающих на законные права и интересы государства, общества, физических и юридических лиц в сфере безопасного оборота (создания, хранения, обработки, передачи, получения, защиты и т.д.) компьютерной информации и функционирования компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и иных средств создания, использования, распространения компьютерной информации. В структуру компьютерной преступности в Российской Федерации входят не только преступления в сфере компьютерной информации, но и большое количество преступных деяний, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных сетей. При этом анализ состояния и динамики компьютерной преступности позволяет сделать вывод, что количество преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), в ближайшей перспективе будет только возрастать, что, к сожалению, не обязательно найдет реальное отражение в официальной уголовной статистике.

Ключевые слова: компьютерная преступность; киберпреступность; интернет-преступность; преступления в сфере компьютерной информации; компьютерные преступления.

THE STRUCTURE AND THE STATE OF COMPUTER CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The current regulatory, scientific and expert approaches to the structure and the state of computer crime in Russia are analyzed. Computer crime in a narrow sense is a set of crimes in which computer information, hardware, information and telecommunication networks; means for creating, storing, processing, transmission, protection of computer information are not only the object of a criminal act, but are also used as tools of the crime. Computer crime in a broad sense is a set of crimes committed by sane individuals infringing upon the legitimate rights and interests of the state, society, individuals and legal entities in the field of computer information security (creation, storage, processing, transmission, receiving, protection of computer information, etc.) and the operation of computer devices, information and telecommunication networks and other means of creation, use and dissemination of computer information. The structure of computer crime in the Russian Federation includes not only crimes in the sphere of computer information, but also a large number of criminal acts committed by using information and telecommunication networks. The analysis of the state and dynamics of computer crime leads to the conclusion that the number of crimes under article 272 of the RF Criminal Code (illegal access to computer information), article 273 of the RF Criminal Code (creation, use and dissemination of malicious software), article 159.6 of the RF Criminal Code (fraud in the sphere of computer information) will only increase in the nearest future. Unfortunately, it will not necessarily find the real reflection in the official criminal statistics.

Keywords: computer crime; cybercrime; internet crime; crimes in the sphere of computer information; computer crimes.

В настоящее время одной из проблем развития Российского государства и общества является существование компьютерной преступности, причиняющей колоссальный вред политическим, социально-экономическим, научно-техническим, культурным и информационным отношениям.

«Лаборатория Касперского» проанализировала ущерб от деятельности киберпреступников на российском рынке. Согласно отчету, в случае успешной атаки крупные компании теряют около 20 млн рублей, а предприятия среднего и малого бизнеса теряют в среднем 780 тыс. рублей за счет вынужденного простоя, упущенной прибыли и расходов на дополнительные услуги специалистов. На ликвидацию последствий инцидента и профилактику крупные компании дополнительно тратят около 2,1 млн рублей, а небольшие – около 300 тыс. рублей*.

В связи с этим все более актуальным становится вопрос о защите физических и юридических лиц от неправомерного доступа к компьютерной информации, вредоносных компьютерных программ, кибершпионажа, DDoS-атак и иных компьютерных угроз.

Следует отметить, что в последнее время опубликовано немало научных работ, посвященных как общим вопросам юридической ответственности [1; 2], так и проблемам противодействия компьютерной преступности [3; 4]. Однако на вопросы о том, что следует понимать под компьютерной преступностью, какова ее структура и современное состояние в Российской Федерации, в научном сообществе нет однозначных ответов, многочисленные дискуссии продолжаются.

По нашему мнению, компьютерная преступность представляет собой сложное криминальное явление, которое целесообразно рассматривать в узком и широком смысле.

Компьютерная преступность в узком смысле – совокупность преступлений, в которых компьютерная информация, компьютерные устройства, информационно-телекоммуникационные сети; средства создания, хранения, обработки, передачи,

защиты компьютерной информации являются не только предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления.

Таким образом, понятие «компьютерные преступления» частично совпадает с установленным законодателем понятием «преступления в сфере компьютерной информации».

В свою очередь, компьютерная преступность в широком смысле представляет собой совокупность преступлений, совершенных вменяемыми физическими лицами, посягающих на законные права и интересы государства, общества, физических и юридических лиц в сфере безопасного оборота (создания, хранения, обработки, передачи, получения, защиты и т.д.) компьютерной информации и функционирования компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и иных средств создания, использования, распространения компьютерной информации.

Таким образом, полагаем, что понятие «компьютерная преступность» в его широком смысле больше по объему и содержанию таких понятий, как «киберпреступность», «интернет-преступность», «преступность в сфере компьютерной информации», «преступность в сфере информационных технологий», включая их в себя с точки зрения признаков объективной стороны состава преступления (способ, средства, орудия преступления и т.д.), в качестве составных элементов.

Думается, что такой подход к понятию компьютерной преступности позволит оценить всю сложность, многообразие, разноуровневость рассматриваемого криминального явления и найти определенный баланс среди существующих научных позиций.

В свою очередь, анализ структуры компьютерной преступности в России, по нашему мнению, следует проводить, исходя именно из широкого смысла данного понятия и учитывая существующие нормативные, экспертные и доктринальные подходы.

Например, исследуя нормативный подход к структуре компьютерной преступности, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации можно выделить следующие противоправные деяния, выступающие угрозами безопас-

* Так ли страшен Интернет. О настоящей опасности киберугроз рассказывает «Газета.Ru». URL: http://www.gazeta.ru/tech/2014/11/05_a_6289085.shtml

ности информационных и телекоммуникационных средств и систем: противоправные сбор и использование информации; нарушения технологии обработки информации; внедрение в аппаратные и программные изделия компонентов, реализующих функции, не предусмотренные документацией на эти изделия; разработка и распространение программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и информационно-телекоммуникационных систем, в том числе систем защиты информации; уничтожение, повреждение, радиоэлектронное подавление или разрушение средств и систем обработки информации, телекоммуникации и связи; уничтожение, повреждение, разрушение или хищение машинных и других носителей информации; несанкционированный доступ к информации, находящейся в банках и базах данных, а также иные деяния*.

Заключенная в г. Будапеште 23 ноября 2001 года и ратифицированная почти 50-ю государствами Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации закрепляет пять групп компьютерных преступлений, образующих компьютерную преступность: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств; правонарушения, связанные с содержанием компьютерных данных; правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав; акты расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных сетей**.

Российская Федерация в силу различных политических, юридических, информационных и иных объективных причин не ратифицировала Конвенцию Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации. Однако, несмотря на данный факт, правоохранительные органы Российской Федерации, к компетенции которых относится выявление, раскрытие, рассле-

дование, предупреждение компьютерных преступлений, надзор за расследованием компьютерных преступлений, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с компьютерной преступностью (Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, ФСБ России, МВД России и др.), с учетом действующего уголовного законодательства Российской Федерации придерживаются аналогичной классификации преступных деяний.

В частности, Главным информационно-аналитическим центром МВД России (ГИАЦ МВД России) постоянно осуществляется сбор, обработка, хранение сведений о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации***, в т.ч. данных о количестве зарегистрированных преступлений, расследованных, прекращенных, приостановленных и направленных в суд соответствующих уголовных дел (перечень указанных деяний, приведенный согласно установленным в МВД России формам отчетности, см. ниже).

Следует отметить, что российский законодатель в диспозициях статей 171.2, 242, 242.1, 242.2 УК РФ предусмотрел специальный квалифицирующий признак — «деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», установив за совершение вышеуказанных преступлений более суровое наказание.

Кроме того, по данному признаку к компьютерным преступлениям необходимо также отнести деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, т.е. «сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)». В качестве средств совершения этого преступления предполагается использование компьютерной информации противоправного характера, соответствующих компьютерных устройств и информационно-телекоммуникационных сетей.

* См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 9 сент. 2000 г. N Пр-1895) // Рос. газ. 2000. 28 сент.

** Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) (Заклучена в г. Будапеште 23 нояб. 2001 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** См.: Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2015 г. Ф-615 кн. 1. URL: <http://mvd.ru>

Несмотря на уже сложившийся нормативный подход правоохранительных органов к структуре компьютерной преступности, специалисты и эксперты в сфере информационной безопасности имеют свою собственную точку зрения на структуру компьютерной преступности в Российской Федерации, или, как принято говорить в экспертном сообществе, к «рынку киберпреступности».

В частности, эксперты международной компании Group-IB, специализирующейся на предупреждении и расследовании киберпреступлений*, считают, что основными преступными деяниями, образующими рынок киберпреступности в России, являются:

- 1) мошенничество в системах интернет-банкинга;
- 2) фишинг**;
- 3) хищение электронных денег;
- 4) услуги обналаживания иных нелегальных доходов;
- 5) спам*** (информация о медикаментах и различной контрафактной продукции, поддельном программном обеспечении, сфере услуг, образования, туризма и др.);
- 6) продажа трафика;
- 7) продажа эксплойтов;
- 8) продажа загрузок;
- 9) анонимизация****;
- 10) DDoS-атаки*****.

* См.: URL: <http://report2013.group-ib.ru>

** Фишинг – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям. Это достигается путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, а также личных сообщений внутри различных сервисов, например, от имени банков.

*** Спам – рассылка коммерческой и иной рекламы или иных видов сообщений лицам, не выразившим желания их получать.

**** Анонимизация – процесс удаления данных (из документов, баз данных и т.д.) с целью сокрытия источника информации, действующего лица и т.д.

***** DoS-атака – атака на компьютерную систему с целью ее блокирования или затруднения доступа пользователей к предоставляемым системным ресурсам (серверам). DDoS-атака – разновидность DoS-атаки, совершаемой с большого количества компьютеров для блокирования защищенных компьютерных систем (например, серверов органов государственной власти, банков, крупных компаний, электронных СМИ и т.д.).

В свою очередь, специалисты Центра глобальных исследований и анализа угроз «Лаборатории Касперского» (GReAT), ежегодно анализирующие состояние киберпреступности в России и других странах, к компьютерным преступлениям (на профессиональном сленге – «компьютерным угрозам»), составляющим киберпреступность, относят:

- 1) целевые кибератаки;
- 2) кибершпионаж;
- 3) хактивизм;
- 4) кражу конфиденциальных данных;
- 5) кибервымогательство;
- 6) кибератаки, совершаемые по найму (кибернаемничество);
- 7) использование вредоносного программного обеспечения для мобильных устройств;
- 8) целевой фишинг;
- 9) нарушение тайны частной жизни;
- 10) использование эксплойтов для уязвимостей программного обеспечения;
- 11) кибервымогательство;
- 12) создание и использование ботнетов*****.

По мнению экспертов лаборатории PandaLabs, входящей в состав международной компании Panda, производящей антивирусное программное обеспечение, в 2015 году основными преступными деяниями, формирующими компьютерную преступность в России, стали:

1. Кибершантаж (например, вредоносные программы типа Crypto Locker, попав в компьютер, шифруют все типы документов, которые могут представлять ценность для пользователя (электронные таблицы, документы, базы данных, фотографии и пр.), после чего жертву начинают шантажировать, требуя заплатить выкуп за возможность восстановления файлов).

2. Направленные кибератаки на информационные ресурсы компаний, организаций, учреждений и т.д.

3. Кибератаки на платежные терминалы для кражи данных банковских карт клиентов.

4. APT-атаки (Advanced Persistent Threats) – так называемые «постоянные угрозы повышенной сложности», представляющие собой вид направленных атак,

***** См.: URL: <http://securelist.ru/files/2014/12/Kaspersky-Security-Bulletin-2014-RU.pdf>

которые нацелены на крупные компании или стратегически важные институты.

5. Взлом подключенных к Интернету устройств («Интернет-вещей»). Данные устройства, начиная от IP-камер и заканчивая принтерами, являясь частью Интернета, обладают программным обеспечением, которое делает их весьма уязвимыми для взлома киберпреступниками и причинения ущерба пользователю.

6. Атаки на смартфоны, а также иные мобильные устройства для кражи паролей и данных пользователей*.

Таким образом, мнение экспертного сообщества о структуре компьютерной преступности и компьютерных преступлениях несколько отличается от нормативного подхода правоохранительных органов, т.к. основывается на «программно-технических» критериях, однако не противоречит ему, поскольку практически все так называемые киберугрозы подпадают под действие Уголовного кодекса РФ (например, под действие ст. ст. 146, 159.3, 159.6, 163, 165, 272, 273, 274 УК РФ) как преступные деяния, а следовательно, охватываются уголовным законодательством и формами отчетности, принятыми в Генеральной прокуратуре РФ, Следственном комитете РФ, МВД России для анализа компьютерной преступности.

В свою очередь, исследование научной литературы по рассматриваемой теме также показывает неоднозначность мнений исследователей относительно структуры компьютерной преступности в России.

Например, Д.К. Чирков и А.Ж. Саркисян в структуре компьютерной преступности выделяют только те преступные деяния, которые учитываются ГИАЦ МВД России как преступления, совершенные в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации [5, с. 220].

По мнению М.Б. Эмирова, А.Д. Саидова, Д.А. Рагимханова, «к наиболее распространенным видам преступлений в глобальных компьютерных сетях можно отнести: промышленный шпионаж; саботаж; вандализм; спуфинг (взлом паролей); мошенничество» [6, с. 65].

Другие авторы исходят из сложной структуры компьютерной преступности и рассматривают входящие в нее преступные деяния по нескольким критериям: в

зависимости от объекта, предмета посягательства, способов совершения и т.п. [7, с. 34-37; 8, с. 48].

Например, по объекту посягательства выделяются следующие группы компьютерных преступлений: преступления против конфиденциальности, целостности, доступности компьютерных данных и компьютерных сетей, экономические компьютерные преступления, компьютерные преступления против личных прав и неприкосновенности частной сферы, компьютерные преступления против общественных и государственных интересов [9, с. 150].

Однако анализ нормативных, научных и иных источников показывает, что для иллюстрации структуры компьютерной преступности в России лучше использовать классификацию и статистику, касающуюся совершенных компьютерных преступлений, применяемую информационными центрами правоохранительных органов. Это связано с тем, что существующая методика учета зарегистрированных преступлений, расследованных, приостановленных и прекращенных уголовных дел по преступлениям данного вида уже апробирована временем, а уголовная статистика складывается из ежедневно поступающих данных от территориальных органов ФСБ России, СК России, МВД России, а также из служебных отчетов, докладных записок, информационных писем, обзоров (квартальных, полугодовых, годовых). Таким образом, правоохранительные органы обладают большим объемом аналитической информации о структуре и масштабе компьютерной преступности в России, чем экспертное или научное сообщество, что не умаляет значение последних в исследовании данного криминального явления.

Так, исходя из статистических данных ГИАЦ МВД России за 2015 год, структура российской компьютерной преступности выглядит следующим образом:

1. Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (ч. 1 ст. 138 УК РФ) — 0,4 %;

2. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ), — 2,4 %;

3. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) — 21,2 %;

* См.: URL: http://www.viruslab.ru/upload/files/download/wp/wp_reports_2014.pdf

4. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) – 9,8 %;

5. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) – 0,02 %;

6. Нарушение авторских и смежных прав, совершенное с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 146 УК РФ), – 11,1 %;

7. Кража, совершенная с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 158 УК РФ), – 9,78 %;

8. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) и мошенничество, совершенное с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 159 УК РФ), – 30,2 %;

9. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 165 УК РФ), – 0,2 %;

10. Незаконная организация и проведение азартных игр, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 171.2 УК РФ), – 0,2 %;

11. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 183 УК РФ), – 2,8 %;

12. Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 242 УК РФ), – 6,1 %;

13. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 242.1 УК РФ), – 5,3 %;

14. Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, совершенное посредством компьютерных

и телекоммуникационных технологий (ст. 242.2 УК РФ), – 0,5 %*.

Как следует из приведенных данных, среди преступных деяний, образующих компьютерную преступность в Российской Федерации, преобладают: мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) и мошенничество, совершенное с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 159 УК РФ), – 30,2 %; неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) – 21,2 %; нарушение авторских и смежных прав, совершенное с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 146 УК РФ), – 11,1 %; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) – 9,8 %; кража, совершенная с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 158 УК РФ), – 9,78 %.

Таким образом, наибольший удельный вес среди совершенных компьютерных преступлений приходится на преступления в сфере компьютерной информации (ст.ст. 272, 273 УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), которые в данное время и составляют основу компьютерной преступности в России.

Исследуя официальную статистику правоохранительных органов, а также аналитические материалы компаний, занимающихся информационной безопасностью и разработкой антивирусного программного обеспечения, можно увидеть следующую картину российской компьютерной преступности, характеризующую ее состояние.

В 2015 году в Российской Федерации по фактам совершения компьютерных преступлений были возбуждены уголовные дела: за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) – 1 396; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) – 974; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информацион-

* См.: Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь – декабрь 2015 г. Ф-615 кн. 1. URL: <http://mvd.ru>

но-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) — 12; мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) — 1 352*.

При этом, согласно официальной статистике, динамика совершения преступлений в сфере компьютерной информации носит регрессивный характер, т.е. количество зарегистрированных, а следовательно, расследованных и направленных в суд уголовных дел из года в год неуклонно снижается.

По данным ГИАЦ МВД России, общее количество преступлений в сфере компьютерной информации (зарегистрированных в текущем периоде календарного года), предусмотренных ст. 272 и ст.ст. 273, 274 УК РФ составило: в 2009 г. соответственно 9 489 и 2097, 4; в 2010 г. — 6 132 и 1 010, 0; в 2011 г. — 2 005 и 693, 0; в 2012 г. — 1 930 и 889, 1; в 2013 г. — 1 799 и 764, 0; в 2014 г. — 1 151 и 585, 3; в 2015 г. — 1396 и 974, 12**. Таким образом, за последние семь лет количество выявленных преступлений в сфере компьютерной информации сократилось почти в 5 раз (количество уголовных дел уменьшилось с 11 590 до 2 382).

Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 274 УК РФ, как мы видим, является незначительным и в целом не влияет на общую картину компьютерной преступности в России.

При этом необходимо отметить серьезные проблемы не только в выявлении преступлений в сфере компьютерной информации, но и в деятельности органов дознания и предварительного следствия при расследовании данной категории преступлений.

Например, статистика расследованных уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ, показывает, что по реабилитирующим основаниям прекращены: в 2009 г. — 50, в 2010 г. — 35, в 2011 г. — 78, в 2012 г. — 163 уголовных дела; «приостановлены за розыском лица либо в случае неустановления лица, совершившего преступление»: в 2010 г. — 58, в 2011 г. — 75, в 2012 г. — 108, в 2013 г. — 106, в 2014 г. — 119, в 2015 г. — 193 уголовных дела.

* См.: Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2015 г. Ф-615 кн. 1. URL: <http://mvd.ru>

** Там же.

В 2010 году из находившихся в производстве по ст. 273 УК РФ 1 066 уголовных дел в суд направлено 914***, в 2011 году из 754 уголовных дел в суд направлено 558****, в 2012 году из 953 уголовных дел в суд направлено только 664*****, в 2013 году из 860 уголовных дел в суд направлено 575*****, в 2014 году из 665 уголовных дел в суд направлено 344*****, в 2015 году из 974 уголовных дел в суд направлено 369*****.

Однако можно констатировать, что количество выявляемых преступлений в сфере компьютерной информации и, соответственно, возбужденных уголовных дел сокращается, около 20 % зарегистрированных уголовных дел прекращается либо приостанавливается на стадии предварительного следствия (дознания), в суд направляется немногим более 50 % уголовных дел.

В частности, профессор В.Б. Вехов еще 2004 году указывал, что «...с определенной долей успеха расследуется лишь около 49 % выявленных “компьютерных” преступлений, обвинительные приговоры выносятся в 25,5 % случаев от общего числа возбужденных уголовных дел, а средний показатель количества уголовных дел, по которым

*** См.: Ф-615 кн. 1. Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2010 г. URL: <http://mvd.ru>

**** См.: Ф-615 кн. 1. Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2011 г. URL: <http://mvd.ru>

***** См.: Ф-615 кн. 1. Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2012 г. URL: <http://mvd.ru>

***** См.: Ф-491 кн. 1. Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2013 г. URL: <http://mvd.ru>

***** См.: Ф-491 кн. 1. Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2014 г. URL: <http://mvd.ru>

***** Ф-615 кн. 1. Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь — декабрь 2015 г. URL: <http://mvd.ru>

производство приостановлено, составляет 43,5 %. Все это закономерные последствия явно недостаточного уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений указанного вида» [10, с. 6].

Диаметрально противоположная ситуация с выявлением и расследованием уголовных дел, возбужденных по фактам мошенничества, совершенного с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (с 29.11.2012 г. – мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). На протяжении последних лет отмечается постоянный рост этой разновидности компьютерных преступлений, при этом в 2014 году возбуждено 995 уголовных дел, что на 43,6 % больше по сравнению с 2013 годом, в суд направлено 237 уголовных дел (рост на 23,4 %) и выявлено 135 лиц, совершивших преступления (рост на 45,2 %)*.

Экспертное сообщество имеет свою точку зрения на состояние и динамику компьютерной преступности в России.

Так, по оценкам аналитиков компании Group-IB, объем рынка киберпреступности в Российской Федерации в 2012 году составил 1,93 млрд долларов**, а с июля 2013 по июль 2014 года в России и СНГ русскоговорящие хакеры «заработали» 2,5 млрд долларов, что составляет 2 % от глобального рынка. На мошенничестве в системах интернет-банкинга России и СНГ, обналичивании денежных средств, банковском фишинге и мошенничестве с электронными деньгами преступники «заработали» 426 млн долларов, на операциях по «кардингу» – 620 млн долларов, распространение спама о фальшивых медикаментах и другом контрафакте, а также поддельного ПО принесло мошенникам 841 млн долларов***.

В свою очередь, американская корпорация Symantec оценила ущерб от киберпреступности в России за 2013 год в

1 млрд долларов, а в 2012 году в 1,48 млрд долларов. При этом общий ущерб от киберпреступности в мире в 2013 году составил 113 млрд долларов против 110 млрд долларов в 2012 году****.

По данным исследования 2014 Cost of CyberCrime Study, проведенного компанией Ponemon Institute при поддержке HP Enterprise Security, среднегодовой ущерб российских организаций от киберпреступлений в 2014 году достиг 3,3 млн долларов, а средний годовой убыток каждой организации в США из числа участвовавших в опросе составил 12,7 млн долларов, что на 96 % больше аналогичного показателя пять лет назад. Выяснилось также, что в среднем время, уходящее на устранение последствий кибератаки, за тот же период выросло на 33 %, а ущерб от одной атаки превысил 1,6 млн долларов. Дороже всего компаниям обходится распознавание атак и восстановление после них – до 49 % общих годовых издержек*****.

По данным «Лаборатории Касперского», в мире ежедневно появляется до 70 тыс. вредоносных программ. Зачастую они используют новые методы «заражения», скрывая свое присутствие в системе, стремясь действовать в обход защиты. В 2015 году в 96 % российских компаний фиксировались инциденты в области IT-безопасности. Больше половины опрошенных специалистов признали факт потери данных в результате заражения вредоносным программным обеспечением (ПО). При этом чаще всего инциденты в области IT-безопасности приводят к потере данных о платежах (13 %), интеллектуальной собственности (13 %), клиентских баз (12 %) и информации о сотрудниках (12 %).

По мнению специалистов, компьютерные преступники начали более активно атаковать банкоматы, для чего они используют не только вредоносные программы, способные осуществлять сбор данных банковских карт, но и более совершенные виды мошенничества, когда злоумышленники манипулируют суммами выдачи с банкоматов или получают возможность управления диспенсером, что позволяет

**** URL: <http://go.symantec.com/norton-report-2013/>

***** URL: <http://www.octree.co.uk/Documents/2014-Global-Report-on-the-Cost-of-Cybercrime.pdf>

* См.: Ф-491 кн. 1. Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь – декабрь 2014 г. URL: <http://mvd.ru>

** URL: <http://digit.ru/business/20130910/405335397.html#ixzz2r1xUjpbf>

*** См.: URL: <http://www.group-ib.ru/index.php/investigation/1063-link-nezavisimye>

опустошать банкоматы в моменты их максимальной загрузки.

Для проведения DDoS-атак мошенники отказываются от заражения компьютеров, а начинают использовать серверы-усилители, которые позволяют увеличить мощность потенциальных атак до такого уровня, который может вызывать значительные перебои в штатной работе целых стран. Атаки большой мощности, проводимые хактивистами в знак протеста, были зафиксированы в момент проведения Олимпийских игр в Сочи (OpSochi), а также во время проведения референдума в Крыму (OpRussia)*.

Анализируя динамику компьютерной преступности, можно прийти к выводу о том, что в 2016 году следует ожидать роста количества хактивистских атак на правительственные сайты, сайты государственных и муниципальных учреждений, а также сайты средств массовой информации для продвижения различных социальных и политических идей (борьба с коррупцией и бюрократизмом, отстаивание политических требований оппозиционных движений; предвыборная агитация; отстаивание информационных прав и свобод в российском сегменте сети «Интернет» и др.). Кроме того, увеличится количество направленных атак на банкоматы, банки и финансово-кредитные организации. Продолжится рост коли-

чества заражений POS-терминалов (терминалов для приема к оплате по пластиковым картам) и мобильных устройств. Однако следует ожидать снижения «фишинговой» активности в сети «Интернет» в связи с неэффективностью используемых преступниками схем при совершении этой разновидности компьютерного мошенничества.

Таким образом, количество преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), в ближайшей перспективе будет возрастать, что, к сожалению, не обязательно найдет реальное отражение в официальной уголовной статистике и судебно-следственной практике в силу множества объективных причин (дальнейшее развитие IT-технологий и информатизация российского общества, несовершенство уголовного законодательства, недостатки и ошибки в судебно-следственной практике по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, отсутствие в правоохранительных органах необходимого количества высококвалифицированных специалистов для раскрытия компьютерных преступлений и т.д.).

* URL: <http://www.rg.ru/2014/10/28/ubytok-ot-hackerov.html>

Список литературы

1. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация: учеб. пособие. Иркутск, 2013. 219 с.
2. Кузьмин И.А. Родовой признак юридической ответственности в аспекте основных ретроспективных концепций // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. N 4 (87). С. 262-269.
3. Быков В.М., Черкасов В.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 328 с.
4. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 200 с.
5. Чирков Д.К., Саркисян А.Ж. Преступность в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации как угроза национальной безопасности страны // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. N 3. С. 219-226.
6. Эмиров М.Б., Саидов А.Д., Рагимханов Д.А. Борьба с преступлениями в глобальных компьютерных сетях // Юридический вестник ДГУ. 2011. N 2. С. 63-66.
7. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 418 с.
8. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. N 24. С. 45-55.
9. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. 2013. N 5 (10). С. 148-160.
10. Вехов В.Б., Голубев В.А. Расследование компьютерных преступлений в странах СНГ: монография / под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 304 с.

Раздел 5. Пенитенциарная система

ЗИНИНА Н.А., suharev-s@mail.ru	ZININA N.A., suharev-s@mail.ru
Отделение нормотворческой работы отдела правового обеспечения;	Division of normative work of the department of legal support;
Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации, 119991, г. Москва, ул. Житная, 14	Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Zhithnaya St. 14, Moscow, 119991, Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: РОЛЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Реферат. Анализируются роль и эффективность института административного надзора в предупреждении постпенитенциарной преступности с учетом практики зарубежных стран. Сопоставляются нормы различных отраслей права, регламентирующие административный надзор, сравниваются критерии его применения к осужденным. Констатируется, что в ходе административного надзора цель постпенитенциарной адаптации зачастую не достигается. Показано, что отсутствие четкого законодательного статуса постпенитенциарного воздействия препятствует формированию единообразной практики применения уголовного и уголовно-исполнительного законов. Обозначаются перспективы законодательного регулирования административного надзора в рамках ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. При высокой профилактической роли административного надзора сохраняется проблема качества, обусловленная повторностью совершения преступлений в период его реализации, низкой эффективностью постпенитенциарной адаптации. В целях повышения роли и эффективности административного надзора предлагается передать эту функцию уголовно-исполнительным инспекциям с совмещением с индивидуальной профилактической работой, что повысит активность и ответственность исправительных учреждений при возбуждении ходатайства об установлении административного надзора перед судом. Обосновывается, что необходимо учитывать отдельные виды допреступного поведения осужденных в местах лишения свободы: склонность к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность, систематическое нарушение правил внутреннего распорядка, склонность к нападению на представителей администрации исправительного учреждения, организацию или активное участие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, организацию и провокацию группового противодействия требованиям администрации исправительного учреждения. Предлагается пересмотреть качество, содержательную сторону административного надзора, преодолеть декларативность исследуемого института, четко определить его предметно-отраслевую принадлежность.

Ключевые слова: административный надзор; постпенитенциарная адаптация; предупреждение рецидива преступлений; режим отбывания наказания.

ADMINISTRATIVE SUPERVISION IN THE PREVENTION OF POST-PENITENTIARY CRIME: THE ROLE AND EFFICIENCY

Abstract. The role and effectiveness of the administrative supervision institution in the prevention of post-penitentiary crime are analyzed. Foreign countries' practice is taken into account. The rules of various branches of law regulating the administrative supervision and the criteria of its application are compared. It's stated that during administrative supervision the purpose of post-penitentiary adaptation isn't often achieved. It's shown that the lack of clear legal status of post-penitentiary influence prevents the formation of uniform practice of applying criminal and penal legislation. The prospects of legislative regulation of administrative supervision within the framework of resocialization of persons having served the imprisonment sentences are outlined. Despite the high preventive role of administrative supervision, the problem of its quality, caused by reoffending during the period of its implementation and low efficiency of post-penitentiary adaptation, still remains. To improve the role and effectiveness of administrative supervision it's proposed to transfer this function to criminal executive inspections along with individual preventive work, which will increase the activity and responsibility of correctional institutions when applying for the establishment of administrative supervision before the court. The necessity to take into account certain types of pre-criminal behavior of convicts in prisons is substantiated: a tendency to encroachments on sexual freedom and integrity, systematic violation of

internal regulations, a tendency to attacks on the correctional institution administration, organization or active participation in gambling to benefit, organization and provocation of group countering the requirements of the administration. It's proposed to review the quality and content of administrative supervision, to overcome its declarative nature.

Keywords: administrative supervision; post-penitentiary adaptation; prevention of recidivism; mode of punishment.

Со времени принятия Федерального закона от 5 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»* прошло более четырех лет. Профилактически-предупредительная роль соответствующего института была известна и до принятия указанного нормативного правового акта. Вместе с тем есть все основания сделать вывод о недостаточно качественном применении и исполнении последнего. Свидетельство этого — значительное количество лиц, осужденных за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ). В 2014 году было совершено 2 648 таких преступлений, количество выявленных лиц, совершивших данные преступления, составляло 2 239. Следует подчеркнуть, что при этом указанным преступлениям сопутствовало 1 936 (86,5 %) более тяжких преступлений**.

Трудно спрогнозировать, какие и сколько преступлений было бы совершено лицами, освобожденными из мест лишения свободы, без установления за ними административного надзора. Высокий уровень постпенитенциарного рецидива обуславливает поиск дальнейшего совершенствования и повышения роли указанного института.

Практика реализации административного надзора свидетельствует о том, что в период его действия далеко не всегда удается достигнуть цели постпенитенциарной адаптации. Зная, что лицо, в отношении которого истекает срок административного надзора, может продолжить вести преступный образ жизни, правоохранительные органы тем не менее не имеют каких-либо средств воздействия на такую ситуацию.

Исследования, проведенные рядом авторов, наблюдения сотрудников учреж-

дений и органов, исполняющих наказания, органов внутренних дел доказывают, что в ряде случаев поднадзорные готовы продолжить преступный путь после погашения судимости. Об этом свидетельствуют характер их поведения, различного рода нарушения дисциплинарного или административного характера. В ряде случаев такое поведение выражается в виде различного рода татуировок вызывающего характера на открытых частях тела (лоб, веки, щеки) [1, с. 43-57].

Представляется, что заслуживает внимания практика осуществления надзора за подобными лицами в Германии. В отношении осужденных, поведение которых свидетельствует об их дальнейшей преступной деятельности после освобождения от отбывания наказания, применяется превентивное заключение. Оно устанавливается на основании заключения судебного психолога судом на срок не менее пяти лет. Этот срок может продляться. Этот вид заключения исполняется на территории тюрьмы, в которой осужденный отбывал наказание [2, с. 15; 3, с. 53; 4, с. 17-23].

При этом опыт Германии можно было бы применить с учетом национальных правовых традиций. Речь идет о возможности продлевать время административного надзора за пределами срока судимости.

Основанием для такого продления могло бы стать решение суда, вынесенное в соответствии с постановлением органа внутренних дел, осуществляющего данный надзор в отношении конкретного лица. Такое решение вопроса имеет преимущество по сравнению с превентивным заключением, поднадзорное лицо находится в обычном социуме, а не в тюремных условиях, что позволяет более успешно адаптироваться к условиям лишения свободы. Кроме того, условия надзора также расширяют меры, направленные на профилактику преступлений тех, в отношении кого осуществляется надзор.

Наряду с продлением сроков административного надзора требуется его ка-

* Рос. газ. 2011. 8 апр.

** Здесь и далее автором используются результаты ведомственного статистического наблюдения.

чественное улучшение. Его содержание должно заключаться не только в надзоре за выполнением условия (условий), определенных решением суда, но и в проведении индивидуальной профилактической работе, учете других обстоятельств [5, с. 89].

Закон закрепил упрощенную модель наблюдения за ранее судимыми лицами, когда действия государственных органов ограничены лишь установлением запретов и возложением обязанностей в отношении поднадзорных. Главное, что отсутствует в законе об административном надзоре, — это идея ресоциализации. Необходимо сделать так, чтобы административный надзор не являлся исключительно регрессивной, «полицейской мерой». Субъект надзора должен оказывать помощь в получении общего и профессионального образования, жилья, в трудоустройстве, в организации лечения, в общении с другими государственными и муниципальными структурами и т.п. [6, с. 114; 7, с. 78; 8, с. 213].

«К сожалению, приходится констатировать, что решению данных вопросов в Законе об административном надзоре внимания не уделяется, — замечает Т.М. Калинина [9, с. 45].

В работе, проводимой в период отбывания наказания и после освобождения от него, необходима преемственность. Например, мы считаем целесообразной передачу функции осуществления административного надзора уголовно-исполнительным инспекциям с возложением на них обязанности проведения индивидуальной профилактической работы. Решение последнего вопроса повысит ответственность и активность исправительных учреждений в деле возбуждения ходатайства перед судом об установлении административного надзора. Приводимая ниже криминологическая ситуация в местах лишения свободы свидетельствует о такой необходимости.

Итак, рассмотрим осужденных с криминологической точки зрения. Из числа лишенных свободы 24 707 (4,5 %) являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, 2 168 из них содержатся в запираемых помещениях для содержания осужденных в строгих условиях отбывания наказания, водворены в штрафной изолятор, переведены в

единые помещения камерного типа, одиночную камеру колонии строгого режима.

Количество осужденных, состоящих на профилактическом учете, составляет 78 424 человека, в том числе: склонных к побегу — 7 372; лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других осужденных, — 1 896; организующих и провоцирующих групповое противодействие требованиям администрации — 1 271; склонных к употреблению и приобретению наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих препаратов и алкогольных напитков — 11 586; склонных к суициду и членовредительству — 28 211; организующих азартные игры или активно участвующих в них с целью извлечения материальной или иной выгоды — 3 038; склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка — 6 444; изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию — 684; отбывающих наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки — 926; склонных к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов — 4 552; склонных к посягательству на половую свободу и половую неприкосновенность — 19 588.

По сравнению с 2013 г. в 2014 г. произошло увеличение доли осужденных: склонных к суициду и членовредительству (на 30,1 %); организующих азартные игры или активно участвующих в них с целью получения материальной или иной выгоды (на 10,11 %); склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка (на 43,8 %); изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию (на 43,1 %); склонных к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (на 31,0 %); склонных к посягательству на половую свободу и половую неприкосновенность (на 5,6 %).

Н.С. Емельянов приводит следующий ряд видов доприступного поведения осужденных в местах лишения свободы:

— склонность к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность;

- систематическое нарушение правил внутреннего распорядка;
- склонность к нападению на представителей администрации исправительного учреждения;
- организация азартных игр или активное участие в них с целью извлечения материальной или иной выгоды.
- организация и провокация группового противодействия требованиям администрации исправительного учреждения [10, с. 38].

Удельный вес осужденных, состоявших на профилактическом учете, совершивших преступления, увеличился на 20 %, в том числе побегов – на 50 %.

«Из числа осужденных, состоявших на профилактическом учете (2012 г. – 69 673 чел., 2013 г. – 72 634 чел., 2014 г. – 78 424 чел.), количество лидеров и участников группировок отрицательной направленности составило соответственно – 1 547, 1 530 и 1 896. В указанные периоды было предотвращено преступлений данной категории: в 2012 г. – 794, в 2013 г. – 662» [10, с. 37]. Такое преступление, как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), в динамике характеризуется следующими показателями: если в 2012 г. их было совершено 123, то в 2013 г. – 156, а в 2014 г. – 160. Темп прироста составил 30 %. Уровень этих преступлений составил соответственно 0,21, 0,28 и 0,21, удельный вес – 33,7 %. При этом следует отметить, что коэффициент данного преступления, совершенного организованной группой либо с насилием, опасным для жизни и здоровья (ч. 3 ст. 321 УК РФ), вырос с 0,01 до 0,1 и удельный вес составил 47,6 % [10, с. 42].

Совершенствованию и повышению роли административного надзора будет способствовать и четкость в определении и его предметно-отраслевой принадлежности [11, с. 245-248].

Можно сделать вывод о том, что постпенитенциарное предупреждение преступлений не является предметом какой-либо конкретной отрасли права. Однако из содержания Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года следует, что этот период в жизни бывшего осужденного является предметом уголовно-испол-

нительной политики. Но эта политика не получает своего материального воплощения, позиции ее в значительной степени остаются декларативными. Таким образом, «...ни исполнительные органы местной администрации, ни ОВД, ни руководители предприятий или организаций не отвечают на неказание помощи гражданам, нуждающимся в социальной адаптации. Отсюда – многие негативные последствия как для граждан, вынужденных добывать средства к существованию, нередко неправомерным путем, так и для всего общества в целом, страдающего от их антиобщественного образа жизни» [12, с. 134].

В подтверждение сказанного будет уместным привести мнения других авторов. Так, М.В. Бавсун и К.Н. Карпов считают, что в отечественном законодательстве контроль за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, не имеет самостоятельного статуса [13, с. 9-10]. Соглашаясь с данной оценкой в принципе, не можем, однако, согласиться с ней относительно того, что такой контроль является иной мерой уголовно-правового характера [13, с. 9-10].

Мы разделяем точку зрения указанных авторов о том, что отсутствие четко определенного на законодательном уровне статуса постпенитенциарного воздействия на лиц, отбывавших наказания, не способствует формированию единообразной практики применения не только полномочий уголовного (по нашему мнению, и уголовно-исполнительного) закона, но и в целом ослабляет контроль за данными лицами [13, с. 9-10].

Т.Г. Понятовская отмечает в связи с этим, что правовая природа административного надзора по действующему законодательству противоречива, поскольку условия, основания и цели его установления и осуществления являются уголовно-правовыми, содержание и форма административными, а процедура установления и осуществления – гражданско-процессуальной [11, с. 245-248]. А.С. Вельмин считает, что Федеральный закон об административном надзоре должен быть расценен не только как законодательный акт в сфере охраны безопасности и правопорядка или как акт уголовно-исполнительного законодательства, но и как акт гражданского законодательства [14, с. 238-239].

Каким бы образом авторы ни определяли правовую природу данного института (заметим, что принципиальной разницы в точках зрения нет), нельзя отрицать ее профилактическую роль, назначение [15, с. 156]. «Смысл административного надзора заключается в том, чтобы подвергнуть лицо определенным лишениям и ограничениям в качестве средства индивидуальной профилактики, а не карать, как при наказании. Устанавливая административный надзор, суд делает предположение, что осужденный продолжит заниматься преступной деятельностью, если для него не будут установлены определенные ограничения. Такой вывод делается при учете, с одной стороны, характера и степени опасности преступления, за которое лицо было осуждено к наказанию в

виде лишения свободы, с другой – данных о личности осужденного, и с третьей – его поведения в местах лишения свободы», – пишет Т.М. Калинина [9, с. 46].

Административный надзор является серьезным инструментом в арсенале профилактики и предупреждения рецидивной преступности вообще и криминального профессионализма в частности и направлен на создание вокруг потенциального преступника атмосферы тотального контроля [16, с. 64].

Представляется, что реализация предложенных автором мер по совершенствованию применения и исполнения данного института станет значительным вкладом в дело предупреждения не только постпенитенциарной, но и пенитенциарной преступности.

Список литературы

1. Криминальная субкультура осужденных: монография / Н.П. Барабанов [и др.]. Рязань, 2009. 123 с.
2. Гришко А.Я. Уголовные наказания в Федеральной Республике Германии: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Рязань, 2010. 146 с.
3. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербака. М., 2010. 421 с.
4. Воробьев Ю.А. Институт превентивного заключения в Германии: история и современное состояние // Человек: преступление и наказание. 2015. N 1. С. 17-23.
5. Гришко А.Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 4 (30). С. 86-89.
6. Клипов С.А. Контроль за лицами, освобожденными из исправительных учреждений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 198 с.
7. Радько Н.Л. Персонифицированный полицейский надзор: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 253 с.
8. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 467 с.
9. Калинина Т.М. Понятие и юридическая природа административного надзора // Административное право и процесс. 2013. N 8. С. 44-46.
10. Емельянов Н.С. Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 217 с.
11. Уголовно-правовое воздействие / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Парог, А.И. Чучаева. М., 2012. 341 с.
12. Ракицкий А.П. Система социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы: состояние проблемы, перспективы // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности в современных условиях: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28 марта 2013 г.). Минск, 2014. С. 133-137.
13. Бавсун М.В., Карпов К.Н. Контроль за поведением лиц, осужденных условно или освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. N 3. С. 8-11.
14. Вельмин А.С. Проблемы обоснованности отнесения дел об административном надзоре ведению судов порядке гражданского судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2012. N 2. С. 237-240.
15. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. М., 1976. 250 с.
16. Тулегенов В.В. Правовые основы административного надзора и его значение в предупреждении рецидивной преступности и криминологического профессионализма // Вестник Владимирского юридического института. 2011. N 3. С. 63-66.

Раздел 6. Правоохранительная политика

СЕВРЮГИН В.Е., SEVRYUGIN V.E.,
доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
заслуженный юрист Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Российской Федерации, admjurati@yandex.ru
admjurati@yandex.ru Chair of administrative and financial law;
Кафедра административного Tyumen State University,
и финансового права; Lenin St. 38, Tyumen, 625000,
Тюменский государственный университет, Russian Federation
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

О КОНЦЕПЦИИ НОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И РАЗРУШЕНИИ ЦЕЛОСТНОСТИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Реферат. Дается характеристика проекта Общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, внесенного в январе 2015 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным (проект федерального закона N 703192-6). Анализируются, с одной стороны, все разумные новеллы и несомненные достоинства Общей части законопроекта с позиций современного понимания и толкования норм важнейшего административно-правового института – института административной ответственности, а с другой стороны, показаны его изъяны и недостатки концептуального характера, не позволившие привести его содержание в соответствие с современными достижениями административно-правовой науки, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и новыми конституционно-правовыми реалиями. Не решен вопрос о процессуальной части Кодекса (третья часть законопроекта, или Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации). Делается вывод о том, что предлагаемый разработчиками законопроект Общей части КоАП РФ пока еще не способен обеспечить единство цели, последовательность, внутреннюю непротиворечивость правового регулирования всего комплекса общественных отношений, составляющих институт административной ответственности. Представление проекта Кодекса «по частям» лишает ученых-юристов и практиков, а также широкий круг общественности возможности целостного восприятия будущего Закона об административной ответственности. В условиях отсутствия Особенной части законопроекта предложенное деление административных правонарушений на грубые, значительные и менее значительные (статья 3.2 «Категории административных правонарушений») основано исключительно на оценочных признаках, критерии установления которых не определены в законе, что вызывает обоснованные сомнения правоприменителя.

Ключевые слова: административная ответственность; административно-правовой институт; административное правонарушение; правовое регулирование; законопроект; кодекс; негативные тенденции; концепция.

ON THE CONCEPT OF THE NEW CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND DESTRUCTION OF THE INTEGRITY OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Abstract. The characteristic of the draft of the General part of the RF Code of Administrative Offences introduced to the State Duma of the RF Federal Assembly in January 2015 by deputies A. A. Ageev, D. F. Vyatkin, V. N. Pligin (draft of the Federal law No. 703192-6) is given. All reasonable novels and advantages of the General part of the bill are analyzed from the standpoint of modern understanding and interpretation of the rules of important administrative and legal institute - institute of administrative responsibility. The bill's drawbacks which don't allow to bring its content in compliance with the latest developments of administrative and legal science, legal positions of the RF Constitutional Court and new constitutional and legal realities are shown. The issue of the procedural part of the Code (the third part of the bill or the RF Administrative Procedure Code) is not resolved. It's concluded that the proposed bill is not yet able to ensure the unity of purpose, coherence, internal consistency of legal regulation of the entire complex of social relations that make up the institution of administrative responsibility. Presentation of the Code draft "by parts" makes the integral perception of the future

law on administrative responsibility impossible for legal scholars and practitioners and a wide range of readers. As there is no Special part of the bill, the proposed division of administrative offences into gross, serious and less serious is based solely on the evaluation characteristics which aren't defined in the law. That causes reasonable doubts of law enforcers.

Keywords: administrative responsibility; administrative and legal institute; administrative offence; legal regulation; bill; code; negative trends; concept.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находится проект федерального закона N 703192-6 «Кодекс РФ об административных правонарушениях (Общая часть)», внесенный в январе 2015 года депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным. Ранее подготовленный депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от фракции «Единая Россия» А.А. Агеевым, М.В. Емельяновым, А.Л. Бурковым, А.В. Терентьевым, О.Л. Михеевым проект федерального закона N 630089-6 «Административный кодекс Российской Федерации (Общая часть)» был снят с рассмотрения, в связи с его отзывом авторами*.

Сам факт обсуждения широкой общественностью, представителями юридической науки и практики проекта третьего по счету кодифицированного административного закона Российской Федерации является событием неординарным. Это событие связано с тем, что Кодекс об административной ответственности по праву входит в особую группу фундаментальных законов Российской Федерации, затрагивающих жизненно важные, повседневные интересы десятков миллионов граждан и различных юридических лиц, регулирует на федеральном уровне наиболее значимые, обширные сферы государственной жизни. С другой стороны, главной и единственной задачей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является регулирование административной ответственности. Еще один кодекс в России – Уголовный кодекс – имеет своей задачей регулирование уголовной ответственности. Из других законодательно закрепленных видов юридической ответственности – дисци-

плинарной и гражданско-правовой, регулирование которых обеспечивают соответственно Трудовой и Гражданский кодексы Российской Федерации, функция привлечения субъектов к дисциплинарной или гражданско-правовой ответственности носит сугубо вспомогательный характер. Следовательно, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях наряду с Уголовным кодексом Российской Федерации занимает особое место в отечественном законодательстве, поскольку только они предназначены для регулирования на федеральном уровне наиболее суровых видов государственного принуждения – административного и уголовного соответственно. В связи с этим, прежде чем будет принята новая редакция Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, необходимо устранить его прежние недоработки, изъяны концептуального характера и привести его содержание в соответствие с современными передовыми достижениями административно-правовой науки, а также высказанными в отношении ряда его положений правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и новыми конституционно-правовыми реалиями.

Как показывает сравнительно-правовой анализ теоретических и прикладных новелл Общей части законопроекта и норм Общей части действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – одной из самых важных в концептуальном отношении частей Кодекса, при всей их позитивности они, к сожалению, оказались далеко не полными и не безупречными с позиций понимания и толкования норм важнейшего административно-правового института – института административной ответственности. Данные нормы законодательства хотя и затрагивают фундаментальные юридические категории, специально предназначенные для регулирования на федеральном уровне института административной ответственности, но все еще в значительной

* См.: Протокол заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 26 января 2015 г. N 218. (Пункт 83).

части своих концептуальных положений не отвечают требованиям ясности, четкости и прозрачности формулировок. Как полагает ряд ученых-административистов и практиков, предлагаемый вариант законопроекта пока еще не способен обеспечить единство цели, последовательность, внутреннюю непротиворечивость правового регулирования всего комплекса общественных отношений, составляющих институт административной ответственности [1; 2; 3; 4].

К таким важным, фундаментальным административно-правовым категориям, предлагаемым наукой административного права и фактически проигнорированным разработчиками законопроекта с малопонятной настойчивостью, фактически разрушающими целостность института административной ответственности, относятся качественные признаки института административной ответственности и административного правонарушения, института административных наказаний (его понятие, цели и виды), категория вины и ее формы, понятие вины юридического лица и его признаки как субъекта административной ответственности, административно-правовая характеристика должностного лица и ряд других положений.

В то же время к серьезным достоинствам законопроекта следует отнести введение разработчиками четких критериев разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере правового регулирования административной ответственности (статья 1.3). До настоящего времени игнорировался один из важнейших принципов кодификации федерального административного законодательства, допускающего параллельное существование на федеральном уровне дублирующих административно-правовых норм. Имеется в виду принцип единства норм об административной ответственности. По этой причине действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях так и не стал единственным кодифицированным актом административно-правового значения и основным источником административно-деликтного права. После введения в действие КоАП РФ в его текст внесено более трех тысяч поправок, изменений и дополнений, имеющих в основном бессистемный, хаотичный характер. Кроме увеличения количества составов ад-

министративных правонарушений, усложняющих деятельность правоприменительных органов, данные поправки оказали негативное влияние на обеспечение прав и законных интересов граждан, усилили репрессивную составляющую санкционных норм Кодекса. Вопреки здравому смыслу и логике развития института административной ответственности федеральный законодатель постоянно ужесточал санкции норм Особенной части, предусматривал большие размеры штрафов, чем в Уголовном кодексе Российской Федерации, значительно расширил сферу краткосрочного лишения свободы в административном порядке. За последнее десятилетие стараниями федерального законодателя действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях становится все более карательным, репрессивным, стремительно утрачивает свое изначальное предназначение как инструмента государственного управления и постепенно превращается в Кодекс уголовных проступков.

В связи с этим не может быть поддержана и оправдана существующая позиция федерального законодателя, ориентированная только на установление правовых запретов, усиливших карательную, репрессивную составляющую Кодекса, и не создающая надлежащих условий для правомерного поведения.

Проводимая в этом плане политика федерального законодателя, имеющая тенденцию к ужесточению законодательства об административной ответственности, в значительной мере деформирует механизм административной ответственности, снижает предупредительные возможности административного законодательства, а также не способствует обеспечению соразмерности и индивидуализации наказания.

Административно-правовые новеллы законодателя, ориентированные на повышение репрессивности административных наказаний, без создания надлежащих условий и стимулирования правомерного поведения и без учета правоприменительной практики не способны привести к достижению главной и основной цели правового регулирования в этой области — снижению количества административных правонарушений и их предупреждению.

Реформирование отечественного законодательства об административной

ответственности без учета состояния правопорядка привело к тому, что в последние годы имеют место перманентный вал хищений чужого имущества, фиктивных и преднамеренных банкротств, многочисленные нарушения миграционного, налогового, таможенного, жилищного, трудового, природоохранного законодательства, общественного порядка, общественной безопасности и порядка управления, рост дорожно-транспортных происшествий, наркомании, алкоголизма и др.

Статистические учеты и обзоры судебной практики за последние несколько лет показывают, что состояние правопорядка в России остается весьма неблагоприятным. Ежегодно повсеместно наблюдается рост числа административных правонарушений. Так, например, в 2014 году в Российской Федерации, по экспертным оценкам, без учета латентности, в сфере общественного порядка и общественной безопасности зафиксировано почти 60 миллионов административно-противоправных деяний. В целом за административные правонарушения только в области дорожного движения (глава 12 КоАП РФ) за первое полугодие 2014 г. районными судами привлечено 36,9 тысяч лиц, или 9,8 % в структуре рассмотрения дел об административных правонарушениях. По сравнению с аналогичным периодом 2013 года рост составил 13,3 %*.

Учитывая особую значимость обсуждаемого в научной среде и юридической общественностью законопроекта, поддерживая все его разумные новеллы и несомненные достоинства, позволим себе предметно высказать ряд замечаний и пожеланий концептуального характера, поскольку в его Общей части учтены далеко не все общепризнанные достижения юридической науки и почти 15-летней правоприменительной практики.

1. Поскольку главной и единственной задачей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являлось и является правовое регулирование административной ответственности,

то и название законопроекта необходимо привести в соответствие с данной задачей. Это позволит максимально сблизить название федерального закона с содержанием закрепляемых им материальных административно-правовых норм института административной ответственности. В силу этого новый закон следует назвать Кодексом Российской Федерации об административной ответственности. Данное название в полной мере отражает специфику общественных отношений, регулируемых нормами института административной ответственности, обеспечивающими охранительную функцию отрасли административного права в целом.

2. Необходимо более тщательное, детальное обоснование закрепленного в статье 1.2 законопроекта «Задачи законодательства об административных правонарушениях» положения о том, что данный федеральный закон является основным (базовым) и единственным актом федерального значения, исключая параллельное установление административной ответственности другими федеральными законами. Это позволит устранить один из самых серьезных законодательных дефектов в системе административно-правового регулирования, что на практике приводит к декодификации норм об административной ответственности, их конкуренции и дублированию в сфере правового регулирования административной ответственности.

Целесообразно, исходя из логики построения норм Общей части (статья 1.3 «Полномочия Российской Федерации»), Особенную часть нового кодекса структурировать по соответствующим главам, исчерпывающе закрепляющим в названиях статей все виды составов административных правонарушений, влекущих наступление административной ответственности на федеральном уровне.

3. В статье 1.4 Общей части законопроекта, предусматривающей разграничение предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов закрепить четкие критерии федеральной компетенции и компетенции субъектов Российской Федерации, что позволит реально реализовать на практике требования пункта «к» части 1 статьи 72 Конституции РФ о совместном предмете ведения Российской Федерации и ее субъектов в сфере административно-

* См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в первом полугодии 2014 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2014. С. 54-56.

го законодательства. В настоящее время практика реализации данной конституционной нормы показала всю ущербность централизации на федеральном уровне правового механизма регулирования административной ответственности. В результате в каждом третьем регионе Российской Федерации отсутствует собственное административно-деликтное законодательство. Ряд субъектов Российской Федерации имеют региональные законы, устанавливающие административную ответственность за отдельные виды административных правонарушений. Небольшая часть субъектов Российской Федерации имеют кодифицированные законы, устанавливающие административную ответственность на региональном уровне, но зачастую выходят за пределы своих полномочий, вмешиваясь в предметы ведения Российской Федерации по установлению административной ответственности за нарушение федеральных правил.

4. В законопроекте отсутствует классическое определение понятия вины и, соответственно, ее признаки. Хотя формы вины включены (статья 3.15) или подразумеваются в большей части норм Общей части Кодекса и, как представляется, будут проецироваться на его Особенную часть. Известно, что вина является одним из важнейших признаков административного правонарушения. Определение вины через ее формы непосредственно в кодифицированном федеральном административном законе относится к серьезным достижениям административно-правовой науки. Только виновное – умышленное или неосторожное – нарушение субъектом административной ответственности установленных правил влечет административную ответственность. Игнорирование данного фундаментального положения юридической науки открывает простор для объективного вменения. Отказ от легального определения вины и ее форм непосредственно в Кодексе позволяет привлекать к административной ответственности физических и юридических лиц при отсутствии их виновности. Но подобная ситуация, даже если признать ее правомерной, тем не менее не может сама по себе исключить признак виновности, предусмотренный в санкциях большинства статей Особенной части Кодекса.

5. В законопроекте уже в который раз не учитывается (и это становится плохой традицией), что юридическое лицо – категория гражданско-правовая. Юридическое лицо создается, действует и прекращается в соответствии с нормами гражданского права. В связи с этим в соответствии с главой 4 Гражданского кодекса Российской Федерации «любое такое общественное образование становится участником административных, налоговых, трудовых и прочих отношений лишь постольку, поскольку оно признается субъектом гражданского права – юридическим лицом». Административно-правовая концепция юридического лица в юриспруденции отсутствует. Административно-правовой наукой такая концепция также не разработана. Неуклюжие попытки разработчиков законопроекта и некоторых ученых «вмонтировать» частно-правовую материю в институт публичного административного права и рассматривать в таком виде юридических лиц в качестве субъектов административной ответственности (статья 3.11) являются псевдонаучными, конъюнктурными и не имеют научной перспективы.

Общеизвестно, что административное правонарушение является единственным основанием административной ответственности (и это нашло отражение в Общей части законопроекта), не может быть совершено юридическим лицом, поскольку оно по своей природе не способно к сознательным волевым проявлениям. В связи с этим категория вины, выработанная наукой административного права для применения к физическим лицам (как психологическое отношение лица к совершенному им противоправному деянию и его последствиям), не может быть механически перенесена на юридических лиц, и в том числе применена к юридическим лицам как субъектам административной ответственности. В противном случае это позволяет заключить, что административная ответственность юридического лица наступает при отсутствии его виновности, поскольку она в данной форме практически невозможна.

6. Одной из актуальных проблем науки административного права, так и не реализованной в действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и проигнорированной в

законопроекте, по-прежнему остается задача раскрытия сущности административного наказания и уяснения правовой природы административных санкций. Между тем задача раскрытия сущности административного наказания, его правовой природы осложнена отсутствием в административно-правовой науке обстоятельного исследования понятия и признаков административного наказания не столько ввиду новизны этой терминологии, сколько ввиду отсутствия вообще в административно-правовой теории и нормотворческой практике достаточной научной проработки данного правового явления. В то время как исследования правовой природы уголовного наказания в уголовно-правовой науке уделялось и уделяется достаточно большое внимание и, в отличие от административно-правовой науки, сформирован солидный доктринальный пласт информации, обеспечиваемый соответствующим законодательством. Институт административных наказаний в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях имеет важное значение и играет ключевую роль в повышении эффективности механизма административной ответственности.

В Общей части законопроекта понятию, целям и видам административных наказаний посвящена самостоятельная глава 4 «Административные наказания», в статье 4.1 которой понятие административного наказания и его цели авторы рассматривают как одно целое. Можно предположить, что объединение этих двух различных по смыслу понятий в одной статье осуществлено для обеспечения согласованности формы и содержания данной правовой категории, что логически вполне объяснимо с точки зрения общей диалектики правового регулирования института административной ответственности, хотя и малопродуктивно. Но тогда, исходя из данного вывода, в новых подходах нуждается исследование самой проблемы административного наказания — его сущности и содержания, функциональных возможностей и целей, а также само определение понятия административного наказания в федеральном административном законе и теории административного права, что разработчиками законопроекта не учтено и не осуществлено.

7. В уточнении оснований и механизма применения нуждается самый распространенный и наиболее эффективный вид наказания — административный штраф (статья 4.5) и его размеры (статья 4.7) а также сравнительно новые виды административных наказаний — дисквалификация (статья 4.15) и административное приостановление деятельности (статья 4.16), ликвидация юридического лица или прекращение деятельности в качестве индивидуального предпринимателя (статья 4.17). Как представляется, подлежит исключению из системы административных наказаний административный арест (статья 4.13), по существу, лишаящий, хотя и краткосрочно, свободы человека за незначительные административные правонарушения, а также исправительные работы (статья 4.8).

Данные виды наказаний противоречат Конституции Российской Федерации, международным правовым актам, запрещающим лишать свободы человека за незначительные проступки и применять принудительный труд.

В концептуальной доработке, уточнении и корректировке нуждаются и некоторые другие материальные административно-правовые нормы института административной ответственности.

К сожалению, законопроект Кодекса выдается разработчиками по частям, что лишает ученых-юристов и практиков, а также широкий круг общественности возможности целостного восприятия будущего Закона об административной ответственности. Пока еще нет Особенной части законопроекта, но заложенное в Общей части положение о делении административных правонарушений на грубые, значительные, менее значительные (статья 3.2 «Категории административных правонарушений») не вызывает у специалистов-практиков особого оптимизма, поскольку это оценочные понятия закона, пока еще не имеют четких признаков и критериев, строго прописанных в законе.

До настоящего времени не решен вопрос и о процессуальной части Кодекса. Будет ли это третья часть законопроекта, либо предполагается принятие отдельного, самостоятельного Административно-процессуального кодекса Российской Федерации. Пока ни законопроектов, ни ясности по этим ключевым вопросам, к сожалению, нет.

Список литературы.

1. Кирин А.В., Побежимова Н.И. Новой редакции КоАП РФ нужна «Общая часть» // Административное право и процесс. 2014. N 12. С. 7-13.
2. Авдейко А.Г. Некоторые вопросы модернизации законодательства об административной ответственности // Актуальные проблемы административно-процессуального законодательства: материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 20 марта 2015 г.: в 3 ч. Ч. II / сост. Ю.Е. Аврутин, А.Н. Каплунов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та МВД России, 2015. С. 7-13.
3. Севрюгин В.Е. О проекте Общей части Административного кодекса Российской Федерации // Там же: С. 21-25.
4. Степаненко Ю.В. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть): очередной холостой выстрел или все-таки в цель? // Там же. С. 30-41.

МОРГУНОВ С.В.,
кандидат юридических наук,
morgunov.66@mail.ru
Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

MORGUNOV S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
morgunov.66@mail.ru
Scientific and editorial
and publishing department;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ШАТИЛОВИЧ С.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
shatisergei@yandex.ru
Кафедра правовой
подготовки сотрудников
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации, 625049,
г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SHATILOVICH S.N.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
shatisergei@yandex.ru
Chair of legal training
of law enforcement officers;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

АЛГОРИТМ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА (СТАТЬЯ 19.27 КоАП РФ И СТАТЬЯ 322.3 УК РФ)

Реферат. Представлен алгоритм разграничения составов противоправных деяний против порядка осуществления миграционного учета, позволяющий решить проблему квалификации при разграничении схожих составов административно-правового явления — представления ложных сведений при осуществлении миграционного учета и уголовно-правового явления — фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации, предусмотренных ст. 19.27 КоАП РФ и

ст. 322.3 УК РФ. Алгоритм основан на сравнении общественной опасности административного правонарушения и преступного деяния, позволяющем найти их отличия в элементах составов административного проступка и преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). По объекту посягательства: административно-правовая норма защищает два вида миграционного контроля (регистрацию иностранных граждан по месту жительства и учет иностранных граждан по месту пребывания), уголовно-правовая норма – только один – учет иностранных граждан по месту пребывания. Объективная сторона сравнивалась по качественному критерию – характеру проявления способа посягательства. Количественный критерий: вредоносность проступка отразилась на правовом статусе самого иностранного гражданина или лица без гражданства; вредоносность преступления нашла свое отражение в растущей криминальной активности принимающей стороны (как во времени, так и с вовлечением все большего количества иностранных граждан или лиц без гражданства в сферу незаконной миграции). Субъектами административного проступка чаще являются иностранные граждане или лица без гражданства, субъектами преступления – граждане Российской Федерации. По субъективной стороне посягательств разграничение проведено по временной обусловленности умысла, мотиву и цели.

Ключевые слова: квалификация; разграничение составов правонарушений; составы противоправных деяний; миграционный учет; общественная опасность, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

THE ALGORITHM FOR DELINEATION OF ELEMENTS OF UNLAWFUL ACTS AGAINST THE PROCEDURE OF MIGRATION REGISTRATION (ARTICLE 19.27 OF THE RF CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES AND ARTICLE 322.3 OF THE RF CRIMINAL CODE)

Abstract. The algorithm for delineation of elements of unlawful acts against the procedure of migration registration is presented. It allows to solve the problem of qualification when delineating the similar elements of administrative and legal phenomenon – providing false information for migration registration, and criminal and legal phenomenon – fictitious registration of foreign citizen or stateless person at the place of residence in the RF, provided by article 19.27 of the RF Code of Administrative Offences and article 322.3 of the RF Criminal Code. The algorithm is based on comparing the public danger of administrative offence and criminal act, allowing to find the differences between their elements (object, objective side, subject, subjective side). According to the object of encroachment, administrative law protects two types of migration control (registration of foreign citizens at the place of residence and at the place of stay), criminal law protects only one type (registration of foreign citizens at the place of stay). The objective side was compared on qualitative criterion – the nature of manifestation of the way of encroachment. The quantitative criterion: harmfulness of the offence affected the legal status of foreign citizen or stateless person; harmfulness of crime reflected in growing criminal activities of the host country (both in time and by involving increasing number of foreign citizens or stateless persons in the sphere of illegal migration). The subjects of the offence are often foreign citizens or stateless persons, the subjects of crime are the RF citizens. According to the subjective side, the delineation is based on temporal conditionality of intent, motive and purpose.

Keywords: qualification; delineation of elements of crime; elements of unlawful acts; migration registration; public danger; object; objective side; subject; subjective side.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации организация каналов незаконной миграции отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности России (п. 43)*.

Количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лица-

ми без гражданства на территории России, в последние годы возросло. Во многом это связано не только с криминальными наклонностями мигрантов и низким уровнем правосознания, но и с отсутствием со стороны органов государственной власти должного контроля за их пребыванием на территории России [1, с. 7, 8]. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы ответственности за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации – ст. 322.3 Уго-

* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. N 683 // Официальный интернет-портал правовой информации (Государственная система правовой информации). URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

ловного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)*.

В связи с новизной указанного преступления возникает проблема квалификации, которая находит свое отражение при разграничении составов административно-правового явления – представления ложных сведений при осуществлении миграционного учета и уголовно-правового явления – фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации, предусмотренных ст. 19.27 КоАП РФ и ст. 322.3 УК РФ.

Правильная квалификация преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, во многом способствует успешному раскрытию данного преступления. Нормы уголовного права обуславливают особенности методики раскрытия данных преступлений: объем расследования, тактику проведения определенных следственных действий (допросов свидетелей, осмотра вещественных доказательств, экспертизы и др.), круг свидетелей, вещественные доказательства и т.д. Исходя из признаков соответствующего состава преступления осуществляются планирование розыска и расследования, разработка розыскных и следственных версий, определение обстоятельств, подлежащих установлению в процессе расследования [2, с. 19-20].

Кроме того, проблемы разграничения мешают реализации «принципа персональной ответственности лица за конкретное деяние, предусмотренное законом» [3, с. 7]. С учетом этого и сложившейся правоприменительной практики проанализируем некоторые проблемы квалификации указанных противоправных деяний.

При сравнении названий данных правовых норм на передний план выступают схожие объекты административно- и уголовно-правовой охраны – общественные отношения, возникающие в результате постановки на учет по месту пребывания. Двойная правовая защита одной и той же области общественных отношений позволяет увеличить арсенал борьбы с правонарушениями, посягающими на них, но в то же время затрудняет определение

того, какого вида были эти противоправные деяния. Это является одной из первых трудностей при квалификации противоправных явлений, возникающих при нарушении миграционного законодательства.

Объективную сторону рассматриваемого нами административно-правового явления законодатель раскрывает следующим образом. Во-первых, как представление при осуществлении миграционного учета заведомо ложных сведений либо подложных документов иностранным гражданином или лицом без гражданства, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 1 ст. 19.27 КоАП РФ). Во-вторых, как представление при осуществлении миграционного учета заведомо ложных сведений об иностранном гражданине или о лице без гражданства либо подложных документов принимающей стороной, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ).

С позиции уголовно-правового законодательства под фиктивной постановкой на учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в жилых помещениях в Российской Федерации (ст. 322.3 УК РФ) понимается постановка их на учет по месту пребывания (проживания) в жилых помещениях на следующих основаниях:

- 1) представление заведомо недостоверных (ложных) сведений или документов,
- 2) либо постановка их на учет по месту пребывания в жилых помещениях без намерения пребывать (проживать) в этих помещениях,
- 3) или без намерения принимающей стороны предоставить им эти помещения для пребывания (проживания).

Итак, способы совершения и формы проявления обмана как при совершении преступного деяния, так и при совершении административного правонарушения имеют сходство. Следовательно, это также обуславливает трудности при разграничении данных составов.

Субъектом совершения преступного деяния – фиктивной постановки на учет является физическое лицо, достигшее 16 лет. В свою очередь, субъектом, представившим ложные сведения при осуществлении миграционного учета, будет являться не только физическое, но и юри-

* Статья 322.3 УК РФ введена Федеральным законом от 21 декабря 2013 года N 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

дическое лицо. Однако такое разделение не решает при квалификации проблемы выделения особенностей субъектов (физических лиц), совершивших уголовно-правовое или административное деяния.

Субъективная сторона указывает на наличие умысла, «заведомости» на использование обмана, лжи в сознании субъекта. Установление зарождения умысла на обман, «заведомости» на ложь у субъекта, совершившего административный проступок или преступное деяние, вызывает значительные трудности у правоохранительных органов при квалификации данных деяний, а также их разграничении по степени общественной опасности. Сравнение диспозиций, предусмотренных ст. 19.27 КоАП РФ и ст. 322.3 УК РФ, не всегда дает возможность правильно оценить, умысел ли это административного правонарушения или преступного деяния.

Следовательно, причинами, затрудняющими правильную квалификацию (разграничение составов) противоправных деяний в сфере нарушения миграционного законодательства, являются: во-первых, наличие проблемы разграничения схожих объектов при противоправных посягательствах; во-вторых, отсутствие четкого разграничения (особенностей) между способами совершения административного проступка и преступного деяния (правонарушитель использует обман как в первом случае, так и во втором); в-третьих, проблема выделения особенностей субъектов (физических лиц), совершивших уголовно-правовое или административное деяние, для разграничения схожих составов и, в-четвертых, отсутствие в административно-правовой и уголовно-правовой нормах признаков, способствующих установлению и разграничению умысла введения в заблуждение государственных миграционных органов.

Кроме того, по мнению группы авторов, сравнительный анализ преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, и смежного административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.27 КоАП РФ «Представление ложных сведений при осуществлении миграционного учета», показывает, что грань между ними размыта, закон не содержит четких критериев, которые позволяли бы отграничивать одно от другого [4, с. 47].

Согласно Федеральному закону от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ (главы 2 и 3) миграционный учет имеет два вида контроля иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации — это регистрация иностранных граждан по месту жительства и учет иностранных граждан по месту пребывания*. В связи с этим административно-правовая норма охватывает и защищает два вида миграционного контроля, а уголовно-правовая норма только один — учет иностранных граждан по месту пребывания.

По мнению правоприменителей (экспертов), данное разграничение схожих составов по объекту противоправного посягательства не дает ответа на вопрос о том, в чем же выше мера общественной опасности совершения фиктивной постановки на учет по сравнению с административным правонарушением**? При этом в литературе отмечено, что характер и степень общественной опасности преступления выражаются не только через ее вредоносность, но и через ее прецедентность [5, с. 31].

При осуществлении миграционного учета государственные органы непосредственно выявляют прежде всего недостоверность в сведениях об иностранном гражданине или лице, не имеющем гражданства, с помощью изучения предоставляемых документов.

Например, 10 февраля 2015 года в ходе приема иностранных граждан по вопросу оформления бланка уведомления о постановке на миграционный учет по месту временного пребывания для иностранного гражданина был выявлен гражданин Республики Молдова Ватаву В., который при осуществлении миграционного учета по месту пребывания представил заведомо ложные сведения, определенные чч. 1 и 2 ст. 9 Федерального закона от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ. Он представил заведомо подложный документ — бланк патента

* О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ // Рос. газ. 2006. 20 июля.

** Авторами проведен опрос 5 мировых судей г. Тюмени, 20 инспекторов УФМС России по Тюменской области и 5 инспекторов УФМС России по Курганской области, 20 участковых уполномоченных полиции УМВД России по г. Тюмени.

с отметкой о выдаче 16 июля 2014 г., принадлежащий гражданину Республики Таджикистан О. Таким образом, он совершил представление при осуществлении миграционного учета подложных документов, квалифицируемое как административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 19.27 КоАП РФ*.

В связи с этим выявление на данной стадии заведомо ложных сведений не позволяет лицу совершить окончательно фиктивную постановку на учет, а соответствующим органам утратить полностью контроль над лицами указанной категории**. При этом лицо, уличенное в обмане, не достигнувшее окончательной цели — фиктивной постановки на учет, совершило противоправное деяние, квалифицируемое как административный проступок. Следовательно, достаточно мер, отраженных в административном регламенте, для выявления обмана, указывающего на степень общественной опасности лица как субъекта административного правонарушения.

По мнению опрошенных нами правоприменителей (экспертов), принимая решение об уголовной ответственности по ст. 322.3 УК РФ, следует учитывать, что характер преступного посягательства на общественные отношения, возникающие в сфере миграционной политики, будет отличаться повышенной скрытностью, большим и изощренным использованием различных способов уклонения от выполнения миграционного законодательства, проработанностью и заранее спланированными действиями, большим охватом лиц, вовлеченных в осуществление фиктивной постановки на учет. По данному пути идет и судебная практика.

* Постановление по делу об административном правонарушении от 10 февр. 2015 г. N 5-312/2015 // Архив Ногинского городского суда Московской области. Доступ из Информационной системы судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru>

** В момент постановки на миграционный учет было выявлено 45,8 % административных правонарушений и 54,2 % — при осуществлении проверочных мероприятий (рейдов, проверки режима пребывания иностранных граждан и т.д.). При этом изучено 107 постановлений судов по делам об административных правонарушениях (ст. 19.27 КоАП РФ).

Например, в течение апреля 2015 года гр. Акулова Т.В. в неустановленное в ходе дознания точное время, находясь в помещении отделения почтовой связи, умышленно, имея корыстную заинтересованность в виде извлечения материальной выгоды с каждого поставленного на миграционный учет иностранного гражданина, направила в ОУФМС России по Московской области уведомления о прибытии в место пребывания иностранных граждан, подписанные собственноручно. При этом она достоверно знала, что данные иностранные граждане по адресу ее регистрации пребывать не будут, так как фактически жилое помещение им не предоставлялось. Таким образом, она незаконно осуществила фиктивную постановку на учет в Российской Федерации по месту пребывания 18 иностранных граждан, не имея намерения предоставить свое жилое помещение, с одной стороны, и без намерения самих иностранных граждан пребывать в указанном помещении, — с другой. Таким образом, она (Акулова Т.В.) своими умышленными действиями лишила ОУФМС России по Московской области, а также органы, отслеживающие исполнение законодательных актов Российской Федерации, возможности осуществлять контроль за передвижением иностранных граждан по территории Российской Федерации и соблюдением данными иностранными гражданами законодательства Российской Федерации в сфере миграции. Суд был согласен с квалификацией действий подсудимой Акуловой Т.В. по ст. 322.3 УК РФ как фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации***.

В связи с этим преступная цель была достигнута, миграционный контроль над восемнадцатью иностранными гражданами утерян, и вернуть его можно только с установлением уголовно-правовых отношений между государством и лицом, совершившим преступление. От изменения характера посягательства на схожие

*** Приговор по уголовному делу от 27 авг. 2015 г. N 1-20/2015. Судебный участок N 186 мирового судьи // Архив Подольского судебного района Московской области. Доступ из Информационной системы судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru>

общественные отношения происходит качественный скачок, повышающий меру общественной опасности административного правонарушения до уровня преступного деяния. При этом данное лицо с помощью обмана сумело нейтрализовать контролирующую функцию одного из органов миграционной системы страны и, следовательно, совершило преступное деяние, имеющее более высокую степень общественной опасности по сравнению с административным правонарушением.

Количественная сторона общественной опасности как административного правонарушения, так и преступного деяния выражается в степени вредоносности законным миграционным отношениям. Несмотря на применение схожего способа — обмана для достижения противоправных целей, его формализация различна: во-первых, обман выявлен в процессе миграционного учета, миграционный контроль не утрачен; во-вторых, обман не выявлен, осуществлена фиктивная постановка на миграционный учет, утрачен миграционный контроль над иностранным гражданином или лицом без гражданства. При этом указанные формализации противоправного обмана без раскрытия и сравнения между собой их содержательных частей не позволяют выявить степень вредоносности как административного правонарушения, так и преступного деяния.

Раскрытию содержания указанных форм проявления обмана будет способствовать рассмотрение случаев нарушения миграционного законодательства, отраженных в материалах судебной практики.

Так, Раменским городским судом Московской области было установлено, что гражданин Республики Узбекистан Рустамов Ф.П. прибыл на территорию Российской Федерации в порядке, не требующем получения визы и пребывал в Московской области 90 суток, исчисляемых с даты въезда иностранного гражданина. За это время официально на работу не устроился, трудовой договор не заключал, срок пребывания не продлевал, документы для оформления разрешения на временное проживание иностранного гражданина на территории Российской Федерации, а также вида на жительство в Российской Федерации не оформлял и не имел. При этом близких родственников из числа граждан

Российской Федерации не имел. Однако с целью продления возможности пребывать на территории Российской Федерации за денежное вознаграждение приобрел у незнакомого гражданина миграционную карту на свое имя с отметкой о пересечении государственной границы Российской Федерации в одном из пунктов пропуска. При этом государственную границу он фактически не пересекал. При постановке на миграционный учет с целью легализации своего пребывания на территории Российской Федерации представил заведомо подложный документ — миграционную карту в нарушение п. 1 ст. 7 Федерального закона от 18 июля 2006 года N 109-ФЗ. Суд постановил признать Рустамова Ф.П. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.27 КоАП РФ, и назначить ему наказание в виде административного штрафа в размере 5 000 рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации в виде контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации*.

В данном случае гр. Рустамов Ф.П. хотел продлить действие статуса иностранного гражданина, законно пребывающего на территории Российской Федерации, с помощью покупки миграционной карты у незнакомого гражданина. Таким образом, он не стал использовать законный порядок постановки на миграционный учет. Затем он попытался доказать свой статус иностранного гражданина, законно находящегося на территории России, сотрудникам миграционных органов, но был изобличен и после судебного разбирательства получил статус незаконно находящегося иностранного гражданина на территории России с последующим административным наказанием.

Вредоносность административного правонарушения общественным отношениям, возникающим в сфере миграционного учета, очевидна. Во-первых, административное деяние выражается в форме бездействия, позволившего продлить период незаконного нахождения иностран-

* Постановление по делу об административном правонарушении от 15 сент. 2014 года N 5-3411/2014 // Архив Раменского городского суда Московской области. Доступ из Информационной системы судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru>

ного гражданина на территории нашей страны. Во-вторых, оно обеспечивает спрос на услуги лиц, организующих условия для незаконной миграции. В-третьих, оно обусловило возникновение незаконного порядка, который параллельно с законным миграционным режимом регулирует общественные отношения. В-четвертых, исключило иностранного гражданина из числа законных субъектов миграционных отношений, предлагая ему альтернативный незаконный вариант, схему поведения для решения проблем, связанных с подтверждением или продлением своего законного нахождения на территории Российской Федерации. В-пятых, административное деяние на конечном этапе (на этапе проверки) выразилось в активных действиях со стороны иностранного гражданина — в представлении заведомо ложных сведений миграционным органам.

Содержание вредоносности преступного деяния — фиктивной постановки на миграционный учет также находит свое отражение в материалах судебной практики.

Например, в период времени с 1 июня по 6 июля 2015 года гр. Николаев осуществил фиктивные постановки на учет 10 иностранных граждан на территории Российской Федерации путем направления уведомлений об их прибытии в место пребывания, содержащих недостоверную информацию, с корыстной целью — получение денежного вознаграждения. При этом он достоверно знал, что данные иностранные граждане по его адресу пребывать не будут, потому что фактически жилое помещение предоставлять не собирался. Таким образом, Николаев своими умышленными действиями лишил возможности органы УФМС России и другие правоохранительные органы осуществлять контроль за соблюдением указанными гражданами правил миграционного учета и их передвижениями на территории Российской Федерации. Суд квалифицировал его деяния по ст. 322.3 УК РФ*.

Вредоносность преступного деяния выражается в следующем: во-первых, по-

зволяет преступному деянию изначально выражаться в форме активного действия, позволившего осуществить фиктивную постановку на учет по месту пребывания; во-вторых, способствует гр. Николаеву за внешне законным поведением скрыть свое истинное намерение не предоставлять жилое помещение иностранным гражданам; в-третьих, позволяет достигнуть корыстной цели, которая объединяет фиктивные постановки на учет, делая преступление продолжаемым, вовлекающим все большее количество иностранных граждан в незаконную сферу миграции; в-четвертых, не позволяет виновному лицу самому остановить продуцирование преступной прецедентности (это происходит только с помощью правоохранительных органов). В-пятых, принимающая сторона полностью исключает иностранных граждан как субъектов законных миграционных отношений, делая их предметом объекта преступного посягательства. В-шестых, позволяет постоянно возрастать преступной активности в период миграционной бесконтрольности.

Вредоносность представления заведомо ложных сведений или подложных документов при постановке на миграционный учет отразилась только на личностном статусе иностранного гражданина и не вышла за его пределы. В свою очередь, вредоносный признак объективной стороны преступного деяния нашел свое отражение в постоянно возрастающей криминальной активности принимающей стороны как с течением времени, так и в связи с втягиванием все новых и новых иностранных граждан. При этом данный криминальный процесс был остановлен только с возникновением уголовно-правовых отношений между государством и лицом, совершавшим фиктивные постановки иностранных граждан на учет по месту своего проживания.

В целом объективная сторона как административного правонарушения, так преступного деяния указывает на деятельностный аспект субъекта. В процессе указанной деятельности лицо, способное осуществлять ее, не только приспосабливается к условиям окружающей среды, но и преобразует эти условия для своих преступных целей [6, с. 13]. В первом случае субъект приспосабливается к внешним условиям и старается слиться с общей мас-

* Приговор по уголовному делу от 10 сент. 2015 года N 1-59/2015. Судебный участок N 23 мирового судьи // Архив Дмитровского судебного района Московской области. Доступ из Информационной системы судебных и нормативных актов РФ. URL: <http://sudact.ru>

сой законопослушных иностранных граждан или лиц без гражданства, оставаясь незамеченным. Во втором случае субъект — принимающая сторона не только приспособляется к условиям внешней среды, но и преобразует их для достижения преступных целей, удовлетворяя свои постоянно растущие потребности.

При построении правовых норм, в том числе административных и уголовных, законодатель уделяет особое внимание описанию противоправного административного или преступного деяния в диспозиции данных норм, указывает на их общественную опасность. При этом лицо, совершающее противоправные деяния, остается в «тени» объективной стороны административного проступка или преступного деяния и в отношении его никаких особенностей общественной опасности как в первом, так и во втором случае не указывается.

В административном и уголовном законодательстве субъект, посягающий на общественные отношения в сфере миграционной политики государства, — это вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Указанные характеристики способствуют правильной квалификации, но вызывают затруднения при разграничении составов административного правонарушения (ст. 19.27 КоАП РФ) и преступного деяния (ст. 322.3 УК РФ).

В связи с этим необходимо обратить внимание на политико-правовой статус этих субъектов. Лица, представившие заведомо ложные сведения или подложные документы при осуществлении миграционного учета, как правило, являются иностранными гражданами или лицами без гражданства (около 100 %)*. В свою очередь, лица, совершившие фиктивную постановку на миграционный учет, в подавляющем своем большинстве (более 97 %)** являются гражданами Российской Федерации.

Социально-экономический статус указанных субъектов будет следующим. Иностранец или лицо без

гражданства, как правило, имеют ограниченные финансовые возможности, не имеют недвижимого имущества, сталкиваются с затруднениями при официальном трудоустройстве и при этом социальные связи не распространяются за пределы своей диаспоры, проживающей на территории Российской Федерации. Субъект преступления, во-первых, имеет большие финансовые возможности; во-вторых, обладает и распоряжается движимым и недвижимым имуществом; в-третьих, имеет большие возможности устройства на постоянную работу; в-четвертых, социальные связи могут устанавливаться не только с соотечественниками, но и с представителями различных этнических групп; в-пятых, имеет большой кредит доверия со стороны государства, чем иностранный гражданин.

Безусловно, политико-правовой и социально-экономический статус гражданина имеет нейтральный характер и не порождает мотивацию на общественно опасную деятельность, но при взаимодействии с общественно-миграционными противоречиями является одним из условий совершения административного правонарушения или преступного деяния.

Понятие субъективной стороны нашло свое отражение в юридической литературе как внутренняя характеристика преступления, заключающаяся: в психическом отношении лица к совершенному общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям; в мотивах виновного, преследуемых целях; его эмоциональном состоянии [7, с. 197]. Кроме того, с позиции административного права субъективную сторону составляют вина нарушителя, мотив и цели, которыми он руководствовался при совершении правонарушения [8, с. 261].

Применение обмана как способа совершения административного правонарушения и преступления обуславливает умышленный характер нарушения миграционного законодательства. Кроме того, умысел на совершение административного правонарушения обуславливается периодом нахождения вне законных миграционных отношений или незаконно-миграционного нахождения на территории Российской Федерации, то есть периодом между истечением срока законного нахождения

* Изучено 107 судебных постановлений по делам об административных правонарушениях, возбужденным по ст. 19.27 КоАП РФ.

** Изучено 167 судебных постановлений судов по уголовным делам, возбужденным по ст. 322.3 УК РФ.

иностранного гражданина или лица без гражданства и моментом выявления факта представления ложных сведений ими при осуществлении миграционного учета.

В свою очередь, умысел на совершение преступления, зародившийся до постановки на миграционный учет, находит свое отражение в наличии периода миграционной бесконтрольности, то есть периода между фиктивной постановкой на учет и моментом установления данного факта правоохранительными органами. Однако только учет умышленного отношения субъекта к совершенному не позволяет с достаточной точностью разграничить по субъективной стороне составы административного проступка и преступного деяния. В связи с этим необходимо сравнить между собой мотивы и цели указанных деяний.

По мнению опрошенных нами правоприменителей (экспертов), при принятии решения об административной или уголовной ответственности необходимо учитывать, что при административном правонарушении превалирует мотивация на обеспечение статуса мигранта незаконным способом, а при преступном деянии наиболее характерна корыстная мотивация, направленная на незакон-

ное обогащение принимающей стороны. При этом цели имеют разное значение. В первом случае – это подтверждение путем обмана своего законного нахождения как иностранного гражданина или лица без гражданства на территории России. Во втором случае – это получение незаконного вознаграждения от иностранных граждан и лиц без гражданства за осуществление фиктивной постановки их на учет без дальнейшего намерения предоставить им жилую площадь.

Рассмотрение явления незаконной миграции, отраженного в административно-правовых и уголовно-правовых нормах, позволяет сравнивать меры общественной опасности административного проступка и преступления и разграничивать их составы между собой. При этом степень (величина) общественной опасности деяния как единственного научно безупречного критерия разграничения преступления и проступка продуцируется многими взаимодействующими объективными и субъективными факторами, относящимися к различным сторонам состава правонарушения [9, с. 113]. В связи с этим процесс разграничения этих составов противоправных деяний целесообразно представить в виде алгоритма в табличной форме.

Алгоритм разграничения составов противоправных деяний против порядка осуществления миграционного учета

Ст. 19.27 КоАП РФ «Представление ложных сведений при осуществлении миграционного учета»	Ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации»
1. По объекту посягательства	
Защищает два вида миграционного контроля: 1) регистрация иностранных граждан по месту жительства; 2) учет иностранных граждан по месту пребывания	Защищает один вид миграционного контроля – учет иностранных граждан по месту пребывания
2. По объективной стороне посягательства	
2.1. По характеру проявления способа посягательства	
Обман, выявленный при осуществлении миграционного учета, не позволил осуществить фиктивную постановку иностранного гражданина или лица без гражданства на учет по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации и нейтрализовать контролируемую функцию миграционного органа	Обман позволил осуществить фиктивную постановку иностранного гражданина или лица без гражданства на учет по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации и нейтрализовать контролируемую функцию миграционного органа

2.2. По степени вредоносности способа посягательства	
Вредоносность обмана спроецировалась только на личном статусе иностранного гражданина или лица без гражданства и не вышла за его пределы	Вредоносность обмана нашла свое отражение в постоянно возрастающей криминальной активности принимающей стороны как с течением времени, так и в связи с втягиванием все большего и большего количества иностранных граждан или лиц без гражданства в сферу незаконной миграции
3. По субъекту посягательства	
3.1. По политико-правовому статусу	
Как правило, являются иностранными гражданами или лицами без гражданства	В подавляющем своем большинстве являются гражданами Российской Федерации
3.2. По социально-экономическому статусу	
Субъект административного правонарушения, как правило: – имеет ограниченные финансовые возможности; – не имеет недвижимого имущества; – сталкивается с затруднениями в официальном трудоустройстве; – социальные связи не распространяются за пределы своей диаспоры, проживающей на территории Российской Федерации	Субъект преступления: – имеет большие финансовые возможности; – обладает и распоряжается движимым и недвижимым имуществом; – имеет большие возможности устройства на постоянную работу; – социальные связи могут устанавливаться не только со своими соотечественниками, но и с представителями различных этнических групп; – имеет большой кредит доверия со стороны государства, чем иностранный гражданин или лицо без гражданства
4. По субъективной стороне посягательства	
4.1. По временной обусловленности умысла	
Обуславливается периодом нахождения вне законных миграционных отношений или незаконно-миграционного нахождения на территории Российской Федерации, то есть периодом между истечением срока законного нахождения иностранного гражданина или лица без гражданства и моментом выявления факта представления ложных сведений ими при осуществлении миграционного учета	Обуславливается моментом зарождения до постановки на миграционный учет и находит свое отражение в наличии периода миграционной бесконтрольности, то есть периода между фиктивной постановкой на учет и моментом ее установления правоохранительными органами
4.2. По мотиву	
Неуважение законных способов обеспечения статуса мигранта	Корыстный, направленный на незаконное обогащение принимающей стороны
4.3. По цели	
Подтверждение своего законного нахождения как иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации путем обмана	Получение незаконного вознаграждения от иностранных граждан или лиц без гражданства за осуществление фиктивной постановки их на учет без дальнейшего намерения предоставить им жилую площадь

На передний план законодатель выдвигает признак, который позволяет отграничить административный проступок от преступления, выраженный фактом фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации. Данный признак

не является отличительным для административного правонарушения, объективная сторона которого выражается в виде процесса, приводящего к проявлению различных форм обмана, в том числе фиктивной постановки на учет без признаков преступного деяния. Законодатель не указывает, какие это признаки преступления. Следо-

вательно, явно недостаточным является использование только одного законодательно закрепленного признака для разграничения исследуемых составов.

Таким образом, не должно быть формального подхода к разрешению проблемы разграничения составов противоправных деяний, посягающих на порядок

осуществления миграционного учета, а необходимо рассматривать совокупность отличий, имеющих в элементах данных составов. Даже если они не закреплены законодательно, а обусловлены объективно-субъективными закономерностями, вытекающими из существующей правоприменительной и судебной практики.

Список литературы

1. Поладова (Гайдарова) Л.Т. Незаконная миграция в России: тенденции, последствия, противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.
2. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / П.В. Агапов [и др.]; отв. ред. Р.А. Сабитов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 688 с.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 304 с.
4. Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ: отчет о НИР / Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; рук. Шатилович С.Н. Тюмень, 2015. 61 с. Исполн.: Данелян Р.Н., Захарчук С.Д. N ГР 05156890. Инв. N 1585.
5. Шеслер А.В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2002. Вып. 5.
6. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Специализированный учебный курс / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2006. 153 с.
7. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В.В. Бабурин [и др.]; под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.
8. Головкин В.В. Административное право: учебник / под общ. ред. А.И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России, 2011. 536 с.
9. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учеб. пособие. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. 119 с.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

БАЖАНОВ С.В., доктор юридических наук, профессор, svb-1956@mail.ru Научно-исследовательский институт; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 123022, г. Москва, 2-я Звенигородская ул., 15	BAZHANOV S.V., Doctor of Legal Sciences, professor, svb-1956@mail.ru Scientific Research Institute; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2nd Zvenigorodskaya St. 15, Moscow, 123022, Russian Federation
---	---

ПРИЗНАНИЕ НЕЗАКОННЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: ДОЛЖНО ЛИ ПРЕКРАЩАТЬСЯ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ?

Реферат. Рассматривается актуальная проблема в аспекте разногласий, возникающих между региональными прокурорами и руководителями следственных органов по вынужденному прекращению по реабилитирующим основаниям уголовных дел, когда обвиняемый заключался под стражу. В обычной ситуации следователь не может и не обязан указывать в описательной части постановления о возбуждении уголовного дела фамилии, имени и отчества всех без исключения «фигурантов» предстоящего расследования. Установив новые эпизоды преступной деятельности вновь выявляемых «фигурантов», он обязан осознавать, находятся ли они в причинной-следственной связи с ранее выявленными эпизодами преступной деятельности подозреваемых (обвиняемых), проходящих по основному уголовному делу (если находятся, то основания для выделения уголовного дела в отдельное производство или материалов для процессуальной проверки отсутствуют). Федеральный судья полномочен самостоятельно изменить (отменить) ранее «одобренную» им меру пресечения, обозначив в постановлении соответствующие мотивы. Руководитель следственного органа (при наличии оснований) вправе и обязан отменить постановление следователя о возбуждении уголовного дела, а также о привлечении лица в качестве обвиняемого, и с учетом решения федерального судьи об отмене ранее избранной меры пресечения вынести аргументированное постановление о прекращении уголовного преследования в части предъявленного обвинения (в отдельных случаях часть может совпадать с целым). Следователь отменять свои собственные решения, дублируя постановления руководителя следственного органа, не должен. Обязательное в рассматриваемом контексте постановление о прекращении уголовного преследования должно выступать формальным основанием для реабилитации обвиняемого.

Ключевые слова: судья; следователь; прокурор; руководитель следственного органа; постановление; решение.

DECLARING ILLEGAL THE ACKNOWLEDGEMENT OF THE PERSON AS AN ACCUSED AND TAKING HIM INTO CUSTODY: SHOULD THE PROSECUTION BE TERMINATED?

Abstract. The topical problem of disputes arising between regional prosecutors and heads of the investigative authorities concerning the involuntary termination of criminal cases on rehabilitating grounds, in case the accused was taken into custody, is analyzed. Usually, the investigator cannot and shouldn't indicate the names, surnames, patronymics of all "figurants" of upcoming investigation in the descriptive part of the resolution on initiation of a criminal case. Having discovered the new episodes of criminal activities of newly identified "persons involved", he must realize, whether they are in causal relationship with the previously identified episodes of criminal activity of suspects or accused (if they are, then there are no grounds for distinguishing a criminal case into separate proceedings or presenting materials for procedural check). A federal judge has the authority to change (cancel) the restraint previously "approved" by him, specifying the appropriate motives in the resolution. The head of the investigative body (if there are grounds) has the right and is obliged to cancel the investigator's decision to institute a criminal case, as well as to acknowledge a person as an accused, and, taking into account the decision of a federal judge to abolish the previously chosen restraint, to make a reasoned decision about the termination of criminal prosecution regarding the part of the brought charge. The investigator shouldn't cancel his own decisions, duplicating the resolutions of the head of the investigative body. The resolution on termination of criminal prosecution, mandatory in this context, should be the formal basis for the rehabilitation of the accused.

Keywords: judge; investigator; prosecutor; head of the investigative body; resolution; decision.

В уголовно-процессуальных правоотношениях, возникающих между региональными прокурорами и руководителями следственных органов, нередко возникают серьезные разногласия, связанные с вынужденным прекращением уголовных дел по реабилитирующим основаниям, особенно в тех случаях, когда обвиняемый был заключен под стражу. Весьма активными здесь становятся и адвокаты-защитники, инициирующие в порядке ст. 125 УПК РФ многочисленные жалобы, которые, надо признать, зачастую остаются без удовлетворения.

Правовая оценка описываемых ситуаций заметно осложняется эксклюзивными процедурными решениями следователей, отягченными потребностями в выделении (соединении) вновь возбуждаемых уголовных дел; иногда они (как в комментируемом случае) отменяются, в том числе вышестоящими прокурорами, хотя прочие постановления следователей (например, о привлечении в качестве обвиняемого) «остаются в силе», расследование продолжается, а обвиняемый (с согласия судьи) заключается под стражу.

В дальнейшем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменяет состоявшиеся по такому уголовному делу решения нижестоящих судов, обосновывая свою позицию следующим:

— основное уголовное дело возбуждалось в отношении и известных, и неустановленных «фигурантов», не указанных в соответствующем постановлении, что якобы позволяло следователю *преследовать** любое должностное лицо;

— данные о других «фигурантах» появились лишь в ходе расследования основного уголовного дела;

— без возбуждения в отношении их уголовного дела о новом, выявленном им преступлении, следователь не мог на законных основаниях осуществлять *обвинительную деятельность*, вследствие чего им и составлялся рапорт с одновременным вынесением очередного постановления о возбуждении уголовного дела, впоследствии соединявшегося с основным в одном производстве.

* Здесь и далее используется оригинальная терминология разработчиков документов, представленных на правовую оценку, которая по тексту выделяется курсивом. (Примеч. авт.).

В конечном итоге такая «бурная» уголовно-процессуальная переписка и деятельность в приложении к анализируемому случаю закончилась печально: районный суд постановил следователя о привлечении в качестве обвиняемого признать необоснованным, вследствие чего заместитель руководителя следственного органа его отменил, что не коснулось, однако, других постановлений следователя: об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде подписки о невыезде и о выделении уголовного дела в отношении новых «фигурантов» в отдельное производство.

На ходатайство адвоката о прекращении уголовного преследования и признании за обвиняемым права на реабилитацию следователь ответил письмом, в котором уведомил его о том, что уголовное преследование в отношении обвиняемого *не ведется*.

Давая правовую оценку подобному противостоянию субъектов правоприменения, следует исходить прежде всего из признания того, что в УПК РФ законодатель использует в целом неудачное выражение «возбудить уголовное дело», поскольку данный термин, если понимать его буквально, означает пакет процессуальных документов. Наиболее приемлемым здесь видится словосочетание «возбудить (то есть начать) следственное производство» в противовес нарождающейся тенденции реанимировать термин «уголовное преследование», являющийся анахронизмом и не имеющий собственного юридического содержания. По сути, под ним скрывается штатная уголовно-процессуальная деятельность следователей на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, неудачно именуемая в документации, подвергавшейся автором настоящей статьи правовой оценке, *обвинительной деятельностью*.

К сожалению, современный законодатель проигнорировал следственный опыт прошлых лет, когда считалось, что уголовное дело возбуждается не против лица, а по факту, даже в тех случаях, когда в описательной части соответствующего постановления указывались сведения о лице, предположительно причастном к уголовно наказуемому деянию. При этом признавалось за аксиому, что суть (советского) уго-

ловного процесса состоит не в уголовном* преследовании, а прежде всего в установлении оснований для начала официального расследования. Следовательно, неудачно провозглашенная и до конца не легализованная в УПК РФ доктрина, согласно которой уголовное дело возбуждается против лица (лиц), в прикладной плоскости привела к складывающейся ныне порочной, по сути, практике возбуждения на стадии предварительного расследования «новых» уголовных дел по вновь выявляемым эпизодам преступной деятельности «дополнительных фигурантов» [1].

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а не на признаки состава преступления [2], как полагают отдельные авторы; сообщение о совершенном (готовящемся) преступлении, полученное из иных источников, принимается лицом, его получившим, о чем составляется рапорт (ст. 143 УПК РФ).

В то же время суть установлений ч. 1 ст. 153 УПК РФ сводится к тому, что в одном производстве могут быть соединены уголовные дела, в том числе в отношении нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии. Это допускается также в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц.

Согласно ч. 1 ст. 154 УПК РФ следователь вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении: отдельных подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии, в случаях, указанных в пп. 1-4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (п. 1), а это означает, что необходимости вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела в анализируемых ситуациях как будто не возникает. Именно из этих соображений в былые годы процессуальный акт о выделении уголовного дела в отдельное производство приравнивался к решению о возбуждении уголовного дела, не требовавшему дополнительного документирования.

* Читай: криминальном, преступном. (Примеч. авт.).

Следуя логике закона, выделение уголовного дела в отдельное производство (оформляемое постановлением следователя) для завершения предварительного следствия допускается, если это не отражается на всесторонности и объективности последнего, обусловленных большим объемом или множественностью эпизодов (ч. 2 ст. 154 УПК РФ). Если уголовное дело выделяется в отдельное производство для предварительного расследования нового преступления или в отношении нового лица (лиц), то в соответствующем постановлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ (ч. 3 ст. 154 УПК РФ). В уголовном деле, выделенном в отдельное производство, должны наличествовать подлинники или заверенные следователем копии процессуальных документов, имеющие для него значение (ч. 4 ст. 154 УПК РФ); по формулировке законодателя, они допускаются в качестве доказательств (ч. 5 ст. 154 УПК РФ).

Часть 1 ст. 155 УПК РФ гласит: «В случае если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с расследуемым преступлением, следователь... выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, из уголовного дела и направлении их для принятия решения в соответствии со статьями 144 и 145 настоящего Кодекса...» (руководителю следственного органа). Согласно ч. 2 ст. 155 УПК РФ такие материалы по соответствующему уголовному делу также допускаются в качестве доказательств.

В контексте изложенного интерес представляет название ст. 175 УПК РФ «Изменение и дополнение обвинения. Частичное прекращение уголовного преследования», неверно отражающее суть предполагаемых ею действий, что обусловливается неудачным терминологическим выражением «частичное прекращение уголовного преследования». Правильнее было бы говорить о прекращении производства по уголовному делу или того же уголовного преследования в части предъявленного обвинения [3].

Часть 1 ст. 175 УПК РФ декларирует, что при появлении в ходе предварительного

следствия оснований для изменения (ранее) предъявленного обвинения следователь в соответствии со ст. 171 УПК РФ выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и (пере-) предъявляет его обвиняемому в порядке, установленном ст. 172 УПК РФ. Новым постановлением, по логике законодателя, должны охватываться все эпизоды преступной деятельности обвиняемого. Если же в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части (ч. 2).

Таким образом, в обычной ситуации следователь не может и не обязан указывать в описательной части постановления о возбуждении уголовного дела фамилии, имена и отчества всех без исключения «фигурантов» предстоящего расследования. Установив в ходе последнего новые эпизоды преступной деятельности вновь выявляемых «фигурантов», он обязан осознавать, находятся ли они в причинно-следственной связи с ранее выявленными эпизодами преступной деятельности подозреваемых (обвиняемых), проходящих по основному уголовному делу. Если таковая прослеживается и подтверждается, то никаких оснований для выделения (по сути, нового) уголовного дела в отдельное производство или материалов для процессуальной проверки (как в анализируемом случае) не возникает. Другой вопрос, что в настоящее время в целях улучшения статистических показателей следователи различных ведомств очень часто оформляют рапорты о вновь выявляемых на стадии предварительного расследования преступлениях, одновременно возбуждая (перспективные с точки зрения их раскрытия) уголовные дела, и «на скорую руку» вновь соединяя их в одном производстве с основными.

В случае выделения из основного уголовного дела в отдельное производство другого уголовного дела (терминология законодателя. — С. Б.) нового постановления о возбуждении уголовного дела выносить в принципе не требуется. Однако ч. 3 ст. 154 УПК РФ устанавливает обратное: если уголовное дело выделено в отдельное производство для предварительного расследования нового преступления или в отношении нового лица, то в поста-

новлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ*.

При выделении же из основного уголовного дела в отдельное производство материалов для принятия по ним решения в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела (при наличии на то оснований) принимать, безусловно, нужно.

Часть 1 ст. 155 УПК РФ определяет, что в случае если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с расследуемым преступлением, следователь выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, из уголовного дела и направлении их для принятия решения в соответствии со статьями 144 и 145 УПК РФ. При этом материалы, содержащие сведения о новом преступлении и выделенные из уголовного дела в отдельное производство, допускаются в качестве доказательств по данному уголовному делу (ч. 2).

Следует обратить внимание на вопиющую небрежность законодателя в интерпретации перечисленных выше терминов, обуславливающих трудность в понимании, толковании и применении норм УПК РФ: подразумевая выделение из уголовного дела и нового уголовного дела, и материалов уголовного дела (для проверки), он в равной мере «привязывает» их к так называемому производству. Более того, из предложенной им юридической конструкции логически вытекает, что, вынося постановление о выделении из уголовного дела другого уголовного дела, материалы которого допускаются в качестве доказательств, нужно (не понятно зачем) выносить очередное постановление о возбуждении уголовного дела. Некорректна и сама формулировка: «материалы, содержащие сведения о новом преступлении»,

* В ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г. N 58-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федерального закона от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

поскольку законодатель, правда, в другом месте и в другом контексте, оперирует устоявшимися терминами («сообщение» и «признаки»), что, конечно же, не меняет сути проблемы.

В завершение рассмотрим еще один немаловажный вопрос. По логике законодателя и с позиций теории управления полномочный субъект может отменить предполагаемое к исполнению, но не выполненное действием решение, облеченное в процессуальную форму, затрагивающее (нарушающее) конституционные права и законные интересы граждан, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений. Отменить выполненное действием решение он не вправе. Именно поэтому в советский период развития следственной практики считалось, что при отмене, в частности, постановления о возбуждении уголовного дела в случае, когда по нему не производилось ни одного следственного (процессуального) действия, полномочный субъект (например, прокурор) именно отменял названное постановление, но (одновременно) выносил (по тому же материалу) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Если же после возбуждения уголовного дела производилось хотя бы одно следственное (процессуальное) действие, то полномочный субъект, признавая необоснованность первоначального решения, в обязательном порядке выносил постановление о прекращении уголовного дела*, аргументируя в его описательной части свою «правовую позицию».

Анализируя данную проблему, следует учитывать и то, что высшая судебная инстанция Российской Федерации в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ вправе отменить все решения нижестоящих судов. В данном случае речь идет о согласии федерального судьи на заключение обвиняемого под стражу, которое, как известно, может быть обжаловано в апелляционном, кассационном и судебном надзорном порядке.

Необходимо осознавать и то, что решение следователя, согласованное с руководителем следственного органа (утвердившим его), приравнивается к решению, принятому руководителем следственного

органа, а решение следователя, согласованное с руководителем следственного органа, «санкционированное» судьей, приравнивается к решению, принятому судьей, отменить которое руководитель следственного органа не вправе.

С другой стороны, полномочиями по отмене решений следственных органов о возбуждении уголовного дела и о привлечении в качестве обвиняемого Верховный Суд Российской Федерации не наделен. Согласно закону, руководитель следственного органа вправе отменить постановления следователя о возбуждении уголовного дела и о привлечении лица в качестве обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), однако исключительно, скажем так, в перманентном порядке (в режиме online). Если же после возбуждения уголовного дела обвиняемому предъявлялось обвинение и он заключался под стражу, отменить перечисленные решения следователя просто так, особенно *потом*, нельзя.

Федеральный судья полномочен самостоятельно (без участия вышестоящих судебных инстанций) изменить (отменить) ранее «одобренную» им меру пресечения, указав в своем постановлении подпадающие мотивы. Руководитель же следственного органа (при наличии на то оснований) вправе и обязан отменить постановление следователя о возбуждении уголовного дела, а также о привлечении лица в качестве обвиняемого, и с учетом решения федерального судьи об отмене ранее избранной меры пресечения вынести аргументированное постановление о прекращении уголовного преследования в части предъявленного обвинения (в отдельных случаях часть может совпадать с целым). Следователь же отменять свои собственные решения, дублируя тем самым постановления руководителя следственного органа, не должен.

В силу изложенного обязательное в рассматриваемом контексте постановление руководителя следственного органа о прекращении того, что в теории современного уголовно-процессуального права принято именовать уголовным преследованием, должно выступать в качестве формального основания для реабилитации обвиняемого.

* В настоящее время в ряде случаев — и уголовного преследования. (Примеч. авт.).

Список литературы

1. Бажанов С.В. Соединение в одном производстве уголовных дел о фальшивомонетничестве // Законность. 2015. N 5. С. 51-53.
2. Бажанов С.В. Совершенствование понятийного аппарата стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Академии права и управления. 2012. N 29. С. 31-36.
3. Бажанов С.В. Чрезмерная формализация следственного производства // Законность. 2004. N 11. С. 51-54.

БАРАНОВА М.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Marina2008-78@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Саратовская государственная
юридическая академия,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

BARANOVA M.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Marina2008-78@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Saratov State Law Academy,
Volskaya St. 1, Saratov, 410056,
Russian Federation

ГРИГОРЯН В.Л.,
кандидат юридических наук,
vagan1384@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Саратовская государственная
юридическая академия,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

GRIGORYAN V.L.,
Candidate of Legal Sciences,
vagan1384@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Saratov State Law Academy,
Volskaya St. 1, Saratov,
410056, Russian Federation

**ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПОИСК КРИТЕРИЕВ**

Реферат. Уголовно-процессуальный закон и судебная практика не дают однозначного ответа на вопрос о том, какие нарушения при производстве следственных действий по уголовному делу влекут безусловное признание полученных таким путем доказательств недопустимыми. Необходимо учитывать, насколько допущенные при производстве того или иного следственного действия нарушения являются существенными с точки зрения их несоответствия принципам уголовного судопроизводства, требованиям уголовно-процессуальной формы, закрепленным в УПК РФ, правам заинтересованных участников процесса и другим процессуально значимым факторам. По результатам исследования резюмируется, что основанием принятия решения о недопустимости доказательств должна являться существенность нарушений требований закона, допущенных при производстве конкретного следственного действия. Степень существенности зависит от того, насколько они ограничивают права заинтересованных участников процесса, противоречат требованиям уголовно-процессуальной формы и другим процессуально значимым факторам, блокируют возможность полноценной реализации принципов уголовного судопроизводства. С учетом неоднозначности судебной практики предлагается корректировка позиций Пленума Верховного Суда РФ: в качестве существенных нарушений, безусловно влекущих признание доказательств недопустимыми, следует указать нарушения общих правил производства следственных действий, закрепленных в ст.ст. 164-170 УПК РФ (отсутствие подписи должностного лица в протоколе следственного действия, несоответствие схемы и фототаблицы тексту протоко-

ла следственного действия, невручение копии протокола следственного действия надлежащему субъекту, несоответствие копии протокола следственного действия его оригиналу и др.). Перечень следует оставить открытым для возможного внесения изменений, касающихся общих правил производства следственных действий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; доказательства; недопустимость доказательств; существенные нарушения закона; судебно-следственная практика; протокол следственного действия.

ADMITTING EVIDENCE INADMISSIBLE IN JUDICIAL DECISIONS ON CRIMINAL CASES: SEARCH OF CRITERIA

Abstract. Criminal procedure law and judicial practice don't give a clear answer to the question of what violations during investigative actions on a criminal case involve admitting evidence obtained by this way inadmissible. It's necessary to take into account how significant are the violations, committed during particular investigative action, from the perspective of their inconsistency with the principles of criminal proceedings, the requirements of criminal procedure form set out in the RF Criminal Procedure Code, the rights of the participants in the proceedings and other procedural significant factors. It's summarized that the significance of the violations of the requirements of law, occurred during specific investigative action, should be the basis for the decision on the inadmissibility of evidence. The degree of significance depends on how they restrict the rights of participants in the proceedings, contradict the requirements of criminal procedure form and other relevant factors, block the possibility of full implementation of the principles of criminal justice. Taking into account the ambiguity of judicial practice, it's proposed to correct the position of the Plenum of the RF Supreme Court: violations of general rules of investigative actions enshrined in articles 164-170 of the RF Criminal Procedure Code (lack of the official's signature in the record of investigative action; discrepancy of the scheme and phototable to the record's text, the copy of the record to its original, etc.) should be indicated as significant violations leading to admitting the evidence inadmissible. The list should be left open for possible changes concerning the general rules for performing investigative actions.

Keywords: criminal proceedings; evidence; inadmissibility of evidence; significant violations of law; judicial and investigative practice; record of investigative action.

Отдельные аспекты доказывания и доказательств в уголовном судопроизводстве России всегда были и остаются в центре особого внимания не только ученых-процессуалистов, но и практических работников*. Не является исключением в этом смысле проблема допустимости доказательств. Рассматривая вопрос допустимости доказательств, полученных при производстве по уголовному делу, Пленум Верховного Суда РФ указывает на необходимость реализации положений ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, а также выполнения требований ст. 75 УПК РФ. При этом разъясняется, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их сборении и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их сбора и закрепления, а также если

сборение и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами**.

В пункте 2 постановления от 5 марта 2004 года N 1 Пленума Верховного Суда РФ обращается внимание судов на то, что при решении вопроса о признании доказательства недопустимым по основаниям, указанным в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, необходимо в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение***. Следовательно, не всякое нарушение требований УПК РФ влечет признание доказательства недопустимым,

** О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. N 8; ред. от 3 марта 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. N 1; 2015. N 5.

*** О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. N 1; ред. от 30 июня 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 5; 2015. N 9.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 15-03-01253 «Преюдициально-прецедентная сила судебных решений по уголовным делам».

о чем свидетельствует складывающаяся судебная практика*.

Как следует из вышеприведенных разъяснений высшего судебного органа Российской Федерации, начиная с 1995 года и по сегодняшний день, Пленум Верховного Суда РФ не приводит в своих постановлениях четких, однозначных критериев разграничения нарушений уголовно-процессуального закона на те, которые влекут признание доказательств недопустимыми, и те, которые таких правовых последствий не создают. Данное обстоятельство не может не отразиться на практике рассмотрения судами общей юрисдикции вопросов недопустимости (допустимости) доказательств.

Так, еще в период действия УПК РСФСР 1960 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 4 июля 2000 года отменила приговор Советского районного суда г. Владивостока, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда, постановление Президиума Приморского краевого суда ввиду того, что в основу всех отмененных решений было положено недопустимое доказательство — протокол предъявления для опознания обвиняемого Ч. в единственном числе, вопреки требованиям ст. 165 УПК РСФСР, согласно которой общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех**.

* Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда по делу N 22-6186/12 от 6 сент. 2012 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-106609819> (дата обращения: 20 февр. 2016 г.); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда по делу N 22-135 от 10 апр. 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-103837820/> (дата обращения: 20 февр. 2016 г.).

** Нарушение требований ст. 165 УПК РСФСР явилось основанием для признания протокола опознания недопустимым доказательством. Приговор отменен с прекращением дела за недоказанностью участия лица в совершении преступления: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июля 2000 г. (Извлечение). URL: <http://www.az-libr.ru/Law/Crime/ru/UCrt-Prc2006/8220000704.shtml> (дата обращения: 14 окт. 2015 г.).

Из материалов уголовного дела N 2-37/98, рассмотренного Ростовским областным судом, постановлением прокурора был исключен протокол обыска, проведенного 19 марта 1997 года заместителем начальника ОУР Азовского ОВД, как недопустимое доказательство. Основанием для признания доказательства недопустимым послужило производство данного следственного действия неуполномоченным лицом, так как в материалах уголовного дела отсутствовало соответствующее поручение со стороны следователя, производившего предварительное расследование [1; с. 233-234].

Достаточно примеров, свидетельствующих о неоднозначной практике признания доказательств недопустимыми, можно обнаружить и после вступления в силу УПК РФ 2001 года.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан и все последующие судебные решения были отменены ввиду того, что производство судебно-медицинской экспертизы в отношении потерпевшего Н. было поручено эксперту И., которому разъяснялись права, обязанности и ответственность, предусмотренная ст. 307 УК РФ, однако само экспертное исследование в отношении Н. проведено экспертом Г., которому права, обязанности и ответственность по ст. 307 УК РФ не разъяснялись***.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим определением N 83-009-34 обоснованно исключила из числа доказательств заключения фonoскопических экспертиз, поскольку органами предварительного следствия не были надлежащим образом выполнены требования ст. 202 УПК РФ, а именно: образцы голосов для сравнительного исследования были получены скрытно от обвиняемых и в отсутствие их защитников****.

7 мая 2008 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ кассационным определением N 81-008-6

*** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 дек. 2008 г. N 49-Д08-107 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 8.

**** Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2009 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. N 5.

отменила приговор Кемеровского областного суда. Одной из причин отмены приговора явилось то обстоятельство, что текст копии приговора, представленной стороной обвинения в кассационную инстанцию, отличался от текста подлинного приговора, находящегося в деле, по структуре, очередности изложения доказательств и их содержанию*.

Липецкий районный суд Липецкой области в рамках рассмотрения уголовного дела N 1-64/2013 по ходатайству защитника К. признал недопустимыми доказательствами два протокола предъявления для опознания. Основаниями для принятия таких решений послужили: предъявление для опознания по фотографиям при наличии реальной возможности предъявления для опознания «вживую» (нарушение требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ); отсутствие в протоколе предъявления для опознания указания на индивидуально определенные признаки, позволяющие идентифицировать опознаваемое лицо (нарушение требований чч. 2, 7 ст. 193 УПК РФ)**.

Аналогичные нарушения закона с точки зрения их существа, заключающиеся в игнорировании однопорядковых по своей значимости требований УПК РФ, предъявляемых к содержанию протокола следственного действия, процедуре его оформления, в других случаях не воспринимались судами как существенные (грубые) и, как следствие, не влекли признание недопустимыми оспариваемых доказательств.

Например, Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 14 октября 2014 года по уголовному делу N 33-АПУ14-20 по обвинению Л. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105, пп. «а», «в» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 3 ст. 327 УК РФ, признал протокол осмотра места происшествия допустимым доказательством, несмотря на то, что он был составлен неуполномоченным лицом – следователем А., кото-

рый не принимал дело к производству, в нем имелись неоговоренные исправления, протокол не был подписан экспертом, а в качестве понятых были привлечены лица, заинтересованные в исходе дела. Производство осмотра места происшествия следователем А. по поручению следователя О., удостоверение экспертом и понятыми факта своего участия в рассматриваемом следственном действии явились, как посчитал Верховный Суд РФ, основанием для признания протокола осмотра места происшествия допустимым доказательством. Кроме того, вывод о допустимости сделан Верховным Судом РФ и применительно к протоколу осмотра жилища от 2 мая 2012 года, допустимость которого также оспаривалась в рамках данного уголовного дела. Невзирая на то, что осмотр был проведен без получения судебного разрешения, в протоколе осмотра, в нарушение ст. 166 УПК РФ, не был отражен факт участия в нем потерпевшей С., не описано количество и расположение комнат, не отражено, какие предметы изъяты и каким образом они предъявлялись участникам следственного действия, Верховный Суд РФ, фактически уклонившись от оценки оспариваемого протокола на предмет его допустимости, мотивировал свое решение следующим образом: «Не имел суд оснований и для признания недопустимым доказательством протокола осмотра жилища Л. от 2 мая 2012 года, произведенного 2 мая 2012 года до возбуждения уголовного дела органом дознания в пределах своей компетенции в связи с проверкой сообщения о преступлении, поступившего 2 мая 2012 года в 51 отдел полиции от Б., участие которого в осмотре не противоречит закону»***.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) в апелляционном определении от 24 декабря 2014 года по уголовному делу N 22-1968 признала допустимыми протоколы допроса свидетелей Н. от 27 января 2009 г. (т. 9, л. д. 148-152), Б. от 27 января 2009 г. (т. 9, л. д. 143-147), Ц. от 29 января 2009 г. (т. 9, л. д. 196-198), несмотря на то, что все указанные следственные дей-

* Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 мая 2008 г. N 81-О08-6 (Извлечение). URL: <http://www.lawmix.ru/vas/91500/> (дата обращения: 14 окт. 2015 г.).

** Уголовное дело N 1-64/2013 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ // Архив Липецкого районного суда Липецкой области за 2013 год.

*** Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14 окт. 2014 г. по делу N 33-АПУ14-20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствия были проведены следователем Э., не входившим в состав следственной группы. Поскольку протоколы были составлены с соблюдением требований ст.ст. 187, 189 и 190 УПК РФ и по содержанию не противоречили другим собранным по уголовному делу доказательствам, суд не признал существенным нарушением получение показаний ненадлежащим субъектом*.

Анализ действующего законодательства (ст.ст. 75, 88, 164, 166, 167, 182, 193, 202, 235 УПК РФ), разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и конкретных примеров из судебной практики позволяет высказать суждение о том, что у судов отсутствуют четкие критерии признания оспариваемых доказательств допустимыми или недопустимыми. Среди ученых-процессуалистов также нет единства в разрешении рассматриваемого вопроса. Так, В.М. Савицкий считал, что всякое нарушение закона делает доказательство недопустимым [2, с. 57-59]. Другие авторы допустимость доказательств ставят в зависимость от возможности восполнения пробелов и «нейтрализации» последствий допущенных нарушений [1, с. 49-57; 3, с. 358-367]. Третьи — связывают признание доказательств недопустимыми с существенностью допущенных нарушений в том контексте, как ныне это понимается в ст. 389.17 УПК РФ [4, с. 7].

Полагаем, что в каждом конкретном случае необходимо учитывать, насколько допущенные при производстве того или иного следственного действия нарушения являются существенными с точки зрения их несоответствия принципам уголовного судопроизводства, требованиям уголовно-процессуальной формы, закрепленным в УПК РФ, правам заинтересованных участников процесса и другим процессуально значимым факторам.

Выступая в качестве специалистов по уголовному делу N 3304758 по обвинению Д. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 222 УК РФ, рассмотренному Челя-

бинским областным судом, в представленной для формирования заключения специалиста копии протокола обыска, проведенного 12 июня 2013 г. в домовладении Д., мы выявили многочисленные нарушения требований УПК РФ. Так, в протоколе обыска отсутствовала подпись должностного лица, производившего его, в графе о разъяснении понятий прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных ст. 60 УПК РФ, содержалась подпись только одного понятого, к протоколу не прилагалась фототаблица, реально имевшаяся в материалах уголовного дела, а схема по фактическим обстоятельствам производства обыска существенным образом отличалась от текста протокола.

Исследуя в системном единстве выявленные нарушения, полагаем, что отсутствие подписи должностного лица в протоколе обыска является существенным нарушением требований уголовно-процессуальной формы (ч. 7 ст. 166 УПК РФ), влекущим его непригодность для последующего использования в процессе доказывания. На существенность подобного рода нарушений указывает п. 10 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, в котором в качестве безусловного основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке выступает отсутствие подписи судьи (судей) на соответствующем судебном решении. Не имея легальной копии протокола обыска, Д. был лишен возможности обжаловать законность производства обыска, как следствие, не мог в полной мере реализовать закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту.

Помимо этого, отсутствие подписи следователя в копии протокола обыска, согласно которой с места производства обыска изъято значительное количество объектов (более 10), в совокупности с отсутствием указания об этих объектах на единственном подписанном следователем документе, не имеющем самостоятельного доказательственного значения, — схеме к протоколу обыска, позволяет судить о неправомерности факта изъятия данных объектов.

Разрешая вопрос о доказательственном значении протокола обыска, мы сопоставили все его составные части, в том числе схему и фототаблицу. Статья 166 УПК РФ предъявляет одинаковые формально определенные требования и к тексту про-

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 24 дек. 2014 г. по уголовному делу N 22-1968. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-saxa-yakutiya-respublika-saxa-yakutiya-s/act-470420605/> (дата обращения: 14 окт. 2015 г.).

токола, и к приложениям к нему. Являясь составными частями протокола обыска, прилагаемые к нему схема и фототаблица должны соответствовать тексту протокола и в обязательном порядке вручаться лицу, в помещении которого производился обыск, либо совершеннолетнему члену его семьи по правилам ч. 15 ст. 182 УПК РФ. Выявленные нарушения, допущенные при составлении схемы и фототаблицы к протоколу обыска, порождают сомнения в доброкачественности анализируемого протокола.

Наличие в протоколе обыска подписи только одного понятого означает, что другому понятому, участвовавшему при производстве этого следственного действия, не были разъяснены его права, обязанности и ответственность, что, на наш взгляд, не позволяет данному субъекту в полной мере выступать гарантом объективности производства обыска. Характеризуя выявленное нарушение как устранимое в ходе дальнейшего производства по делу, полагаем, что оно само по себе (автономно) не может служить основанием для признания протокола обыска недопустимым доказательством.

Концептуальный анализ вышеизложенных нарушений позволяет сделать вывод о том, что в своей совокупности они являются существенными, искажающими ход и результаты проведенного обыска в жилище, создающими предпосылки для различий в количестве и месте обнаружения объектов, изъятых при производстве данного следственного действия. Указанные нарушения в системном единстве формируют основание для признания протокола обыска недопустимым доказательством.

По результатам исследования спорных вопросов признания уголовно-процессуальных доказательств недопустимыми приходим к следующим выводам:

1. Критерием, положенным в основание для принятия решения о недопустимости доказательств, должна являться существенность нарушений требований закона, допущенных при производстве конкретного следственного действия.

2. О существенности подобного рода нарушений необходимо судить по тому, насколько они ограничивают права заинтересованных участников процесса, противоречат требованиям уголовно-процессуальной формы и другим процессуально значимым факторам, блокируют возможность полноценной реализации принципов уголовного судопроизводства.

3. Принимая во внимание тот факт, что судебная практика по вопросу о признании доказательств недопустимыми складывается неоднозначно, считаем необходимым внести изменения в текст вышеупомянутых постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. и от 5 марта 2004 г. и в качестве существенных, безусловно влекущих признание доказательств недопустимыми, указать нарушения общих правил производства следственных действий, закрепленных в ст.ст. 164-170 УПК РФ (отсутствие подписи должностного лица в протоколе следственного действия, несоответствие схемы и фототаблицы тексту протокола следственного действия, невручение копии протокола следственного действия надлежащему субъекту, несоответствие копии протокола следственного действия его оригиналу и др.).

4. Данный перечень следует оставить открытым, поскольку не исключается, что в уголовно-процессуальное законодательство будут вноситься изменения, касающиеся общих правил производства следственных действий.

Список литературы

1. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999.
2. Савицкий В.М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М., 1995.
3. Пашин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе // Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. М., 1996. Ч. 2.
4. Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2010.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

БАБУРИН В.В., доктор юридических наук, профессор, vvbaburin@mail.ru Кафедра криминологии, психологии и педагогики; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, просп. Комарова, 7	BABURIN V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, vvbaburin@mail.ru Chair of criminology, psychology and pedagogic; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation
БОЙКО О.А., кандидат юридических наук, heltahskeltah90@mail.ru Кафедра криминологии, психологии и педагогики; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, просп. Комарова, 7	BOYKO O.A., Candidate of Legal Sciences, heltahskeltah90@mail.ru Chair of criminology, psychology and pedagogic; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation
ПАНОВ С.Л., кандидат юридических наук, spanov1960@mail.ru Кафедра криминологии, психологии и педагогики; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, просп. Комарова, 7	PANOV S.L., Candidate of Legal Sciences, spanov1960@mail.ru Chair of criminology, psychology and pedagogic; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation

ОБОРОТ КОНТРАФАКТНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Реферат. С каждым годом на отечественном рынке появляется все больше некачественных, поддельных строительных материалов. Определить объем рынка фальсификатов довольно сложно; по отдельным оценкам экспертов, подделки составляют около 7 % мирового производства строительной продукции. Строительный контрафакт не только снижает налогооблагаемую базу и способствует нечестной конкуренции и обогащению, но и, как все подделки, имеющие, как правило, множество явных и скрытых недостатков, может нанести вред имуществу, здоровью и даже жизни потребителей. Сегодня на отечественный рынок поставляется значительное количество товаров для строительства, ремонта и обустройства жилья, содержащих фенолформальдегидные смолы и вызывающих нередко широкий спектр заболеваний, вплоть до онкологических. К основным детерминантам оборота некачественных, поддельных и контрафактных строительных материалов следует отнести: ослабление государственного контроля за качеством производимой продукции; отмену сертификации строительных материалов; недостаточно организованную, непоследовательную и неэффективную деятельность производителей стройматериалов по защите своей продукции; нестабильную экономическую ситуацию и экономические кризисы, которые вынуждают застройщиков снижать себестоимость строительства до минимума, приобретая дешевые подделки и способствуя тем самым распространению некачественных, контрафактных стройматериалов; низкую потребительскую грамотность и покупательную способность большинства населения. Подчеркнута роль виктимологической профилактики, заключающейся в информировании граждан-покупателей о наличии на отечественном строительном рынке фальсифицированных стройматериалов (в том числе в привлечении внимания в части осуществления покупки посредством сети Интернет) и разъяснении их действий при приобретении товаров этой группы.

Ключевые слова: строительные материалы; контрафактная продукция; детерминанты оборота контрафактных строительных материалов; меры противодействия обороту контрафактной продукции в строительстве.

THE TURNOVER OF COUNTERFEIT BUILDING MATERIALS: DETERMINANTS AND COUNTERMEASURES

Abstract. More and more low-quality and counterfeit building materials appear in the domestic market every year. It's quite difficult to determine the amount of counterfeit products market. According to some experts' opinions, the fakes make up about 7 % of world production of construction products. Building counterfeit not only reduces the tax base and contributes to unfair competition and enrichment, but also can cause damage to property, health and even the lives of consumers. Today, the domestic market is supplied by a significant number of products for the construction, repair and arrangement of housing, containing phenol-formaldehyde resin, often causing a wide range of diseases, up to cancer. The main determinants of the turnover of substandard, fake and counterfeit building materials are: the weakening of state control over the quality of products; the abolition of certification of building materials; poor organized, inconsistent and inefficient activities of building materials manufacturers to protect their products; unstable economic situation and economic crises, that force developers to reduce construction costs to a minimum by buying cheap counterfeits and thereby contributing to the spread of poor-quality, counterfeit building materials; low consumer competence and purchasing power of the majority of population. The role of victimological prevention is emphasized. It is to inform citizens-consumers about the counterfeit building materials in the domestic construction market (including attracting their attention to the purchase through the Internet) and to clarify their actions when purchasing the goods of this group.

Keywords: building materials; counterfeit products; determinants of turnover of counterfeit building materials; measures against turnover of counterfeit products in construction.

С каждым годом на рынке России появляется все больше некачественных, поддельных строительных материалов. Импортный фальсификат часто попадает в Россию из Польши, Турции, Молдовы и других стран. Одним из основных источников подделок остается Китай. Вычислить емкость рынка фальсификатов довольно сложно, хотя, по мнению экспертов, подделки составляют около 7 % мирового производства строительной продукции [1].

Подделка строительных материалов – незаконный, но выгодный бизнес, который из года в год только расширяется. На данный момент на рынке присутствует практически любая подделка-аналог того или иного строительного материала. Подделки продаются не только на строительных рынках, но и в крупных торговых центрах. Это вызвано тем, что при современных темпах строительства в стране спрос на материалы чрезвычайно высок, а технология производства большинства из них, как правило, проста. Все это вызывает настоящий вал подделок под известные марки путем копирования их упаковок, логотипов, шрифтов и цветовых решений. Качество упаковки такой продукции зачастую настолько высокое (например, абсолютно точно копируют упаковку, меняя в названии всего одну букву, в расчете на невнимательность покупателя), что заметить фальсификат можно лишь при детальном изучении [2].

Подделывать стеновые, кровельные или облицовочные материалы, как правило,

невыгодно, ведь для этого необходимы налаженное производство и более-менее квалифицированный персонал. По этой причине потребители чаще всего имеют дело с некачественными сыпучими материалами, такими как разбавленный цемент, штукатурка или прочие, а также с некачественными и разбавленными лакокрасочными материалами. Для подпольного производства шпатлевки или штукатурки достаточно бригады из нескольких неквалифицированных рабочих, вооруженных обычными лопатами. Они изготавливают подобие штукатурки, а затем расфасовывают ее в «фирменную» упаковку. Этот вид продукции злоумышленниками выбран не случайно. По мнению экспертов, производство поддельных строительных смесей позволяет получать около 500 % прибыли [3, с. 26].

Строительный контрафакт не только снижает налогооблагаемую базу и способствует нечестной конкуренции и обогащению, но и как все подделки, имеющие, как правило, множество явных и скрытых недостатков, может нанести вред имуществу, здоровью и даже жизни потребителей. Сегодня на отечественный рынок поставляется значительное количество товаров для строительства, ремонта и обустройства жилья, содержащих фенолформальдегидные смолы и нередко вызывающих широкий спектр заболеваний, вплоть до онкологических. Самыми опасными из этой группы являются напольные покрытия – ламинат, линолеум, ковролин.

В качестве самых распространенных обстоятельств (фактов), связанных с использованием контрафактных, фальсифицированных строительных материалов, можно назвать:

– несоответствие качества контрафактных стройматериалов и изделий требованиям стандартов, установленных для данного вида продукции;

– несоответствие качества строительных работ, выполненных с использованием поддельных стройматериалов и изделий, требованиям СНиП;

– отсутствие гарантий на эти материалы и изделия со стороны фирм – владельцев товарных знаков;

– короткие сроки годности;

– удешевление производителями цены на строительные материалы посредством снижения их эксплуатационных характеристик за счет качества составляющих;

– ненадежность при эксплуатации готовой строительной продукции (зданий и т.д.), построенной с их использованием;

– опасность выделения веществ, вредных для здоровья;

– опасность получения производственных травм при выполнении строительных работ с использованием некачественных стройматериалов и изделий [4, с. 19].

В производстве поддельных строительных материалов участвуют разные типы предприятий:

1) легальные производства, имеющие с правообладателями контракты на производство продукции. Правообладатель предоставляет необходимую документацию (лекала, рецептуру и т.д.), помогает отладить технологический процесс, обучает рабочих, поставляет сырье и материалы, контролирует качество. Подделки начинаются за рамками этого процесса. Например, в ночное время или после окончания срока контракта предприятие продолжает производить продукцию, нанося на нее тот же товарный знак;

2) легальные производства, не имеющие контрактных отношений с правообладателями, но имеющие технологически возможностями для выпуска сопоставимой по качеству продукции. Такая продукция распространяется зачастую через те же каналы, что и оригинальная;

3) легальные и нелегальные предприятия, производящие грубые подделки под известный бренд. В зависимости от техно-

логических требований такие производства используют самые разные объекты: от гаражей и подвалов до заводов и фабрик;

4) легальные и нелегальные предприятия, незаконно использующие не товарный знак, а его патентную составляющую. Речь идет о производстве с нарушением патентного права. Предприятия сами не производят, но упаковывают, фасуют, собирают продукт, выдавая его за оригинальный товар [5, с. 37].

К основным детерминантам оборота некачественных, поддельных и контрафактных строительных материалов относится следующее [6, с. 8]:

1. В настоящее время в России ослаблен государственный контроль за качеством производимой продукции. Плановые проверки организаций, выпускающих продукцию для строительства, ремонта и обустройства жилья, Роспотребнадзором страны проводятся не чаще чем раз в три года. При этом на сайте ведомства заблаговременно размещаются планы этих проверок, и предприниматели знают, когда к ним придут чиновники. Фактически осуществляется не проверка, а профанация контрольной деятельности.

2. Сегодня в Россию можно завозить товар любого качества – сертификация отменена, а ГОСТы, особенно для импортных товаров, уже носят не обязательный, а рекомендательный характер. Государство планировало принять взамен 75 тыс. советских ГОСТов 400 технических регламентов, но за последние годы их принято всего лишь около двадцати [7].

3. Производством стройматериалов в России разрешено заниматься любому лицу, желающему зарабатывать посредством указанного вида бизнеса. Особых документов для открытия подобного производства не требуется, поэтому и «разрастается» кустарное производство, базирясь, где придется*.

4. Судебная практика по делам, связанным с некачественными, поддельными стройматериалами, гораздо меньше по

* Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности: постановление Правительства РФ от 16 июня 2009 г. N 584: ред. от 17 дек. 2014 г. N 1385 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 30. Ст. 3823; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

сравнению с судебной практикой по делам, связанным с пиратством в компьютерной сфере или на рынке алкоголя, а добиться наказания гораздо сложнее, потому что нет прямого вреда потребителю и сложно рассчитать ущерб производителя: нет точной методики его расчета. Кроме того, лицо, осуществляющее продажу контрафактного товара, должно знать, что продает поддельный товар, т.е. преступление должно быть совершено с прямым умыслом. Именно с доказыванием умысла зачастую и возникают проблемы у правоохранительных органов [8, с. 122].

5. Постоянное обновление линейки фальсифицированной продукции связано с недостаточно организованной, последовательной и эффективной деятельностью производителей стройматериалов по защите своего товара.

6. Нестабильная экономическая ситуация и экономические кризисы обуславливают сложнейшую для застройщиков ситуацию, в которой они стараются снизить себестоимость строительства до минимума, приобретая дешевые подделки, способствуя тем самым распространению некачественных, контрафактных стройматериалов.

7. Низкая потребительская грамотность и покупательная способность большинства населения, которое в силу ограниченных финансовых возможностей отдает предпочтение прежде всего ценовой характеристике товара, а уж потом его качеству и торговой марке.

Система противодействия обороту поддельных и контрафактных строительных материалов должна включать в себя законодательные, правоприменительные, организационные и образовательные меры, а именно [9, с. 41; 10, с. 11; 11, с. 42; 12, с. 53-54]:

1. Принятие федеральных законов, например: «О потребительском рынке и взаимодействии его участников», «О складских расписках» и др. Так, принятие закона «О складских расписках» (подобные законодательные акты существуют в европейских странах) положительным образом повлияет на снижение количества контрафактной продукции на строительных рынках, так как сотрудники складов будут непосредственно нести ответственность за подлинность и качество хранящихся строительных материалов.

2. Введение практики одновременной регистрации компаний по производству оригинальных строительных материалов и торговых марок, закрепленных за ними.

3. Внедрение в практику заключения договоров о поставках товаров порядка, в соответствии с которым поставщик должен предоставлять документы, подтверждающие введение продукции в гражданский оборот на территории страны непосредственно правообладателем товарного знака.

4. Осуществление компаниями – производителями стройматериалов постоянного мониторинга рынка, регулярных проверок и контрольных закупок выпускаемых ими товаров в магазинах разного типа с целью выявления контрафакта.

5. Предприятиям-изготовителям в целях защиты от контрафакта следует предусмотреть возможность регистрации дополнительного товарного знака на ранее выпускавшуюся оригинальную продукцию.

6. Дальнейшее развитие в субъектах Российской Федерации экспертных центров и лабораторий по проведению исследований контрафактной и фальсифицированной продукции, в том числе в сфере оборота стройматериалов. Внедрение практики организации экспертиз, лабораторных пунктов проверки качества продукции непосредственно на строительных объектах.

7. Использование системы проверки удаленной идентификации подлинности товаров «бренд-контроль DAT», с помощью которой покупатель может отправить СМС с уникальным кодом товара (или проверить самостоятельно код на сайте администратора системы) и получить ответ о подлинности или поддельности приобретаемой продукции.

8. Внедрение правообладателями в производство оригинальной продукции технологии лазерной маркировки, позволяющей эффективно противодействовать подделкам выпускаемых ими товаров.

9. Организация при региональных отделениях Роспотребнадзора России телефон доверия (горячей линии), чтобы граждане могли сообщать о фактах и местах продажи поддельных стройматериалов.

10. Дальнейшее распространение на территории страны опыта ряда производителей оригинальной продукции, связанного с ежегодным выпуском и представлением

покупателям брошюр, в которых систематизирована информация о мерах защиты выпускаемых компаниями товаров.

11. Использование зарубежного опыта противодействия обороту контрафактной продукции. Примером может служить система добровольной сертификации, применяемая в Германии. Немецкие производители строительных материалов не обязаны проходить процедуру сертификации, но отсутствие сертификата делает производимую ими продукцию неконкурентоспособной [13, с. 89-90].

В противодействии обороту поддельных строительных материалов немаловажная роль принадлежит виктимологической профилактике. Данное направление предупредительной деятельности заключается в информировании граждан-покупателей о наличии на отечественном строительном рынке фальсифицированных строительных материалов (в том числе в привлечении внимания в части осуществления покупки посредством сети Интернет) и разъяснении их действий при покупке указанной группы товаров, а именно:

– по возможности не покупать строительные материалы и изделия на небольших строительных рынках и в небольших магазинах, расположенных вблизи оживленных автомобильных дорог и железнодорожных станций, так как именно там чаще всего встречаются подделки;

– следует приобретать строительные материалы (в первую очередь сухие смеси, лакокрасочную продукцию) у официальных дилеров, на крупных оптовых базах и в специализированных магазинах строительных материалов;

– перед покупкой использовать возможности Интернета для получения сведений о «надежности» того или иного продавца строительных материалов;

– при покупке необходимо особое внимание обращать на упаковку приобретаемого товара: качество бумаги, поли-

графическое оформление, наличие штрих-кодов, защитных этикеток, голограмм;

– если есть сомнения в качестве покупаемых строительных материалов, то не следует спешить с совершением покупки с учетом того, что сегодня на отечественном рынке дефицита на указанные товары нет, поэтому можно легко найти нужный (качественный) продукт в другом месте;

– если строительная компания, осуществляющая строительство (ремонт) Вашего жилья, использует при работе свои строительные материалы и изделия, следует проконсультироваться со специалистами по поводу качества и возможной контрафактности их строительных материалов;

– перед покупкой строительных материалов следует ознакомиться с информацией о продукции той или иной компании, размещенной на официальном сайте производителя в Интернете;

– в случае сомнения в качестве строительных материалов следует требовать у продавцов сертификат соответствия (государственный сертификат соответствия ГОСТ Р), который свидетельствует о полном соответствии продукции установленным нормам и требованиям;

– следует учитывать, что нередко именно стоимость строительных материалов может свидетельствовать о том, что данный товар не является качественным.

Чтобы борьба с контрафактной продукцией была наиболее эффективной, необходимо объединить и систематизировать усилия государства, правообладателей и потребителей.

Предложенные меры не являются исчерпывающими, но они, безусловно, могут сыграть позитивную роль в дальнейшем развитии цивилизованного рынка оборота строительных материалов, отвечающего предъявляемым требованиям как со стороны контролирующих структур, так и производителей продукции и покупателей.

Список литературы

1. СТРОЙМАТЕРИАЛЫ: надежная покупка или лотерея? // Стройка. 2011. 7 нояб. N 34.
2. Фальсификация строительных материалов становится проблемой. Форум по фальсифицированным и некачественным материалам. URL: <http://souz.conon.ru/g/p/5541.php> (дата обращения: 30 нояб. 2015 г.).
3. Беляева Е. Контрафакт на рынке СССР: мнения и оценки // Сухие строительные смеси. 2012. N 4. С. 26-27.
4. Белоцерковский Е.Я. Фокусы капремонта // Руководитель бюджетной организации. 2012. N 9. С. 19-20.
5. Крол Н. Осторожно, контрафакт! Поддельные строительные материалы заполнили рынок // СНИП. 2009. N 7/8. С. 37-38.
6. Штраух Н. Одинаковы с лица // Деловой Бийск. 2012. N 44. С. 8-9.

7. Тюленева А. Вас ищете... контрафакт // Квартирный ряд. 2011. 22 июля.
8. Ханин С.В., Ханина Е.С. Контрафакт как угроза экономической безопасности в России // Актуальные проблемы правовой теории и практики. Н. Новгород, 2007. Ч. 2. С. 122-123.
9. Сухаренко А.Н. Противодействие обороту контрафактной продукции на территории Таможенного союза // Юридический мир. 2013. N 3. С. 40-43.
10. Коробкова К. Что можно изображать на продукции? // ЭЖ-Юрист. 2013. N 35.
11. Чумаченко А.Е. Контрафакт как социально-правовое и криминальное явление: Направления и средства его предупреждения органами внутренних дел // Юридический мир. 2007. N 2. С. 42-43.
12. Афанасьева Е.Г. Ответственность за нарушения исключительных прав на товарные знаки и иные средства индивидуализации // Предпринимательское право. 2015. N 2. С. 52-59.
13. Мазин С.С. Зарубежный опыт развития рынка торговли строительными материалами // Вестник Евразийской академии административных наук. 2011. N 1. С. 89-94.

ФЕДОТОВА Ю.Г., кандидат юридических наук, julia.fedotowa@yandex.ru Центр экспертных исследований факультета национальной безопасности; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 84	FEDOTOVA Yu.G., Candidate of Legal Sciences, julia.fedotowa@yandex.ru Expert Studies Center of National Security Faculty; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave. 84, Moscow, 119606, Russian Federation
--	---

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат. Статья посвящена проблемам правового регулирования привлечения граждан к участию в защите государственной границы Российской Федерации с учетом современных военных угроз, характеризующихся смещением в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. На основе анализа действующего общефедерального административного законодательства, законодательства приграничных субъектов Российской Федерации, а также муниципальных правовых актов автор выявляет пробелы правового регулирования участия граждан в обеспечении пограничной безопасности и приводит рекомендации об их устранении. Определив правовую природу института участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства как формы народовластия, автор статьи обосновывает, что привлечение граждан к участию в обеспечении обороны страны и безопасности государства предполагает применение правовых средств ограничения прав и свобод человека и гражданина, что влечет применение со стороны уполномоченных государственных органов ограничительных мер в отношении граждан. Поскольку участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства предполагает реализацию конституционных прав и свобод на участие в управлении делами государства, получение информации, государству корреспондируют обязанности по применению стимулирующих и защитных мер в отношении граждан. Гарантиями правового статуса граждан как субъектов обеспечения обороны страны и безопасности государства являются гарантии реализации прав и обязанностей и гарантии охраны и защиты правового статуса граждан, применение которых в деятельности уполномоченных органов заключается в реализации стимулирующих и защитных правовых мер обеспечения участия граждан в рассматриваемой деятельности.

Ключевые слова: государственная граница; безопасность; военная угроза; участие; добровольная народная дружина.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CITIZENS' PARTICIPATION IN PROTECTION OF THE STATE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to the problems of legal regulation of encouraging citizens to participate in the protection of the RF state border, based on contemporary military threats characterized by penetration into the RF information and internal spheres. Basing on the analysis of current federal administrative legislation, legislation of the RF border regions and municipal legal acts, the author reveals the gaps in the legal regulation of citizens' participation in ensuring border security and provides recommendations for their elimination. Having defined the legal nature of the institute of citizens' participation in ensuring the national defense and state security as a form of democracy, the author proves that encouraging citizens to participate in ensuring the national defense and state security involves the use of legal means of restricting the rights and freedoms of man and citizen, which implies the use of restrictive measures against citizens by the authorized state bodies. Since the participation of citizens in ensuring the national defense and state security involves the implementation of constitutional rights and freedoms to participate in state administration and to obtain information, the state is obliged to apply the stimulating and protective measures in respect of citizens. Guarantees of the implementation of rights and obligations as well as guarantees of protection of citizens' legal status are guarantees of the legal status of citizens as subjects of ensuring national defense and state security. Implementing these guarantees in the activities of the authorized bodies is the realization of stimulating and protective legal measures to ensure citizens' participation in the considered activities.

Keywords: state border; security; military threat; participation; volunteers.

В настоящее время происходит изменение характера военных угроз и военных опасностей: они нарастают и смещаются в информационное пространство и внутреннюю сферу государства. В современных условиях происходит возрастание информационной составляющей террористической деятельности, стремительное развитие террористическими организациями информационно-пропагандистской инфраструктуры, а также проявление тенденций расширения в ряде регионов социальной базы терроризма, повышения уровня организации субъектов терроризма, развития связей между террористическими структурами, смыкания террористических структур с организованной преступностью [1, с. 143-147].

Российская Федерация является объектом непрерывной информационной и пропагандистской агрессии со стороны геополитических противников. Эффективный инструмент противостояния ей — различные формы участия граждан в обеспечении национальной безопасности, что является решением задачи объединения усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации. Постановка такой задачи отражена в подп. «е» п. 21 Военной доктрины РФ, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г., а также определяется в качестве общенациональной задачи Президентом РФ [2]. В связи с обострением обстановки на приграничных территориях в условиях проводимых военных действий в Сирии актуальными являются проблемы взаимодействия с местным населением

и предупреждения антиконституционных проявлений, акций провокационного характера, способных привлечь к участию значительное количество граждан, в том числе иностранных [3]. При этом общегосударственное законодательство, регулирующее привлечение граждан к участию в защите государственной границы, не является совершенным. Региональное законодательство, в свою очередь, не отражает необходимость решения поставленной в Военной доктрине РФ задачи.

Одним из ключевых факторов достижения успеха в пограничной деятельности и формирования на приграничной территории благоприятной обстановки, которая способствовала бы решению задач обеспечения пограничной безопасности, является привлечение потенциала местного населения и добровольных народных (казачьих) дружин. Согласно ст. 38 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. N 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» (далее — Закон N 4730-I) граждане участвуют на добровольных началах в защите государственной границы в пределах приграничной территории в составе общественных объединений, добровольных народных дружин (далее — ДНД), в качестве внештатных сотрудников пограничных органов и в иных формах. Порядок привлечения граждан определяется Правительством РФ*.

* О порядке привлечения граждан к защите государственной границы Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15 апр. 1995 г. N 339 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 17. Ст. 1545.

Члены ДНД и внештатные сотрудники привлекаются к защите государственной границы для выполнения совместно с пограничными органами поставленных задач. Решение задач по привлечению ДНД достигается поддержанием постоянного взаимодействия пограничного органа с органами исполнительной власти субъекта РФ и местного самоуправления и осуществляется под постоянным контролем за организацией и состоянием работы по привлечению членов ДНД к защите государственной границы. Привлечение граждан к защите государственной границы в форме ДНД является широко применяемым, несмотря на проблемы в регулировании отдельных вопросов на общефедеральном уровне, а также в законодательстве субъектов РФ.

Следует отметить, что законодательство об участии граждан в обеспечении общественного порядка предусматривает обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления по организации такого участия. Народные дружины и общественные объединения правоохранительной направленности подлежат включению в региональный реестр. Материально-техническое обеспечение деятельности народных дружин осуществляется за счет добровольных пожертвований, а также иных средств, не запрещенных законом. Органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления могут выделять средства на финансирование материально-технического обеспечения деятельности народных дружин, предоставлять народным дружинам помещения, технические и иные материальные средства, необходимые для осуществления их деятельности.

Народным дружинникам и внештатным сотрудникам полиции по месту работы предоставляется ежегодный дополнительный отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до десяти календарных дней. Им может выплачиваться вознаграждение за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших. Внештатные сотрудники полиции за активное содействие органам внутренних дел (полиции), оказание помощи полиции в выполнении возложенных на нее обязанностей могут поощряться в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. Органы государственной

власти субъектов РФ и органы местного самоуправления могут осуществлять личное страхование народных дружинников на период их участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, устанавливать дополнительные льготы и компенсации для народных дружинников, гарантии правовой и социальной защиты членов семей народных дружинников в случае гибели народного дружинника в период участия в проводимых мероприятиях по охране общественного порядка, а также использовать иные формы их материальной заинтересованности и социальной защиты, не противоречащие законодательству. Порядок предоставления органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления народным дружинникам льгот и компенсаций устанавливается законами субъектов РФ. Аналогичные положения могут быть закреплены при регулировании деятельности общественных объединений, участвующих в обеспечении обороны страны и безопасности государства.

Согласно ст. 37 Закона N 4730-I органы местного самоуправления, организации и их объединения, общественные объединения и их должностные лица создают условия для участия граждан в защите государственной границы. В целом общефедеральное законодательство устанавливает основные положения. Следует охарактеризовать правовое регулирование деятельности ДНД в законодательстве субъектов РФ, которое с учетом особенностей конкретного региона может повысить эффективность участия граждан в защите государственной границы. Региональное законодательство определяет такое участие как взаимодействие, устанавливая его основные направления, общие цели и задачи пограничных органов и ДНД*.

* О создании добровольных народных дружин на территории Ольгинского муниципального района по охране Государственной границы Российской Федерации: постановление главы Ольгинского муниципального района Приморского края от 5 окт. 2009 г. N 326. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=548636> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); О создании штаба народных дружин в Целинном районе: постановление главы Целинного района Курганской области от 1 марта 2010 г. N 16. URL: <http://целинный-район.рф/documents/150.html> (дата обращения: 20 июля 2015 г.).

В некоторых субъектах РФ организация участия граждан в обеспечении пограничной безопасности является задачей не только пограничных органов, но и органов местного самоуправления. Так, в Республике Калмыкия на районный штаб ДНД возлагаются функции руководства ее деятельностью, обучения и воспитания ее членов, организации работы по социальной защите членов ДНД, других граждан, правового воспитания местного населения по вопросам, отнесенным к компетенции пограничных органов. Районный штаб состоит из представителей органов местного самоуправления, пограничного управления, командиров ДНД, представителей иных ведомств. Начальник штаба назначается главой районного муниципального образования, его заместителем является начальник пограничного отдела (отделения) пограничного управления*. В иных субъектах РФ регулирование подобных вопросов носит рекомендательный характер**.

Штабы ДНД формируются в целях взаимодействия с пограничным управлением субъекта РФ***, что вполне обоснованно в силу общих целей данных субъектов и диспозитивных начал формиро-

вания штабов. В некоторых субъектах РФ законодательно установлены принципы участия граждан в защите государственной границы: уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законность, гуманизм, взаимодействие с органами государственной власти области и органами местного самоуправления, добровольность****. Участие граждан осуществляется в коллективной форме взаимодействия, возможно также сотрудничество (внештатное) и содействие (при разовом предоставлении информации, в качестве проводников, во временном ограничении или запрещении движения граждан и транспортных средств в пограничной зоне, в ограничении допуска граждан на отдельные участки местности, в обеспечении вынужденного пребывания их там и в выводе граждан с этих участков при проведении пограничных поисков и операций*****). Следует отметить прогрессивность законодательства некоторых субъектов РФ, предусматривающего ежемесячные выплаты за счет бюджета субъекта РФ, причем установлены единообразные выплаты лицам, участвующим в обеспечении общественной и

* О привлечении граждан к охране Государственной границы Российской Федерации на территории Республики Калмыкия: постановление Правительства Республики Калмыкия от 27 марта 2009 г. N 93 // Правительственная газета. 2009. N 29.

** Об организации участия граждан в защите Государственной границы Российской Федерации на добровольных началах: распоряжение Администрации Алтайского края от 10 марта 2009 г. N 60-р. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=176751> (дата обращения: 20 июля 2015 г.).

*** О штабе добровольных народных дружин по защите Государственной границы Российской Федерации на территории Архангельской области: распоряжение Губернатора Архангельской области от 5 сент. 2011 г. N 676-р. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1320060> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); Об утверждении Положения о штабе добровольных народных дружин по защите Государственной границы Российской Федерации на территории Архангельской области: указ Губернатора Архангельской области от 2 сент. 2011 г. N 131-у // Волна. 2011. N 40.

**** Об участии граждан в защите Государственной границы Российской Федерации на территории Еврейской автономной области: закон Еврейской автономной области от 22 мая 2013 г. N 300-ОЗ. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2200807> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); Об участии граждан в защите Государственной границы Российской Федерации на территории Псковской области: закон Псковской области от 4 июня 2009 г. N 864-ОЗ // Псковская правда. 2009. N 110.

***** О порядке привлечения граждан к охране Государственной границы Российской Федерации на территории муниципального образования «Октябрьский муниципальный район»: постановление главы Октябрьского муниципального района Еврейской автономной области от 1 июня 2012 г. N 18. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1768316> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); О порядке привлечения граждан к охране Государственной границы Российской Федерации на территории муниципального образования «Смидовичский муниципальный район»: постановление администрации Смидовичского муниципального района Еврейской автономной области от 22 мая 2012 г. N 879. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1835539> (дата обращения: 20 июля 2015 г.).

государственной безопасности*. В других регионах применяются виды поощрения: объявление благодарности, награждение Почетной грамотой, нагрудным знаком, занесение на Доску почета, награждение ценным подарком. За особые заслуги и проявленные мужество и героизм члены ДНД представляются к награждению государственными наградами**.

В некоторых субъектах РФ помимо регионального законодательства приняты муниципальные нормативные правовые акты. Однако в большинстве регионов регулирование рассматриваемых правовых отношений ограничивается нормами только муниципального уровня и охватывает не все приграничные территории. При этом следует отметить опыт регулирования на подзаконном уровне отбора членов ДНД и обеспечения условий их деятельности, в частности, предоставления помещений либо земельных участков в отдельных муниципальных образованиях субъектов РФ***.

* О мерах социальной поддержки граждан, участвующих в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, а также в защите государственной границы Российской Федерации на территории Астраханской области: постановление Правительства Астраханской области от 30 окт. 2013 г. N 438-П // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2013. N 48; О мерах социальной поддержки граждан, участвующих в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, а также в защите Государственной границы российской федерации на территории Астраханской области в составе добровольных народных дружин: постановление Правительства Астраханской области от 27 дек. 2007 г. N 570-П. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=769573> (дата обращения: 20 июля 2015 г.).

** О создании добровольных народных дружин на территории Ольгинского муниципального района по охране Государственной границы Российской Федерации: постановление главы Ольгинского муниципального района Приморского края от 5 окт. 2009 г. N 326. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=548636> (дата обращения: 20 июля 2015 г.).

*** О создании условий для участия граждан на добровольных началах в защите государственной границы Российской Федерации в пределах приграничной территории Воронежской области: распоряжение Правитель-

Региональные законы об участии граждан в защите государственной границы отсутствуют во многих субъектах РФ, например, в Амурской, Брянской, Волгоградской, Калининградской, Курганской, Курской, Магаданской, Мурманской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Тюменской, Челябинской областях, Забайкальском, Камчатском, Краснодарском, Хабаровском краях, республиках Дагестан, Северной Осетии – Алании, Тыве, Чукотском автономном округе, чего нельзя сказать, например, о состоянии законодательства в сфере участия граждан в охране общественного порядка, при этом необходимость их принятия не менее актуальна [4].

Исследователи отмечают проблемы низкой информированности граждан об их правах и гарантиях их реализации [5, с. 14-20], в то время как право на информацию – одно из наиболее важных прав человека. Реализация права человека на информацию, обеспечение свободного доступа к информации, имеющей общественное значение, информационная от-

ства Воронежской области от 13 сент. 2011 г. N 648-р. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1292143> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); О создании условий для защиты Государственной границы Российской Федерации в Карачаево-Черкесской Республике: постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 24 марта 2010 N 91. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=604308> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); О мерах по привлечению граждан к охране Государственной границы Российской Федерации: постановление Правительства Чеченской Республики от 20 июня 2008 г. N 111. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=581586> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); Об утверждении типового Положения о районном (городском) штабе добровольных народных дружин по защите Государственной границы Российской Федерации: постановление Правительства Ленинградской области от 31 янв. 2012 г. N 27. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1642744> (дата обращения: 20 июля 2015 г.); Об утверждении Порядка поощрения граждан, оказывающих на добровольной основе содействие правоохранительным органам в охране общественного порядка и содействие пограничным органам в защите Государственной границы, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих: постановление Правительства Новосибирской области от 20 дек. 2010 г. N 257-П. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1733012> (дата обращения: 20 июля 2015 г.).

крытость органов власти являются важнейшими условиями и критериями функционирования правового, демократического государства. Реализация этого права обеспечивает реальное участие граждан в жизни государства [6, с. 152-163]. Особая заинтересованность участия граждан в деятельности общественных объединений патриотической, антиэкстремистской направленности будет состоять и в том, что все виды безопасности взаимосвязаны, государственные интересы связаны с интересами личности и общества.

Наибольшее участие граждан в обеспечении национальной безопасности государства осуществляется в периоды агрессии или ее угрозы. Как отмечают ученые, формирования ополченцев, как правило, появлялись всегда там, где складывалась особенно трагическая оперативно-стратегическая обстановка [7]. Современные военные угрозы направлены против народа конкретного государства – источника легитимации государственной власти, поэтому граждане не должны оставаться безучастными в этих процессах.

Граждане, противодействуя правонарушениям на государственной границе и приграничной территории, участвуют также в противодействии военным угрозам и опасностям, терроризму и экстремизму. Граждане заинтересованы в применении различных форм участия в обеспечении обороны страны и безопасности государства, с одной стороны, в связи с патриотическими воззрениями и убеждениями, а с другой стороны, в связи с осознанием необходимости защиты своих прав и законных интересов. Как известно, действующее законодательство не предусматривает должного реагирования на массовые нарушения прав и свобод, что представляет серьезную опасность в связи с использованием противником недовольства социально незащищенных категорий граждан и апеллированием к нарушениям прав групп населения в целях возбуждения вражды и ненависти. Именно о них идет речь в перечнях военных угроз и опасностей, обозначенных в Военной доктрине РФ.

Граждане как субъекты обеспечения национальной безопасности государства являются участниками отношений, регулируемых нормами конституционного, адми-

нистративного, военного и иных отраслей права, у которых на основе данных норм возникают определенные субъективные права и обязанности по обеспечению обороны страны и безопасности государства.

Элементами правового статуса граждан являются место и роль субъекта обеспечения национальной безопасности государства исходя из формы и вида осуществляемого участия (т.е. в пограничной сфере – всегда добровольное, индивидуальное или коллективное), общие и специальные права, имеющиеся в системе возникающих правоотношений, общие и специальные обязанности, возложенные на субъекта в системе правоотношений, ограничения общих и специальных прав, принадлежащих субъекту, юридическая ответственность за совершение правонарушений, гарантии. В соответствии с этим правовой статус может быть общим и специальным. Кроме того, следует выделить общую и специальную правоспособность и общую и специальную дееспособность.

Привлечение граждан к участию в защите государственной границы предполагает применение стимулирующих, ограничительных и защитных правовых мер и осуществление действий со стороны государственных органов. Такая позиция основана на том, что участие в обеспечении национальной безопасности, разновидностью которого является участие в защите государственной границы, является, во-первых, правом, формой народовластия, формой реализации права на участие в управлении государством и, во-вторых, обязанностью, долгом гражданина по защите Отечества, что по общему правилу не требует специальных разрешительных, удостоверяющих, регистрационных действий, но влечет применение соответствующих ограничений.

Поскольку правовой статус гражданина, участвующего в защите государственной границы, связан с реализацией права на участие в управлении делами государства и исполнением конституционных долга и обязанности защищать Отечество, то на гражданина возлагается ответственность, возникают дополнительные права и обязанности, вытекающие из существа его участия, он наделяется правом требования по предоставлению соответствующих условий для исполнения долга и обязан-

ности. Обязанности имеют первостепенное значение даже в случаях добровольного, диспозитивного участия в обеспечении национальной безопасности. Наделение лица определенными обязанностями выступает одним из правовых средств ограничений прав и свобод, что позволяет говорить об особом месте последних в правовом статусе таких граждан.

В правовом статусе граждан как участников правоотношений по защите государственной границы особое место занимают гарантии реализации прав и обязанностей, поскольку защита Отечества — не только право и форма народовластия, но и долг и обязанность гражданина, следовательно, в его правовом статусе преобладают обязанности, что вызывает необходимость применения стимулирующих и защитных мер при привлечении граждан к участию в данной деятельности. Такими гарантиями правового статуса являются гарантии реализации прав и обязанностей и гарантии охраны и защиты правового статуса, применение которых в деятельности уполномоченных органов заключается в реализации стимулирующих и защитных правовых мер обеспечения участия граждан в рассматриваемой деятельности.

Гарантии реализации прав и обязанностей граждан включают в себя льготы, компенсации, различные формы материального и нематериального стимулирования, перечень которых не является закрытым и определяется формой и видом участия гражданина в обеспечении национальной безопасности. При этом чем большим объемом прав наделяется гражданин, тем больше ограничений в его правовом статусе, что предполагает соответствующее качественное и количественное увеличение обязанностей и применение стимулирующих и защитных мер. В связи с высокой социальной значимостью института участия граждан в защите государственной границы, сочетанием императивного и диспозитивного методов правового регулирования соответствующих правоотношений стимулирующие меры должны предусматривать применение как материального, так и нематериального стимулирования. Гарантии охраны и защиты правового статуса граждан включают общие и специальные способы защиты, определяемые в зависимости от вида правового

статуса гражданина как субъекта рассматриваемых правоотношений, привлечение к юридической ответственности за нарушение требований законодательства и др.

Гражданин как участник правоотношений по защите государственной границы наделен соответствующими правами и обязанностями, что дает основание для применения комплекса правовых средств ограничений, наивысшим в иерархии которых выступает наделение полномочиями, что предполагает введение обязанностей, ограничений пределов реализации прав, установление контроля, мер ответственности и способов защиты прав и свобод.

При участии гражданина в обеспечении пограничной безопасности в составе военной организации государства и при осуществлении взаимодействия к гражданину, наделяемому соответствующими полномочиями, применяются все виды ограничений прав и свобод (применение пределов реализации прав, введение контроля, установление обязанностей, изменение порядка и способов защиты прав, введение дополнительных мер ответственности и др.). В случае сотрудничества ограничения связаны с обязанностями и ответственностью, при содействии — с пределами реализации прав и свобод. Применяемые правовые средства ограничений прав и свобод обусловлены характером соответствующих общественных отношений.

Основания (условия) введения ограничений прав и свобод граждан в целях обеспечения национальной безопасности в целом и ее видов: 1) нормативные (по источнику закрепления: конституционные и законодательные, по отраслевой принадлежности: конституционно-правовые и отраслевые) — допустимы конституционно, не противоречат общепризнанным принципам и нормам международного права, определены федеральным конституционным законом, в соответствии с которым вводятся Президентом РФ (специальные правовые режимы чрезвычайного или военного положения) или федеральным законом, в соответствии с которым вводятся уполномоченным органом (правовой режим контртеррористической операции, меры воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ, и др.); 2) фактические: совокупность

юридических фактов, на основании которых уполномоченный орган принимает предусмотренные федеральным конституционным или федеральным законом меры ограничения прав и свобод в отношении граждан и организаций, в том числе иностранных. К ним относятся действия граждан или организаций, которые являются или могут стать основанием для возникновения угрозы основам конституционного строя, обеспечению обороноспособности страны и безопасности государства.

Учитывая совокупность применения ограничительных, стимулирующих и защитных мер к субъектам рассматриваемых правоотношений, необходимо устранить следующие пробелы в общедоказательстве. Необходимо привести Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в соответствие с требованиями ст. 40 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. N 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» путем введения в содержание главы 18 статей, предусматривающих административную ответственность за воспрепятствование законной деятельности граждан и организаций, участвующих в установленном порядке в защите государственной границы Российской Федерации, в виде предупреждения или наложения административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на должностных лиц — от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от пяти тысяч до десяти тысяч рублей, а также за совершение такими лицами действий, нарушающих права и законные интересы граждан или организаций, в виде административного штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей.

В целях стимулирования местного населения к участию в защите государственной границы Российской Федерации необходимо привести положения ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в соответствие со ст. 29 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. N 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации», включив в число полномочий органов государственной власти субъек-

кта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета), создание условий для участия граждан (поддержки граждан и их объединений), участвующих на добровольных началах в защите государственной границы.

На основе анализа правового института участия граждан в защите государственной границы и правового статуса его субъектов представляется возможным выделить ряд положений, которые необходимо учесть при разработке региональных законов об участии граждан в обеспечении пограничной безопасности:

1) участие граждан в защите государственной границы является формой народовластия и обусловлено необходимостью защиты конституционного строя государства. С точки зрения субъективного права участие выступает не только правом, оно является прежде всего обязанностью, долгом, необходимостью. Участие граждан в защите государственной границы возможно как в составе военной организации государства, так и без включения в ее состав, как на императивных, так и на диспозитивных началах;

2) участие граждан в защите государственной границы приобретает особую значимость в условиях изменения характера современной войны, содержания военных угроз и опасностей, в условиях, когда задачей противника является провоцирование социальных конфликтов, направление государства против граждан, а граждан — источника легитимации государственной власти — против своего государства. Необходимость применения участия в защите государственной границы усиливается в условиях сближения и взаимосвязи интересов государства, общества и личности, взаимозависимости видов безопасности, военных и иных угроз, их динамики;

3) задача государства состоит не просто в использовании институтов гражданского общества в защите государственной границы, но и в принятии необходимых стимулирующих, ограничительных и защитных мер при регулировании правового статуса соответствующих граждан и их объединений. Благодаря этому возможно решение

поставленной в Военной доктрине РФ задачи объединения усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации. Таким образом, рассматриваемый правовой институт выступает своего рода национальной идеей, объединяющей российское общество на принципе равенства всех перед законом и судом;

4) привлечение граждан к участию в защите государственной границы предполагает применение правовых средств ограничения прав и свобод человека и гражданина (введение пределов реализации прав, установление обязанностей, мер ответственности, контроля) и, соответственно, применение со стороны уполномоченных государственных органов ограничительных мер;

5) поскольку участие граждан в защите государственной границы предполагает реализацию конституционных прав и свобод, то государству корреспондируют обязанности по применению стимулирующих и защитных мер в отношении граждан. Гарантиями правового статуса граждан как субъектов данных правоотношений являются гарантии реализации прав и обязанностей и гарантии охраны и защиты правового статуса, применение которых в деятельности уполномоченных органов заключается в реализации стимулирующих и защитных правовых мер обеспечения участия граждан в рассматриваемой деятельности.

Список литературы

1. Красинский В.В., Абалов И.Ю. Оценка будущих террористических угроз // Современное право. 2015. N 9. С. 143-147.
2. Заседание Совета Безопасности. Владимир Путин провел в Кремле расширенное заседание Совета Безопасности. Рассматривался проект Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47045> (дата обращения: 20.07.2015).
3. Глава ФСБ призвал укреплять границы: боевики ИГИЛ возвращаются в страны СНГ. URL: http://www.topnews.ru/news_id_83461.html (дата обращения: 3 сент. 2015 г.).
4. Казачество Колымы обладает немалым потенциалом в участии охраны государственной границы, и его необходимо сполна использовать. URL: <http://magadan.er.ru/news/2012/7/6/kazachestvo-kolymy-obladaet-nemalym-potencialom-v-uchastii-ohrany-gosudarstvennoj-granicy-i-ego-neobhodimo-spolna-ispolzovat/> (дата обращения: 20 сент. 2015 г.).
5. Кизим А.А., Лемешко И.Г. Сертификация транспортно-экспедиционных услуг как фактор повышения конкурентоспособности малых предприятий логистического бизнеса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. N 12 (55). С. 14-20.
6. Политанский В.С. Право на информацию в России и Украине: сравнительно-правовой анализ // PolitBook. 2013. N 3. С. 152-163.
7. Пилишвили Г.Д. Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны (на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 234 с.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

СОЛОВЬЕВ К.А., кандидат юридических наук, ska76@yandex.ru Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	SOLOVYOV K.A., Candidate of Legal Sciences, ska76@yandex.ru Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
--	---

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССЛЕДУЕМОГО СОБЫТИЯ

Реферат. К наиболее опасным преступлениям относятся преступления, связанные с незаконным оборотом или применением огнестрельного оружия. Одним из наиболее значимых средств доказывания совершения указанных преступлений является заключение судебно-баллистической экспертизы, от выводов которой нередко напрямую зависит судебная перспектива уголовного дела. В подобной ситуации решающее значение имеет оценка заключения эксперта как доказательства по уголовному делу. При этом сама профессиональная деятельность эксперта имеет ярко выраженную специфичность и не может быть оценена следователем компетентно. Судебно-экспертное исследование любых объектов осуществляется в соответствии с утвержденными методиками, формирующими единый алгоритм действий эксперта. Несмотря на стандартизированность закрепленных в экспертных методиках действий эксперта по исследованию объектов, оценку выявленных свойств этих объектов эксперт дает субъективно, исходя из личного восприятия результатов исследования. Кроме того, утвержденные методики экспертных исследований нередко дополняются рекомендациями центральных ведомственных экспертно-криминалистических учреждений, которые закрепляют альтернативный порядок действий эксперта на отдельных стадиях исследования. Помимо указанного, специалист в порядке экспертной инициативы вправе расширить перечень вопросов, которые были поставлены перед ним в постановлении лица, назначившего экспертизу. В итоге оценка следователем (дознавателем) свойств одних и тех же исследованных объектов судебно-баллистической экспертизы может быть различной в зависимости от деталей проведенного исследования и конкретных формулировок выводов эксперта. В целях исключения ошибки в оценке результатов проведенного судебно-баллистического исследования необходима корректировка имеющихся экспертных методик с учетом конструктивной специфики современного огнестрельного оружия и накопленного опыта, предварительное консультирование с экспертом по вопросам назначения экспертизы, а также обязательное изучение исследовательской части заключения эксперта.

Ключевые слова: судебно-баллистическая экспертиза; огнестрельное оружие; боеприпасы; заключение эксперта.

THE IMPORTANCE OF THE FORENSIC BALLISTIC EXAMINATION'S CONCLUSIONS FOR ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF THE INVESTIGATED EVENT

Abstract. The most dangerous crimes include crimes related to illegal trafficking or use of firearms. One of the most important means of proving in such cases is the forensic ballistic examination's conclusions, which directly affect the judicial perspective of the criminal case. In such situation the evaluation of expert opinion as a proof in criminal case is of crucial importance. At the same time the expert's professional activity is very specific and can't be competently estimated by investigator. Forensic examination of any objects is carried out according to the approved methods, forming a single algorithm of expert's actions. Despite the standartization of such procedures, the expert gives a subjective assessment of the discovered properties of objects, basing on the personal perception of the examination results. Besides, the approved methods of forensic examinations are often complemented by the recommendations of the central departmental forensic institutions that fix an alternative course

of expert's actions at some stages of the examination. In addition, the specialist has the right to expand the list of issues raised in the resolution of the person who appointed the examination. As a result, the evaluation of the properties of the same objects of the forensic ballistic examination by investigator may be different depending on the details of the research and specific wordings of the expert's conclusions. To avoid errors in evaluating the examination results it's necessary to adjust the existing methodology to specificity of modern firearms and the accumulated experience, pre-consult with the expert, carefully study the research part of the expert opinion.

Keywords: judicial and ballistics examination; firearms; ammunition; expert opinion.

Преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, относятся к категории преступлений, традиционно представляющих большую общественную опасность, поскольку само по себе огнестрельное оружие и патроны несут потенциальную угрозу жизни и здоровью людей, независимо от наличия или отсутствия намерения применять их по назначению.

Вместе с тем принятие лицом, осуществляющим расследование по таким делам, обоснованных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных решений в большинстве случаев невозможно без наличия результатов исследования соответствующих объектов (оружия, его частей, боеприпасов, повреждений и т.д.) экспертом-баллистом. В некоторых случаях заключение судебно-баллистической экспертизы является ключевым доказательством по уголовному делу, позволяющим решить вопрос о наличии в деянии лица состава преступления или причастности его к ранее совершенным преступлениям (например, когда необходимо определить, является ли изъятый у гражданина объект огнестрельным оружием или боеприпасом, либо выяснить, из этого ли изъятото у гражданина пистолета была стреляна гильза, обнаруженная ранее на месте происшествия).

Очевидно, что переоценить значимость результатов судебно-баллистического исследования для расследования преступлений сложно, и в связи с этим одним из самых значимых вопросов становится вопрос объективности и обоснованности экспертного исследования.

Как известно, любое экспертное исследование, проводимое в государственном экспертном учреждении, базируется на соблюдении утвержденной методики исследования конкретных видов объектов с целью решения определенных вопросов. Такие методики формируют общий алгоритм действий экспертов одной специаль-

ности, независимо от места несения службы и опыта, призванный обеспечить единый порядок их действий и максимальную объективность выводов. Большинство таких алгоритмов включают:

1) комплекс технико-криминалистических средств, необходимых для проведения каждого вида исследования. Данные средства должны удовлетворять требованиям конкретных ГОСТов и подвергаться периодическим поверкам на исправность и точность работы;

2) порядок действий эксперта по производству данного вида исследования с использованием имеющихся специальных знаний и применением необходимых технических средств.

При этом эксперт должен обладать правом самостоятельного производства данного вида экспертизы. Несмотря на единый порядок действий и стандартизованность условий, закрепленных методикой, текущую оценку экспертному исследованию и его результатам дает эксперт, ориентируясь на свое субъективное восприятие хода и результатов экспертизы.

С одной стороны, это позволяет устранить возможные сомнения, обусловленные особенностями применяемых технических средств. В частности, этот аргумент является одной из причин, не позволяющих в настоящее время использовать в полной мере возможности автоматизированных информационно-поисковых систем («Папилон», «Арсенал», «ТАИС», «Поиск» и др.). Несмотря на то, что данные комплексы в большинстве случаев в ходе экспертного исследования не применяются, сущность их работы заключается (помимо функций по формированию криминалистического учета) в проведении автоматизированного идентификационного сравнительного исследования. При этом продолжительность такого сравнения значительно меньше, чем время, затрачиваемое на аналогичное сравнение экспертом. Однако, как известно, результаты работы

таких автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) не формируют доказательственной информации, а скорее указывают лицу, являющемуся инициатором их использования, направление последующего экспертного исследования. Другими словами, они определяют наиболее вероятный круг объектов предстоящей экспертизы (дактилокарт, пуль, гильз), проводимой уже без применения АИПС, но с составлением заключения эксперта, которое может быть принято в качестве доказательства по уголовному делу. Зачастую эксперт в подобных ситуациях, по сути, перепроверяет достоверность сравнения, проведенного соответствующей АИПС, то есть дублирует ее действия, затрачивая на это дополнительное время. Нередко в таких случаях может возникнуть логичный вопрос о целесообразности «дублирующих» действий эксперта, но, очевидно, они и призваны обеспечить объективность и достоверность конечных результатов, которые будут положены в основу процессуальных решений по делу. Кроме того, как показывает опыт работы автора статьи с системами «Папилон» и «Арсенал», вероятность ошибочного вывода данных АИПС, как и любых современных автоматизированных комплексов, не исключена.

С другой стороны, неизбежная субъективность эксперта в оценке текущих и конечных результатов собственного исследования в некоторых случаях формирует допустимый с точки зрения экспертной методики «разброс» потенциальных выводов, некоторые из них в отдельности могут давать лицу, назначившему экспертизу, основание для принятия принципиально разных процессуальных решений по делу.

Например, идентификация пистолета ТТ по следам на выстреленной пуле осуществляется по результатам сравнения следов на ведущей части исследуемого и экспериментальных снарядов, оставленных внутренней поверхностью канала ствола оружия. Ствол пистолета ТТ, как и многих современных пистолетов, является съемной частью оружия, легко демонтируемой при неполной разборке. Таким образом, в приведенном примере происходит сравнение пули не столько с пистолетом, сколько со стволом как самостоятельной

следообразующей частью его конструкции, при замене которой вывод экспертизы будет иным, хотя оружие останется прежним (экспертной практике известны случаи применения одного пистолета ТТ с разными стволами) [1].

Аналогичная ситуация возможна при идентификации оружия по стреляной гильзе, когда вывод делается на основании тождества следов, оставленных ударником (бойком), поскольку в подавляющем большинстве современных образцов огнестрельного оружия ударник (боек) также является съемной деталью. Более того, в отличие от нарезного ствола, как довольно сложного в технологическом плане изделия, ударник в ряде случаев легко может быть заменен подручным предметом (гвоздем, спицей и т.п.). При этом наиболее отчетливые следы оружия остаются именно на материале капсюля гильзы, как более мягком по сравнению с материалом корпуса, поэтому иногда на капсюле удается обнаружить пригодные для идентификации следы только ударника (бойка).

В попытках устранить такую неоднозначность в оценке результатов экспертизы, обеспечить наибольшую объективность выводов практика идет несколькими путями. Один из них — принятие руководящими ведомственными экспертными подразделениями различного рода разъяснений, уточнений к существующим типовым методикам, призванным устранить существующие в этих методиках пробелы либо недочеты.

Иногда такие рекомендации существенно осложняют процессуальные возможности использования результатов исследования в качестве доказательства. Так, до принятия в марте 2013 г. Федерального закона, внесшего изменения в УПК РФ*, производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела не допускалось. В необходимых случаях специалист проводил предварительное исследование, результаты которого оформлялись справкой, не являющейся доказательством по уголовному делу. Одной из проблемных

* О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ // Рос. газ. 2013. 6 марта.

ситуаций в связи с этим было предварительное исследование объектов на относимость к боеприпасам до возбуждения уголовного дела. В соответствии с Типовой методикой [2] установление наличия всех необходимых конструктивных частей боеприпаса и их исправности осуществляется в ходе визуального осмотра, при необходимости с демонтажем патрона. Согласно же рекомендациям ЭКЦ МВД России все патроны, исследуемые на относимость к категории боеприпасов, должны отстреливаться с целью определения их исправности и пригодности для производства выстрелов. В этом случае справка о предварительном исследовании, не являющаяся источником доказательственной информации, содержит положительный ответ об относимости исследованных объектов к категории боеприпасов, однако сами боеприпасы уже уничтожены до возбуждения уголовного дела, перспектива которого становится маловероятной.

В некоторых случаях разъяснения ведущего ведомственного экспертного учреждения вступают в противоречие с общепринятыми подходами в судебно-экспертной деятельности. Так, например,

согласно общим принципам теории криминалистической идентификации сравнение статических следов должно осуществляться способом сопоставления, а динамических — способом совмещения (что закреплено также и в Типовых методиках идентификации огнестрельного оружия [3]). Соответственно, следы бойка ударника (если он не скользит по донцу гильзы в процессе контакта) должны сравниваться способом сопоставления, как статические, по аналогии со сравнением, например, объектов дактилоскопической экспертизы. При этом нередко боек ударника имеет на своей поверхности динамические следы инструментальной обработки, образующие концентрические окружности, оставленные резцом станка. Согласно рекомендациям ЭКЦ МВД России подобные следы допускается сравнивать с использованием методов, типичных для динамических следов. В связи с этим зачастую можно видеть на иллюстрационной таблице к заключению эксперта совмещение статических следов на исследуемой и экспериментальной гильзах, выполненное по принципу сравнения следов динамических (см. рис. 1).

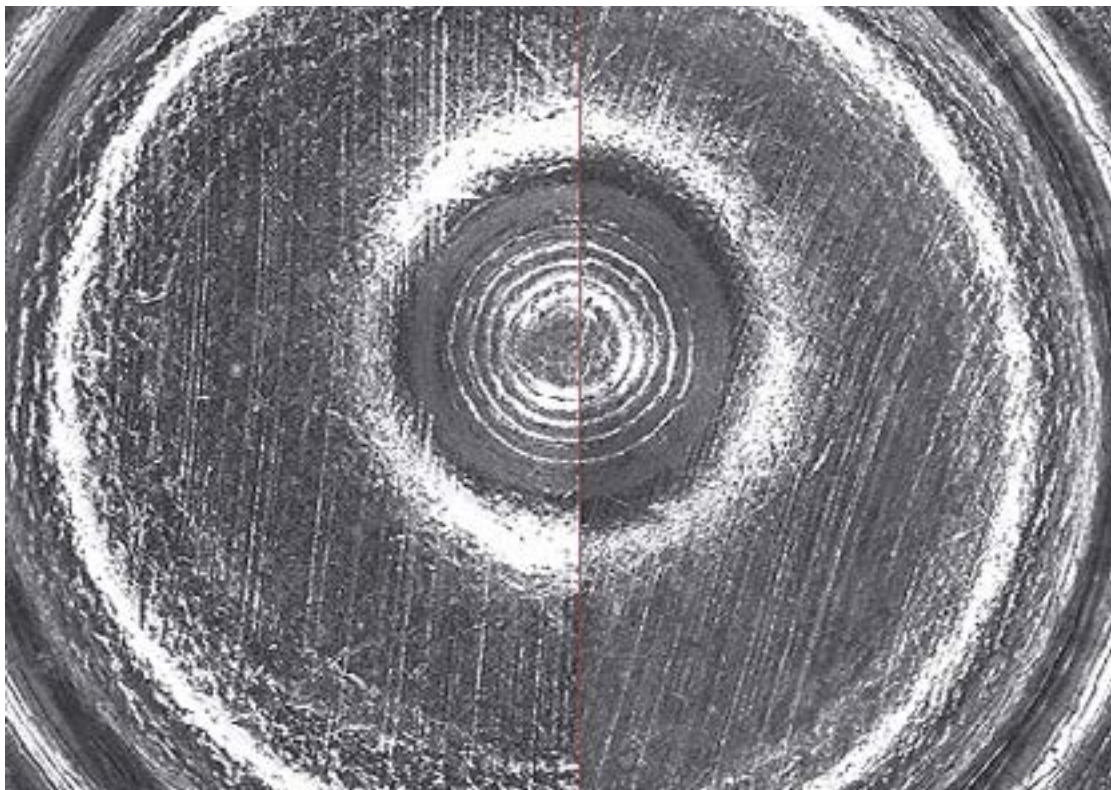

Рис. 1. Оптическое совмещение статических следов бойка ударника

Вместе с тем отдельные дискуссионные положения Типовых методик по-прежнему остаются без внимания лиц, в компетенцию которых входит возможность их корректировки.

Так, к категории боеприпасов не относятся патроны, не предназначенные для механического поражения цели [2]. К таким патронам относятся холостые, учебные, патроны для строительно-монтажных, стартовых пистолетов, а также проверочные патроны (или иначе: «образцовые», «с усиленным зарядом», «высокого давления»). Проверочные патроны предназначены для проверки прочности запирающего механизма оружия, стволов, испытания порохов и патронов, контроля измерительных установок, а также аттестации оружия в заводских условиях. От обычных патронов к огнестрельному оружию проверочные отличаются усиленным пороховым зарядом, создающим большие значения давления в момент выстрела и, соответственно, сообщаящим большую кинетическую энергию пуле. Согласно положениям приведенной выше Типовой методики эксперт при исследовании таких патронов должен делать вывод о том, что к категории боеприпасов они не относятся, хотя функциональные характеристики таких патронов свидетельствуют об их большей опасности для окружающих в отличие от обычных патронов к боевому и гражданскому оружию.

Аналогичная ситуация прослеживается в отношении патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения. Незаконный оборот травматических патронов не образует состава преступления, по-видимому, в силу меньшей, по мнению законодателя, опасности для окружающих, по сравнению с патронами для боевого и служебного оружия, и непредназначенности для причинения повреждений, опасных для жизни и здоровья человека. Данный аргумент функционально должен подтверждаться достаточно низкой кинетической энергией травматического снаряда, не способного к причинению проникающих повреждений человеку. В судебной баллистике данный параметр устанавливается путем вычисления удельной кинетической энергии снаряда, которая должна быть меньше 0,5 Дж на один квадратный миллиметр площади поперечного сечения снаряда [2]. Исследования, проведенные автором статьи, демонстрируют,

что многие из современных травматических патронов сообщают снаряду кинетическую энергию, удельное значение которой превышает указанный параметр.

Другой известный путь в стремлении обеспечить большую достоверность выводов эксперта основан на попытках закрепить требование о наличии у эксперта профессиональных знаний в области юриспруденции, которые позволили бы ему более осознанно воспринимать цель назначенной экспертизы и задачи, обозначенные в каждом из сформулированных вопросов. Однако такое предложение таит в себе риск формирования необъективного подхода к производству экспертизы, обусловленного так называемым обвинительным уклоном.

Например, в ситуации исследования пистолета, у которого отсутствует съемный ударник, эксперт должен сделать вывод о неисправности пистолета и его непригодности для производства выстрелов в представленном на исследование состоянии. Вместе с тем, понимая потенциальную степень общественной опасности выявленного факта, в порядке экспертной инициативы эксперт вправе указать в заключении, что пистолет может быть приведен в состояние, пригодное для производства отдельных выстрелов, путем помещения в канал ударника какого-либо предмета, способного выполнить функцию ударника.

В зависимости от конкретных обстоятельств проверяемого события, применительно к вышеприведенному примеру, формулировки выводов эксперта в первой и второй ситуации могут послужить основанием для принятия различных процессуальных решений. В любом случае очевидно, что уголовно-правовую оценку заключению эксперта должно давать лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, и стремление вовлечь эксперта в сферу правовой оценки обстоятельств, в связи с которыми назначена экспертиза, способно привести к необъективности его выводов.

Отдельного внимания заслуживает значение для расследования преступлений результатов ситуационных баллистических экспертиз. Трудоемкость таких исследований очень высока, поскольку зачастую они подразумевают необходимость изучения экспертом большинства материалов уголовного дела, последующей реконструкции

материальной обстановки места происшествия и проведения целого ряда экспертных экспериментов, что требует также больших затрат времени. Кроме того, нередко такая экспертиза носит комплексный характер, обусловленный необходимостью участия в ее проведении судебно-медицинского эксперта [4; 5], специалистов в других областях знаний. В связи с этим подобные экспертизы назначаются не часто, однако их результаты нередко кардинально меняют текущую следственную ситуацию.

В качестве показательного можно привести следующий пример [6]. Так, по материалам экспертной практики ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, в ходе расследования факта причинения смерти гр. Н. было установлено, что погибший (со слов вдовы) распивал спиртные напитки в своем доме совместно с соседом М. Через некоторое время М. удалился к себе домой без объяснения причин и спустя несколько минут появился на пороге комнаты дома Н. с винтовкой в руках. После этого прицелился в стоявшего у стола Н. и произвел выстрел, затем стал целиться в выбегавшую из дома жену Н. и преследовать ее. Жена Н. укрылась у соседей и вызвала полицию.

В ходе расследования М. дал показания, согласно которым винтовку он принес в дом Н. «просто, чтобы пострелять вместе с соседом, с которым выпивал». Когда он подошел к столу, жена Н., увидев соседа с винтовкой в руках, якобы попыталась

выхватить у него винтовку во избежание несчастного случая, удерживая оружие за ствол, вследствие чего и произошел выстрел, поскольку палец М. случайно оказался на спусковом крючке.

По делу была назначена судебно-баллистическая экспертиза, на разрешение которой был поставлен вопрос о возможности причинения огнестрельного ранения Н. при обстоятельствах, изложенных в показаниях М. и показаниях вдовы Н.

Согласно пояснениям М., данным им в ходе проверки показаний на месте, он точно указывал место, где якобы находился в тот момент, когда жена Н. пыталась выхватить у него винтовку, а именно между столом и диваном. После производства выстрела раненый Н. сделал шаг по направлению к М и упал. Местонахождение в это время в комнате жены погибшего, со слов М., совпадало с ее собственными показаниями.

В ходе экспертного исследования было установлено, что полученное Н. ранение в голову лишало его возможности последующего передвижения, и раненый упал в том же месте, где стоял (между столом и диваном). Следов близкого выстрела на теле Н. обнаружено не было, что с учетом конструктивных особенностей винтовки свидетельствует о производстве выстрела в Н. с расстояния не менее двух метров (см. рис. 2). Таким образом, результаты экспертизы подтвердили показания жены погибшего.

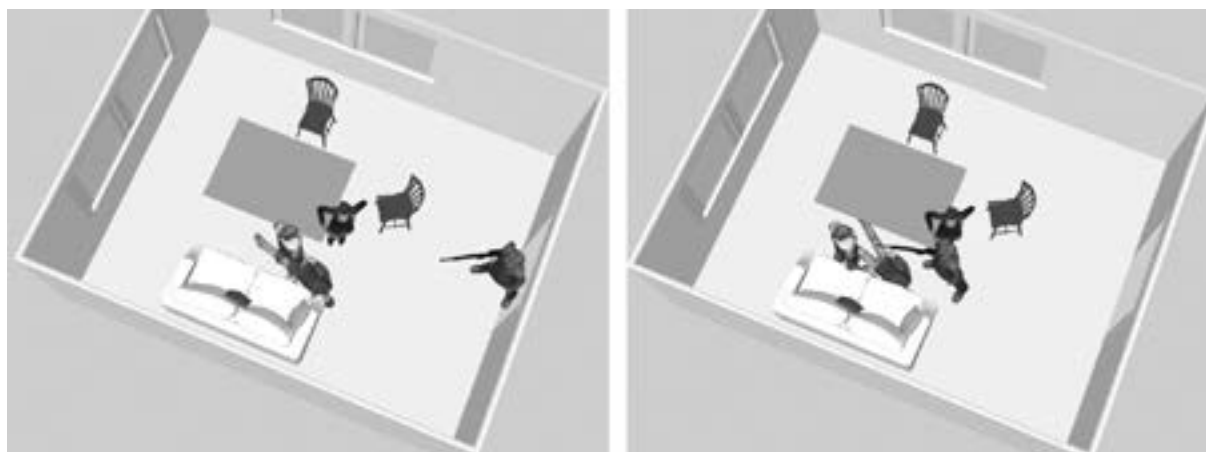

Рис. 2. Реконструкция обстоятельств выстрела согласно показаниям жены Н. (слева) и показаниям М. (справа). На схеме обозначено положение Н. в момент выстрела и его тела после падения, положение жены Н., а также положение М.

Проведенный автором анализ материалов следственной и экспертной практики позволяет сделать следующие выводы.

Многие из существующих экспертных методик баллистического исследования требуют корректировки отдельных положений, обусловленной спецификой современного вооружения и накопленным практическим опытом производства экспертиз с наиболее рациональным подходом к решению экспертных задач.

При назначении экспертизы целесообразно проконсультироваться со специалистом-баллистом в отношении содержания и формулировок вопросов в постановлении, а при ознакомлении с результатами проведенной экспертизы во всех случаях следует изучать не только выводы, но и исследовательскую часть заключения

эксперта, что будет способствовать всестороннему и более объективному восприятию результатов исследования.

Учитывая специфику образования следовой картины применения огнестрельного оружия, никогда не следует пренебрегать направлением на экспертизу любых объектов, которые могли оказаться в пределах воздействия факторов выстрела. Многие из следов применения огнестрельного оружия могут быть обнаружены только специалистом в лабораторных условиях. Комплексность же таких следов, требующая для ответов на вопросы следствия привлечения специальных знаний в области баллистики, материаловедения, судебной медицины, позволяет довольно полно воссоздать обстановку произошедшего события.

Список литературы

1. Гринченко С.В., Латышов И.В. Использование сменных стволов к 7,62-мм пистолетам образца 1933 г. конструкции Токарева (ТТ) для стрельбы нештатными патронами // *Экспертная практика*. 2006. N 60. С. 57-67.
2. Типовая методика экспертного решения вопроса об отнесении патронов к категории боеприпасов. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 9 с.
3. Типовые методики идентификации нарезного огнестрельного оружия по следам на выстреленных пулях и стреляных гильзах. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 31 с.
4. Гринченко С.В. Научно-методические основы и современные возможности комплексной судебно-баллистической и судебно-медицинской экспертизы огнестрельных повреждений // *Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов зарубежных государств в образовательных учреждениях МВД России (из опыта Волгоградской академии МВД России): учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Третьякова*. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 484-511.
5. Гринченко С.В., Плотников Д.В. Особенности производства комплексных экспертных исследований огнестрельных повреждений // *Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием*. Красково: Гуманитарно-социальный ин-т, 2015. С. 297-303.
6. Гринченко С.В., Плотников Д.В. Отдельные аспекты производства комплексной судебно-баллистической и судебно-медицинской экспертизы огнестрельных повреждений // *Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы III Всерос. науч.-практ. конф.*, Краснодар, 24 апр. 2015. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. С. 258-265.

ПРОКОФЬЕВА Е.В.,
кандидат физико-математических наук,
olenyonok83@mail.ru
Кафедра криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической
деятельности;
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

PROKOFIEVA E.V.,
Candidate of Physical and Mathematical
Sciences, olenyonok83@mail.ru
Chair of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of forensic activities;
Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

БАРИНОВА О.А.,
ol.bondarencko2011@yandex.ru
Учебно-научный комплекс
экспертно-криминалистической
деятельности;
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

BARINOVA O.A.,
ol.bondarencko2011@yandex.ru
Training and scientific complex
of forensic activities;
Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

ПРОКОФЬЕВА О.Ю.,
olenyonok83@mail.ru
Волгоградский политехнический колледж
им. В.И. Вернадского,
400059, г. Волгоград, ул. 64-й Армии, 14

PROKOFIEVA O.Yu.,
olenyonok83@mail.ru
Volgograd Polytechnic College
named after V.I. Vernadsky,
64th Army St. 14, Volgograd, 400059,
Russian Federation

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА 3D МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ КРАЖИ

Реферат. В целях установления обстоятельств, проверки имеющейся и получения новой информации проводится следственный эксперимент, который требует значительных затрат времени и труда. Производство и восприятие реального следственного эксперимента в значительной степени упрощается посредством применения компьютерных программ, позволяющих воссоздать обстановку места совершения преступления путем трехмерного моделирования и анимации. Рассмотрен опыт применения программы, предназначенной для создания интерактивных трехмерных моделей (3D моделирование), при осмотре места совершения кражи. С помощью программы были реконструированы негативные обстоятельства (имитация разбития окна), возникающие при осмотре места происшествия по делам о кражах. После подготовки графической части сцены, ее физических свойств и всех остальных взаимодействующих свойств был запущен процесс рендеринга симуляции (процесс расчета). В ходе эксперимента рассмотрены три сцены с различными математическими данными, в том числе скорость полета кирпича, угол, под которым кирпич взаимодействует со стеклом. Проведено экспериментальное моделирование с использованием коммерческого программного продукта Autodesk 3ds Studio max 2014, показавшее, что точность результата зависит от введенных параметров объектов и их свойств. Резюмируется, что с помощью 3D моделирования становятся возможными восстановление или имитация картины преступления с целью установления негативных обстоятельств, которые могут свидетельствовать об инсценировке преступления. Грамотное использование возможностей программного обеспечения позволит в значительной степени облегчить процесс осмотра места происшествия как в реальном, так и в виртуальном восприятии. Умелое обнаружение, использование и оценка негативных обстоятельств версий способствуют полному, всестороннему и объективному расследованию и раскрытию преступлений.

Ключевые слова: моделирование; 3D модель; криминалистика; негативные обстоятельства; кража.

USE OF 3D MODELING DURING CRIME SCENE EXAMINATION IN CASES OF THEFT

Abstract. Investigative experiment is carried out in order to establish the circumstances, check the existing information and obtain the new one. It requires a considerable investment of time and labor. Carrying out the real investigative experiment is greatly simplified by the use of computer programs allowing to recreate the environment of the crime scene by three-dimensional modeling and animation. The experience of using the program designed to create interactive three-dimensional models (3D-modeling) during crime scene examination in cases of theft is analyzed. With the help of this program the negative circumstances (imitation of breaking a window), arising in such cases, were reconstructed. After preparing the graphic part of the scene, its physical properties and all other interactive properties, the rendering process (calculation process) was started. Three scenes with different mathematical data were considered during the experiment: brick's flying speed, the angle at which the brick interacts with the glass, etc. Experimental modeling involving the use of commercial software product Autodesk 3ds Studio max 2014 was conducted. It showed that the accuracy of the result depends on the entered parameters and properties of the objects. It's summarized that using 3D modeling makes possible to reconstruct or simulate the crime scene for the purpose of establishing the negative circumstances that may indicate staging a crime. Proper use of software would greatly facilitate the process of crime scene search in both real and virtual perception. Skillful discovery, use and evaluation of negative circumstances of versions contribute to comprehensive and objective investigation and detection of crimes.

Keywords: modeling; 3D model; criminalistics; negative circumstances; theft.

В ходе осмотра места происшествия субъектам расследования часто приходится сталкиваться с ситуациями, требующими быстрого профессионального анализа совершенного события и его оценки. Так, следователь на основе собранной информации выдвигает версии об обстоятельствах произошедшего события, которые играют важную роль в определении направленности расследования дела. При выдвигании предположительных суждений большое значение имеют негативные обстоятельства, которые встречаются при расследовании многих категорий уголовных дел. Наличие негативных обстоятельств на месте происшествия, их невыявление могут способствовать получению недостоверной информации о совершенном преступлении или о неточной оценке собранных доказательств, что, в свою очередь, может ввести следственные органы в заблуждение.

В целях установления негативных обстоятельств, проверки имеющейся и получения новой информации, как правило, проводится следственный эксперимент. Однако, как показывает практика расследования преступлений, эксперимент, проводимый в реальности, требует значительных затрат времени и труда. В связи с этим применение компьютерных программ, позволяющих воссоздать обстановку места совершения преступления, эмулируя различные обстоятельства, способствует быстрому анализу совершенного преступления (обстановки на месте преступления, действий преступников, способа соверше-

ния преступления и пр.), проверке имеющейся и получению новой информации с минимальными затратами времени, сил и средств, что в значительной степени упрощает производство и восприятие реального следственного эксперимента.

При расследовании преступлений, а также проведении оперативно-розыскных мероприятий было бы целесообразно использовать технологии трехмерного моделирования и анимации, которые широко применяются в современной игровостроительной индустрии и киноиндустрии. Так, например, инструментарий, разработанный специалистами из Управления мультимедийной судебно-медицинской экспертизы (Multimedia Forensic Unit) в Глазго, позволяет с высокой точностью реконструировать место преступления, а также моделировать тела жертв для демонстрации ранений, нанесенных огнестрельным или холодным оружием. Благодаря современным 3D технологиям можно мгновенно «перенестись» на место преступления и увидеть происходящее собственными глазами. Предлагаемое решение обеспечивает возможность наглядного представления вещественных доказательств [1].

На сегодняшний день в мире создано разнообразное программное обеспечение, позволяющее работать в трехмерном измерении. Одним из наиболее известных приложений в сфере фотограмметрического программного обеспечения является пакет PhotoModeler, предназначенный для получения трехмерных моделей-эскизов на основе фотографий. Пакет позволя-

ет работать с любым количеством фотографий, полученных при съемке разными камерами, в том числе и одновременно в одном проекте. При необходимости можно создать модель даже по единственной фотографии, хотя качество, конечно, будет хуже. Если в ходе работы над проектом появится новый исходный материал, то в любой момент можно добавить новые снимки [2].

Программы, позволяющие воссоздать условия нанесения следов преступления, наглядно оценить и сравнить признаки с исследуемым объектом, также широко используются при производстве судебных экспертиз, например пожарно-технических [3].

В случаях, когда по каким-либо причинам эксперт не может работать с реальным объектом или следом (объект утрачен, разрушен, опасен), может прийти на помощь 3D принтер. Конструкция из прозрачного материала позволяет увидеть работу механизма «изнутри», что, в частности, можно использовать при проведении взрывотехнических, баллистических и других экспертиз. Вместе с тем для получения объемной компьютерной модели исследуемого объекта необходимо использовать специальные сканирующие устройства, так называемые 3D сканеры. Трехмерное, или 3D сканирование, – это процесс перевода физической формы реального объекта в цифровую форму, то есть получение трехмерной компьютерной модели объекта.

Некоторые технологические решения уже сейчас имеются у отдельных производителей программного обеспечения для экспертных исследований. Так, автоматизированная баллистическая идентификационная система «Арсенал» (ЗАО «Системы Папилон») обладает функцией просмотра трехмерного изображения дна гильзы при кодировании, что позволяет точно описать конструктивные особенности бойка ударника и отражателя, а также особенности обработки поверхности патронного упора. Однако существуют и 3D сканеры, которые используются при решении задач ре-инжиниринга, проектирования приспособлений, оснастки, запасных частей при отсутствии оригинальной компьютерной документации на изделие, а также при необходимости перевода в цифровой вид поверхностей сложной формы, в том числе художественных

форм и слепков. 3D сканирование может использоваться и в целях решения задач судебной экспертизы. Образцом такого оборудования может служить лазерный самопозиционирующийся ручной 3D сканер ZScanner800 и высокоточный оптический 3D сканер Breuckmann stereoSCAN 5MP. Подобное оборудование позволяет сканировать различные объекты в широком размерном диапазоне: от нескольких десятков миллиметров до нескольких метров (автомобили). Погрешность измерения на длине 0,5 м не превышает 0,05 мм. Максимальное разрешение сканирования (размер минимально различимого элемента) – 0,04 мм.

Современные технологии формирования трехмерного изображения и придания ему реалистичности чрезвычайно сложны, поэтому мы лишь кратко опишем базовые технологии, которые фигурируют в качестве характеристик современных видеокарт. Прежде всего, введем основные понятия трехмерной графики. К таким понятиям относятся вершина, полигон и текстура. Любой трехмерный объект, каким бы сложным он ни был, можно представить в виде набора простейших полигонов, которыми являются треугольники. Поскольку речь идет о трехмерной графике, то любой объект представляется в виде набора точек, называемых вершинами, в трехмерном пространстве. Каждая вершина в трехмерном пространстве характеризуется тремя координатами, а система координат определяется тремя осями: горизонтальной (X), вертикальной (Y) и глубины (Z). Соединяя вершины между собой, можно любую трехмерную поверхность аппроксимировать набором полигонов (многоугольников), простейшими из которых являются треугольники. Положение этих полигонов и задается вершинами. Очевидно, что для формирования изображения полигоны необходимо закрасить. Для этого часто прибегают к текстурам. Текстура – это двумерное изображение, которое может «натягиваться» на трехмерные объекты с учетом их формы и положения.

Текстурирование трехмерных поверхностей – это самый распространенный метод закрашивания. Если бы мы попробовали смоделировать кирпичную стену без технологии наложения текстур, нам потребовалось бы прорисовывать множе-

ство отдельных граней для моделирования множества кирпичей. Текстура дает больше реализма и требует меньше вычислительных ресурсов, позволяя оперировать со всей стеной как с единой поверхностью. Все текстуры хранятся в памяти, обычно установленной на видеокarte. Чтобы придать реалистичность формируемому изображению, необходимо рассчитать, какие именно объекты должны выводиться на экран, а какие не должны попасть в поле зрения. Например, если один объект находится спереди, а второй позади, то часть второго объекта должна быть невидимой.

Для решения этой задачи применяется метод, называемый Z-буферизацией. В так называемом Z-буфере (буфере глубины) хранятся значения глубины всех пикселей (Z-координаты). Когда рассчитывается новый пиксел, его глубина сравнивается со значениями глубин уже рассчитанных пикселей с теми же координатами X и Y. Если новый пиксел имеет значение глубины больше какого-либо значения в Z-буфере, то новый пиксел не записывается в буфер для отображения, если меньше – записывается. Процесс обработки текстур и информации кадрового буфера называется рендерингом (или процессом закраски). Аппаратная реализация Z-буферизации значительно увеличивает производительность графической подсистемы. Главная характеристика Z-буфера – это его разрешающая способность. Она критична для высококачественного отображения сцен с большой глубиной. Чем выше разрешающая способность, тем выше дискретность Z-координат и точнее выполняется рендеринг удаленных объектов. Если при рендеринге разрешающей способности не хватает, может случиться, что два перекрывающихся объекта получат одну и ту же координату Z, что вызовет искажение изображения. Как правило, видеокарты имеют 32-разрядный Z-буфер.

Кроме буфера глубины, позволяющего отсекаать невидимые поверхности, для создания реалистичных трехмерных изображений необходимо учитывать, что объекты могут быть полупрозрачными. Эффект полупрозрачности создается путем объединения цвета исходного пикселя с пикселем, уже находящимся в буфере. В результате цвет точки является комбина-

цией цветов переднего и заднего планов. Для учета прозрачности объектов используется так называемый альфа-коэффициент прозрачности, который имеет значение от 0 до 1 для каждого цветового пикселя.

Очевидно, что для создания реалистичной картины происходящего на экране необходимо частое обновление его содержимого. При формировании каждого следующего кадра 3D акселератор проходит весь путь подсчета заново, поэтому он должен обладать немалым быстродействием. Но в 3D графике применяются и другие методы придания плавности движению. Наиболее распространенный – метод двойной буферизации (Double Buffering). Для двойной буферизации требуется наличие двух областей, зарезервированных в буфере кадров. Метод Double Buffering использует два буфера кадров для получения изображения: один для отображения картинки, другой для рендеринга. В то время как отображается содержимое одного буфера, в другом происходит рендеринг. Когда очередной кадр обработан, буферы переключаются (меняются местами). Без применения двойной буферизации изображение не будет иметь требуемой плавности, то есть будет прерывистым [4].

В целях установления возможности использования программных продуктов для 3D моделирования отдельных (негативных) обстоятельств механизма преступления при осмотре места происшествия нами было проведено экспериментальное моделирование с использованием коммерческого программного продукта Autodesk 3ds Studio max 2014. Данный программный продукт имеет широкий спектр применения в разных специализациях (строительство, интерьер и экстерьер, кинематография и т.д.). Модульное строение позволяет программе насыщаться дополнительными возможностями, которые могут в полной мере реализовать моделируемую картину места происшествия.

Как известно, для негативных обстоятельств (НО) характерно наличие противоречащих признаков: с одной стороны, налицо картина какого-то определенного события, с другой – отсутствуют признаки, которые неизбежно должны сопровождать это событие. Иногда же, наоборот, на месте происшествия могут быть при-

знаки, наличие которых не оправдывается логикой происшествия.

В качестве примера, иллюстрирующего НО при осмотре места происшествия (ОМП), мы выбрали отдельные (негативные) обстоятельства механизма преступления, а именно кражи. НО при данном виде преступления могут свидетельствовать о ложном сообщении о краже либо об инсценировке иного преступления. При этом одним из важных НО в данном случае является имитация разбития окна, балконного стеклопакета и т.п., так как большое распространение, особенно в летнее время, получает способ проникновения в квартиру через окно или балконную дверь. Рассмотрим, какие следы, предметы и признаки свидетельствуют о наличии негативных обстоятельств на месте происшествия, связанного с кражей, при проникновении через окно. Например, могут быть использованы следующие способы:

1. Проникновение в квартиру через открытую форточку. Покинуть обворованную квартиру преступник может либо тем же путем, либо через входную дверь, открыв ее изнутри. В этом случае на входной двери не остается никаких повреждений.

2. Простое разбитие окна и т.д. При осмотре места происшествия в этом случае необходимо обращать внимание на негативные обстоятельства, свидетельствующие об инсценировке кражи.

Именно негативные обстоятельства являются особенно ценными для разоблачения этих инсценировок преступлений, то есть искусственного создания лицом, заинтересованным в соответствующем (желательном для него) завершении расследования, обстановки, не соответствующей событию, которое фактически произошло на этом месте [5; 6].

Нам необходимо было симулировать НО — разбитие оконного стекла в помещении, свидетельствующее об инсценировке кражи, для рассмотрения разброса осколков этого стекла, учитывая скорость, угол падения, направление взаимодействия и предмет взаимодействия со стеклом. Симуляция дала информацию о реакции используемых нами предметов.

Далее под компьютерной симуляцией мы будем понимать максимально приближенную к реальности имитацию

процессов и принятия решений. Для нашей симуляции использовались три основных модуля: (плагин, plugin) RayFire — дает возможность имитировать разрушительные действия с объектами: фрагментировать, взрывать, расстреливать, разбивать, детонировать, ломать и т.п.; MassFX — движок* для симуляции физики твердотельных объектов; ReactorX — движок, дополняющий функции и свойства MassFX, использующийся как корректорщик взаимодействий предметов, мягких и твердых тел. Для выполнения нашей задачи была создана графическая сцена места происшествия, состоящая из помещения с тремя комнатами, окном, стеклом и непосредственно самим орудием взаимодействия (кирпичом) (см. рис. 1).

Рис. 1. Сцена места происшествия

От правильного размещения объектов напрямую зависела наша симуляция. В целях более точного восприятия нами варьировалось освещение. После подготовки графической сцены по необходимости создавалась ручная анимация для имитирования падающего объекта (полета кирпича в направлении стекла). В качестве объекта взаимодействия мы выбрали твердотельный предмет — кирпич, а в качестве объекта, подвергающегося реакции, — стекло. Выбранные объекты были максимально детализированы (рис. 2, 3).

В программе 3D max вызываем плагин MassFX. Данный инструмент имеет 4 основных действия (World parameters «Общие параметры», Simulation tools «Инструменты для симуляции», Multi-object

* Движок — это выделенная часть программного кода для реализации конкретной прикладной задачи.

editor «Множественные свойства объектов», Display option «Дисплей, или Отображение»). Каждое действие имеет подпараметры, такие как Scene Settings, Advance Settings Engine, Simulator, Utilities, Simulation Settings, Rigid Body Properties, Physical material properties, Physical Mesh, Physical Mesh parameters, Force, Advanced. Кроме того, подпараметр имеет подсвойства, где мы вводим и устанавливаем параметры гравитации, трения, тяжести, гибкости и эластичности. В плагине RayFire вводим параметры стекла, силы влияющего на него объекта, массу, объем, коллизию взаимодействия объектов (в данном случае – момент столкновения и точка крушения материала). В плагине ReactorX задаем параметры свойств материи, такие как хрупкость, излом, свойства эмерджентности и т.д.

Рис. 2. Симуляция двух основных предметов: стекла и кирпича

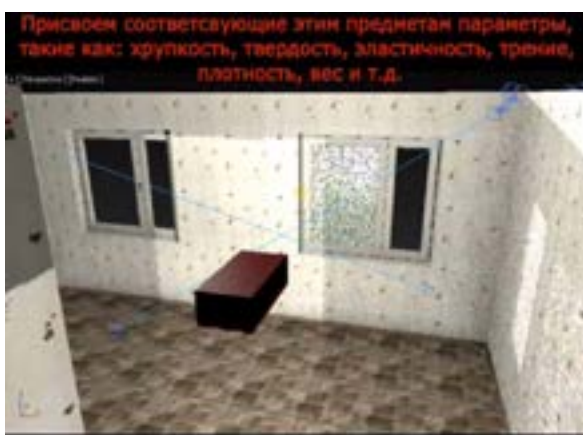

Рис. 3. Задание параметров предметов (симуляция «Физика»)

После подготовки графической части сцены, ее физических свойств и всех остальных взаимодействующих свойств был запущен процесс рендеринга симу-

ляции (процесс расчета) (см. рис. 4 (а, б, в)). В процессе эксперимента нами было рассмотрено три сцены с различными математическими данными: скорость полета кирпича, угол, под которым кирпич взаимодействует со стеклом, и т.д. При этом следует заметить, что точность результата зависит от введенных параметров объектов и их свойств.

Рис. 4 а

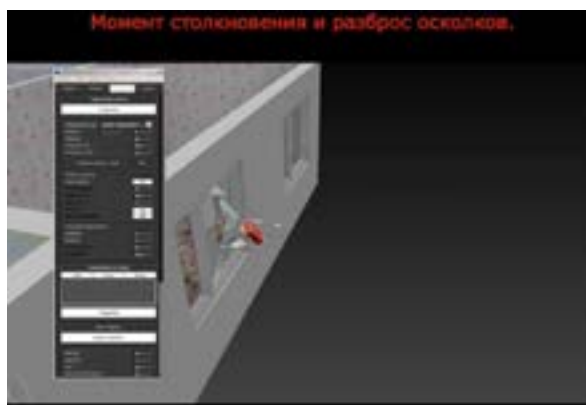

Рис. 4 б

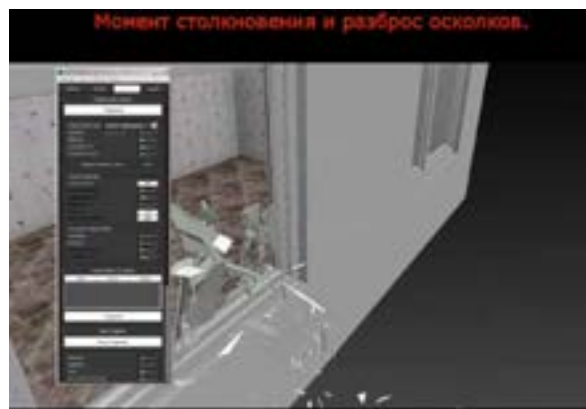

Рис. 4 в

Рис. 4 (а, б, в). Момент столкновения и разброс осколков

Таким образом, с помощью 3D моделирования становятся возможными восстановление или имитация картины преступления, с целью установления негативных обстоятельств, которые могут свидетельствовать об инсценировке преступления. Грамотное использование возможностей подобного программного обеспечения по-

зволяет в значительной степени облегчить процесс осмотра места происшествия как в реальном, так и в виртуальном восприятии. Кроме того, умелое обнаружение, использование и оценка негативных обстоятельств версий способствуют полному, всестороннему и объективному расследованию и раскрытию преступлений.

Список литературы

1. Демин К.Е. Электронные носители как источники информации о личности [Интернет-портал]. URL: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_criminalistics.pdf (дата обращения: 1 марта 2015 г.).
2. Ярмак К.В. О возможностях использования 3D технологий в судебной экспертизе [Интернет-портал]. URL: <http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011criminalistics.pdf> (дата обращения: 1 марта 2015 г.).
3. Попов С.И. Использование свидетельских показаний при производстве пожарно-технических экспертиз [Интернет-портал]. URL: <http://expfire.narod.ru/Ctatji/modeli.htm> (дата обращения: 1 марта 2015 г.).
4. Лекция. Устройство современной видеокарты [Интернет-портал]. URL: <http://www.webkursovnik.ru/kartgotrab.asp?id=-140921> (дата обращения: 1 марта 2015 г.).
5. Прокофьева Е.В. Однослойные углеродные нанотрубки и некоторые композиты на их основе: строение и электронные свойства: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Саратов, 2010. 198 с.
6. URL: <http://jurisprudence-konspect.org/?content=2047> (дата обращения: 1 марта 2015 г.).

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

АЛЕКСАНДРОВА Л.А.,
кандидат юридических наук,
up@usla.ru
Кафедра уголовного процесса;
Уральский государственный
юридический университет;
620034, г. Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 54

ALEXANDROVA L.A.,
Candidate of Legal Sciences,
up@usla.ru
Chair of criminal procedure;
Ural State Law University,
Kolmogorova St. 54,
Yekaterinburg, 620034,
Russian Federation

ЮЛДОШЕВ Р.Р.,
кандидат юридических наук,
reefat@yandex.ru
Организационно-научный
и редакционно-издательский отдел;
Академия Министерства
внутренних дел Республики Таджикистан,
734024, г. Душанбе, ул. Восе, 123

YULDOSHEV R.R.,
Candidate of Legal Sciences,
reefat@yandex.ru
Scientific and editorial and publishing
department;
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Tajikistan,
Vose St. 123, Dushanbe, 734024,
Republic of Tajikistan

ИНСТИТУТ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Реферат. Раскрываются роль, место и содержание института преюдиции в уголовном судопроизводстве России и Таджикистана. Сравнительное исследование указанного феномена определило степень изученности и уровень восприятия законодателями сущности и содержания, а также основного предназначения института. Поправки, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство обоих государств, также свидетельствуют о неточном использовании преюдициальности процессуальных решений на различных стадиях уголовного судопроизводства, от которого в первую очередь страдают простые граждане, вовлеченные в сферу уголовного процесса. Законодатель, устанавливая правило преюдиции, не определил пределы прав и обязанностей властных субъектов уголовного процесса, ответственных за ведение дела, что негативно влияет на определение следователем (дознавателем) и судом предмета и пределов доказывания по находящемуся в производстве уголовному делу и влечет нарушение прав потерпевших, обвиняемых, гражданских истцов и ответчиков. Правоприменительная практика в анализируемой сфере нуждается в точечной корректировке с учетом передового зарубежного опыта. Резюмируется, что уголовно-процессуальное законодательство России и Таджикистана оставляет право выбора решения за правоприменителем: возбуждать уголовное дело или сослаться на вступившее в силу решение суда, принятое в порядке гражданского (административного или арбитражного) судопроизводства (а в Таджикистане еще и семейного судопроизводства) по тем же обстоятельствам. Отказ в возбуждении уголовного дела не нарушит уголовно-процессуальное законодательство, поскольку анализируемая процессуальная норма признана соответствующей Конституции Российской Федерации, несмотря на то, что она ограничивает доступ к правосудию и должна быть пересмотрена.

Ключевые слова: Российская Федерация; Республика Таджикистан; УПК Российской Федерации; УПК Республики Таджикистан; преюдиция; институт.

THE INSTITUTE OF PREJUDICE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abstract. The role, place and content of the institute of prejudice in the criminal proceedings of Russia and Tajikistan are considered. Comparative study of this phenomenon determined the degree of knowledge and the level of perception of its essence and content, as well as the primary purpose of this institute by legislators. The amendments to the criminal procedure legislation of both states indicate inaccurate use of prejudicialness of procedural decisions at various stages of criminal proceedings, which primarily affects ordinary citizens involved in the sphere of criminal proceedings. Establishing the rule of prejudice, the legislator didn't define the limits of rights and obligations of the subjects of criminal procedure responsible for conducting the case. This has a negative effect on the determination of the

object and limits of proving in criminal proceedings by investigator and court, and involves violation of the rights of victims, accused persons, civil plaintiffs and defendants. Law enforcement practice in the analyzed field requires the correction based on the positions of the advanced foreign experience. It's summarized that the criminal procedure legislation of Russia and Tajikistan reserves the right to choose the decision for law enforcer: to initiate a criminal case or to refer to a valid court decision made in civil (administrative or arbitration) proceedings (in Tajikistan also family proceedings) on the same circumstances. Refusal to initiate a criminal case doesn't violate the criminal procedure legislation, because the corresponding procedural rule is recognized to be consistent with the RF Constitution, despite the fact that it limits access to justice and should be revised.

Keywords: Russian Federation; Republic of Tajikistan; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan; prejudice; institute.

Преюдиция – один из немногих институтов, связывающих такие разные отрасли права, как гражданский и уголовный процесс. Тем не менее чаще всего при расследовании экономических преступлений приходится обращаться к обеим отраслям. Иногда обращению в правоохранительные органы предшествуют решения, принятые в порядке гражданского судопроизводства судом общей юрисдикции или арбитражным судом.

В связи с этим интересным представляется анализ развития института преюдиции на постсоветском пространстве (на примере ст. 90 УПК Российской Федерации и ст. 89 УПК Республики Таджикистан).

Известно, что ст. 90 УПК Российской Федерации редактировалась в декабре 2009 г.*, а ст. 89 УПК Республики Таджикистан – в ноябре 2014 г.**; поэтому при изменении аналогичной нормы законодатель Таджикистана мог учесть ошибки предшественников.

Ранее норма ст. 90 УПК Российской Федерации касалась только преюдициального значения приговора и учитывала возможность возникновения сомнений: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнения у суда...». Часть 1 ст. 89 УПК Республики Таджикистан определяла сущность преюдиции приговора без по-

пытки предугадать возможные сомнения: «Вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для суда, судьи, прокурора, следователя, дознавателя при производстве по уголовному делу в отношении установленных обстоятельств и их правовой оценки».

Законодатель Российской Федерации стремился учесть все возможные варианты развития событий, однако при этом размывались процессуальные границы преюдиции как правового явления, в частности, из-за неопределенности предполагаемых сомнений в установленных обстоятельствах и их правовой оценке. Позиция законодателя Республики Таджикистан представляется более понятной и логичной: его формулировка подтверждает такое свойство преюдиции приговора, как непровержимость.

Неопрровержимость отражается в определении преюдициальности, которая понимается как недопустимость оспаривания фактов и правоотношений, установленных вступившим в законную силу судебным решением [1, с. 34].

Строго придерживаясь смысла неопровержимости, законодатель Таджикистана оказался более последовательным преемником общего уголовно-процессуального законодательства, действовавшего в советском правовом поле.

Известно, что УПК Российской Федерации 2001 г. – не первый российский уголовно-процессуальный закон, в котором представлено нормативное решение проблемы преюдиции в уголовном судопроизводстве. Пределы действия преюдиции в уголовном процессе регулировал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 29), УПК РСФСР 1923 г. (ст. 12) и 1960 г. (ст. 28) [2, с. 3-7].

В Уставе уголовного судопроизводства (УУС) была установлена цель новел-

* О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2009 г. N 383-ФЗ // Рос. газ. 2009. 31 дек.

** О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 27 нояб. 2014 г. N 1134 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2014. N 3.

лы о преюдиции – необходимость разграничения компетенции гражданского и уголовного суда (как их тогда именовали) в оценке событий, порождающих, с одной стороны, спор о праве гражданском, а с другой – обвинение в совершении преступления. В связи с этим решение суда по гражданскому делу, вступившее в законную силу, обязательно для уголовного суда «...только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого» (ст. 29 УУС). При этом, как подчеркивал Э. Немировский, «...решение гражданского суда обязательно для суда уголовного лишь при условии, если уголовному суду предстоит разрешать тот же вопрос в отношении тех же лиц и на том же основании» [3, с. 136].

В связи с этим уместно напомнить предостережение В.К. Случевского, который обращал внимание на то, что при выяснении значения приговоров и решений уголовного и гражданского судов не следует терять из виду, что у каждого из этих судов существует свой особый порядок проверки доказательств, свои особые цели, свои особые способы и средства действия и, наконец, свои особые порядки постановления приговоров и решений [4, с. 116].

В УПК РСФСР 1923 г. (ст. 12) и УПК РСФСР 1960 г. (ст. 28) использовалась установка, предложенная Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, согласно которой сложилась соответствующая судебная практика. Так, было проведено разграничение действия преюдиции судебных решений по предмету той или иной отрасли права. Действие распространялось исключительно на фактические обстоятельства, касаясь юридической оценки факта только в рамках предмета отрасли права. При этом было ясно, что речь идет о действии преюдиции окончательного решения по гражданскому делу, поскольку она должна учитываться в уголовном судопроизводстве. Преюдициальная сила приговора как окончательного решения в рамках уголовного судопроизводства распространяется не только на фактические обстоятельства, установленные судом, но и на юридическую оценку деяния, данную им.

В связи с этим удачной можно считать формулировку законодателя, предложенную в ст. 28 УПК РСФСР 1960 года:

«Вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого». Приведенная норма четко разграничивает преюдициальное значение решения по гражданскому делу и приговора для уголовного судопроизводства.

Создание российским законодателем дополнительного условия для признания обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным решением в виде возможных сомнений правоприменителя, очевидно, стало шагом назад в регулировании судопроизводства по уголовным делам.

Что касается вступившего в законную силу приговора, то, по справедливому утверждению В.П. Божьева, ссылаясь на вероятные сомнения суда допускала возможность предрешения виновности лиц, участвовавших в процессе по ранее рассмотренному делу, а это не соответствует положениям закона (ст.ст. 17, 88, 299, 307 и др. УПК РФ). При таком порядке указанные процессуальные субъекты, прежде чем признать (не признать) эти обстоятельства, должны выяснить наличие (отсутствие) сомнений у суда, что в принципе совершенно невозможно [2, с. 3-7]. Вполне очевидно, что назревала необходимость пересмотра норм, определяющих место и роль преюдиции в уголовном судопроизводстве, и в большей мере это относилось к законодательству Российской Федерации.

Неопровержимая преюдиция вернулась в уголовно-процессуальное законодательство 29 декабря 2009 года, под Новый год, когда вкупе с сюрпризами и неожиданностями, бывает, «возникают» непопулярные или не до конца продуманные законы. Неопровержимая преюдиция на сей раз охватила не только приговор, но и иные судебные решения, принятые в порядке гражданского, арбитражного, или административного судопроизводства. Норма, содержащая глубокий смысл, всего лишь перечисляет виды решений и констатирует предел их действия относительно виновности лиц, не участвовавших в производстве по уголовному делу. В краткости современ-

ный законодатель превзошел сам себя, а что касается содержания, то советский законодатель остался непревзойденным.

Аналогичная ситуация произошла и в Таджикистане. Двенадцатая поправка к УПК Республики Таджикистан усилила прежнюю редакцию преюдиции за счет вышеперечисленных судебных решений. В некоторой степени таджикский законодатель пошел дальше своих российских коллег, включив в спорные решения судов еще и решения по семейным делам, что признать целесообразным не представляется возможным.

Бесспорно, любое вступившее в законную силу судебное решение преюдициально, поскольку охватывается принципом правовой определенности – недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного судом дела, если нет необходимости исправления судебной ошибки или неправильного отправления правосудия [5, с. 142].

Однако различные отрасли права отличаются по предмету рассмотрения, по своей конечной цели. Нельзя не согласиться с М.Т. Аширбековой и Ф.М. Кудиным в том, что процессуальные производства выделяются в зависимости от функциональной и предметно-целевой направленности [6, с. 78]. Думается, это утверждение вполне можно отнести и к пределам действия отрасли права, определяющим ее предметом, то есть вопросами, которые она рассматривает. Вопрос уголовной ответственности за совершение преступления может быть рассмотрен только в пределах уголовно-процессуального порядка, ответ на него не может содержаться в решении, принятом в порядке гражданского или административного судопроизводства. Таким образом, пределы преюдиции процессуального решения должны определяться пределами предмета рассмотрения той или иной отрасли права.

Так как речь идет об установленных судебным решением фактических обстоятельствах, нельзя не согласиться с утверждением о том, что преюдиция – это совокупность обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу [7, с. 223].

Понимание преюдициальности судебного решения как одного из правил доказывания оправдывает размещение

статьи о преюдиции в главе 11 УПК Российской Федерации. В то же время нормы, объединенные в одной главе, должны быть логически взаимосвязаны друг с другом. Некоторая непродуманность текста ст. 90 УПК РФ – отсутствие логической связи с основным понятием, размытость пределов применения преюдиции с учетом порядка судопроизводства, посредством которого было вынесено решение, – позволяет говорить о чужеродности этой нормы, о ее несоответствии занимаемому месту в уголовно-процессуальном законе. То же самое можно сказать и про УПК Республики Таджикистан, который хаотично регламентирует место, роль и предназначение преюдиции в уголовном судопроизводстве. Думается, логичнее было бы разместить норму о преюдиции во взаимосвязи с предметом доказывания по уголовному делу, который раскрывается в ст. 73 УПК Российской Федерации и, соответственно, в ст. 85 УПК Республики Таджикистан.

Обстоятельства, имеющие преюдициальное значение, – так будет правильнее определять роль вступившего в силу решения суда в судопроизводстве по уголовному делу. Эти обстоятельства не подлежат установлению наравне с общепринятыми фактами. Полагаем, что это можно было бы отразить в законе.

Нерешенными остались и назревшие проблемы: следовало бы подумать о механизме реализации преюдиции – образе действия, тем более что оно может распространяться за пределы отдельно взятой отрасли права.

Нельзя не согласиться с И.В. Чащиной, отмечающей достаточно большое количество ошибок при применении преюдиции в следственной и судебной практике. Ошибки обусловлены наличием вступивших в законную силу решений судов по гражданским или арбитражным делам, основанных на сфальсифицированных доказательствах или на обстоятельствах, признанных сторонами гражданско-правового спора и судом истинными без проверки, достоверность которых с учетом собранных по уголовному делу доказательств вызывает сомнения [8, с. 2].

Не установив в тексте действующей ст. 90 УПК никаких ограничений, законодатель тем самым не определил пределов прав и обязанностей в этой части властных субъектов уголовного процесса, ответ-

ственных за ведение дела. Видимо, авторы текста ст. 90 сочли «подобные мелочи» несущественными. Но тем самым они, по сути, предложили судьям, следователям, дознавателям и прокурорам всего лишь «половинчатое решение» указанных вопросов, что может негативно повлиять на определение следователем (дознавателем) и судом предмета и пределов доказывания по конкретному уголовному делу, находящемуся в их производстве. Между тем от правильного решения этих вопросов зависят ход и исход предварительного расследования и судебного разбирательства. И не только это. Неопределенность прав и обязанностей властных субъектов уголовно-процессуальных отношений при решении рассматриваемых вопросов может вызвать нарушение (несоблюдение) прав граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений (потерпевших, обвиняемых, гражданских истцов и ответчиков, их представителей).

Интересно заметить, что разработчики проекта ГПК Российской Федерации (2002 г.) отвергли путь, избранный авторами ст. 90 УПК РФ, сохранив устоявшиеся положения закона. Согласно предписаниям ч. 4 ст. 61 ГПК Российской Федерации вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор, по вопросам о том, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

О непродуманности нормы ст. 90 УПК Российской Федерации в свое время заявлял и депутат Государственной Думы Алексей Волков (председатель комиссии по законодательному обеспечению противодействия коррупции), по мнению которого, решения арбитражных судов не могут быть основанием для прекращения уголовных дел [9]. Полагаем, что и с этим мнением сложно не согласиться.

А. Волков предлагал предусмотреть в законе возможность следователей возбуждать уголовные дела или прекращать их, учитывая принятые ранее решения по арбитражным и административным делам, но руководствуясь в первую очередь имеющимися материалами проверки, доказательствами и нормами УПК Российской Федерации. Он предложил следующую редак-

цию обсуждаемой нормы: «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, за исключением случаев, когда эти обстоятельства опровергаются доказательствами, собранными в ходе производства по уголовному делу и проверенными в порядке, предусмотренном статьей 87 УПК».

Отстаивая свою позицию, парламентарий обратился к практике и привел в пример громкое дело заместителя главы Министерства финансов Российской Федерации, который именно благодаря преюдициальному значению решения арбитражного суда был избавлен от уголовного преследования. Он обвинялся в мошенничестве при урегулировании долга Алжира перед Россией. Его действия квалифицировались как покушение на хищение 43,4 млн долларов из федерального бюджета, однако Арбитражный суд города Москвы установил, что компании «Содексим», участвовавшей в сделке, действительно должны были заплатить эту сумму [10].

Известен и менее масштабный случай, однако очень показательный, так как подобный подход к преюдиции может сделать правосудие недоступным для многих. Как незаконное было отменено решение о возбуждении уголовного дела в отношении Ч., которая подозревалась в получении права собственности на жилье путем совершения мошенничества. Дело в том, что до возбуждения уголовного дела районный суд в порядке гражданского судопроизводства признал предварительный договор купли-продажи, на который она ссылалась, действительным. Показательно, что участники разбирательства – настоящие владельцы дома – обратились в Конституционный Суд РФ, который 21 декабря 2011 г. вынес постановление N 30-П по делу о проверке конституционности положений ст. 90 УПК Российской Федерации*.

* По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2011 г. N 30-П // Рос. газ. 2012. 11 янв.

Соответствие действующей редакции ст. 90 УПК Российской Федерации Конституции довольно сомнительно: решения, принятые в порядке гражданского или административного судопроизводства, не должны ограничивать доступ к правосудию в сфере уголовного судопроизводства. Данные отрасли используют совершенно различные методы: для установления обстоятельств того или иного события участникам соответствующего судопроизводства предоставлены абсолютно разные возможности.

Эти особенности были учтены Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в 2003 году, когда было принято постановление N 23 «О судебном решении»*. Пленум совершенно четко разделил сферы гражданского и уголовного права. С этой точки зрения расставлены и преюдициальные приоритеты: вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях деяний лица, в отношении которого вынесен приговор, по вопросам о том, имели ли место эти действия (бездействие) и совершены ли они данным лицом.

Исходя из этого суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения. В то же время вопрос о вине лица в совершении уголовно наказуемого деяния не должен рассматриваться в порядке гражданского или административного судопроизводства.

Подобного мнения придерживается и Конституционный Суд РФ, однако он не считает, что положения ст. 90 УПК Российской Федерации противоречат Конституции РФ. В рассматриваемом постановлении предпринята попытка определить пределы преюдиции судебного решения через значение установленного судом факта «в рамках его предмета рассмотрения по делу». В то же время, если бы «правовая сущность» факта допускала его различное толкование в зависимости от отрасли права, то вряд ли уместно было бы в том же постановлении упоминать о возможности пересмотра судебного решения на основе приговора, опровергающего прежнюю правовую оценку факта судом в граждан-

ском процессе. Бессмысленна была бы и ст. 392 ГПК Российской Федерации, упоминающая в числе оснований для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений суда, вступивших в законную силу, фальсификацию доказательств (ч. 2 ст. 392 ГПК Российской Федерации), преступления сторон, судей (ч. 3 ст. 392 ГПК Российской Федерации) и так далее.

Очевидно, что ни значение, ни правовая сущность факта не могут быть положены в основу определения пределов преюдиции судебного решения. Опираясь на изначально неверное утверждение, Конституционный Суд РФ не смог избежать других, более значительных противоречий.

Так, результатом межотраслевой преюдиции, по мнению авторов рассматриваемого постановления, может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского судопроизводства, но не его квалификация как противоправного.

Толкуя содержание ст. 90 УПК Российской Федерации применительно к существу поступившей жалобы, Конституционный Суд в то же время указывает, что для следователя и суда в уголовном судопроизводстве преюдициально установленным является факт законного перехода имущества – впредь до опровержения этого факта в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по признакам фальсификации доказательств. Таким образом, в рамках одного постановления содержатся взаимоисключающие выводы. С одной стороны, преюдиция решения по гражданскому делу касается только состоявшегося события или факта без учета его правомерности или противоправности, а с другой – устанавливается преюдиция решения о законности перехода имущества от одного лица к другому.

Данное толкование полностью противоречит всему действующему уголовно-процессуальному законодательству. При отсутствии данных о противоправном завладении имуществом у следователя не будет оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Сведения о совершенном мошенничестве и фальсификации документов как раз и будут достаточными данными (основаниями) для возбуждения производства по уголовному

* Рос. газ. 2003. 26 дек.

делу о незаконном завладении правом на имущество с соответствующей квалификацией по УК Российской Федерации. Невозможно, расследуя мошенничество, не обращаться к вопросу о законности перехода права собственности только потому, что он составлял предмет доказывания по гражданскому делу. Иначе надо отменять ст. 6 УПК Российской Федерации, полагающую назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК Российской Федерации). Более того, именно в рамках уголовного судопроизводства имущество, полученное в результате совершения преступления, возвращается его законному владельцу. В связи с этим нельзя согласиться с выводами Конституционного Суда РФ о том, что следователь, оценивая наличие признаков фальсификации доказательств, не должен обращаться к вопросу законности перехода права собственности — время, место, способ, мотивы, цель совершения преступления, размер причиненного вреда — все это входит в предмет доказывания в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК Российской Федерации.

Также представляется невозможным признание какого-либо обстоятельства без дополнительной проверки, одновременно начиная расследование деятельности лиц, связанных с этим обстоятельством. В тексте ст. 90 УПК Российской Федерации содержатся внутренние противоречия, которые и привели к возникновению весьма спорной практики, когда уголовно-процессуальное правосудие оказалось практически недоступным при наличии принятого в порядке гражданского судопроизводства решения по сомнительному с точки зрения уголовного закона событию.

В Таджикистане из-за отсутствия формулировки: «при этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» без проведения соответствующего расследования выносят судебные решения, основывая свои решения только на предшествовавшем приговоре в отношении остальных лиц, которые в отличие от других участвовали в ходе рассмотрения данного уголовного дела.

Толкование ст. 90 УПК Российской Федерации, данное Конституционным Су-

дом в постановлении, возможно, переменит создавшуюся ситуацию, однако рассматриваемая норма противоречит конституционному положению о праве каждого на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации). Противоречит она и действующему уголовно-процессуальному законодательству: в соответствии с пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК Российской Федерации уголовное преследование лица прекращается только в связи с имеющимися решениями (приговорами, постановлениями) по тому же обвинению, принятыми в порядке уголовного судопроизводства.

Пытаясь сгладить возникшие противоречия, Конституционный Суд РФ предлагает применять институт преюдиции «с учетом принципа свободы оценки доказательств судом, вытекающего из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти».

Практика производства по уголовным делам ранее именно так и складывалась. Решения, касающиеся обстоятельств расследуемого преступления, но принятые в порядке гражданского или административного судопроизводства, могли играть роль доказательств по уголовному делу и приобщались к его материалам как иные документы. Тем не менее признание доказательств имеющими преюдициальную силу как раз не сочетается с принципом свободы оценки доказательств, как полагает Конституционный Суд, а противоречит ему. Доказательства в уголовном процессе не должны обладать свойством преюдициальности, поскольку не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК Российской Федерации), и оцениваются судьей, присяжными заседателями, а также прокурором, следователем и дознавателем по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (ч. 1 ст. 17 УПК Российской Федерации).

С данной точки зрения приговор, принятый в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением или на основании вердикта присяжных, не имеет преюдициального значения. В первом случае доказательства, подтверждающие обстоятельства преступления, не рассматривались, а во втором — выводы о факте совершения (несовершения) преступления были приняты на

основе немотивированного решения присяжных.

Очевидно, следуя этой логике, российский законодатель изменил содержание ст. 90 УПК РФ*, упомянув приговоры, постановленные в соответствии со ст.ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК, как исключения из общего правила, то есть как судебные решения, не обладающие преюдициальной силой. Лишать преюдициальной силы приговоры, постановленные на основании вердикта присяжных заседателей, законодатель не решился.

Думается, такой шаг заставляет усомниться в законности приговора, если фактические обстоятельства, отраженные в нем, нельзя считать бесспорно установленными. Законодатель фактически отказался от принципа правовой определенности, а значит, решения, принятые судом, вступившие в законную силу и не отмененные, могут пересматриваться, а лицо может быть судимо несколько раз за одно и то же деяние. При этом полностью неразрешенным остается вопрос гражданского

иска: если приговор не имеет преюдициальной силы, то суд, рассматривающий иск в порядке гражданского судопроизводства, может пересмотреть факт причинения лицом ущерба своим деянием.

Действующая редакция ст. 90 УПК Российской Федерации и ст. 89 УПК Республики Таджикистан оставляет право выбора решения за правоприменителем – возбуждать уголовное дело или сослаться на вступившее в силу решение суда, принятое в порядке гражданского (административного или арбитражного) судопроизводства (а в Таджикистане еще и семейного судопроизводства) по тем же обстоятельствам. Отказав в возбуждении уголовного дела со ссылкой на рассматриваемую норму, он не нарушит уголовно-процессуальное законодательство, поскольку ст. 90 УПК Российской Федерации признана соответствующей Конституции Российской Федерации. Тем не менее очевидно, что действующая норма ограничивает доступ к правосудию, в связи с чем должна быть пересмотрена.

* О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2015 г. N 191-ФЗ // Рос. газ. 2015. 6 июля.

Список литературы

1. Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. М.: Волтерс Клувер, 2010.
2. Божьев В.П. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции // Законность. 2010. N 6.
3. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М.Н. Гернета. Вып. 1. М., 1914.
4. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство. М., 2008.
5. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006.
6. Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации): монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
7. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012.
8. Чащина И.В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
9. Дума не стала отменять неопровержимую преюдицию из-за Конституции. URL: <http://pravo.ru/review/view/88383/> (дата обращения: 17 июля 2015 г.).
10. Федосеенко В. Дело Сторчака: третий подход // Рос. газ. 2009. 17 апр.

ХАШИЕВА Т.М., KHASHIEVA T.M.,
santa_tm@mail.ru santa_tm@mail.ru
Кафедра уголовно-процессуального права Chair of criminal procedure law
и криминалистики; and criminalistics;
Казахский гуманитарно-юридический Kazakh Humanitarian Law University,
университет, Korgalzhin Highway 8, Astana, 010000,
010000, Республика Казахстан, Republic of Kazakhstan
г. Астана, шоссе Коргалжин, 8

СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Реферат. Анализируются системно-структурные связи в уголовно-процессуальном праве, проводится соотношение его норм и институтов. Приводится взгляд автора на полемику об элементах отрасли права в целом и отрасли уголовно-процессуального права. Представлена классификация уголовно-процессуальных норм и их элементов, обосновывается, что доминирующим в регламентации процессуальных отношений является уголовно-процессуальный институт. Отдельное внимание уделено классификации уголовно-процессуальных норм, обосновывается наличие в уголовно-процессуальном праве вариантного элемента его структуры — субинститутов. Основанием предлагаемой структуры уголовно-процессуального права служит стадийность уголовно-процессуальной деятельности, регулируемой соответствующими нормами, субинститутами и институтами. Констатируется, что стадии уголовного процесса представляют собой взаимозависимые и завершённые блоки уголовно-процессуальных отношений. Начало каждой новой стадии обусловлено завершением предыдущей. Наряду со стадиями к числу институтов уголовно-процессуального права относят институты — следственные действия (институты допроса, обыска, опознания и т.п.) и институты — функции (институты защиты, обвинения, уголовного преследования, разрешения дела по существу). В структуре уголовно-процессуального права Республики Казахстан выделены следующие элементы: субинституты, институты, подотрасли. Самой крупной подотраслью является доказательственное право, регулирующее порядок сбора информации, проведения следственных действий, источники, из которых можно получать эту информацию, порядок сохранения и использования этой информации. Каждая из названных правовых общностей различного уровня состоит из уголовно-процессуальных норм, которые находятся между собой в тесной взаимосвязи. Значение элементов структуры уголовно-процессуального права заключается прежде всего в обеспечении всесторонней правовой регламентации отношений по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Ключевые слова: структура уголовно-процессуального права; уголовно-процессуальный институт; уголовно-процессуальная норма; субинститут; стадийность.

THE STRUCTURE OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The system-structural relations in the criminal procedure law and the correlation of its norms and institutes are analyzed. The author's view on the debate about elements of branch of law in general and criminal procedure law in particular is presented. Classification of criminal procedure rules and their elements is presented. It's argued that criminal procedure institute is dominating in procedural relations' regulation. Special attention is paid to criminal procedure rules' classification. The existence of the variant element of criminal procedure law structure — subinstitutes — is substantiated. The basis of the proposed structure of criminal procedure law is phasing of criminal procedure activities, regulated by relevant provisions, subinstitutes and institutes. It's stated that criminal process stages are interdependent and completed parts of criminal procedural relations. The beginning of each new stage is caused by the completion of the previous one. Along with the stages, the institutions of criminal procedure law include institutes — investigative actions (interrogation, search, identification, etc.) and institutes — functions (defence, prosecution, criminal prosecution, deciding the case on merits). The following elements of criminal procedure law structure are highlighted: subinstitutes, institutes, subsectors. The largest subsector is the law of evidence regulating the procedure of collecting information and carrying out investigative actions, as well as the sources of information and the procedure for saving and using this information. Each of these legal elements of different level consists of interrelated criminal procedure rules. The purpose of the elements of criminal procedure law structure is primarily to ensure comprehensive legal regulation of the relations concerning the investigation, hearing and resolving criminal cases.

Keywords: structure of criminal procedure law; criminal procedure institute; criminal procedure rule; subinstitute; phasing.

Уголовно-процессуальное право, как и другие отрасли права, имеет свое внутреннее строение, свою структуру. В науке предполагается использование системного подхода при изучении различных явлений. Рассмотрение объекта изучения как системы обеспечивает всестороннее исследование каждого из его элементов в связи с другими элементами этой и иных систем. А.В. Гриненко абсолютно верно заметил: «...значение системного подхода состоит в том, что он позволяет установить структуру отрасли права, выявить условия оптимального функционирования системы, дать характеристику связей, существующих между структурными элементами системы, определить место и роль различных подсистем в системе уголовно-процессуального права и системе права в целом» [1, с. 55].

Структура (лат. *structura* — строение) — внутренняя форма организации системы, обеспечивающая единство постоянных взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей.

Полемизируя с В.И. Свидерским, рассматривающим структуру как закон связи ее элементов [2, с. 5], Д.А. Керимов подчеркивает то, что структура — «не более чем скелет, организационное строение, внутренняя архитектура той или иной субстанциональной целостности... может быть как суммативной, так и системной». Свойства закона присущи лишь системной структуре, а «право — явление сложное, многоструктурное и далеко не каждая его структура характеризуется закономерными связями ее элементов» [3, с. 109-112]. Трудно согласиться с суждением Д.А. Керимова. Право не устроено хаотично, оно является объективно и стройно организованным явлением, элементам которого присущ признак системности, отрасли, институты и нормы права составляют структуру системы права.

Структурными элементами всякой отрасли права, безусловно, являются правовые нормы и институты. При этом учеными выделяются и другие структурные единицы. О.С. Йоффе пишет: «...институт — не только последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются еще и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и внутри института. Та-

кие образования можно было бы назвать субинститутами» [4, с. 50-64]. Существует и другое оригинальное предложение о выделении в структуре отрасли уголовно-процессуального права элемента, промежуточного между нормой и субинститутом, — «подсубинститута» [5].

Единственным обоснованно используемым в науке элементом системы права, на наш взгляд, выступает правовая норма. Все прочие категории, в том числе и правовой институт, определяются весьма абстрактно как некая совокупность правовых норм, регулирующих некую область общественных отношений в рамках определенной отрасли права. Уголовно-процессуальным нормам присущи все признаки правовых норм. Прежде всего это общеобязательные правила поведения, установленные государством, регулирующие общественные отношения, рассчитанные на многократность применения, осуществление которых гарантировано силой государственного принуждения.

С помощью уголовно-процессуальных норм закрепляются задачи и принципы уголовного процесса.

С точки зрения П.С. Элькинд, правило поведения должно располагать следующими свойствами, чтобы считаться уголовно-процессуальной нормой: «быть установленным государством, т.е. сформулированным законодательными органами государства в соответствующих нормативных актах; уголовно-процессуальные нормы представляют собой общие правила поведения субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, на которых они рассчитаны, потому что имеют в виду не конкретно определенные действия и правоотношения, а неоднократно повторяющиеся в процессе возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел; уголовно-процессуальные нормы — общеобязательные правила поведения для участников уголовного судопроизводства; содержащееся в уголовно-процессуальных нормах общее и общеобязательное правило поведения обеспечивается силой государственного принуждения и убеждения; нормы уголовно-процессуального права имеют своей целью наиболее эффективное осуществление задач уголовного судопроизводства» [6, с. 9-15].

Е.Г. Лукьянова выделяет следующие виды процессуальных норм, исходя из их функций в механизме правового регулирования:

- нормы конкретного содержания (собственно правила поведения);
- нормы общего содержания [7, с. 182].

К процессуальным нормам конкретного содержания относится большинство правовых норм, которые непосредственно устанавливают процессуальные права и обязанности субъектов процесса, условия и порядок их реализации.

Среди норм общего характера в системе процессуального права Е.Г. Лукьяновой выделяются:

- 1) нормы-задачи;
- 2) нормы-принципы;
- 3) нормы-дефиниции;
- 4) статутные нормы.

«Именно такая взаимосвязь общих и конкретизирующих норм обеспечивает единство процессуального порядка по всем юридическим делам и соблюдение законности в процессуальной деятельности» [7, с. 182].

Содержание и структуру уголовно-процессуальных норм определяют цели и задачи уголовного процесса. К.В. Ким называет целью уголовного процесса защиту прав и законных интересов личности путем установления объективной истины по делу [8, с. 144]. Задачи уголовного процесса закреплены в ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК).

Доминирующую роль в правовой регламентации общественных отношений играют все-таки институты права, учитывая то, что норме права несвойственно индивидуально и самостоятельно регулировать общественные отношения, а субинститут и подотрасль являются «промежуточными» элементами системы права, адекватного обоснования существования которых, а также их отличительных признаков в науке не предложено.

Говоря об элементах структуры, В.И. Свидерский указывает на то, что «...понятие элементов получает смысл... не как самостоятельное понятие, а лишь в соотношении с понятием структуры как закона связи элементов между собой, системы их взаимных отношений. Это условие, естественно,

накладывает определенное ограничение на понятие элементов и сужает их смысл по сравнению, скажем, с явлением» [2, с. 5].

В свою очередь, Д.А. Керимов пишет, что такие фундаментальные юридические категории, как норма, институт, отрасль, система права, имеющие огромное теоретическое и практическое значение, строятся на основе соотношения отдельного, особенного и общего – в этом заключается методологическое значение их соотношения в познании правовых явлений и процессов [3, с. 114].

«Детализированное регулирование усложняет структуру уголовно-процессуального права, поскольку, кроме таких основных структурных единиц, как норма и правовой институт, образуются субинституты, сложные институты и даже подотрасли» [9, с. 107].

Структурно отрасль уголовно-процессуального права выглядит следующим образом:

- уголовно-процессуальные нормы;
- уголовно-процессуальные институты, состоящие из норм (простые институты) и субинститутов отрасли (сложные институты);
- подотрасли уголовно-процессуального права, образуемые совокупностью родственных отраслевых институтов.

О.М. Кульпеисова выделяет в системе уголовно-процессуального права следующие элементы: «1) система норм, регулирующих отдельную операцию; 2) система норм, регулирующих отдельное процессуальное действие (основной регулятивный блок); 3) система норм, регулирующих отдельный этап внутри процессуальной стадии, – субинститут; 4) система норм, регулирующих стадию процесса, – институт; 5) система норм, регулирующих два наиболее крупных и значимых участка уголовно-процессуальной деятельности: возбуждение уголовного дела и предварительное следствие, производство в суде первой инстанции (проведение предварительного слушания и судебное разбирательство) – подотрасли» [10, с. 115].

Первый элемент структуры, или наименьшая единица деления уголовно-процессуального права, – это *норма права*. Уголовно-процессуальные нормы, содержащиеся в статьях УПК РК, в большей степени имеют диспозитивную часть. Диспозиция уголовно-процессуальной нормы

содержит само правило поведения, которым определяются права и обязанности лиц, участвующих в процессе.

Гипотеза предполагается и указывает на субъектов, которым адресована норма, а также на условия, при которых следует поступать определенным образом, соблюдать определенное правило поведения.

Санкция как мера государственного принуждения за неисполнение требований уголовно-процессуальной нормы редко содержится непосредственно в УПК. Санкция за ненадлежащее уголовно-процессуальное поведение содержится в основном в источниках других отраслей права. Санкцией является также наложение денежного взыскания за нарушение порядка в судебном заседании на потерпевшего, свидетеля, специалиста, переводчика и иных лиц (ст. 160 УПК РК); привод (принудительное доставление) в случае неявки подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля без уважительной причины по вызову (ст. 158 УПК РК); удаление участника процесса, нарушающего порядок судебного заседания, из зала заседания в целях обеспечения порядка в главном судебном заседании (ст. 27 УПК РК). Санкции в уголовно-процессуальном праве зачастую носят отсылочный характер. Указанная статья 160 УПК РК содержит ссылку на административное законодательство, которое, в конечном счете, определяет процедуру наложения денежного взыскания на нарушителя данной уголовно-процессуальной нормы. Статья 327 УПК РК «Меры, принимаемые в целях обеспечения порядка в главном судебном разбирательстве» наряду с такой мерой, как удаление из зала судебного заседания, содержит меру «наложение административного взыскания», то есть отсылает к административному законодательству. Диспозиция ст. 83 УПК РК, например, предоставляет права эксперту как лицу, участвующему в уголовном процессе, требует от него исполнения определенных обязанностей, санкция, в свою очередь, предполагает ответственность за дачу заведомо ложного заключения, предусмотренную УК РК. Согласно ст. 352 УК РК эксперт (п. 6 ст. 83 УПК РК) несет ответственность за дачу заведомо ложного заключения, свидетель (п. 6 ст. 82 УПК РК) и потерпевший (п. 10 ст. 75 УПК РК) — за дачу заведомо ложных показаний, пере-

водчик (п. 5 ст. 85 УПК РК) — за заведомо неправильный перевод несут уголовную ответственность. Таким образом, реализация норм уголовно-процессуального права обеспечивается нормами уголовного права, а также других отраслей права.

Элементы отрасли уголовно-процессуального права объединены не хаотично, а имеют объективный характер организации. Наличие каждого структурного элемента отрасли права должно быть научно обосновано. Однако на отраслевом уровне проблема разграничения элементов структуры уголовно-процессуального права, состоящих из совокупности уголовно-процессуальных норм, остается неразрешенной. Очевидно злоупотребление терминами «субинститут», «институт» и «подотрасль права». Это вполне закономерно, так как трактовка правовых категорий, основания их разграничения обычно даются нам общей теорией права. Отраслевая наука должна применить это общее локально, установив специфические признаки указанных категорий, выделив в них особенное для данной отрасли.

Субинститут, являясь составляющей института уголовно-процессуального права, представляет собой совокупность норм, выражающих своеобразие правового регулирования отдельных видов уголовно-процессуальных отношений в рамках уголовно-процессуального института. Субинституты обладают свойством вариантности [11, с. 14]. Вариантное регулирование уголовно-процессуальных отношений, присущее субинституту, необходимо при наличии существенных различий между субъектами правоотношений для их максимального уравнивания. В качестве примера А.Н. Таран приводит субинститут производства по делам несовершеннолетних и субинститут производства по применению принудительных мер медицинского характера в рамках института производства в суде первой инстанции [5, с. 23]. Однако мы считаем, что предлагаемый А.Н. Тараном критерий выделения субинститутов уголовно-процессуального права нельзя назвать единственным. Субинституты в уголовно-процессуальном праве могут быть выделены не только с целью вариантного регулирования отношений (мы не отрицаем этого признака субинститута). Субинститутам так же, как и другим элементам системы права, присуще объективное формирование.

Несколько однородных уголовно-процессуальных норм, не образующих уголовно-процессуальный институт в рамках отрасли права, объединяются в субинституты.

Наличие или отсутствие субинститутов в составе правового института является одним из оснований для классификации правовых институтов. Это — классификация по структуре и содержанию института на простые (состоящие из правовых норм, не образующих субинститутов) и сложные институты права (в содержание которых входит два и более субинститута).

С нашей точки зрения, учитывая предлагаемое в науке свойство вариантности субинститутов уголовно-процессуального права, подразумевающее то, что для определенного круга уголовно-процессуальных отношений могут быть характерны особые признаки, позволяющие выделить их в качестве оригинальных, отличающихся от основного общего диапазона отношений — предмета института, можно выделить в рамках института предварительного расследования и института главного судебного разбирательства следующие субинституты.

Субинститут приостановления производства по уголовному делу. В нормальных условиях производство по уголовному делу идет постепенно от стадии к стадии, уголовный процесс строится согласно определенным требованиям к порядку его построения и производства. Однако возможен «вариант», исключение, когда условия, в которых протекает уголовный процесс, неблагоприятные: не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, обвиняемый находится за пределами Республики Казахстан, необходимо проведение определенной экспертизы, обвиняемый скрывается от следствия или суда либо место пребывания обвиняемого не установлено и т.д.. В подобных ситуациях законом допускается приостановление производства по уголовному делу.

Проведение предварительного слушания в уголовном процессе является актом выявления необходимости и наличия оснований для вариантного регулирования уже возникших уголовно-процессуальных отношений. На предварительном слушании, согласно статье 301 УПК РК, решается вопрос о возвращении дела для дополнительного расследования, приостановлении произ-

водства по делу, прекращении уголовного дела, соединении уголовных дел, проведении судебного разбирательства в сокращенном порядке, направлении уголовного дела по подсудности. Все указанные действия, по сути, являются «вариантными» и регламентируются соответствующими субинститутами. В частности, *субинститут рассмотрения дела в сокращенном порядке* в соответствии со статьей 363 УПК РК имеет свое действие тогда, когда речь идет о совершении лицом преступления небольшой или средней тяжести и при этом подсудимый признает в полном объеме свою вину и предъявленные ему иски требования, в ходе досудебного производства не были нарушены правила, установленные УПК РК, и этими нарушениями не были ущемлены права участников процесса, а также участники уголовного процесса не оспаривают относимость и допустимость доказательств, собранных по делу.

Свойствами субинститута обладают также уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие выделение уголовного дела, соединение уголовных дел, прекращение уголовного дела и другие.

Уголовно-процессуальный институт — это структурный элемент отрасли уголовно-процессуального права, состоящий из совокупности уголовно-процессуальных норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, являющихся формой реализации задач и принципов уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный институт можно рассмотреть как:

— совокупность уголовно-процессуальных норм, направленных на регулирование уголовно-процессуальных отношений, возникающих при осуществлении деятельности, связанной с расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел, и тем самым реализующих задачи и принципы уголовного судопроизводства;

— основной элемент структуры уголовно-процессуального права наряду с нормой, субинститутом, подотраслью. Статус «основного» элемента структуры отрасли связан со способностью института индивидуализировать механизм уголовного-процессуального регулирования, в полном объеме регламентируя «свой» участок уголовно-процессуальных отноше-

ний, которые, как уже неоднократно подчеркивалось, разделены на относительно самостоятельные области. Ведь «одна правовая норма, какое бы важное правило она в себе ни заключала, не может составить правового института, поскольку она не в состоянии всесторонне урегулировать общественные отношения» [12, с. 63];

— элемент системы казахстанского права. «В отличие от других структурных элементов системы права отрасль, не порывая системной связи, обладает относительной автономией: способна к самостоятельному функционированию в общей системе права» [13, с. 292].

Соответственно, если в первых двух случаях, выступая элементом отрасли уголовно-процессуального права, институт обладает относительной автономией, то в системе права он это качество теряет, поскольку регулирует часть предмета уголовно-процессуального права, являющегося в свою очередь элементом системы права, способным независимо функционировать при регулировании уголовно-процессуальных отношений.

Стадийная классификация отношений, составляющих предмет гражданско-процессуального права, является, с точки зрения Ю.К. Осипова, основанием для выделения институтов в данной отрасли [14, с. 55]. По его мнению, для выделения института в отрасли права необходимо выявить признаки, по которым однородные общественные отношения подразделяются на отдельные виды, являющиеся предметом регулирования института. Мы считаем, что к уголовно-процессуальному праву стадийная классификация институтов также вполне применима. Стадии уголовного процесса представляют собой завершённые блоки уголовно-процессуальных отношений, тем не менее связанные и взаимозависимые. Начало каждой новой стадии обусловлено завершением предыдущей. Однако следует отметить, что некоторые стадии уголовного процесса включают в себя самостоятельные участки отношений, требующие автономного регламентирования. Руководствуясь этим основанием, некоторые ученые ошибочно называют совокупность норм, регулирующих подобные стадии, подотраслями уголовно-процессуального права. В частности, среди стадий уголовного

процесса, состоящих из подразделений, усложняющих их содержание, выделяются главное судебное разбирательство и предварительное расследование [10, с. 115]. Мы считаем, что стадии уголовного процесса регулируются институтами права. Усложнённые стадии, состоящие из различных участков отношений, урегулированы объединениями уголовно-процессуальных институтов, поскольку уголовно-процессуальные подотрасли и институты имеют различные характерные черты. Те объединения институтов, которыми регулируются предварительное расследование и главное судебное разбирательство, не имеют и не могут иметь свойств подотраслей, так как сам уголовный процесс един, уголовно-процессуальные институты, регулирующие его стадии, направлены на решение общих задач и основаны на единых принципах уголовного судопроизводства.

А.М. Ларин также выражает свое несогласие в отношении «выделяемых искусственно» С.С. Алексеевым таких подотраслей в уголовно-процессуальном праве, как предварительное следствие и производство в суде первой инстанции [15, с. 149]. Учитывая особенности подотраслей права, представленные нами выше, А.М. Ларин вполне справедливо не соглашается с выделением в уголовно-процессуальном праве «права производства в суде первой инстанции» и «права возбуждения уголовного дела и расследования». Обособление этих стадий от всех других стадий уголовного судопроизводства означало бы нарушение системы равнозначных стадий уголовного процесса. Нами также было отмечено, что одним из оснований выделения в уголовно-процессуальном праве институтов является «стадийный критерий», так как стадии уголовного процесса регулируются соответствующими уголовно-процессуальными институтами. Иного мнения придерживается О.М. Кульпеисова, называющая «систему норм, регулирующих два наиболее значимых участка уголовно-процессуальной деятельности: а) возбуждение уголовного дела и предварительное следствие; б) производство в суде первой инстанции (проведение предварительного слушания и судебное разбирательство)» подотраслями [10, с. 115].

Необходимо отметить, что в этой же научной статье О.М. Кульпеисова пишет

об институте уголовно-процессуального права – системе норм, регулирующих стадию уголовного процесса [10, с. 115]. Каждая стадия уголовного процесса образует относительно завершенное правоотношение, а их совокупность – уголовный процесс. Теорией права, а уж тем более уголовно-процессуальным правом не установлен лимит норм, которые должны войти в структурное подразделение отрасли, чтобы его можно было именовать подотраслью или институтом отрасли права. Основным требованием к совокупности норм, регламентирующих группу однородных отношений, для приобретения ими обособленного статуса подотрасли или института является всестороннее и завершенное урегулирование этих отношений.

Отличительным признаком подотрасли права по сравнению с институтом является такая степень ее обособленности, которая позволяет этому структурному образованию иметь право на самоопределение, т.е. допускает возможность выделения подотрасли из отрасли права, однако учитывая служебную роль, значение и функции данной подотрасли для отрасли права, этот структурный элемент продолжает оставаться таковым. Не объем составляющих структурный элемент норм позволяет нам отнести его к подотрасли или институту права, а степень самостоятельности этой совокупности норм. Институту права присуща меньшая самостоятельность, более тесная связь с подобными себе институтами в рамках отрасли, так как именно их совместное функционирование призвано полноценно урегулировать общественные отношения. С нашей точки зрения, стадии уголовного процесса регулируются именно уголовно-процессуальными институтами.

Наряду со стадиями – институтами уголовно-процессуального права, по нашему мнению, можно выделить следственные действия – институты (институты допроса, обыска, опознания и т.п.), функции – институты (институты защиты, обвинения, уголовного преследования, разрешения дела по существу) и другие уголовно-процессуальные институты. Всякое процессуальное действие, безусловно, облекается в форму правоотношения. Учитывая, что одно действие не составляет весь уголовный процесс, а функционирует лишь на-

ряду с прочими действиями (остальными элементами процесса), то и правовое регулирование отдельных процессуальных действий будет осуществляться не всеми нормами уголовно-процессуального права, а относительно автономными совокупностями его норм. Главным отличием уголовно-процессуального института от прочих объединений уголовно-процессуальных норм является его предмет регулирования – это всегда отношения – раздел, участок уголовно-процессуальных отношений.

Не существует института приговора, института постановления или института прокурора, так как «институт приговора» или «институт прокурора» не регулируют возникающие между участниками уголовного процесса отношения. Однако есть субинститут постановления приговора как элемент института главного судебного разбирательства или уголовно-процессуальный институт обвинения. Уголовно-процессуальному институту свойственны также: непротиворечивость и взаимобусловленность составляющих его норм; отсутствие тенденции к выделению из уголовно-процессуального права в качестве самостоятельной отрасли в силу тесной взаимосвязи всех институтов данной отрасли; динамичность уголовно-процессуальных институтов, предполагающая их постоянное совершенствование, развитие, появление в уголовно-процессуальном законодательстве новых институтов ввиду обновления содержания регулируемых общественных отношений.

С.С. Алексеев, внесший существенный вклад в исследование правового института, писал, что «наиболее высокой формой объединения правовых институтов является подотрасль... – сложное соединение институтов и их объединений» (Алексеев С.С., 1987). В состав *подотраслей* входит, как правило, общий институт, устанавливающий общие основополагающие положения для нескольких правовых институтов, регулирующих комплекс конкретных общественных отношений данной отрасли права, но не для всех правовых институтов этой отрасли. Подотрасль – это такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав правовых общностей.

Подотрасль как элемент структуры отрасли уголовно-процессуального права можно охарактеризовать следующими признаками:

1) совокупность норм, образующая подотрасль права, имеет свой предмет регулирования, по объему охватывающий более широкую область уголовно-процессуальных отношений – предмет отрасли права, нежели уголовно-процессуальный институт;

2) подотрасль уголовно-процессуального права образуют несколько отраслевых институтов однородного содержания;

3) несмотря на относительную обособленность и стремление к выходу из отрасли, подотрасли права свойственна тесная связь с другими структурными элементами уголовно-процессуального права, обеспечивающая завершённое регулирование его предмета;

4) правовое регулирование в рамках подотрасли осуществляется посредством метода и в рамках механизма уголовно-процессуального правового регулирования с учетом особенностей предмета подотрасли.

Самой крупной подотраслью уголовно-процессуального права является дока-

зательственное право, та часть уголовно-процессуального права, которая регулирует порядок сбора информации, порядок проведения следственных действий, источники, из которых можно получать эту информацию, порядок закрепления этой информации и порядок использования этой информации.

Таким образом, в результате анализа системно-структурных связей в уголовно-процессуальном праве на примере УПК Республики Казахстан мы пришли к следующим выводам.

1. В структуре уголовно-процессуального права выделяются элементы – правовые общности различных уровней: субинституты, институты, подотрасли.

2. Субинституты, институты и подотрасли уголовно-процессуального права состоят из уголовно-процессуальных норм. Нормы уголовно-процессуального права находятся между собой в тесной взаимосвязи.

3. Значение элементов структуры уголовно-процессуального права заключается прежде всего в обеспечении всесторонней правовой регламентации отношений по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Список литературы

1. Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. N 9. С. 54-60.
2. Свицерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 128 с.
3. Керимов Д.А. Общая теория государства и права: Предмет. Структура. Функции. М.: Юрид. лит., 1977. 133 с.
4. Йоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 50-64.
5. Таран А.Н. Отмена приговора судом кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство как подсубинститут: дис. ... канд. юрид. наук: Краснодар, 2004. 196 с.
6. Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. 191 с.
7. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. 240 с.
8. Ким К.В. Этапы развития доказательственного права в уголовном процессе // Правотворческая деятельность в Республике Казахстан: история и проблемы: сб. науч. тр. Караганда: КарГУ, 2001. С. 143-154.
9. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В.М. Савицкий. М.: Наука, 1979. 319 с.
10. Кульпеисова О.М. Некоторые вопросы характеристики уголовно-процессуального права // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2009. N 4 (25). С. 114-117.
11. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды: учеб. пособие / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2000.
12. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. N 6. С. 61-67.
13. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие для высших учебных заведений / под ред. В.Г. Стрекозова. М., 2001. 377 с.
14. Осипов Ю.К. О понятии правового института // Правоведение. 1973. N 1. С. 54-60.
15. Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства / отв. ред. В.М. Савицкий. М.: Наука, 1985. 240 с.

КОМАРОВ А.А.,
кандидат юридических наук,
reise83@mail.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6

KOMAROV A.A.,
Candidate of Legal Sciences,
reise83@mail.ru
Chair of criminal law and procedure;
Siberian Institute of Management –
Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Nizhegorodskaya St. 6, Novosibirsk, 630102,
Russian Federation

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИИ И США: АНАЛИЗ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗА 2002–2012 гг.

Реферат. Главной целью исследования было сравнение статистических показателей динамики компьютерного мошенничества в России и за рубежом (на примере США). Исследование ограничивалось временными рамками, в пределах которых существовала достоверная уголовная статистика по рассматриваемому виду преступлений, – 2002-2012 гг., после чего российское уголовное право подверглось реформированию. Для этих целей был рассчитан коэффициент преступности за указанный период для двух стран и в итоге, путем наложения данных друг на друга, построен график. При этом брались во внимание особенности статистического учета преступности в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки и тот факт, что количество пользователей Интернета в двух государствах в указанный период времени росло не одинаковыми темпами. Интерпретация полученного результата показала, что наиболее характерными особенностями развития компьютерного мошенничества того периода стали: зависимость преступности от роста числа пользователей; стоимости доступа в Интернет; высокая технологизация и профессионализм преступников, направленные на банковский сектор; изменения в характере компьютерного мошенничества, связанные с технологической революцией широкополосного доступа, что поставило под сомнение целесообразность таких мошеннических схем, как «phreaking» – пользование услугами Интернета за чужой счет; активная коммерциализация сервисов Интернета сделала более безопасным и прибыльным осуществление традиционных мошеннических схем в Интернете. С 2009 года начинается «перетекание» таких преступлений в Интернет. На их фоне компьютерное мошенничество фактически растворилось в общей совокупности преступлений и стало профессиональным преступлением. Формулируются выводы и рекомендации по противодействию компьютерному мошенничеству.

Ключевые слова: криминология; Интернет; мошенничество; динамика преступности.

COMPUTER FRAUD IN RUSSIA AND THE USA: ANALYSIS OF QUANTITATIVE INDICATORS FOR 2002–2012

Abstract. The main objective of the study was to compare statistical indicators of computer fraud dynamics in Russia and the USA. The research was limited to the time frame in the period from 2002 to 2012. There was reliable criminal statistics on this type of crime in this period, followed by the Russian criminal law reform. The crime coefficient for the considered period for two countries was calculated. As a result, by applying data to each other, the graph was made. The peculiarities of statistical crime recording in the RF and the USA, as well as the fact that the number of Internet users in two states at the specified time period was not growing at the same pace were taken into account. Interpretation of the received results has shown that the most characteristic features of the computer fraud in that period were: the dependence of crime on the increase in the number of users; the cost of Internet access; high technology and the professionalism of criminals aimed at the banking sector; changes in the nature of computer fraud related to the technological revolution of broadband Internet access, that questioned the feasibility of such fraudulent schemes as “phreaking” – using Internet services at the expense of others; active commercialization of the Internet services made the implementation of traditional fraudulent schemes more safe and profitable on the Internet. Since 2009 the “overflow” of such crimes in the Internet begins. In these circumstances computer fraud became professional crime. The conclusions and recommendations on combating computer fraud are formulated.

Keywords: criminology; the Internet; fraud; crime dynamics.

В последнее время представители юридической науки все чаще обращают свое внимание на роль информационных технологий в продуцировании преступности. Это обусловлено тем обстоятельством, что количество преступлений с использованием компьютерных технологий постоянно увеличивается. Но в силу различных представлений о структуре компьютерной преступности до сих пор отсутствует единое понимание конкретных составов преступлений, образующих ее множество.

Так, если к компьютерным преступлениям всегда было принято относить составы преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), то по отношению к иным составам термин «компьютерное преступление» приходилось применять с оговорками вплоть до декабря 2012 года. Именно тогда в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, впервые закрепившие отдельный состав компьютерного преступления вне главы 28 УК РФ, — ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Таким образом, в сфере компьютерной преступности появился новый вид преступлений, направленных против собственности, а не отношений информационного обмена при помощи ЭВМ, как это было ранее.

Несомненно, такая позиция законодателя дает нам еще одну самостоятельную единицу учета отдельных фактов компьютерных правонарушений. И это, пожалуй, окажется полезным для криминологической науки, когда будет накоплен достаточный массив информации из возбуждаемых по данной статье уголовных дел. Пока же вновь обретенные цифровые данные, касающиеся компьютерного мошенничества, остаются несопоставимыми, поскольку практически никто не может привести точных сведений относительно того, что же было с компьютерным мошенничеством на протяжении десятилетий до этого. Предполагать, что рассматриваемого феномена прежде не существовало, абсурдно. Следовательно, остается считать, что правоприменительная практика давала подобным деяниям иную оценку, исходя из тех возможностей, которые предоставлял ей закон.

В самом деле, в период действия предыдущей редакции Уголовного кодек-

са РФ компьютерное мошенничество было ограничено совокупностью деяний, обозначенных в ст.ст. 159, 165 УК РФ. Кроме того, необходимым условием для нашей статистической выборки выступал факт совместной квалификации этих преступлений по совокупности со ст. 272 или ст. 273 УК РФ. Именно такая оценка компьютерного мошенничества была дана Верховным Судом РФ в первоначальной редакции постановления Пленума от 27 декабря 2007 года N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»*. При этом в определенных случаях компьютерное мошенничество все же предлагалось квалифицировать как кражу, поскольку обман автоматизированных систем управления считался невозможным (в том смысле, что объектом воздействия обмана может быть исключительно человек).

Пользуясь подобной дефиницией и основываясь на собственном опыте исследования указанной проблемы, мы также полагаем целесообразным ограничить предметное поле инфраструктурой Интернета. По сути, компьютерное мошенничество, рассматриваемое нами, необходимо было совершить при помощи доступа к глобальной компьютерной сети. Это обстоятельство является серьезным замечанием, поскольку достоверно известно о компьютерном мошенничестве, совершавшемся без доступа к Интернету еще в середине 80-х годов прошлого столетия.

Поскольку с течением времени Верховный Суд РФ изменил свои представления о феномене компьютерного мошенничества и инициировал принятие в декабре 2012 года отдельной статьи УК РФ, то этот момент является естественным концом нашего исторического очерка.

Несомненно, реакция законодателя явилась следствием эскалации рассматриваемого нами социально негативного феномена. В связи с этим мы решили проследить его развитие в ретроспективе, выделить исторически сложившиеся криминологические закономерности, позволившие ему приобрести современные масштабы.

В силу того обстоятельства, что информационно-коммуникативные технологии сегодня носят трансграничный характер, придавая подобное свойство и современной компьютерной преступности, мы

* Рос. газ. 2008. 12 янв.

решили рассматривать не только национальные аспекты развития компьютерного мошенничества, но и зарубежные (на примере США). Полагаем, что это будет интересно и в силу того обстоятельства, что англоязычные работы иностранных коллег (по вопросам компьютерной преступности) не так часто публикуются на русском языке.

Следующим важным моментом исследования является определение достоверности использованной нами методики, поскольку сравнительный метод в криминологии имеет известные недостатки.

Прежде всего необходимо обратить внимание читателя на то обстоятельство, что в развитии компьютерного мошенничества проявляется многофакторная взаимосвязь явлений: темпы распространения информационно-коммуникативных технологий; коммерциализация Интернета и цена доступа; количество пользователей в сравниваемых странах и частота пользования ими Интернетом. Естественно, что любой из перечисленных факторов представляет собой динамическое явление, расходящееся по времени между нашими двумя странами по причине различий в социально-экономическом и технологическом развитии (так называемого цифрового неравенства)*.

Возможная разность и неоднородность показателей складывается и в связи с особенностями систем учета преступлений (правонарушений) в наших странах. Благодаря единой системе учета отечественные правоохранительные органы накапливают значительное количество статистических данных. Общий объем информации по каждому уголовному делу составляет несколько тысяч учетных единиц информации. В США на федеральном уровне собирается информация лишь по восьми так называемым индексным преступлениям. Об остальных преступлениях информация предоставляется выборочно. Кроме того, в соответствии с Руководством по составлению единой формы отчетности о преступлениях (Uniform Crime Reporting Handbook) учет преступлений происходит

не по количеству совершенных деяний, а по количеству жертв от одного посягательства [1, с. 105].

Именно поэтому ограничиваться абсолютными показателями при исследовании такого социального явления, как преступность, нельзя. Здесь мы прибегли к хорошо известному в криминологии способу – сравнению относительных показателей преступности. Для этого исходные величины (обобщающие показатели) предлагается свести к коэффициенту преступности. Формула его расчета известна любому криминологу, но применительно к избранной нами методике следует сделать ряд оговорок.

Во-первых, временной отрезок нашего анализа составил 11 лет, поскольку достоверные статистические данные о состоянии мошенничества в Интернете в Российской Федерации имеются с 1999 года, в США – с 2001 года. Кроме того, мы прибегли к помощи Internet Crime Complaint Center (IC3) – частно-государственного партнерства под эгидой Федерального бюро расследований США – специально организованного портала по сбору и обработке сообщений пользователей Интернета о правонарушениях. Поскольку сбор данных начинается с заполнения интерактивных форм, то первоначально (на стадии проверки сообщения о преступлении) фигурирует лишь общее количество фактов, и только после возбуждения уголовного дела ФБР учет деяний происходит по лицам (потерпевшим). Таким образом, изучая сводные отчеты данной организации по обработке этих жалоб, мы можем выделить с определенной долей достоверности необходимую нам информацию.

Во-вторых, показатель коэффициента интернет-мошенничества рассчитывался исходя из совокупности количества пользователей Интернета для двух стран на каждом отмеченном промежутке времени. Таким образом, учитывается не только динамика мошенничества, но и положительная динамика числа пользователей Интернет за тот же период. В итоге нами был получен график, отображающий динамику коэффициента компьютерного мошенничества в расчете на 100 тысяч пользователей глобальной сети Интернет на отрезке времени с 2002 по 2012 год включительно.

* Имеется в виду рассматриваемый нами период, особенно начало XXI века. В настоящее время элемент «цифрового неравенства» уже не играет той роли, которая была ему присуща лет десять назад.

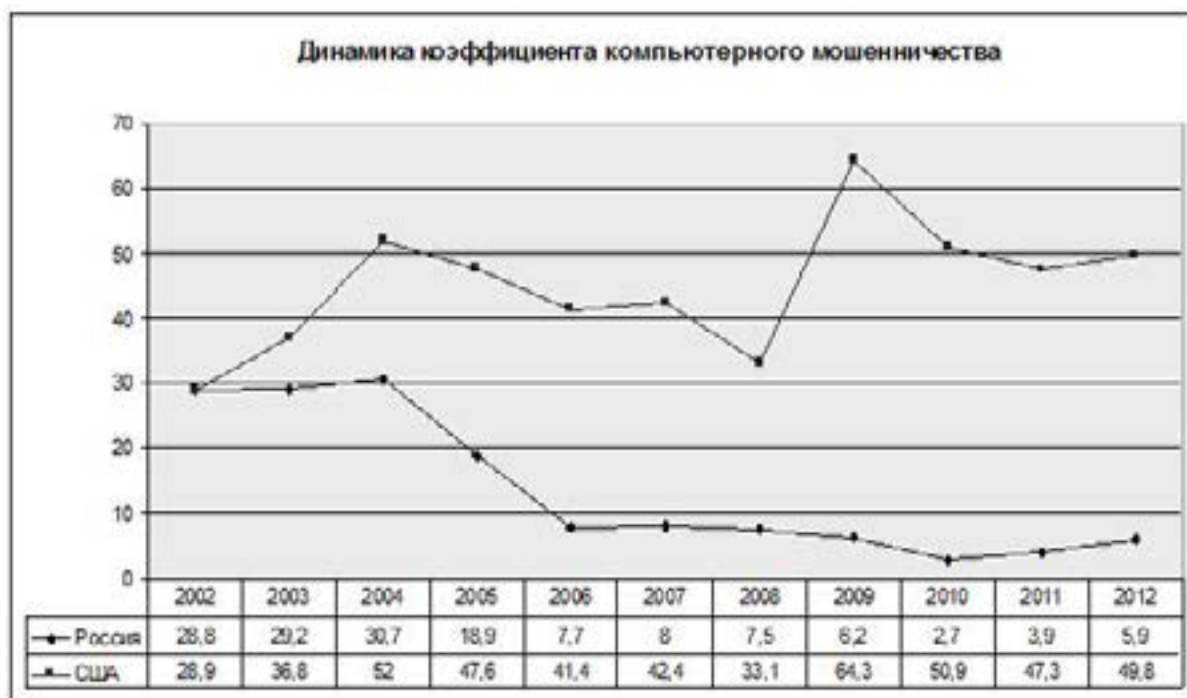

Рис. Сравнение динамики коэффициента компьютерного мошенничества в расчете на 100 тыс. пользователей Интернета

Итак, приступим к интерпретации полученного результата. Несомненно, любые официальные отчеты не в полной мере отражают реальное положение дел. Но даже путем сопоставления приведенного материала можно сделать достоверные выводы о существующих закономерностях.

В частности, очевидно, что на начало века показатели мошеннической активности в Интернет для двух стран примерно равны. Однако в последующем значения существенно расходятся. В первую очередь это связано с ростом количества пользователей Интернета в России, которое увеличивалось в геометрической прогрессии. Рост количества пользователей в США имел более поступательный характер, поскольку к тому времени его инфраструктура уже устоялась на всей территории Северной Америки.

В то же время на статистику отечественного мошенничества 2002-2005 годов влиял высокий удельный вес неправомерного доступа к глобальной сети путем использования чужих учетных данных (ст. 165 УК РФ). 2004 год в России ознаменовался активным переходом на технологии широкополосного доступа с одновременным снижением стоимости интернет-трафика (примерно на 83 %), что обусловило существенное сокращение числа

таких преступлений. Можно сказать, что причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием — преступление, характерное для эры коммутируемого модемного доступа в Интернет с повременной оплатой за соединение. Развитие технологий сделало совершение данного преступления нецелесообразным, в результате чего оно даже подверглось частичной декриминализации*. Благодаря этим обстоятельствам в последующем (к 2010 году) доля мошенничества (ст. 159 УК РФ) существенно превысила удельный вес причинения ущерба (ст. 165 УК РФ) в структуре компьютерного мошенничества. Коэффициент корреляции мошенничества и причинения ущерба к 2011 году составил 3:1. Между тем 5-7 лет назад ситуация была прямо противоположной: на одно мошенничество приходилось до десяти

* Имеется в виду редакция статьи, изложенная в Федеральном законе от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», которая фактически декриминализовала основной состав, установив крупный размер причиненного ущерба в качестве необходимого последствие преступления.

случаев причинения ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Таким же образом информационно-коммуникативная революция 2004-2005 годов повлияла на рост числа пользователей Интернета, когда фиксировался наибольший относительный прирост их количества (до 80 % в год в России). Следует учитывать и уровень доступности Интернета в наших странах на тот момент. В США доступ к Интернету имело 75 % населения, а в России – только 40 % [2]. А поскольку индексные показатели напрямую зависят от роста генеральной совокупности, то коэффициенты интернет-мошенничества продолжили снижаться.

Дальнейшее снижение коэффициентов в 2006-2009 годах объясняется не только постепенным сокращением доли причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в общей совокупности интернет-мошенничества, но и тем, что мошеннические схемы в Интернете обладают большей латентностью. Этот период отмечен переносом традиционных мошеннических схем в Интернет, отвлечением на них сил сотрудников правоохранительных органов. Часть таких деяний неизбежно «растворилась» в статистической совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ. Случаи мошенничества в Интернете, когда квалификация по совокупности со ст.ст. 272 и 273 УК РФ была избыточной, стали отправной точкой для расследования и раскрытия данных деяний иными (неспециализированными) подразделениями МВД России. На фоне роста традиционных форм мошенничества, совершаемого при помощи интернет-технологий, повышалась латентность самого компьютерного мошенничества.

Абсолютный минимум 2010 года объясняется реорганизацией МВД России – сотрудники Бюро специальных технических мероприятий (далее – БСТМ) были выведены за штат министерства. Далее последовала двукратная смена руководства, что не могло не сказаться на учетно-регистрационной дисциплине.

2011 год характеризуется активным включением в статистическую отчетность БСТМ мошенничества, связанного с использованием мобильных телефонов. Подобных случаев в практике становилось

все больше. Кроме того, такие факты мошенничества являются более резонансными и немного менее латентными. К сожалению, дифференцировать случаи компьютерного и телефонного мошенничества более полно не представляется возможным, поскольку они в равной мере относятся к компетенции территориальных органов БСТМ.

Также 2011-2012 гг. отмечены активным развитием коммерческой инфраструктуры Интернета, повлекшей за собой постепенное увеличение количества совершенных в российском сегменте интернет-преступлений. Статистические данные Национальной ассоциации участников электронной торговли наглядно показывают, что сектор В2С (бизнес – потребитель) является самым востребованным и доходным в российском сегменте Интернета [3].

По данным Фонда «Общественное Мнение» (ФОМ), к моменту окончания определенного нами периода ретроспективного исследования лишь 13 % россиян пользовались интернет-банкингом, а 11 % хотели им воспользоваться [4]. В целом же получается, что среди пользователей глобальной компьютерной сети интернет-банкингом пользовался каждый десятый. Что касается всей структуры платежей в российском сегменте Интернета, то ситуация была такова: уже в 2011 году ежемесячно 2,1 млн человек оплачивали покупки и услуги банковской картой, 0,8 млн – с помощью электронных денег, 0,4 млн – через интернет-банкинг [5].

Здесь явно прослеживается тенденция парной корреляции – с увеличением количества активных пользователей возрастает и объем денежных средств, потраченных в глобальной сети. Следовательно, можно предположить наличие определенной зависимости между преступной активностью мошенников и количеством новых пользователей Интернета. Одной из причин этого является то обстоятельство, что новые пользователи не осведомлены о деятельности мошенников и типичных мошеннических схемах. Очевидно, что ситуация выравнивалась по мере адаптации новых пользователей к интернет-среде, но в силу продолжающегося прироста интернет-аудитории показатели преступной активности мошенников продолжали оставаться высокими. Данный факт необхо-

димо учитывать при построении системы предупреждения мошенничества в Интернете, и в первую очередь виктимологической профилактики.

В заключение сформулируем наиболее характерные особенности развития компьютерного мошенничества за обозначенный период времени:

1. Прямо пропорциональная зависимость роста компьютерного мошенничества и увеличивающегося объема интернет-пользователей в самом начале XXI века.

2. Очевидная «технологизация» мошенничества в Интернете, связанная с преобладающей долей причинения имущественного ущерба в общей структуре и направленными атаками на банковский сектор.

3. Существенные качественные изменения в характере компьютерного мошенничества, связанные с технологической революцией широкополосного доступа, что поставило под сомнение целесообразность таких мошеннических схем, как «phreaking» – пользование услугами Интернета за чужой счет.

4. Активная коммерциализация сервисов Интернета, возникновение новых финансовых инструментов и услуг сделали более безопасным и прибыльным осуществление традиционных мошеннических схем в Интернете. С 2009 года начинается перенос традиционных мошеннических схем в Интернет. На их фоне компьютерное мошенничество фактически растворяется и становится действительно профессиональным преступлением.

Полагаем, что подобные результаты могут быть положены в основу дальнейших исследований мошенничества с использованием компьютерной информации, касающихся среднесрочного про-

гнозирования состояния компьютерной преступности. Ведь указанные нами тенденции определяют развитие явления и в перспективе. При этом стремительная динамика развития информационно-коммуникативных технологий не позволяет ожидать достоверных результатов в области долгосрочного прогнозирования.

Особого внимания требует переориентация оперативных подразделений системы МВД России на противодействие традиционным формам мошенничества, проникшим в Интернет. Общемировая практика показывает, что темпы прироста данных правонарушений значительно превышают таковые у компьютерного мошенничества, связанного исключительно с манипуляцией компьютерной информацией. Однако существуют сомнения, что БСТМ и его территориальные подразделения, получив свой собственный «предмет» (ст. 159.6 УК РФ) смогут на законных основаниях уклоняться от раскрытия преступлений, составляющих иные мошеннические схемы посредством глобальной компьютерной сети. Иные же оперативные подразделения, и в особенности сотрудники органов дознания (осуществляя производство по ч. 1 ст. 159 УК РФ) зачастую обладают весьма скромным опытом выявления и изобличения таких мошенников, закрепления доказательств, существующих в электронной форме.

Соответственно, следует усилить подготовку новых и переподготовку существующих специалистов. В противном случае в ближайшие годы мы будем видеть скромный прирост количества случаев мошенничества посредством компьютерных технологий, отражающий проблему нехватки квалифицированных кадров.

Список литературы

1. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
2. Аудитория Рунета 2004-2008: замедляющийся рост – 2008 год / ООО «Рамблер Интернет Холдинг». URL: http://rumetrika.rambler.ru/publ/article_show.html?article=3614 (дата обращения: 7 янв. 2015 г.).
3. Национальная ассоциация участников электронной торговли: официальный сайт. URL: <http://www.nauet.ru/> (дата обращения: 24 окт. 2015 г.).
4. Терминальные хроники // Фонд «Общественное Мнение»: официальный сайт. URL: <http://fom.ru/Экономika/10197> (дата обращения: 4 нояб. 2015 г.).
5. Банковские карты в регионах РФ: состояние и перспективы // Фонд «Общественное Мнение»: официальный сайт. URL: <http://fom.ru/blogs/10086> (дата обращения: 4 нояб. 2015 г.).

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ТОРОПКИН С.А., кандидат юридических наук, st81@rambler.ru Кафедра конституционного и международного права; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	TOROPKIN S.A., Candidate of Legal Sciences, st81@rambler.ru Chair of constitutional and international law; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation
---	---

ЛИШЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРАВА НА ПЕНСИЮ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Реферат. Социальное обеспечение сотрудников органов внутренних дел обуславливает эффективность их деятельности. Пенсионное обеспечение является одной из основных социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел, поэтому возможность лишения пенсии является важным средством воздействия на их поведение. Решение законодателем вопроса о лишении пенсии основывается на традиционном представлении о сущности пенсии как награды за добросовестную службу. Анализируется эволюция законодательства, регулирующего вопросы лишения пенсий сотрудников органов внутренних дел, сравнивается дореволюционное и современное российское законодательство. Рассматриваются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу. Сделан вывод о том, что по сравнению с дореволюционным периодом в действующем российском законодательстве существенно сократился перечень случаев, когда сотрудник органов внутренних дел может быть лишен пенсии. Такая возможность сохраняется лишь в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления в период службы, которое повлечет лишение сотрудника специального звания по приговору суда. Не могут быть лишены пенсионных прав сотрудники полиции, совершившие преступления, но не лишённые специального звания или же ставшие преступниками уже после выхода на пенсию. Не применяются такие основания лишения сотрудников полиции пенсии, как выезд на постоянное место жительства за границу, поступление на службу в иностранном государстве или пострижение в монашество. Подобный подход законодателя демонстрирует общую тенденцию в эволюции представлений о пенсии от идеи пенсии как награды к пониманию ее как гарантированного права, собственности пенсионера.

Ключевые слова: пенсия; пенсионное обеспечение сотрудников полиции; лишение пенсии; лишение специального звания; эволюция пенсионного обеспечения.

FORFEITURE OF THE RIGHT FOR PENSION FOR POLICE OFFICERS: HISTORY AND THE PRESENT

Abstract. Social welfare of law enforcement officers determines the effectiveness of their activities. Providing pensions is one of the basic social guarantees for police officers, so the possibility of forfeiture of pension is an important means of influencing their behavior. The legislator's decision concerning the issue of forfeiture of pension is based on the traditional view about the nature of the pension as a reward for faithful service. The evolution of the legislation regulating the issues concerning the forfeiture of pensions of law enforcement officers is analyzed. Pre-revolutionary and the current Russian legislation are compared. The legal position of the RF Constitutional Court on this issue is considered. It's concluded that, in comparison with the pre-revolutionary period, the list of cases when the employee of internal affairs bodies may be deprived of pension is substantially reduced in the current Russian legislation. This is still possible only in case of committing a grave or especially grave crime during the period of service, involving the deprivation of the officer's special rank by court sentence. Police officers who have committed crimes, but were not deprived of special rank, or who have become criminals after their retirement cannot be deprived of their pension rights. Departure for permanent residence abroad, admission to service in a foreign country or becoming a monk cannot be the grounds for forfeiture of police pensions. Such approach of the legislator demonstrates a general trend in the evolution of ideas about retirement from the idea of pension as a reward to understanding it as the guaranteed right, the pensioner property.

Keywords: pension, providing pensions for police officers, forfeiture of pension, deprivation of special rank, evolution of pension provision.

Льготный порядок пенсионного обеспечения является одной из основных социальных гарантий служащих в полиции [1, с. 15-17]. В отличие от обычных граждан сотрудники органов внутренних дел имеют право на государственную пенсию за выслугу лет. При этом срок службы в полиции для получения пенсии по общему правилу составляет 20 лет, что позволяет полицейским получать пенсию гораздо раньше общеустановленного пенсионного возраста (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин).

Возможность лишения права на пенсию является важным стимулирующим фактором к правомерному поведению сотрудников полиции и добросовестному исполнению ими своих должностных обязанностей. Однако следует отметить, что многие сотрудники полиции не владеют информацией о возможности лишения их пенсии. Результаты проведенного автором настоящей статьи экспертного опроса действующих сотрудников полиции* показали, что подавляющее большинство сотрудников полиции (86 %) полагают, что не могут быть лишены пенсии ни при каких обстоятельствах. Те же из опрошенных, кто ответил положительно на вопрос о возможности лишения их пенсии, как правило, не могли назвать точные основания, по которым лишение пенсии возможно. В данном случае, по нашему мнению, имеет место ситуация, когда реализация правовых актов и целых направлений правовой политики может тормозиться по причине недостаточных правовых знаний [2, с. 133].

Правила лишения пенсии за выслугу лет отражают сущность данного права. Устанавливая льготный порядок пенсионирования для сотрудников полиции, законодатель подчеркнул значимость для государства выполняемых органами внутренних дел функций. На наш взгляд, льготные пенсии в полиции можно рассматривать как поощрительную меру для граждан, посвятивших себя службе в органах внутренних дел. Сотрудник полиции служит государству, которое, в свою очередь, поощряет его предоставлением льготных пенсионных прав. Соответственно, в случае существенного нарушения своих должностных обязанностей, совершения преступления на службе закономерно будет лишение сотрудника полиции пенсии за выслугу лет.

* В опросе приняли участие 150 человек.

Подобная позиция подтверждается историей возникновения и развития государственных пенсий. Так, введенное впервые Петром I право на пенсию закреплялось в главе VI Морского устава 1920 г. с показательным наименованием «О награждении. Дабы всякий служащий во флоте ведал и был благонадежен, чем за такую службу награжден будет». В качестве награды пенсия воспринималась и разработчиком общего пенсионного устава 1827 г. — министром финансов Российской империи графом Д.А. Гурьевым, который подчеркивал, что пенсия «есть вознаграждение, даруемое Правительством тем из служащих и их семействам, которые приобрели на нее право беспорочной службой в течение установленного числа лет» [3, с. 24]. Сам же Устав о пенсиях и единовременных пособиях от 6 декабря 1827 г., определявший пенсионные права сотрудников полиции в Российской империи, начинается со слов «в награду трудов»**.

Таким образом, с момента возникновения государственное пенсионное обеспечение рассматривалось в России как разновидность поощрения, награды за службу. Анализ истории развития института пенсионного обеспечения сотрудников полиции в России показывает, что пенсии могли назначаться лишь за добросовестную службу. Исходя из этого, сотрудники полиции могли быть лишены пенсии в случае совершения преступлений.

Первым нормативным актом, регулировавшим вопросы пенсионного обеспечения сотрудников органов внутренних дел, стал утвержденный Екатериной II в 1764 году доклад Сената «О пенсиях статских чиновников», согласно которому пенсии лишались чиновники, имевшие судимость за «большие и бесчестные преступления»***. Правда, перечня правонарушений «больших» и «бесчестных», влекущих лишение права на пенсию, законодатель не устанавливал.

В Уставе о пенсиях 1827 г. предусматривалось условие прекращения выплаты уже назначенной пенсии. Право на пенсию «уничтожалось», если «чиновник в службе, или в отставке, по суду приговорен будет к наказанию, со внесением онаго в послуж-

** Устав о пенсиях и единовременных пособиях. 6 декабря 1827 г. // ПСЗРИ 2. Т. II. N 1592.

*** О пенсиях статских чиновников: Высочайше утвержденный доклад Сената. 7 июня 1764 г. // ПСЗРИ. Собрание I. Т. XVI. N 12175.

ной список»*. Однако перечень составов преступлений, последствием которых было «уничтожение» права на пенсию, отсутствовал. Имелась лишь оговорка о том, что «выговор», сделанный чиновнику по судебному приговору, с внесением в послужной список, не лишает его права на пенсию.

В дальнейшем вопрос о лишении права на пенсию за противоправные деяния был подвергнут дальнейшей конкретизации в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Лишение пенсионных прав зависело от наказания, которому подвергался чиновник, — различные последствия имели «отрешение», «исключение» и «удаление» от должности. Безусловно лишались права на пенсию те чиновники, которые подвергались уголовным или исправительным наказаниям, соединенным с потерей всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также приговоренные к «исключению» со службы. В отношении лиц, «отрешенных» от должности, закон разрешал указанное наказание не считать препятствием к дальнейшему прохождению службы и к получению пенсий.

Чиновники, приговоренные судом к наказаниям, соединенным с лишением или ограничением прав состояния, как и к исключению со службы, лишались права на пенсию даже в том случае, если по «Высочайшему милосердию» были избавлены от присужденного им наказания. Равным образом лишались права на пенсию чиновники, бывшие под судом по обвинению в преступных деяниях, влекущих за собой наказания, лишаящие права на пенсию, но помилованные монархом. Иными словами, монарх освобождал тех или иных лиц от суда и наказания, но не освобождал их от последствий нахождения под судом или присужденного наказания. Для этого требовался особый, дополнительный акт монаршей милости.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержатся составы преступлений, за которые назначались наказания в виде «исключения» со службы, сопряженные с лишением пенсионных прав. Это мог быть подлог по службе, когда «должностное лицо, избличенное в выдаче заведомо ложного свидетельства о болезни, бедности или хорошем поведении

другого и тому подобного из корыстных видов...»; «мздоимство и лихоимство» («кто для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы примет в дар деньги, вещи или что иное, сколько бы, впрочем, сумма денег или цена вещей им полученным ни была малозначительна...», «...когда им учинено или допущено что-либо противное обязанностям службы, хотя и не для собственной корысти, но для доставления другому незаконной прибыли...»)**.

Не все взыскания влекли за собой лишение права на пенсию. Такие санкции, как денежные взыскания, налагаемые по суду или в административном порядке, выговоры, замечания, аресты (даже внесенные в послужной список), не сказывались на пенсионных правах сотрудников полиции. Кроме того, наказания, налагаемые на чиновника во внесудебном порядке, не лишали его права на пенсию. В частности, Положением Комитета Министров от 29 мая 1834 г. было установлено, что опубликование (повсеместное оповещение путем печатных указов Правительствующего Сената о нарушении закона, с поименованием всех лиц, участвовавших в данном нарушении), которому подвергались чиновники правительственных учреждений, не являлось препятствием к назначению им пенсий***.

Начало XX века характеризуется некоторой либерализацией уголовного законодательства по вопросу лишения пенсионных прав государственных служащих. В Уголовном уложении 1903 года указывалось, что лишение пенсии как дополнительное наказание сопряжено с такими главными наказаниями, как смертная казнь, каторга, ссылка на поселение или заключение в исправительном доме, а также «соединенном с лишением прав состояния заключением в тюрьме»****. Таким образом, лишение пенсии стало применяться лишь в совокупности с

** Высочайше утвержденное Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1846. Т. XX. N 19283.

*** О пенсиях чиновникам, опубликованным за упущение, медленность и неправильное применение или неисполнение законов: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров. 29 мая 1834 г. // ПСЗРИ. Собрание II. Т. IX. N 7133.

**** Высочайше утвержденное Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. // ПСЗРИ. Собрание III. Т. XXIII. N 22704.

* Устав о пенсиях и единовременных пособиях. 6 декабря 1827 г. // ПСЗРИ 2. Т. II. N 1592.

наиболее строгими видами уголовных наказаний. Однако чиновник мог лишиться пенсии, совершив не только должностное, но и иное тяжкое преступление, повлекшее назначение ему соответствующего наказания.

В то же время власть не могла не реагировать на нарастающую политическую нестабильность в обществе. В начале XX века появилась практика отказа в назначении пенсии по мотивам «политической неблагонадежности». Иллюстрацией того, что российское правительство связывало назначение пенсий чиновникам с их полной лояльностью по отношению к существующему строю и политике государства, может служить указ Николая II от 26 декабря 1903 года: «Государь Император... Высочайше указать соизволил, что чиновники... не могут считаться имеющими право на пенсию в случае удаления их... от службы за политическую неблагонадежность, противодействие распоряжениям Правительства и другие несовместные со служебным долгом поступки»*.

Производство пенсии сотруднику органов внутренних дел в царской России могло прекращаться также вследствие пострижения его в монашество, принятия должности или службы «иноземной» без согласия российского правительства или недозволенного пребывания за границей сверх положенного срока (5 лет).

Особая процедура предусматривалась для чиновников, уже уволенных в отставку с пенсией, если они попадали под следствие или под суд по делам прежней службы. В этом случае подследственному или подсудимому лицу выплачивалась половина пенсии. Другая половина выдавалась ему в том случае, если он по суду был оправдан или присужден к наказанию, не лишаящему права на пенсию**.

Таким образом, законодательство Российской империи, основывавшееся на

понимании пенсии как награды за службу, устанавливало перечень случаев, когда сотрудник органов внутренних дел (как и любой гражданский чиновник) мог лишиться права на пенсию. Этот перечень включал в себя как случаи назначения чиновнику определенных уголовных наказаний, так и иные не связанные с уголовной ответственностью основания. При этом не имел существенного значения факт нахождения лица на службе, — пенсии могли быть лишены также и те, кто был уже в отставке. Законодателю того времени представлялось справедливым лишение лица награды в виде пенсии, если оно совершило тяжкое преступление, даже не связанное с его служебной деятельностью. Несмотря на то, что подобный подход являлся строгим, он стимулировал отставных чиновников к правомерному поведению, а также способствовал экономии бюджетных средств.

Несколько иначе вопрос лишения сотрудников полиции пенсии решается в современном российском законодательстве. Согласно ч. 3 ст. 2 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года N 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»*** бывшим лицам начальствующего состава органов внутренних дел, лишенным в установленном законодательством порядке специальных званий, пенсии назначаются на основаниях, установленных Федеральным законом «О страховых пенсиях». Иными словами, сотрудники органов внутренних дел теряют право на пенсию лишь в случае лишения их специального звания в установленном законом порядке.

Действующее российское законодательство предусматривает возможность лишения сотрудника полиции специального звания лишь в качестве дополнительного уголовного наказания в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления. Применение данной меры ответственности относится к усмотрению суда, который должен учитывать личность

* По поводу Высочайшего разъяснения статьи 2 Высочайшего постановления от 1 (14) августа 1902 года, о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств: Высочайшее повеление по Великому Княжеству Финляндскому. 26 декабря 1903 г. // ПСЗРИ. Собрание III. Т. XXIII. N 23779.

** О вознаграждении чиновников и их семейств за безвинное нахождение под следствием или судом: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. 26 июня 1851 г. // ПСЗРИ. Собрание II. Т. XXVI. N 25340.

*** Рос. газ. 1993. 26 февр.

виновного. При этом в приговоре должно быть указано, почему невозможно сохранение подсудимому его специального звания*.

Следует отметить, что действующая норма закона о лишении сотрудников полиции пенсии носит «расплывчатый» характер, оставляя возможность для ее различного толкования. В законе не закреплено такое условие лишения сотрудника полиции специального звания, как время совершения преступления, а именно: в период прохождения службы или в любое другое время, даже после увольнения. Необходимо учитывать, что специальные звания сотрудников органов внутренних дел имеют как действующие сотрудники полиции, так и сотрудники полиции в отставке. В связи с этим споры вызвал вопрос о том, должен ли лишаться пенсии за выслугу лет сотрудник полиции в отставке, совершивший преступление уже после увольнения и лишенный судом специального звания.

Пенсионными органами положения закона были истолкованы буквально, поэтому выплаты государственных пенсий должны прекращаться лицам, лишенным специального звания по приговору суда, независимо от времени совершения ими соответствующих преступлений. Однако такая практика вызвала возражения со стороны пенсионеров, которые совершили преступления уже после выхода на пенсию и были лишены специального звания за преступления, не связанные с их служебной деятельностью. В связи с этим норма закона о лишении государственных пенсий стала предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 1995 года по делу о проверке конституционности статьи 124 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» и от 15 июня 1998 года по делу о проверке конституционности положений статей 2, 5 и 6 Закона Российской Федерации «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пре-

делу Российской Федерации» выражена правовая позиция, согласно которой права гражданина в области пенсионного обеспечения производны от его трудовой или иной общественно полезной деятельности. Конституционный Суд РФ при этом подчеркнул, что пенсии за выслугу лет и другие пенсии, назначаемые в связи с трудовой или иной общественно полезной деятельностью, заработаны, заслужены предшествующим трудом, военной службой, выполнением других значимых для общества обязанностей, что предопределяет содержание и характер обязанностей государства по отношению к тем гражданам, которые приобрели право на получение таких пенсий. Из этого следует, что государство обязано выплачивать им пенсии независимо от того, отбывают ли они по приговору суда наказание в виде лишения свободы, проживают на территории России либо выезжают на постоянное жительство за пределы Российской Федерации, — право гражданина на получение полагающейся ему пенсии в силу правовой природы пенсий, носящих характер трудовых, не может связываться с такими условиями.

В силу приведенных правовых позиций, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, не может рассцениваться как соответствующее статье 55 (части 3) Конституции Российской Федерации ограничение права граждан на получение заработной, заслуженной пенсии за выслугу лет путем прекращения ее выплаты только на том основании, что они лишены приговором суда воинского или специального звания за преступления, совершенные после увольнения с военной или правоохранительной службы**.

Подобная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации

** Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апр. 2005 г. N 184-О по жалобе гражданина Ефимова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. N 2: ред. от 3 дек. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вполне согласуется с практикой Европейского Суда по правам человека, считающего, что назначение человеку пенсии на основании решения уполномоченного органа или суда, вступившего в законную силу, наделяет его «законными ожиданиями» на получение пенсии, поэтому право на назначенную пенсию подлежит защите наравне с правом собственности [4, с. 168-174].

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации определил, что совершение лицом преступления в период прохождения службы, повлекшее лишение воинского звания по приговору суда, свидетельствует об отсутствии права на пенсию за выслугу лет, которое должно быть заслужено безукоризненным выполнением конституционно значимых обязанностей*. Следовательно, сотрудник полиции, совершивший преступление в период военной службы и лишенный по приговору суда воинского звания, не имеет права на получение пенсии за выслугу лет. Утрата права на пенсию за выслугу лет не может рассма-

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Климовича Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2011 г. N 863-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

триваться в данном случае как дополнительное наказание, а является следствием изменения правового статуса гражданина.

Таким образом, следует заключить, что по сравнению с дореволюционным периодом в действующем российском законодательстве существенно сократился перечень случаев, когда сотрудник органов внутренних дел может быть лишен пенсии. Такая возможность сохраняется лишь в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления в период службы, которое повлечет лишение сотрудника специального звания по приговору суда. Не могут быть лишены пенсионных прав сотрудники полиции, совершившие преступления, но не лишенные специального звания или же ставшие преступниками уже после выхода на пенсию. Кроме того, сегодня не применяются такие основания лишения сотрудников полиции пенсии, как выезд на постоянное место жительства за границу, поступление на службу в иностранном государстве или пострижение в монашество. Однако институт лишения пенсии по-прежнему является средством позитивной юридической ответственности, поскольку направлен на развитие правомерного поведения субъектов права, влияет на их самоконтроль на информационно-психологическом уровне [5, с. 10].

Подобный подход законодателя демонстрирует общую тенденцию в эволюции представлений о пенсии — от понимания пенсии как награды к представлениям о пенсии как о праве, собственности пенсионера.

Список литературы

1. Быковская Ю.В. Основные направления развития системы социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в 1991-2001 годах // Проблемы экономики. 2014. N 1. С. 9-20.
2. Васильева Ю.В. Становление правовой политики в сфере социального обеспечения: проблемы и подходы // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. N 2. С. 129-135.
3. Труды Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. СПб., 1871. Т. I.
4. Торопкин С.А. Право на пенсию в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. N 3 (31). С. 168-174.
5. Цишковский Е.А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

РУБИНИНА Э.Р., elina_e90@mail.ru	RUBININA E.R., elina_e90@mail.ru
Кафедра теории и истории государства и права; Северо-Кавказский федеральный университет, 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1	Chair of theory and history of state and law; North-Caucasian Federal University, Pushkina St. 1, Stavropol, 355009, Russian Federation

ПОНЯТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Реферат. Судебная система обеспечивает воплощение принципов демократии и гражданского общества в жизнь, выступает важнейшей составляющей реализации прав и свобод человека и гражданина, господства закона. В юридической науке и практике сложились неоднозначные представления о понятии «судебная система», критическое осмысление которых позволило выделить качественно новые составляющие названной категории. Рассматриваются и обобщаются современные представления о категории «судебная система», критикуются их недостатки. Суд автором определяется как орган государственной власти, который призван юридическим способом разрешать насущные потребности населения, руководствуясь законом, профессиональным правосознанием и социальной справедливостью. Обосновывается, что современный суд – это не только орудие принуждения (воздаяния), компромисса, но и орган нормоконтроля, воспитания граждан в духе соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Действующая судебная система в большинстве случаев понимается населением исключительно как деятельность суда, который руководствуется только функциональной задачей обеспечивать правосудие в различных видах судопроизводства. Резюмируется, что судебная система – это определяемая законом внутренняя организация судебной власти, складывающаяся из взаимодействия: общественных институтов, органов судейского сообщества и упорядоченных по юрисдикционно-процессуальному признаку судебных органов, организующих и обеспечивающих конституционное, гражданское, уголовное, административное и арбитражное судопроизводство. Предлагаемое понимание судебной системы ориентирует на качественное повышение эффективности судебной системы в обеспечении общественного контроля за деятельностью государства и населения в различных ситуациях: для пресечения произвола чиновников, в урегулировании конфликтов, возникающих на бытовой либо экономической почве.

Ключевые слова: судебные органы; элементы судебной системы; понятие судебной системы.

THE CONCEPT OF THE JUDICIAL SYSTEM IN MODERN RUSSIA: NEW APPROACHES

Abstract. The judicial system provides the realization of the principles of democracy and civil society. It's an important component of the implementation of the rights and freedoms of man and citizen, the rule of law. Legal science and practice is characterized by ambiguous views about the concept of "judicial system". Their critical reflection allowed the author to identify new components of the named category. The current understanding of the category "judicial system" is examined and summarized, its shortcomings are criticized. The author defines the court as a public authority, which is called to solve the urgent needs of the population, guided by law, professional legal awareness and social justice. It's proved that modern court is not only an instrument of coercion (retribution), a compromise, but also the body of normative control, education of citizens in the spirit of respect for the rights and freedoms of man and citizen. In most cases, the current judicial system is understood by population solely as the activity of court, which is guided only by the functional task of ensuring justice in different types of proceedings. It's summarized that the judicial system is the internal organization of the judicial power, determined by law and consisting of the interaction of: public institutions, bodies of judicial community, judicial bodies ordered by jurisdiction procedural grounds and organizing and ensuring the constitutional, civil, criminal, administrative and arbitration proceedings. The proposed understanding of the judicial system focuses on improving efficiency of the judicial system in ensuring public control over the activities of state and population in different situations.

Keywords: judicial authorities; elements of judicial system; concept of judicial system.

Судебная власть выступает одним из важнейших институтов современной жизни. Действуя как система, судебная власть призвана гарантировать цивилизованные формы и методы осуществления власти народа в сферах, обладающих особой, повышенной ценностью для всех субъектов общественных отношений. Именно работа суда обеспечивает воплощение принципов демократии и гражданского общества в жизнь, выступает важнейшей составляющей реализации прав и свобод человека и гражданина, господства закона. Качественная работа судебной системы гарантирует общественный контроль за деятельностью государства и населения в различных ситуациях: для пресечения произвола чиновников, в урегулировании конфликтов, возникающих на бытовой либо экономической почве. Преимущество судебного разбирательства заключается в том, что конфликт разрешается на основе закона, а стороны ставятся в равное положение, исключая возможности злоупотребления с любой стороны. Независимое, скорое, справедливое и доступное правосудие создает предпосылки для формирования рыночной экономики, правовой защищенности населения и обеспечения законности.

Сложившиеся рассуждения о судебной системе обычно сводятся к представлениям о совокупности определенных судебных органов, явлений и действующих лиц, которые ассоциируются с понятием «суд». Все эти структурные элементы не существуют обособленно, независимо друг от друга, а составляют определенную систему – совокупность, все части которой взаимосвязаны так, что изменение хотя бы одной части приводит к изменениям во всей системе. Элементы судебной системы упорядочены, взаимообусловлены и образуют определенную целостность. Сказанное определяет необходимость критического осмысления сложившихся точек зрения относительно понятия «судебная система».

По мнению Н.А. Колоколова, применительно к судебной власти термин «система» относится к числу наиболее употребляемых. Во-первых, потому, что реализация судебной власти в современных условиях носит упорядоченный, системный характер. Во-вторых, потому, что носителем судебной власти выступает ее ап-

парат – судьи, суды в их совокупности [1, с. 89]. Под уровнями (звеньями) судебной системы понимают элементы ее структуры, представляющие группы судов, отличающиеся друг от друга только по деятельному (юрисдикционно-процессуальному) признаку [2, с. 198].

С точки зрения А.В. Никитиной, в структуру судебной системы необходимо включить следующие элементы: принципы организации судебной системы; органы управления судебной системой; органы судейского сообщества; судейский корпус, в широком понимании состоящий из судей как носителей судебной власти, судей в отставке, народных, присяжных, арбитражных заседателей; совокупность разнообразных связей и отношений между данными элементами [3, с. 16].

На наш взгляд, последняя интерпретация категории «судебная система» чрезвычайно широка, так как не отражает подчиненность задач, принципов организации и деятельности судебных органов общей цели деятельности судебной системы – обеспечению правосудия.

Необходимость подчинения всех элементов судебной системы единой цели деятельности объясняется тем, что судебная система каждого государства формируется в определенное историческое время в конкретном регионе, характеризуется определенными национальными особенностями, складывается в обществах с различными нравами, верованиями, обладает особым характером, имеет свою специфику, при этом общим свойством всех судебных систем развитых государств является наличие общей цели, которая в конечном счете определяет круг решаемых задач и организацию структуры по их решению.

Например, судебная система Германии включает в себя пять основных областей юстиции: общую, трудовую, социальную, финансовую и административную с соответствующим утверждением пяти систем судов, каждая из которых имеет собственный высший судебный орган.

Судебная система Франции состоит из трех уровней судов: суд первой инстанции, апелляционный суд и кассационный суд. Существуют специализированные суды, которые вписаны в указанную трехуровневую систему (например, обжалование решений специализированных судов

производится в обычные апелляционные суды и в кассационный суд).

Судебная система Италии содержит в себе такие подсистемы: суды общей юрисдикции, рассматривающие гражданские и уголовные дела, куда включаются мировые судьи; суды по делам несовершеннолетних, трибуналы по делам публичного водопользования и суды ассизов; административные суды; военные трибуналы. Суды действуют в 23 судебных округах, которые, как правило, не совпадают с политико-административными единицами.

Судебная система Англии и Уэльса включает следующие судебные органы: 1) Апелляционный суд; 2) Высокий суд; 3) Суд Короны; 4) суды магистратов и суды графств.

Понятием современной судебной системы Японии охватывается Верховный суд, высшие, территориальные, семейные и первичные суды.

Итак, организация судебных органов осуществляется по юрисдикционно-процессуальной компетенции, объединяющей в себя суды единой целью — необходимостью осуществления правосудия в наиболее важных сферах жизнедеятельности гражданского общества.

Таким образом, в большинстве современных определений при анализе судебной системы учитывается только ее структурная, организационная составляющая (судоустройство), то есть только система судов, хотя в силу толкования термина «система» в широком смысле понятие «судебная система» гораздо шире и богаче по содержанию, поскольку определяет единство цели, вытекающие из нее задачи с подчиненной им соответствующей структурой, обеспечивающей их решение.

Исходя из изложенного считаем правильным согласиться с мнением В.А. Терехина о широком и узком видении судебной системы [4, с. 38]. В узком значении — это собственно судоустройство, а широкое понимание судебной системы отличается множественностью ее структурных компонентов.

Ю.М. Гайдидей рассматривает судебную систему в широком смысле слова, определяя ее как саморегулируемую социальную организацию, являющуюся формой выражения судебной власти [5, с. 9]. В качестве структуры судебной системы

определяются следующие элементы: система судов как центральный элемент судебной системы; судейский корпус; органы судейского сообщества; третейские суды; работники аппаратов судов; арбитражных и присяжных заседателей; судебно-правовая культура; судебное и судейское право.

Соглашаясь с мнением автора в целом, считаем необходимым высказать возражения по нескольким моментам.

Во-первых, судебная система не может быть представлена только как определенная совокупность элементов, взаимодействующих по принципу саморегулирования, так как опыт использования последних, как правило, в системе государственного управления не приводит к положительным результатам. Думается, более верно рассматривать ее как самоорганизующуюся на основе официально определенных принципов систему судов.

Во-вторых, в соответствии с общей логикой содержания в контексте различных видов систем должно быть отражено такое базовое сущностное свойство, которое определяет (связывает) взаимодействие ее элементов. В качестве такой основы судебной системы предлагается выделить совокупность правовых норм, определяющих цель деятельности судебной системы, общие начала (принципы), на основе которых осуществляется функционирование судебной власти.

В-третьих, любая система — это совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях не только друг с другом, но и со множеством взаимосвязанных элементов, обособленных внешней средой и взаимодействующих с ней как целое. Судебная система не лишена подобного качества, поскольку в организации и осуществлении деятельности судебных органов испытывает влияние общества.

Например, при формировании судебных органов в современной России законодатель учитывает количество субъектов Российской Федерации, федеральных округов, численность населения, специфику вопросов, подлежащих рассмотрению. В соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ при вынесении приговора судья должен руководствоваться справедливостью — морально-этической категорией, формируемой обществом. Суть последней заключается в необходимости при назначении на-

казания рассмотреть сначала возможность назначения более мягкого вида наказания из числа предусмотренных законом. Более строгий вид применяется только в случае, если менее строгий вид не может обеспечить целей наказания в пределах, предусмотренных статьей.

Обращение к действующему законодательству позволяет отметить отсутствие легального определения судебной системы. Вместе с этим необходимо указать, что в настоящее время действует Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»*, анализ структуры которого позволяет сделать ряд теоретических выводов относительно понимания судебной системы законодателем.

1. Законодатель не разделяет понятие судебной власти и судебной системы.

2. Правовой основой, создающей судебную систему, являются Конституция РФ и Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации».

3. Судебная система представлена в виде упорядоченной организации системы судов, функционирующих на определенных принципах, к которым относятся: единство судебной системы, самостоятельность и независимость судей, обязательность судебных постановлений, равенство всех перед законом и судом, участие граждан в судопроизводстве, гласность и язык судопроизводства.

4. Судебная система организуется путем закрепления основ статуса судей, в которые включены порядок наделения их полномочиями, срок и формы реализации полномочий судьи, регламентируется порядок создания и упразднения судов, их компетенция.

Представленный законодателем подход отличается конструктивностью, прагматичностью и выводит на первый план организационно-функциональный аспект деятельности судебной системы, не отражая при этом механизмы самоорганизации судебной власти, всего многообразия внешних факторов, оказывающих влияние на судебную систему. Данный подход приводит к отождествлению катего-

рий «система органов судебной власти», «судоустройство» и «судебная система», поскольку «...связывает с понятием “система” только те образования, которые непосредственно осуществляют судебную властную деятельность, оставляя без внимания аспекты, опосредующие эту (курсив наш. — Э.Р.) деятельность, а также ее “инфраструктуру” — органы судейского сообщества, органы судебного управления, судейский корпус, чьи усилия непосредственно направлены на обеспечение выполнения основной функции судебной системы — осуществления правосудия» [6, с. 10].

Законодателем не учитывается то, что судебная система является разновидностью правовой системы общества, такой же, как правоохранительная, информационная система и др., поскольку испытывает на себе влияние общества, благодаря деятельности Конституционного Суда РФ выверяет юридические средства, используемые законодателем для урегулирования общественных отношений и применяемые в области правосудия для разрешения возникающих в обществе вопросов, на их соответствие Конституции РФ.

Преимущество использованного законодателем подхода к рассмотрению судебной системы состоит в том, что, будучи достаточно широким, он отражает сложный юридический мир, в котором участники судопроизводства подчинены официальным законам и сложившимся в обществе представлениям о справедливости. В связи с этим необходимо учитывать следующее обстоятельство: в силу усложнения социальных отношений, отставания права от реальной жизни, а также особых правовых рычагов, используемых в принимаемых решениях, перед правосудием возникает задача такого обоснования своих решений, которое могло бы получить одобрение в современной социальной среде. Научная ценность таких представлений о судебной системе заключается в том, что она открывает перед исследователем дополнительную возможность для комплексного анализа функционирования элементов судебной системы и институтов гражданского общества. Это новый уровень научной абстракции в сфере судопроизводства и судоустройства, иная плоскость их рассмотрения.

Развивая приведенную мысль, можно заключить, что сущность судебной

* О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 1. Ст. 1.

системы определяется тем, насколько эффективно и последовательно, в соответствии ли с принципами и основными идеями правового государства и социальной справедливости она защищает и восстанавливает те социальные ценности, которые провозглашаются Конституцией России, воплощаются в правовой системе и поддерживаются населением.

Использование подхода, представленного законодателем в трактовке судебной системы, способствует новому осмыслению права через призму правосудия как элемента, выражающего прежде всего интересы государства. С помощью действующей судебной системы предотвращается такой вид разрушительного радикализма, как «харибда» — распространение анархии, при этом нет существенного противодействия «сцилле» — произволу власти. Гарантируемые в современной России судебными органами правила создают такую правовую организацию, которая должна «не позволять власти выйти за пределы права и направлять деятельность субъектов гражданского общества с учетом социально значимых интересов, гарантированных Конституцией РФ и действующим законодательством» [7, с. 114].

Вместе с положительными моментами существующего подхода в понимании сущности судебной власти в современной России необходимо принять во внимание тот факт, что судебная власть — это прежде всего потребность гражданского общества и цивилизованной правовой государственности. Судебная власть не может существовать ради самой себя, она должна иметь инструменты правового характера, создающие реальную возможность для воздействия на власть (государство) и для упорядочения жизнедеятельности человека, институтов гражданского общества. В связи с этим судебные органы наделяются особыми полномочиями конституционного судебного контроля за актами законодательной и президентской власти в области управления и т.д. Отсюда вытекает прямая связь между обеспечением прогрессивного развития, достижением и сохранением социального мира, достойного уровня жизни каждого человека и гражданина и системой конституционного, гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства.

На основании вышеизложенного можно сделать промежуточный вывод, который подчеркнет значимость суда в судебной системе. Суд — это орган государственной власти, который призван юридическим способом разрешать насущные потребности населения, руководствуясь законом, профессиональным правосознанием и социальной справедливостью.

Современный суд — это не только орудие принуждения (воздаяния), компромисса, но и орган нормоконтроля, воспитания граждан в духе соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Указанные аспекты в имеющихся определениях судебной системы не получили своего отражения. Как следствие, действующая судебная система в большинстве случаев понимается населением как деятельность суда, который руководствуется только функциональной задачей — обеспечивать правосудие в различных видах судопроизводства, строго следуя предписаниям закона.

В главах 2 и 3 Конституции РФ определяется структурно-функциональная организация судебной системы. Исключительная компетенция судебных органов в разрешении правовых конфликтов (ст. 46 Конституции РФ) подчеркивается распределением дел по территориальному принципу. Иерархическая организация судов по вертикали обеспечивает проверку решений по спорным делам нижестоящих судов в вышестоящих судах и определяет механизм движения дел по действующим судебным инстанциям. Такая организация обусловлена конституционными нормами, гарантирующими право каждому на обжалование в суде любых действий и решений государственных органов. Данное право распространяется и на решения судов. В части 3 ст. 50 Конституции РФ закреплена обязанность государства гарантировать каждому право на пересмотр вынесенного по делу обвинительного приговора в вышестоящем суде.

Федеральный законодатель, определяя действующую судебную систему и пути ее развития: а) отразил суды, образующие федеральную судебную систему (федеральные суды); б) отразил все виды судопроизводства (в соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции), их закрепление за судами и осуществление ими; в) предусмотрел возможность создания в будущем новых ви-

дов юрисдикции (специализированных судов по административным, гражданским делам и делам в отношении несовершеннолетних); г) предусмотрел все звенья судов, относящихся к каждому из видов юрисдикции; д) предусмотрел возможности субъектов федерации в организации судов на основе собственных законов.

Использование современной модели организации судебной власти целесообразно на стадии формирования демократическим государством новой судебной системы. С углублением демократизации общественной жизни нужны новые подходы в организации такой системы.

Рассуждая о судебной системе, мы обычно представляем себе совокупность определенных судебных органов, явлений и действующих лиц, которые ассоциируются с понятием «суд». Все эти структурные элементы не существуют обособленно, независимо друг от друга, а составляют определенную систему – совокупность, все части которой взаимосвязаны так, что изменение хотя бы одной части приводит к изменениям во всей системе. Единство судебной системы объясняется упорядоченностью, взаимообусловленностью и образуемой целостностью включаемых в нее элементов.

Эффективная деятельность судебной системы обеспечивается взаимодействием следующих составляющих судебной системы: 1) целей и задач деятельности органов судебной власти, к которым можно отнести обеспечение законности и обоснованности судебных решений, борьба с коррупцией в судебных органах, обеспечение доступности правосудия населению и др.; 2) системы средств, методов и способов обеспечения функционирования судебных органов с целью организации необходимого гражданам уровня судебной защиты; 3) реализации научных идей, взглядов, концепций, обеспечивающих повышение действенности органов правосудия; 4) критериев оценки деятельности судей, судебных органов и судебной системы в целом; 5) основных направлений совершенствования формирования и функционирования судебной власти.

Сравнивая понятия «судоустройство» и «судебная система», следует заметить, что «судебная система» – более емкое понятие, чем понятие «судоустрой-

ство», поскольку охватывает всех лиц и все институты, участвующие в осуществлении правосудия, а также неформальные и негосударственные факторы и явления, влияющие на выработку и реализацию решений в сфере правосудия. В самом широком толковании в понятие «судебная система» включается все то, что имеет отношение к осуществлению правосудия. Судебная система – это не только иерархически выстроенное устройство судов, совокупность государственных учреждений, призванных заниматься отправлением правосудия. Судебная система – это комплексное явление публично-правового характера, использующее в своей деятельности особые правовые средства.

На основании вышеизложенного считаем, что судебная система – это определяемая законом внутренняя организация судебной власти, складывающаяся из взаимодействия: 1) общественных институтов, 2) органов судейского сообщества, 3) упорядоченных по юрисдикционно-процессуальному признаку судебных органов, организующих и обеспечивающих конституционное, гражданское, уголовное, административное и арбитражное судопроизводство.

В настоящее время в России созданы минимальные условия для функционирования судебной системы с учетом необходимости выстраивания гражданского общества: суды отделены от административных органов, определен правовой статус судей, введен институт судебных приставов, мировой суд, суд присяжных, внесены изменения в нормы процессуального права. Все перечисленные меры позволяют сделать вывод о необходимости продолжения формирования механизмов судебной власти, удовлетворяющих ценностям и потребностям становления современного гражданского общества. В связи с этим актуальными остаются вопросы, касающиеся оценки судейской функции; определения роли и социального значения судебной системы в гражданском обществе; вклада судебного процесса в эффективное функционирование институтов гражданского общества. Разрешение указанных вопросов имеет важное не только научное, но и практическое значение для формирования и эффективного функционирования органов судебной власти в современной России.

Критерием деятельности судебной системы должна выступать удовлетворенность населения, общественных образований в решении социально значимых вопросов и возникающих конфликтов, с последующим определением наиболее эффективных путей судебно-правового развития общества. Вовремя реагируя на динамично развивающиеся отношения в гражданском обществе, опираясь на судебную практику и согласовывая спорные позиции с институтами гражданского общества, судебная политика призвана обеспечивать прогрессивное развитие судебно-правовой жизни общества. Судебная политика должна отражать накопленный опыт осуществления юридической деятельности в судебной практике, осуществляемой в интересах населения.

Наряду со сказанным следует отметить необходимость создания системы широкого правового общения с населением, выступающего обязательным фактором в повышении социально-правовой активности граждан в области государственного строительства, включающего в себя организацию судопроизводства. Указанная задача может быть решена в рамках формирования общегосударственной политики и поэтому адресуется правительственным органам и работникам судебной системы, формирующим ее в части судебной политики.

В соответствии с положениями Миланского плана действий, принятого на Седьмом Конгрессе ООН в сентябре 1985 г., государствам рекомендуется вести широкую просветительскую деятельность среди общественности. В Рекомендации Комитета министров Совета Европы в отношении системы уголовного правосудия выделен раздел, в котором раскрывается управление информацией и связью, где управляющему аппарату судебных органов адресуется призыв сделать упор на совершенствование отношений с общественностью и распространение информации относительно результатов рассмотрения дел*. Кроме этого, в приложении к Рекомендации Комитета министров Совета Европы «По распространению судебной и иной юридической информации путем использования новых технологий» есть раздел «Взаимодействие судебных

органов с общественностью»**, в котором государствам рекомендуется предусмотреть возможность получения гражданами в электронной форме общедоступной информации о судебных процессах.

Справедливое применение закона и организация эффективного общественного контроля за деятельностью судебных органов возможны в условиях полной осведомленности населения о практике деятельности судов. Общественность должна быть проинформирована о состоянии преступности, должна иметь возможность получать через СМИ информацию о деятельности судебных органов. В рамках резонансных процессов, затрагивающих общественные интересы и привлекающих к себе внимание широкого круга населения, органы судебной власти должны предоставлять информацию с помощью СМИ о проводимых ими мероприятиях при условии, если это не нанесет ущерба следствию и судебному разбирательству. Ознакомление широких слоев населения с целями и процедурами осуществляемого судопроизводства, а также определяемыми мерами ответственности имеет большое значение в области профилактики правонарушений и правового просвещения населения.

В соответствии с указанными международными документами, в силу того, что Правительству РФ как органу, призванному обеспечивать права и свободы граждан, охрану правопорядка и обеспечения законности, необходимо осуществить следующие мероприятия, направленные на повышение информирования населения: внедрять современные, эффективные механизмы взаимодействия органов исполнительной власти с населением в процессе разработки и реализации государственной (судебной) политики; организовать в СМИ широкое информационное разъяснение установленных законодательством требований относительно участия граждан в управлении делами государства и отправления правосудия; проводить мониторинг общественного мнения по вопросу гласности и открытости деятельности судебных органов, их значения для формирования и реализации эффективной судебной политики.

Реализация данных положений возможна в рамках принятия указа Президента РФ как субъекта, определяющего

* Рос. юстиция. 1997. N 11. С. 4.

** Совет Европы и Россия. М., 2004. С. 867-868.

направления внутренней политики государства и возлагающего на Правительство РФ соответствующие обязанности.

К конкретным мерам, направленным на реализацию указанных направлений, можно отнести следующее: 1) углубление сотрудничества и развитие партнерских отношений между органами государственной власти и общественностью, обеспечение поддержки общественных инициатив, имеющих высокое социальное значение; 2) организацию консультативных и совещательных органов при судебных органах; 3) активизацию диалога и взаимодействия руководителей органов исполнительной власти и общественности; 4) разработку механизма по внесению рекомендаций для органов власти, освещаемых в СМИ, а также полученных при проведении консультаций с общественностью; 5) выделение средств из федерального и местного бюджета на финансирование мер, направленных на привлечение граждан, их коллективных образований к формированию и реализации государственной политики, изучение общественного мнения путем проведения социологических и научных исследований, экспертиз.

Оптимизация судебной системы как инструмента гражданского общества заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер государства и общества по обеспечению участия граждан, их коллективных образований, представительных органов власти в организации судебной системы и осуществлении правосудия. Среди важнейших проблем, стоящих на пути прогрессивного развития гражданского общества, выступает «оторванность» судебных органов от населения и общественного мнения, отсутствие единой судебной практики, «разрозненность» судебной власти, ее специфическое и далеко не всегда обоснованное «разделение». Это не позволяет правосудию обеспечивать интересы населения, не способствует повышению степени доверия к нему, кроме того, усиливает коррупционные риски. Можно сколько угодно «вкачивать» деньги в существующую судебную систему, но если она будет воспроизводить то, что есть сейчас, то положение дел к лучшему не изменится. Нужны иные меры, которые выведут правосудие на новый уровень качества и цивилизованности.

Настоящая модернизация судебной системы связана прежде всего с необходимостью комплексного решения проблем, предполагающего переустройство принципов организации судебных органов на различных уровнях, что должно отвечать современным требованиям демократического развития институтов гражданского общества. В связи с этим было бы целесообразно осуществить следующее.

1. Создать систему широкого правового общения с населением, что предполагает: а) внедрение современных эффективных механизмов взаимодействия органов исполнительной власти с населением в процессе разработки и реализации государственной (судебной) политики; б) организацию в СМИ широкого информационного разъяснения установленных законодательством требований относительно участия граждан в управлении делами государства и отправлении правосудия; в) проведение мониторинга общественного мнения по вопросу гласности и открытости деятельности судебных органов, их значения для формирования и реализации эффективной судебной политики.

2. Повысить независимость судебной системы от политической воли руководства страны путем обеспечения самоорганизации и подконтрольности судейского сообщества населению, что в целом призвано способствовать действенной реализации права граждан на судебную защиту. Поддерживая идею о необходимости принятия Конституции гражданского общества [8, с. 81-86; 9, с. 243-249], предлагается в проекте этого документа отразить возможность выбора председателя Верховного Суда РФ советом судей Верховного Суда РФ.

3. В силу п. 1 ст. 3 Конституции РФ единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Последовательное развитие демократических форм участия институтов гражданского общества в осуществлении правосудия требует развития и расширения участия институтов гражданского общества в осуществлении правосудия путем обеспечения выборности и подотчетности судей населению.

Таким образом, требуется: а) назначать председателей судов районных (городских) судов указом Президента РФ по представлению судебного департамента,

согласованному с депутатами представительных органов местного самоуправления тайным голосованием сроком на пять лет; б) назначать народных заседателей районных (городских) судов по представлению судебного департамента, согласованному на общем собрании представительных органов местного самоуправления, сроком на два с половиной года; в) организовывать и формировать краевые, областные, республиканские суды по представлению председателя суда субъекта федерации, согласованному с представительными органами государственной власти субъектов федерации путем проведения закрытого голосования; г) назначать арбитражных заседателей по представлению судебного департамента, согласованному с представительными органами государственной власти субъектов федерации сроком на два года.

При соблюдении указанных условий будет достигнута подотчетность председателей судов и заседателей перед избирателями и остальных судебных органов перед назначившими их представительными органами.

4. Для обеспечения ответственности и подотчетности судей перед населением необходимо гарантировать представительным органам власти право досрочного отзыва судей в случаях грубого нарушения последними моральных и этических норм. Дополнить положения статьи 13 Закона РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» пунктом 4 следующего содержания: «по обращению представительных органов власти, указывающих на факты грубого, виновного нарушения этических и моральных норм, порочащих честь и достоинство судьи»;

5. Поддержать идею создания общественных судебных комиссий в структуре общественных палат субъектов федерации, наделив их следующими полномочиями: согласование кандидатур на должности федеральных, мировых, арбитражных судей; обсуждение вопросов, связанных с проведением судебной реформы и повышением доверия к судебной системе; независимая экспертиза судебных актов на

предмет их соответствия действующему законодательству; составление рейтинга действующих судей.

6. Закрепить в действующем законодательстве институт общественного обвинителя и общественного защитника в качестве полноценных участников судебного процесса, имеющих все возможности для успешной реализации в суде данных им поручений. Им отводится особое значение в защите публичных интересов, а также в защите интересов слабо защищенных категорий населения.

7. Уделить особое внимание повышению действенности института присяжных и народных заседателей.

В современных условиях необходимо возвратиться к институту народных заседателей, только в модифицированном виде.

Для эффективной организации работы народных заседателей необходимо предусмотреть: 1) утверждение кандидатур народных заседателей на муниципальном уровне через представительные органы местного самоуправления; 2) возможность подсудимому, потерпевшему, истцу, ответчику или иной заинтересованной стороне ходатайствовать об участии народных заседателей при рассмотрении уголовного, административного дела либо экономического спора.

Подводя итог проведенному нами исследованию, необходимо отметить, что совершенствование судебной системы в современной России должно предполагать усиление взаимодействия с институтами гражданского общества, включающее не только осуществление общественного контроля, но и вовлечение субъектов гражданского общества в отправление правосудия с целью повышения его качества, повышения ответственности населения за принимаемые решения. Говоря о перспективах дальнейшего реформирования организационной деятельности судебной системы, необходимо отметить, что она должна базироваться на положительном опыте действующих судебных систем зарубежных стран с учетом национальной специфики организации отечественного правосудия.

Список литературы

1. Малько А.В., Семикин Д.С., Люкина О.В. Судебная политика и судебно-правовой прогресс. М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. М., 2007.
3. Никитина А.В. Единство судебной системы Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
4. Терехин В.А. Модернизация судоустройства и судебных инстанций как приоритетное направление судебно-правовой политики // Рос. юстиция. 2010. N 5.
5. Гайдидей Ю.М. Судебная система в современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
6. Струсь К.А. Гражданское общество и государство: генезис идеи и современная Россия // Новая правовая мысль. 2003. N 8.
7. Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов всероссийского научно-практического «круглого стола») // Государство и право. 2011. N 9.
8. Смирнов Д.А., Струсь К.А. К вопросу о конституционно-правовых основах гражданского общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. N 2. С. 81-86.
9. Смирнов Д.А., Струсь К.А. Реализация идеи гражданского общества в конституционном измерении // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. N 1 (40). С. 243-249.

УРАКОВ Д.И., uradis543@mail.ru Адъюнктура (докторантура); Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	URAKOV D.I., uradis543@mail.ru Postgraduate courses; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation
--	--

**МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ:
ТРЕБОВАНИЯ К ДОКАЗЫВАНИЮ**

Реферат. Анализируется российская уголовно-процессуальная политика противодействия мошенничеству в свете изменившегося уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Главным вопросом стал анализ изменений уголовного преследования по делам о мошенничестве при получении выплат. Предлагается убрать принятые законодателем меры по ограничению активности правоохранительных органов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Данный вывод основывается в первую очередь на том, что при незаконном получении выплат затруднительно установить истинный умысел на совершение данного преступления без проведения оперативно-розыскных мероприятий или иных проверочных действий. Рассматриваются проблемы, возникающие при доказывании по уголовным делам о мошенничестве при получении выплат. Выявить мошеннические действия в общей массе законных выплат — весьма сложная задача, которая может решиться после привлечения специали-

ста и на стадии рассмотрения сообщения о преступлении и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Утверждается, что все обстоятельства незаконного получения выплат могут устанавливаться уже на этапе доследственной проверки и тогда же документироваться, приобретая форму доказательств. Кроме того, при осуществлении уголовного преследования необходимо выполнить действия, направленные на изъятие документации, в которой может храниться информация о мошеннических действиях. Данные обстоятельства указывают на ошибочность решения законодателя о переводе уголовных дел о преступлениях мошеннической направленности в категорию дел частного-публичного обвинения. Резюмируется, что ограничение законодателем активности правоохранительных органов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности уже не соответствует складывающейся обстановке. Необходимо вернуть все виды мошенничества в перечень преступлений, преследуемых в публично-правовом порядке.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика; уголовное преследование; предпринимательская и иная экономическая деятельность; мошенничество при получении выплат; уголовно-процессуальное доказывание; расследование уголовных дел.

FRAUD UPON RECEIPT OF PAYMENTS: REQUIREMENTS FOR PROVING

Abstract. Russian criminal procedure policy of counteraction to fraud in the light of the changed criminal and criminal procedure legislation is analyzed. The main issue is the analysis of changes of criminal prosecution in cases of fraud upon receipt of payments. It's proposed to remove the legislative measures restricting the activity of law enforcement bodies in the sphere of entrepreneurial and other economic activities that do not correspond to the current situation. This conclusion is due primarily to the fact that it's difficult to establish the true intent to commit illegal receipt of payments without carrying out crime detection activities. The problems arising during proving on criminal cases about the fraud when receiving payments are analyzed. To identify fraudulent activity in the total mass of legitimate payments is rather complicated task that can be solved after involvement of the expert, and at the stage of reporting crime and carrying out crime detection actions. It's argued that all the circumstances of the illegal receipt of payments can be established at the stage of preliminary investigation and at the same time be documented and get the status of evidence. Besides, during criminal prosecution it's necessary to carry out actions aimed at the seizure of documents which can contain the information about fraudulent activity. These circumstances indicate the erroneous decision of the legislator to transfer fraud crimes to the category of cases of private-public prosecution. All types of fraud should be returned to the list of crimes prosecuted in public legal order.

Keywords: criminal procedure policy; criminal prosecution; entrepreneurial and other economic activities; fraud upon receipt of payments; criminal procedure proving; investigation of criminal cases.

Принятие Федерального закона от 29 ноября 2012 года N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»* стало одним из ключевых событий при формировании новой стратегии противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Российский законодатель попытался модернизировать как материально-правовую, так и процессуальную составляющие правового механизма данного вида уголовной политики.

По мнению некоторых специалистов, состав преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, как и других специализированных составов мошенничества, предъявляет новые требования к методике расследования, что обусловлено особыми признаками данного состава преступления [1, с. 258-260; 2, с. 110-114].

На наш взгляд, расследование мошенничества при получении выплат, по сути, основывается на общих методических рекомендациях расследования мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Главным доказываемым фактом по таким преступлениям является такой признак, как наличие в действиях субъекта обмана или злоупотребления доверием. По данному признаку следует отграничивать преступление, преследуемое в публично-правовом – уголовном порядке, от гражданско-правового деликта. Вокруг обмана или злоупотребления доверием «строится» весь состав мошенничества [3, с. 55; 4, с. 41-42]. Это справедливо и по отношению к составу, предусмотренному ст. 159.2 УК РФ. Мы не разделяем позицию, согласно которой уголовная ответственность за мошенничество в экономических отношениях может наступить лишь в «экстремальных случаях», требующих «внимательной»

* Рос. газ. 2012. 3 дек.

правовой оценки [5, с. 471-472]. Подобные рассуждения только уведут от сути вопроса и выгодны преступникам. Убеждены в том, что ключевой задачей в доказывании по делам данной категории является доказывание указанных объективных признаков – конкретных действий субъектов преступления, в которых проявляется их преступный умысел. Таким образом, необходимо доказывание объективных признаков, свидетельствующих об обмане либо злоупотреблении доверием.

Рассмотрим это с помощью примера из правоприменительной практики. Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области завершено уголовное дело и установлено, что 28-летняя обвиняемая с июня 2012 по сентябрь 2013 года состояла в преступном сговоре, направленном на обналичивание денежных средств, с 11 владелицами сертификатов материнского капитала. Обвиняемые заключали договор займа денежных средств на приобретение жилья с кредитной организацией. После этого они заключали сделки о покупке недвижимости, которые были фиктивными. Далее представляли в Пенсионный фонд Российской Федерации заявления о распоряжении средствами материнского капитала, при этом указывали, что средства будут направлены на улучшение жилищных условий, к которому прилагали документы о фиктивном приобретении жилья. После перечисления денежных средств на счет кредитной организации распоряжались ими по своему усмотрению*.

Актуальность изучения и обобщения судебно-следственной практики и выработки соответствующих рекомендаций по раскрытию уголовных дел о мошенничестве данного вида подтверждается информацией о его распространенности. В 2013 году по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, число осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, составило 2 150 человек; в 2014 году – 2 585 человек. За шесть месяцев 2015 года количество осужденных за совершение преступления,

предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, составило 1 066 человек**.

Анализ материалов уголовных дел и обвинительных заключений показывает, что большая часть преступлений этой категории совершается в социальной сфере (получение субсидий на оплату коммунальных услуг, при получении материнского капитала, детских пособий), в сфере трудовой занятости населения (выплаты на возмещение затрат по созданию дополнительных рабочих мест для граждан, находящихся под угрозой увольнения) в рамках действия федеральных законов, федеральных и региональных целевых программ, постановлений Правительства Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Одним из видов мошенничества при получении выплат является обналичивание материнского капитала, что согласно действующему законодательству запрещено***. Эта деятельность стала предметом «предпринимательской» деятельности мошенников в ряде регионов России. Значительное распространение такого рода мошенничество получило в республиках Северного Кавказа [6].

Изучение опыта расследования этих преступлений позволило нам выявить ряд особенностей. Во-первых, расследуя мошенничество при получении выплат, затруднительно установить истинный умысел на совершение данного преступления, так как злоумышленники практически всегда стремятся замаскировать его. С целью противоправного и безвозмездного обогащения в свою пользу преступники фальсифицируют либо обманом получают документы, дающие право на определенные законом выплаты. Выявить данные мошеннические действия в общей массе законных выплат – весьма сложная задача для всех государственных органов, которые должны взаимодействовать между собой. Следовательно, сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД Рос-

** URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (дата обращения: 28 сент. 2015 г.).

*** О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29 дек. 2006 г. N 256-ФЗ; ред. от 21 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 1 (ч. I). Ст. 19; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* URL: <http://www.sledcom.ru/news/item/603745> (дата обращения: 28 янв. 2015 г.).

сии важно активно сотрудничать с органами социального обеспечения и иными органами, которые уполномочены на предоставление соответствующих выплат, иметь там надежные источники оперативной информации.

В связи с этим ошибочным видится решение законодателя об отнесении уголовных дел о преступлениях мошеннической направленности, в том числе преступлении, предусмотренном ст. 159.2 УК РФ, к категории дел частно-публичного обвинения [7, с. 77-83]. По нашему мнению, наоборот, следует усиливать полномочия сотрудников оперативного аппарата для получения доказательственной информации и раскрытия подобных совершенных или подготавливаемых преступлений. Такого рода информация должна быть основой доказывания и выдвижения обвинения против виновных в мошенничестве. Как показывает судебно-следственная практика, исключительное значение для изобличения мошенников и доказывания умысла на совершение мошенничества имела информация о содержании их неформальных разговоров между собой, полученная оперативным путем. На основании только документов отграничить «ошибку», «добросовестное заблуждение» от мошенничества бывает затруднительно.

Во-вторых, при расследовании мошенничества, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, законодатель не совсем точно установил предмет преступного посягательства. Это осложняет предмет доказывания и само доказывание по делам данной категории, поскольку термин «социальные выплаты» законодателем официально не закреплен, хотя и используется во многих отраслях права. По мнению И.А. Александровой, здесь имеются в виду любого рода «установленные законом выплаты»: как денежные, так и в виде материальных благ, как разовые, так и длящиеся, как из федерального, местного бюджетов, так и из средств организаций [8, с. 54-62].

Следует согласиться с Л. Прозументовым и А. Архиповым в том, что противоречия, которые имеются в ст. 159.2 УК РФ, обусловлены недостатками юридической техники. Данные противоречия необходимо устранить путем внесения изменений непосредственно в название ст. 159.2 УК РФ и изложить его следующим образом:

«Мошенничество в сфере социального обеспечения». Необходимо отказаться от термина «выплата» в диспозиции части первой ст. 159.2 УК РФ и заменить его на фразу «денежные средства, предназначенные для социальных выплат, а также иное имущество, предназначенное для передачи физическим лицам, в качестве мер социального обеспечения, установленных законами и иными правовыми актами» [9, с. 67-74].

В-третьих, сотруднику правоохранительных органов, который проводит проверку сообщения о преступлении, необходимо установить, какие действия будут являться законными для получения выплат, а какие криминальными. Это бывает затруднительно сделать без специальных познаний относительно оснований, условий, оформления и иных моментов, касающихся порядка осуществления конкретных выплат. Для этого также необходимо привлечение специалистов из органов социального обеспечения или иных органов, которые уполномочены на предоставление соответствующих выплат. Как показывает изучение практики, привлечение специалиста способствует установлению механизма совершения преступления, а также разоблачению замаскированных действий мошенников. Участие специалиста следует считать необходимым условием проведения не только следственных действий, но и оперативно-розыскных мероприятий, особенно когда речь идет о гласных ОРМ.

В-четвертых, в ч. 1 ст. 159.2 УК РФ прямо указано на то, какие документы должны быть получены в качестве доказательств в ходе предварительного расследования. Прежде всего, это документы, в которых зафиксирован факт получения названных в законе незаконных выплат. На наш взгляд, без изъятия этих документов и приобщения в качестве вещественных доказательств (при наличии в них следов преступления) установление состава, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, не может считаться состоявшимся. Это, можно сказать, обязательный элемент доказывания по делам данной категории. Иначе говоря, доказывание имеет здесь в какой-то мере формализованный характер: поскольку правообразующий факт подлежит установлению соответствующим документом, постольку именно данные документы

выступают способом совершения преступления и одновременно главным обвинительным доказательством против обвиняемого. Таким образом, следователь обязан провести следственные действия (выемку, обыск) по изъятию названных документов.

Кроме того, в специальной литературе указывается на то, что по делам данной категории проводятся допросы различных лиц, которые могли знать о совершении преступления, с тем, чтобы выявить не только факт совершения преступления, но и установить, каким мотивом руководствовался подозреваемый при совершении конкретных действий, содержащих в себе признаки названного преступления. Таким образом, по мнению криминалистов, организация и проведение следственных действий по изъятию документов, в которых зафиксирован факт получения названных в законе незаконных выплат, допросы частных к выплате лиц составляют основу специальной методики расследования дел данной категории [2, с. 113].

При изучении следственной практики было выявлено, что деяния, квалифицируемые по ст. 159.2 УК РФ, также распространены в агропромышленной сфере. Примером может служить уголовное дело о хищении бюджетных денежных средств, выделенных в качестве субсидии на возмещение части затрат, связанных с производством сельскохозяйственной продукции. Уголовное дело по обвинению Б.М.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, направлено в суд. В ходе расследования данного уголовного дела установлено, что Б.М.С., являясь главой фермерского хозяйства, из корыстных побуждений, в целях личного обогащения совершил хищение бюджетных средств Нижегородской области, распределяемых через Министерство сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области в виде субсидирования части затрат на реализованный крупный рогатый скот собственного производства за 4 квартал 2011 года путем обмана специалистов Управления сельского хозяйства и продовольствия П. района, представив заведомо подложные документы: товарно-транспортные накладные на якобы совершенные сделки по реализации крупного рогатого скота (далее – КРС), внося ложные све-

дения об указанных сделках в отчет формы 1-жив. Затем на основании подложных товарно-транспортных накладных Б.М.С. изготовил справку-расчет субсидии, после чего представил все указанные документы, содержащие ложные сведения, в территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. На основании представленных Б.М.С. документов на его лицевой счет из областного бюджета были перечислены денежные средства (субсидия) в размере 1 067 591 рубль, из которых 303 680 рублей – субсидия на возмещение части затрат на реализованный крупный рогатый скот собственного производства с откорма, весом свыше 350 килограммов. Полученные денежные средства Б.М.С. потратил на личные нужды. Своими действиями Б.М.С. причинил Министерству сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области крупный материальный ущерб на сумму 303 680 рублей. Доказательствами, подтверждающими вину Б.М.С., кроме его показаний, в которых он полностью признал себя виновным по предъявленному обвинению, стали показания представителя потерпевшего, свидетеля Б.О.С., указанной в подложных товарно-транспортных накладных в качестве покупателя живого крупного рогатого скота у Б.М.С., которая отрицала данный факт и не подтвердила принадлежность ей подписи, сделанной от ее имени в данных накладных; показания специалиста Управления сельского хозяйства и продовольствия П. района, принимавшего у Б.М.С. документы на предоставление субсидии; документы, изготовленные и представленные Б.М.С. в Управление сельского хозяйства и продовольствия П. района; показания работников ветеринарной службы, подтвердивших, что животные КФХ «Б.М.С.» на ферме клиническому осмотру не подвергались. П. районным судом Нижегородской области в отношении Б.М.С. постановлен обвинительный приговор, квалификация оставлена без изменения*.

Анализ данного уголовного дела и других аналогичных уголовных дел показывает, что ключевое значение имеет доказывание обмана, наличие у субъекта с

* URL: <http://sudact.ru/regular/doc/26v1mDRSZOdp/> (дата обращения: 21 янв. 2015 г.).

момента подачи документов на получение субсидии намерения не выполнять своих обязательств. Непременным элементом доказывания является изъятие и приобщение к делу документов, которые выступали способом совершения преступления: справки-расчета субсидии, товарно-транспортных накладных, отчетов и пр.

На наш взгляд, общественная опасность мошенничества анализируемого вида достаточно велика ввиду того, что многие не видят криминала в обмане государства. Между тем, согласно данным информационного центра Главного управления МВД России по Нижегородской области, ущерб, причиненный преступлениями, предусмотренными ст. 159.2 УК РФ, за 9 месяцев 2014 года составил 8 312 000 рублей. Можно предположить, что это только часть реального ущерба. Возмещен ущерб на сумму 5 848 000 рублей, из них изъято имущества на сумму 470 000 рублей, наложен арест на имущество на сумму 2 916 000 рублей, добровольно погашен ущерб на сумму 2 463 000 рублей.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что преступления, предусмотренные ст. 159.2 УК РФ, носят весьма распространенный характер. Главное в

доказывании по делам данной категории – выявление объективных признаков, то есть конкретных действий субъектов преступления, в которых проявляется их преступный умысел, направленный на обман либо злоупотребление доверием. Есть предположение, что в условиях кризиса произойдет рост числа такого рода преступлений. Соответственно, борьба с ними должна усиливаться. Принятые законодателем меры по ограничению активности правоохранительных органов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности уже не соответствуют складывающейся обстановке. Ввиду этого считаем, что необходимо вернуть все виды мошенничества в перечень преступлений, преследуемых в публично-правовом порядке. Более того, пришло время для системного реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которое позволит сотрудникам полиции противодействовать современным мошенникам, применяющим сложные схемы совершения преступлений, а также нанимающим высококвалифицированных юристов, использующих пробелы и иные недостатки законодательства для своего необоснованного обогащения.

Список литературы

1. Александрова И.А. Мошенничество при получении выплат // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. М., 2013. С. 258-260.
2. Занькин Д.В. Отдельные проблемы расследования мошенничества при получении выплат // Современное право. 2014. N 10. С. 110-114.
3. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
4. Яковлев А.М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Государство и право. 1999. N 11. С. 41-42.
5. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Э. Жалинского. М., 2005.
6. URL: <http://www.sledcom.ru/news/item/604072> (дата обращения: 28 янв. 2015 г.).
7. Александров А., Александрова И. Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2013. N 2. С. 77-83.
8. Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. N 21. С. 54-62.
9. Прокументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. N 1. С. 67-74.

ФЕДОТОВА Ю.Е., FEDOTOVA Yu.E.,
fedotovaje@mail.ru fedotovaje@mail.ru
Кафедра уголовного права; Chair of criminal law;
Уральский государственный Ural State Law University,
юридический университет, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg,
620137, г. Екатеринбург, 620137, Russian Federation
ул. Комсомольская, 21

ОСКОРБЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Реферат. Анализируются изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в статью 148 и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» в связи с нашумевшим делом «Пусси Райот». Исследуются дефекты редакции статьи, дается разъяснение оценочных категорий, объясняется несоответствие отдельных ее положений правилам логики и юридической техники, обосновывается необходимость изменения формулировки нормы. Указывается на отсутствие в российском законодательстве федерального уровня определений понятий, необходимых для адекватного и справедливого нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религиозной сферой человеческой деятельности. Предлагаются авторские определения понятий «публичность», «религиозное учение», «верующие», «религиозные чувства», «оскорбление религиозных чувств верующих». Говорится о необходимости совершения деяния с прямым умыслом и определенной целью, а именно посредством «оскорбления религиозных чувств верующих», поясняются сложности, связанные с наличием оценочных, не разъясненных категорий, которые неизбежно должны возникнуть в деятельности правоохранительных органов (следствия, прокуратуры, суда) при установлении наличия или отсутствия данной цели для объективного, полного и беспристрастного расследования, рассмотрения уголовного дела, а также вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Предлагается новая редакция рассматриваемой статьи, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение законодательства о свободе совести и вероисповеданий в виде воспрепятствования законным формам реализации права на свободу совести и вероисповеданий и нарушения положений законодательства об отделении религиозных организаций от государства.

Ключевые слова: уголовный кодекс; верующие; религия; оскорбление; религиозные чувства; публичные действия.

INSULTING RELIGIOUS FEELINGS OF BELIEVERS AND THE CRIMINAL LAW: CORRECTION OF MISTAKES

Abstract. The changes made to the RF Criminal Code by the Federal law "On amendments to article 148 and certain legislative acts of the RF to counter insulting religious beliefs and feelings of citizens" in connection with "Pussy Riot" case are analyzed. The defects of the article's wording are studied, evaluation categories are explained, discrepancy between its individual provisions and the rules of logic and legal technique is analyzed, the need to change the wording of the norm is proved. The author indicates the lack of definitions of the concepts necessary for an adequate and fair legal regulation of relations connected with the religious sphere of human activity in the Russian federal legislation. The author's definitions of "publicity", "religious doctrine", "believers", "religious feelings", "insulting religious feelings of believers" are proposed. The necessity of committing the act with deliberate intent, namely, by "insulting religious feelings of believers" is described. The author analyzes the difficulties connected with evaluation categories (which aren't explained) that should inevitably arise in law enforcement agencies' activities (investigation, prosecution, court) when establishing the presence or absence of such intent for the objective, complete and impartial investigation of the criminal case and criminal proceedings, as well as passing a lawful, reasoned and fair court decision. A new wording of the considered article, establishing criminal liability for violation of legislation on freedom of conscience and religion by preventing legal forms of realization of the right to freedom of conscience and religion, as well as on separation of religious organizations from the state, is proposed.

Keywords: Criminal code; believers; religion; insult; religious feelings; public actions.

Религия сопровождает духовную жизнь человека на протяжении вот уже нескольких тысячелетий. Право на свободу совести и вероисповедания относится к категории неотъемлемых прав человека в соответствии как с международным, так и российским правом. Конституция России гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Статья 148 Уголовного кодекса Российской Федерации является одной из форм реализации охраны данных положений.

29 июня 2013 года, в связи с нашедшим делом «Пусси Райот», был принят Федеральный закон N 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»*, вызвавший широкий общественный резонанс и повлекший множество научных споров. Предыдущая редакция ст. 148 УК РФ**, безусловно, не являясь идеальной, не вызвала такого количества вопросов без ответов, хотя и содержала в себе некоторые спорные положения. С применением новой нормы уголовного закона возникает множество проблем, связанных с неясностью и неточностью ее формулировки. Целью данной работы является их выявление и определение путей решения.

Ввиду недавнего принятия указанного законодательного акта какие-либо исследования по данному вопросу отсутствуют. Не поясненные оценочные категории влекут за собой практически полное отсутствие правоприменительной практики. Так, в настоящее время имеется лишь два обвинительных приговора по ст. 148 УК РФ [1; 2]. Вопросы толкования данной статьи УК РФ возникают буквально с первого словосочетания: «Что законодатель

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 26. Ст. 3209.

** Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 25. Ст. 2954.

подразумевает под "публичными действиями"? Сколько лиц должно наблюдать совершаемые действия, дабы деяние было признано совершенным публично? Два? Более? Два и более? И все ли эти лица должны быть "верующими"? Или только некоторые из них? В таком случае – сколько должно быть «верующих» (вряд ли один, поскольку в диспозиции слово употреблено во множественном числе)?».

Российское законодательство не содержит единого определения публичности, она понимается по-разному в каждой отрасли права. И если говорить об уголовном праве, то совершение деяния публично является обязательным признаком во многих составах, например, в ст.ст. 205.2, 280, 280.1 УК РФ, иных составах преступлений экстремистской и террористической направленности***. Верховный Суд Российской Федерации в связи с этим указал, что «под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения... Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.)»****.

Можно резюмировать, что публичность подразумевает совершение действий в месте, где их восприятие может стать доступным для неопределенного круга лиц, среди которых должны быть «верующие» лица (не менее двух, так как слово употреблено во множественном числе). Если же субъект может ограничить и контролировать круг лиц, которые с ней

*** О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля.

**** Там же.

ознакомятся (например, ограничив доступ к интернет-блогу, даже сделав предупредительную надпись вроде «Верующим не читать»), то такое распространение информации не может быть признано публичным. Субъект должен умышленно совершать действия публично и умышленно желать быть услышанным «верующими», то есть он должен знать или иметь достаточные основания полагать, что они будут находиться среди публики.

Что понимать под «явным неуважением к обществу»? Считаем, что с учетом совпадения формулировок ст. 148 и ст. 213 УК РФ можно обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда, посвященному уголовным делам о хулиганстве, исходя из которого «явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним»*. Очевидно, что эта категория также является оценочной и не может быть с точностью определена, поскольку эти «общепризнанные нормы и правила поведения» не могут быть нигде закреплены, они определяются исключительно образом жизни, сложившимся в течение длительного времени в определенном обществе.

Важно, что публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, должны быть умышленно совершены в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Здесь возникает сразу несколько вопросов: «Что понимать под оскорблением? Что такое религиозные чувства? Кого считать верующими и как установить, что деяние совершено именно с целью оскорбления?».

С учетом отсутствия правоприменительной практики по данному вопросу дать четкое определение понятия «религиозные чувства» невозможно. Если опираться на общие положения философии, религиоведения и иных неюридических гуманитарных дисциплин, религиозные чувства можно определить как систему жизненных целей, ценностей, установок,

запретов и дозволений, которой человек руководствуется в связи с причастностью к тому или иному религиозному учению. Чувство сопричастности к этой системе, наверное, и есть чувство религиозное.

Сразу возникают вопросы: «Какое религиозное учение можно иметь в виду? Что вообще есть религия и вероисповедание? И подразумеваются ли только мировые религии (то есть христианство, ислам и буддизм во всем разнообразии их течений) или все существующие в мире? Может быть, только религии, "составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России"***?». В российском законодательстве определение конфессии (и вновь возникает вопрос о соотношении понятий «религия», «вера», «вероисповедание» и «конфессия») имеется лишь в одном акте (и то не связанном напрямую с регулированием подобного рода отношений), в котором указано, что «под конфессией или вероисповеданием понимается особенность вероисповедания в пределах определенного религиозного учения, а также объединение верующих, придерживающихся этого вероисповедания. Конфессиональное деление присуще всякой религии. Так, например, христианство делится на три основные конфессии – православие, католицизм, протестантизм, а ислам – на такие конфессии, как суннизм, шиизм и ваххабизм»***. Данное определение крайне расплывчато, содержит логическую ошибку (определение «вероисповедания» через «особенность вероисповедания») и, по сути, ничего не поясняет.

С учетом того, что список всех существующих в мире религий составить в принципе невозможно, а также для исключения возможности злоупотреблений под

** О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сент. 1997 г. N 125-ФЗ: ред. от 2 июля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 39. Ст. 4465.

*** О направлении методических рекомендаций о порядке применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы общих принципов служебного поведения, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 года N 885, на практике: письмо ФСИН России от 27 сент. 2011 г. N 7-18004-02. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2007 г. N 45 // Рос. газ. 2007. 21 нояб.

религиозными учениями, на наш взгляд, следует понимать только те, которые имеют последователей, объединенных в форме религиозной организации или группы в соответствии с законодательством Российской Федерации либо иного государства.

Следующая неясность возникает с «верующими». Кого под ними необходимо понимать? Не введен ли законодателем новый субъект права? С учетом того, что в названии закона используется слово «граждане», а в тексте оно не фигурирует ни разу, логика не ясна*. Пункт 4 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», являющегося основным регулятором религиозных отношений, также гласит о недопустимости умышленного оскорбления чувств граждан в связи с их отношением к религии** (значит, можно сделать логический вывод о том, что запрещается также оскорбление чувств атеистов в связи с их неприятием религий и чувств агностиков в аспекте их убежденности в невозможности познания наличия или отсутствия существования бога).

Примечательно, что в этом законе слово «верующие» также не употреблено ни разу. Соответственно, уголовный кодекс содержит дискриминационные положения в ст. 148, согласно которой защите подлежат исключительно чувства верующих. В российском законодательстве термин «атеист» упоминается всего несколько раз (да и то в сочетании со словом «верующий», а не самостоятельно) – в ст. 39 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», гласящей об обязанности медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, содействовать в осуществлении права на свободу совести верующих и атеистов***; а

* Федеральный закон «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан».

** О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сент. 1997 г. N 125-ФЗ: ред. от 2 июля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 39. Ст. 4465.

*** О психиатрической помощи и гарантиях

также в нескольких ГОСТах, регулирующих вопросы предоставления населению социальных услуг, в аспекте установления их форм и объемов в рамках «предоставления помещений для отправления религиозных обрядов, создания для этого соответствующих условий, не противоречащих правилам внутреннего распорядка работы учреждения и учитывающих интересы верующих различных конфессий и атеистов»****. Столкованием данного термина, думается, проблем не возникает – большинство словарей сходятся на трактовке атеиста как лица, отрицающего существование бога, безбожника, неверующего [1; 3]

Примечательно, что официальные документы вообще не содержат определения понятия «верующие» ни в одном акте, в котором данное слово упоминается (например, «Концепция внешней политики Российской Федерации», содержащая крайне настораживающее положение о первоочередности недопущения оскорбления чувств верующих в аспекте наращивания взаимодействия с иностранными государствами в сфере укрепления норм защиты прав и свобод человека*****, ГОСТы).

Проанализируем значение слова «верующий» с точки зрения русского языка, обратившись к толковым словарям. Так, С.И. Ожегов под верующим понимает человека, признающего существование бога [3]. Д.Н. Ушаков определяет верующего аналогично С.И. Ожегову, но с дополнением о религиозности («Признающий существование бога, религиозный человек») [4]. Как это трактовать? Религиозный человек априорно подразумевается верующим (хотя вполне может быть и неверующим,

прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1: ред. от 14 окт. 2014 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 33. Ст. 1913.

**** Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий. ГОСТ Р 53064-2008 (утв. приказом Ростехрегулирования от 18.12.2008 N 441-ст). М., Стандартинформ, 2009. (ст. 5.1.1.10).

***** Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12 февр. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

просто подчиняющимся каким-либо правилам в силу воспитания, привычки и т.п.), живущим в строгом соответствии с религиозными предписаниями, отправляющим религиозные обряды? Словарь В.И. Даля не содержит слова «верующие», но дает определение понятия «вера» в нескольких аспектах: как «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании бога; безусловное признание истин, открытых богом; совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство» [5].

Резюмируя, можно сделать вывод о толковании слова «верующие» в двух взаимосвязанных аспектах — как лиц, признающих существование бога, и как лиц религиозных, живущих в соответствии с канонами определенной религии. Полагаем, что для правоприменительной практики в целях недопущения чрезвычайно широкого толкования и злоупотреблений под верующими логично будет понимать лиц, живущих в соответствии с признанными большинством исповедующих канонами религии, имеющей последователей, объединенных в форме религиозной организации или группы в соответствии с законом России или иностранного государства (а не просто лиц, признающих существование бога, конкретного или абстрактного). Однако будет проблематично установить «каноны» в религиях, не имеющих собрания текстов, равно как и то, живет ли человек в соответствии с этими канонами или нет, что в очередной раз показывает недопустимость включения в текст закона такой дискриминационной категории, как «верующие». Важно учесть, что, поскольку в субъективной стороне данного состава преступления обязательна прямая умысел (так как имеется конкретная цель — оскорбление чувств верующих), необходимо установление признака заведомости — то есть субъект должен знать, что перед ним находятся верующие лица, вне зависимости от того, какую именно религию они исповедуют.

Рассмотрим толкование слова «оскорбление». Под оскорблением вообще в уголовном праве понималась (до отмены ст. 130 УК РФ) выраженная в не-

приличной форме отрицательная оценка личности, имеющая обобщенный характер и унижающая ее честь и достоинство. Неприличная форма подразумевает под собой откровенно циничную (и вновь: оценочная категория, толкование которой не определено, понятие «цинизм» относимо больше к философским категориям, воспринимается каждым человеком субъективно), резко противоречащую принятой в данном обществе манере общения. Значит, оскорбление религиозных чувств верующих можно определить как отрицательную оценку того или иного религиозного учения, выраженную в неприличной, унижительной форме (например, с употреблением бранных слов). Иначе говоря, под действие данной статьи не должно подпадать выражение мнений, взглядов, суждений, даже публично и среди верующих и продиктованных неприятием какого-либо религиозного учения, но выраженных в «приличной» форме, а также не несущей признаков явного неуважения к обществу, не нарушающей общепризнанных норм и правил поведения. Важно установление наличия обоих признаков в совокупности — и явного неуважения к обществу, и одновременно оскорбления религиозных чувств верующих.

Установить цель оскорбления будет достаточно сложно, так как цель — это фактический результат, который субъект желает достичь посредством совершения деяния, то есть это то, что находится исключительно в его сознании. Наличие цели должно проявляться в конкретных действиях, направленных на ее достижение, поэтому о том, с какой целью действовал человек, необходимо судить исходя не только из его личных показаний, но и из объективной характеристики его действий. Полагаем, что любое действие, совершенное в месте отправления религиозных обрядов (здесь закономерны вопросы: «Что под ними понимать? Какие именно это должны быть обряды? Как установить, относятся ли они к конкретному вероисповеданию? А если обряд будет неким "новшеством"»), идущее вразрез с устоявшимися там правилами поведения, если оно является агрессивным и циничным (снова — субъективная оценка), будет являться действием, совершенным с целью оскорбления религиозных чувств людей. Соче-

тание содержания действия и места в данном случае однозначно указывает на цель.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Действующая редакция ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации не отвечает правилам логики и юридической техники, поскольку состоит лишь из не поясненных законодателем оценочных категорий.

2. Федеральное законодательство, в той или иной степени касающееся общественных отношений в религиозной сфере, также не дает определения терминов, значимых для ее правового регулирования.

3. Под публичностью применительно к рассматриваемой статье Уголовного кодекса предлагается считать совершение действий в месте, где они могут стать достоянием неопределенного круга лиц, среди которых заведомо должны быть «верующие» лица (не менее двух, так как слово употреблено во множественном числе).

4. Религиозные чувства можно рассматривать как систему жизненных целей, ценностей, установок, запретов и дозволений, которой человек руководствуется в связи с причастностью к тому или иному религиозному учению. Чувство сопричастности к этой системе можно назвать религиозным чувством.

5. Под религиозными учениями предлагается понимать только те, которые имеют последователей, объединенных в форме религиозной организации или группы в соответствии с законодательством Российской Федерации либо иного государства.

6. Верующих предлагается определить как лиц, живущих в соответствии с признанными большинством исповедующих канонами религии, имеющей последователей, объединенных в форме религиозной организации или группы в соответствии с законом России или иностранного государства.

7. Оскорбление религиозных чувств верующих можно определить как отрицательную оценку того или иного религиозного учения, выраженную в неприличной,

унизительной форме (например, с употреблением бранных слов), то есть под действие данной статьи не должно подпадать выражение мнений, взглядов, суждений, даже публично и среди верующих и продиктованных неприятием какого-либо религиозного учения, но выраженных в «приличной» форме, а также не несущей признаков явного неуважения к обществу, не нарушающей общепризнанных норм и правил поведения. Таким образом, важно установление наличия обоих признаков в совокупности – и явного неуважения к обществу, и одновременно оскорбления религиозных чувств верующих.

8. Обязательным является также установление прямого умысла и цели оскорбления религиозных чувств верующих.

9. Действующая редакция ст. 148 Уголовного кодекса РФ подлежит немедленному изменению, поскольку названные законодательные недочеты повлекут существенные трудности для правоприменителя. Предлагаем сформулировать ст. 148 УК РФ следующим образом:

«Статья 148. Нарушение законодательства о свободе совести и вероисповеданий

1. Воспрепятствование законным формам реализации права на свободу совести и вероисповеданий, –
наказывается штрафом в размере до 100 тысяч рублей.

2. Нарушение положений законодательства об отделении религиозных организаций от государства, –
наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей.

3. Деяния, предусмотренные частью 1 или 2 данной статьи, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) с применением насилия или с угрозой его применения, –

наказываются штрафом в размере до миллиона рублей, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет».

Список литературы

1. Официальный сайт Первомайского районного суда г. Ижевска. URL: http://pervomayskiy.udm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=151 (дата обращения: 10 февр. 2016 г.).
2. Некоммерческая бесплатная справочно-правовая система по судебным решениям судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов РФ «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-6-centralnogo-rajona-g-kemerovo-s/act-224709242/> (дата обращения: 10 февр. 2016 г.).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10 июля 2015 г.).
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 10 июля 2015 г.).
5. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. URL: <http://slovar-dalja.ru/> (дата обращения: 10 июля 2015 г.).

МАРИНА А.А., KalinaM50@yandex.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128	MARINA A.A., KalinaM50@yandex.ru Chair of criminal law and criminology; Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yaroslavskaya St. 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation
--	---

**ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ
ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Реферат. Злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей предполагает наличие специального субъекта, обладающего не только общими, но и специфическими признаками. В России растёт количество фактов неисполнения (ненадлежащего исполнения) родителями своих обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей. Наибольшая опасность данного деяния заключается в том, что оно совершается лицами, которые в силу нравственности, морали и закона должны заботиться о своих близких — несовершеннолетних детях и нетрудоспособных родителях. Высокая социальная значимость проблемы предопределила подход законодателя, подчеркнувшего в диспозиции ст. 157 УК РФ, что субъект преступления специальный. Дополнительные признаки специального субъекта закрепляются законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы или признаки субъекта устанавливаются путем толкования уголовного закона. Специальным субъектом преступления выступают родители несовершеннолетних детей, усыновители, лица, лишённые родительских прав, либо иные лица, ответственные за воспитание и содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних нетрудоспособных детей, а также трудоспособные совершеннолетние дети (в общем — лица, связанные с потерпевшими кровнородственными отношениями). Отсутствие признаков специального субъекта, предусмотренных для данного состава преступления, исключает уголовную ответственность. При назначении наказания судом учитываются не только признаки, присущие субъекту преступления,

но рассматривается и личность виновного лица: совокупность социальных и психологических свойств и качеств человека, индивидуальных особенностей. На формирование умысла виновного лица часто оказывают влияние некоторые социально-демографические признаки, которые при определенном сочетании могут играть негативную роль.

Ключевые слова: субъект преступления; признаки субъекта; характерные черты личности; алименты; злостное уклонение от уплаты; дети; нетрудоспособные родители.

MALICIOUS EVASION FROM PAYMENT OF MEANS FOR THE MAINTENANCE OF CHILDREN OR DISABLED PARENTS: CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE SUBJECT OF CRIME

Abstract. Malicious evasion of alimony payment for the maintenance of minor children and disabled parents requires a special subject, having not only common, but also specific characteristics. In Russia, the number of facts of failure to perform (to perform properly) the parental responsibilities concerning the upbringing and maintenance of minors and adult disabled children is growing. The greatest danger of this offence is that it is committed by persons who, because of morality, ethics and the law should take care of their loved ones - minor children and disabled parents. The high social significance of the problem determined the approach of the legislator, who emphasized in Article 157 of the RF Criminal Code that the subject of this crime is special. Additional characteristics of special subject are fixed in the disposition of criminal-legal norm by legislator, or characteristics of the subject are determined by the interpretation of the criminal law. Special subjects of crime are parents of minors, adoptive parents, persons deprived of parental rights, or other persons responsible for the upbringing and maintenance of minors or adult disabled children, as well as capable adult children (in general – persons connected with the victims by blood relationships). Absence of special subject characteristics, provided for this corpus delicti, excludes criminal liability. When imposing the sentence, the court takes into account not only the characteristics of the offender, but also examines the personality of the guilty person: the combination of social and psychological qualities of the person, individual characteristics. The intention of perpetrator is often influenced by some socio-demographic characteristics.

Keywords: subject of crime; subject characteristics; personality traits; alimony; malicious evasion of payment; children; disabled parents.

Состав преступления, предусмотренного ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предполагает наличие специального субъекта, обладающего не только общими, но и специфическими признаками. С учетом особой значимости общественных отношений, на которые посягает данное преступление, характеристике субъекта посвящены нормы международного и отечественного права. Определенные особенности нормативной дефиниции субъекта этого преступления имеют место и в законодательстве зарубежных стран.

В соответствии с Конвенцией о правах ребенка семья – это «основная ячейка общества и естественная среда для развития и благополучия детей. Родители должны оказывать необходимое содействие и защиту. Для полного и гармоничного развития личности ребенка ему необходимо расти в семье в окружении счастья, любви и понимания»*. Содержание и воспитание

детей является естественной обязанностью родителей. Невыполнение родителями своих функций по воспитанию и содержанию детей может привести к различным неблагоприятным последствиям как физического, так и нравственного характера. Часть 2 ст. 27 Конвенции гласит, что родители, воспитывающие ребенка, несут ответственность за обеспечение в пределах своих финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка.

Актуальность исследуемой проблемы обострена тем, что в настоящее время в России растет процент невыполнения обязательств либо пренебрежительного отношения родителей к своим обязанностям по воспитанию и содержанию детей. Наибольшая опасность данного деяния заключается в том, что оно совершается лицами, которые в силу нравственности, морали и закона должны заботиться о своих близких – детях и нетрудоспособных родителях. В последние годы (2004-2015 гг.) наблюдается тенденция постоянного увеличения числа случаев злоупотребления своими прямыми родительскими обязанностями, выражающегося в стойком укло-

* Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нении от уплаты средств на содержание детей, и большинство из них приобретает злостный характер. Этот вывод подтверждается статистическими данными. Так, в 2004 г. по ст. 157 УК РФ было осуждено 1 305 человек, из них мужчины составляют 90,26 %, женщины – 9,73 %, а с 2005 г. количественный показатель осужденных женщин начинает ежегодно увеличиваться (всего осуждено по ст. 157 УК РФ 1409 человек, из них мужчин – 88,92 %, женщин – 11,07 %). в 2015 г. в Краснодарском крае по ст. 157 УК РФ осуждено 1 999 человек, из них мужчины составляют 85,64 %, женщины – 14,35 %*. Статистика показывает, что за 12 лет количество женщин, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ, увеличилось почти в 2 раза. Изучение материалов 120 уголовных дел позволило сделать вывод о том, что большинство уголовных дел возбуждается по ч. 1 ст. 157 УК РФ – за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание детей.

Высокая социальная значимость проблемы предопределила подход законодателя, подчеркнувшего в диспозиции ст. 157 УК РФ, что субъект преступления специальный. Таким подходом он показал особую значимость характеристики и субъекта данного преступления, и его личности.

Субъектом преступления в широком смысле является лицо, которое совершило преступление и может быть привлечено к уголовной ответственности. В российском законодательстве понятие субъекта преступления и его признаков сформировалось еще в начале XX века. Профессор Л.С. Белогриц-Котляревский писал: «Субъектом преступления может быть только человек, обладающий волей, т.е. дееспособный, совершающий правонарушение, запрещенное законом под страхом наказания» [1, с. 48].

Действующий УК РФ в статьях 19-20 раскрывает понятие субъекта преступления и его обязательные признаки: субъектом преступления может быть только вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста наступления уголовной ответственности. Прежде всего, это физическое лицо. Первым признаком физического лица как субъекта преступле-

ния является его возраст. Так, в дореволюционный период минимальным возрастом привлечения лица к уголовной ответственности считался возраст 10 лет. В то же время в соответствии со ст. 41 Уголовного уложения 1903 г. в вину лица не вменялось «...преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от 10 до 17 лет, который не мог понимать значения совершаемого им деяния или руководить своими поступками» [2, с. 192]. В статье 20 Уголовного кодекса РФ определен возраст, с которого наступает уголовная ответственность (16 лет), а также перечень преступлений, за совершение которых уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее 14 лет. Правильное определение возраста субъекта имеет принципиальное значение для возможности привлечения лица к уголовной ответственности. Так, ч. 2 ст. 157 УК РФ устанавливает, что ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей возникает только у совершеннолетних лиц, т.е. лица до достижения ими 18 лет не могут быть привлечены к уголовной ответственности за данное преступление.

В разных странах по-разному установлен возрастной ценз привлечения лица к уголовной ответственности. Например, в соответствии с уголовным законом ФРГ субъектом преступления признается физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста (ст. 19 УК ФРГ), в Дании – 15 лет (ст. 15 УК Дании), в Испании – 18 лет (ст. 20 УК Испании). Отмеченные различия в установлении возраста зависят от определения совершеннолетия в законодательстве государств. В качестве второго критерия дифференциации возраста привлечения к уголовной ответственности законодатели некоторых стран используют степень тяжести совершенного преступления. Так, в Азербайджане по общему основанию лицо подлежит уголовной ответственности с 16 лет (ст. 20 УК Азербайджана), а за совершение тяжких преступлений и предусмотренных ст. 20.2 уголовного закона – с 14 лет, в соответствии с УК Польши – с 17 лет, а за некоторые преступления, прямо указанные в законе, – с 15 лет (ст. 10 УК Польши).

Следующим обязательным признаком, характеризующим субъект преступления, закон признает вменяемость лица.

* Статистические данные Судебного департамента Краснодарского края за 2004, 2005, 2015 гг.

Впервые вопросы о вменяемости в науке уголовного права были затронуты в учениях двух школ — индетерминистов, которые определяли «действия человека свободной волей, единственной силой возникновения его желаний», и детерминистов, считавших, что «импульсом к действию лица является какое-либо впечатление извне. Нравственные поступки человека — продукт борьбы психических мотивов, на исход которых влияет как сам человек, так и его характер, то и человек должен подлежать ответственности за свои преступные действия, как результат психических сил» [1, с. 48]. Понятие «вменяемость лица» имеется уже в Своде законов 1832 г. (ст. 136); в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 101).

В действующем уголовном законе Российской Федерации нет определения вменяемости, однако содержится понятие невменяемости. В связи с этим в теории и создают дефиницию «вменяемость», используя нормативное понятие невменяемости. Н.С. Таганцев определяет вменяемость лица так: «Физическое лицо только тогда, в смысле юридическом, может быть виновником преступления, когда оно совмещает в себе известную сумму биологических условий, обладает, употребляя техническое выражение доктрины, способностью ко вменению» [3]. В процессе совершенствования науки уголовного права и судебной психиатрии учение о вменяемости постоянно уточнялось, дополнялось учеными, хотя иногда неоднозначно, особенно когда речь шла о критериях невменяемости. В большинстве стран она является предпосылкой вины и влечет назначение наказания за деяние. В законах имеется прямая ссылка на невменяемость вследствие психического расстройства, уменьшенной вменяемости или иного болезненного состояния. Например, российский законодатель в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливал, что субъектом преступления не может быть признано лицо, которое совершало преступное деяние в безумии или сумасшествии, т.е. когда оно не осознавало своих действий и не могло руководить ими вследствие болезненного расстройства душевной деятельности» (ст. 101). Более четкое определение невменяемости лица, совершившего пре-

ступление, было дано в ст. 39 Уложения о наказаниях 1903 г.: «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое в момент совершения преступления не могло понимать значения им совершаемого или руководить своими поступками» [4, с. 22].

Данное положение прослеживается и в современном уголовном законе, который включает интеллектуальный и волевой моменты в психологический критерий определения вменяемости лица. Часть 1 ст. 21 УК РФ гласит: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

В соответствии с данной нормой выделяется два критерия невменяемости: юридический и медицинский. Рассматриваемый нами состав злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей является не неоднократным преступлением, а продолжаемым во времени. Злостно уклоняться от выполнения своих обязательств лицо может, только обладая вменяемостью, осознавая характер и степень своих противоправных действий и оценивая их последствия.

Кроме обязательных признаков субъект рассматриваемого преступления наделен законодателем и специальными признаками, присущими данному составу. Дополнительные признаки специального субъекта закрепляются законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы или признаки субъекта устанавливаются путем толкования уголовного закона. Отсутствие предусмотренных для данного состава преступления признаков специального субъекта исключает уголовную ответственность за это преступление. В теории уголовного права выделяют разные группы признаков специального субъекта (по правовому положению субъекта, социальной роли, взаимоотношениям субъекта с потерпевшим, роду деятельности и др.). Применительно к ст. 157 УК РФ специаль-

ным субъектом будут выступать родители несовершеннолетних детей, усыновители, лица, лишенные родительских прав либо иные лица, ответственные за воспитание и содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних нетрудоспособных детей, а также трудоспособные совершеннолетние дети. Таким образом, мы видим, что специальным субъектом в данном составе выступают лица, связанные с потерпевшими кровнородственными отношениями. Законодателем не случайно выделяется субъект диспозиции ст. 157 УК РФ как специальный. Таким образом показана его особая значимость.

При назначении наказания судом учитываются не только признаки, присущие субъекту преступления, но и личность виновного лица: совокупность социальных и психологических свойств и качеств человека, индивидуальных особенностей. К ним относятся пол, возраст, уровень образования, уровень материальной обеспеченности, социальное положение, наличие семьи и т.д. В науке существуют различные классификации типов личности. Изучение типологии личности преступника помогает в выявлении причин преступности и выработке мер по профилактике и предупреждению преступлений. Так, С.В. Познышев предпринял попытку определить тип «преступника-алиментщика». Он отмечает, что присуждение к выплате алиментных платежей зачастую подталкивало виновных лиц к совершению различных преступлений, и чаще имело место либо до исполнения своих обязанностей, либо в самом начале. Преступники тем самым хотели избавиться от бремени материальных затрат. По мнению С.В. Познышева, причины совершаемых преступлений из-за алиментов весьма разнообразны, и в одних случаях зависят от характера личности виновного, а в других — от внешних факторов, спровоцировавших у лица намерение совершения преступления [5, с. 6, 23]. Он выделяет субъектов алиментных преступлений в особую категорию преступников, отличных от других присущими им психологическими особенностями, и подчеркивает, что «не слишком заметное» преступление — уклонение от уплаты алиментов влияет на криминогенный характер преступности в целом. Неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию детей может

стать причиной детской преступности и привести к детской беспризорности.

Изучение материалов уголовных дел в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ, а также данных Судебного департамента Краснодарского края за 2015 год позволило выявить, что преимущественно эти преступления совершаются лицами:

- в возрасте: 30-49 лет — 75,88 %; 25-29 лет — 15,70 %; 18-24 лет — 4,55 %; старше 50 лет — 3,85 %;
- постоянно проживающими на территории Краснодарского края — 98,24 %;
- из них из сельской местности — 55,75 %;
- из них из административных городов края — 42,49 %;
- имеющими высшее образование — 5,65 %;
- имеющими общее среднее образование — 46,82 %, среднее специальное образование — 31,46 %; неполное среднее или начальное образование — 16,05 %;
- имеющими социальный статус работающего — 21,16 %; трудоспособными, но без определенных занятий, — 75,38 %;
- из числа осужденных лиц многие ранее были осуждены*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъектами злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание детей как сейчас, так и 11 лет назад являются лица мужского пола 30-49 лет, преимущественно проживающие в сельской местности, со средним образованием, не работающие.

Проведенное посредством анализа материалов уголовных дел** и опроса-анкетирования исследование личностных черт неплательщиков алиментов позволило сделать вывод о том, что к этой категории можно отнести лиц, обладающих рядом общих психологических черт, таких как расчетливость, скупость, душевная черствость, эгоизм, безразличие к нуждам ребенка или родителя, отсутствие эмоциональной привязки к ребенку или родителю.

* Данные из архива уголовных дел мировых судей г. Краснодара за 2005-2015 гг., Судебного департамента Краснодарского края за 2005, 2015 гг.

** Архив уголовных дел мировых судей г. Краснодара за 2012-2015 гг.

На формирование потребностей лиц, совершающих подобные преступления, оказывают влияние некоторые социально-демографические признаки, которые при определенном негативном сочетании (например, отсутствие семьи, низкооплачиваемая работа либо ее отсутствие, неустроенность в бытовом отношении, отрицательное влияние иных лиц

на правильное восприятие сложившейся ситуации) могут сыграть негативную роль в этом процессе.

Таким образом, наибольшая опасность данного деяния заключается в том, что оно совершается лицами, которые в силу нравственности, морали и закона должны заботиться о своих близких — детях и нетрудоспособных родителях.

Список литературы

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс русского уголовного права. Киев: Петр Барский, 1908. 255 с.
2. Рарог А.И. Российское уголовное право: учебник. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.
3. Таганцев Н.С. Уголовное право. (Общая часть). Ч. 1. По изданию 1902 г. URL: <http://allpravo.ru/> (дата обращения: 7 окт. 2014 г.).
4. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд-во В.П. Анисимова, 1903. 250 с.
5. Познышев С.В. Преступники из-за алиментов. Типы их и меры борьбы с ними. М., 1928. 256 с.